

№ 21 (242), вып. 31

Сентябрь 2016

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель:

НИУ «БелГУ»

Издательский дом «Белгород»

Адрес редакции, издателя, типографии: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-50062 от 29 мая 2012 г.

Выходит 4 раза в год.

Главный редактор

О.Н. Полухин,

ректор НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,

проректор по научной и инновационной работе НИУ «БелГУ», доктор технических наук, профессор

Научный редактор

В.М. Московкин,

профессор кафедры мировой экономики НИУ «БелГУ», доктор географических наук

Ответственный секретарь:

О.В. Шевченко

зам. начальника УНИИ НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

А.П. Короченский,

доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики НИУ «БелГУ»

Заместители главного редактора:

И.А. Нагорный,

профессор кафедры филологии историко-филологического факультета НИУ «БелГУ», доктор филологических наук, профессор

О.Н. Прохорова,

директор Института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ», доктор филологических наук, профессор

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика Психология

Belgorod State University Scientific bulletin

Philology Journalism Pedagogy Psychology

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Д.А. Крутиков

Нравственная проблематика повести С.Г. Бабаяна «Без возврата (Негерой нашего времени)» 5

И.А. Нагорный

Семантическая структура предложений с частицами 9

В.К. Харченко

Кумулятивная функция эпитета в описаниях походки 15

И.И. Чумак-Жунь, Г.В. Стручалина

Прагматический потенциал ольфакторной метафоры 23

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ж. Багана, Е.В. Хапилина

Глобальный английский язык 31

И.В. Бойчук, А.О. Лавриненко

Особенности адаптации французских антропонимов в русском и украинском языках: лингвистический и экстралингвистический аспекты 36

Л.М. Болсуновская

Критический дискурс-анализ метадискурса «устойчивое развитие» 42

М.А. Дрога, Н.В. Юрченко

Особенности лексической сочетаемости прилагательных, обозначающих внешний вид (на материале некоторых языков мира) ... 50

Е.Н. Таранова, Л.Р. Ермакова, А.О. Таранов

Интернациональные термины как объект лингвистического исследования (на примере терминов ландшафтоведения в русском и немецком языках) 54

Ли Бин

Заемствование как способ пополнения лексического состава современного китайского языка 64

Ю.Г. Тимралиева

Деформация субъектного начала в ранней экспрессионистской прозе (на основе анализа рассказов А. Деблина и Г. Гейма) 68

Е.С. Яковлева

Коннотативные особенности зоонимов 75

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Е.А. Аглей

Телевидение и религия: черты сходства 79

З. Видера, П. Сарна

Сетевые PR-технологии в образовательных учреждениях 82

Н.С. Данкова, Т.В. Дубровская

Стратегия прогнозирования как средство репрезентации судебной власти в СМИ (на материале российских и английских газет) 90

И.Ф. Исаев,
заведующий кафедрой педагогики
НИУ «БелГУ», доктор педагогических наук,
профессор

В.В. Гребнева,
заведующая кафедрой психологии
Педагогического института
НИУ «БелГУ», кандидат психологических
наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

М. Геруля,
доктор гуманитарных наук, профессор
Силезского университета, Катовице
(Польша)

К. Жиро,
доктор философии, профессор
Барселонского Автономного университета,
директор Департамента средств массовой
информации, коммуникации и культуры
(Испания)

В.И. Лозовая,
доктор педагогических наук, профессор
Харьковского национального университета,
член-корреспондент Академии
педагогических наук (Украина)

У. Перси,
доктор филологии, профессор
Университета Бергамо (Италия)

А.А. Тертычный,
доктор филологических наук, профессор
факультета журналистики Московского
государственного университета

А.В. Федоров,
доктор педагогических наук, профессор,
проректор по научной работе Таганрогского
государственного педагогического
института

Консультант

Е.А. Кожемякин,
заведующий кафедрой
коммуникативистики, рекламы и связей с
общественностью факультета
журналистики Белгородского
государственного национального
исследовательского университета,
доктор философских наук, профессор

Ответственный секретарь

А.О. Лавриненко

Статьи публикуются в авторской редакции
Выпускающий редактор *Л.П. Котенко*
Художественный редактор *А.Н. Оберемок*
Оригинал-макет *А.О. Лавриненко*
E-mail: *Korochensky@bsu.edu.ru*

Подписано в печать 26.09.2016.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact.
Усл. п. л. 24,6.
Заказ 250.
Цена свободная.
Тираж 1000 экз.
Дата выхода 30.09.2016.

Подписной индекс в Объединенном
каталоге «Пресса России» – 81466.

Оригинал-макет подготовлен и
тиражирован в Издательском доме
«Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Р.В. Зинин

Специализированные издания в сфере культуры: «диалог
журналистики и рекламы» **98**

Т.И. Максимова, Д.В. Световой

Освещение экономической войны между Россией и Украиной в
российской газете «Известия» и украинской газете «Зеркало недели» **103**

А.А. Малышев

Статья «О чае» (1732 г.) как научно-популярный медиатекст
XVIII века: лингвостилистические особенности **110**

Ю.В. Маркина

Медиакритика и кинокритика: аспекты медиаобразования
и коммуникационной культуры **114**

В.Н. Миславский

Творческие работники РСФСР в украинском кинематографе 1920-х
годов **119**

В.М. Насртдинова

Медийное и (квази)религиозное: духовный поиск или #пасхаонлайн? ... **125**

А.Г. Пастухов

К вопросу о повторяемости, воспроизводимости и анализе медийной
репрезентации коммуникативного события **130**

Н.С. Самойленко

Номинация как инструмент сегментирования аудитории **144**

Д.С. Срыбный

Сравнительная характеристика образов российских спортсменов в их
репрезентации региональными и федеральными СМИ **147**

ПСИХОЛОГИЯ

Л.Н. Молчанова, А.И. Редькин, В.Н. Ткачев

Установочная регуляция состояния психического выгорания
пожарных государственной противопожарной службы МЧС России **153**

В.Б. Никишина, Т.Н. Разуваева, О.И. Самосват

Проекция этнопсихологических исследований А.Р. Лурия на
национальную политику СССР **159**

ПЕДАГОГИКА

Ю.В. Бобылев, А.И. Грибков, Р.В. Романов

О применении виртуального демонстрационного и лабораторного
эксперимента по физике в высшей школе **163**

М.А. Бондарь

Творческая активность школьников в детской общественной
организации **168**

Н.М. Ильенко

Проблемы формирования коммуникативной компетентности
школьника педагогом начального общего образования **173**

Н.С. Колябина

Роль академического письма в формировании
общепрофессиональных компетенций магистра **180**

Ю.Ю. Чикина

Теоретические аспекты выбора активных форм и интерактивных
методов в процессе профессиональной подготовки будущих учителей
географии **185**

Н.Л. Шеховская, А.Г. Косенкова

Воспитание гражданственности и гражданина: историко-
педагогический анализ зарубежных идей **190**

Сведения об авторах **196**

**№ 21 (242), Issue 31
September 2016**

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»

Publisher:

Belgorod State National Research University
Belgorod Publishing House

Address of editorial office, publisher,
letterpress plant: 85 Pobeda St., Belgorod,
308015, Russia

The journal has been registered at the
Federal service for supervision of
communications information technology and
mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate
ПИ № ФС 77-50062 May 29, 2012
Publication frequency: 4 /year

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

Rector of Belgorod National Research
University, Doctor of Political Sciences,
Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

Vice-Rector on Scientific and Innovative
Work of Belgorod National Research
University, Doctor of Technical Sciences,
Professor

Assistant Editor

V.M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department
of Belgorod National Research University,
Doctor of Geographical Sciences

Assistant Editors

O. V. Shevchenko,

Deputy Head of Scientific and Innovative
Activity Department of Belgorod State
National Research University, Candidate of
Historical Sciences

**EDITORIAL BOARD OF JOURNAL
SERIES**

Chief editor:

A.P. Korochenskiy,

Doctor of Philological Sciences, Professor
(Belgorod National Research University)

Deputies of chief editor:

I.A. Nagorniy,

Faculty of History and Philology, Department
of Russian Language and Teaching, Doctor of
Philological Sciences, Professor (Belgorod
National Research University)

O.N. Prohorova,

Director of Institute of Intercultural
Communication and International Relations,
Doctor of Philological Sciences, Professor
(Belgorod National Research University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Humanities

Philology Journalism Pedagogy Psychology

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика Психология

CONTENTS

RUSSIAN PHILOLOGY

D.A. Krutikov

Moral problems in S.G. Babayan's novel "No return (The non hero of our time)" 5

I.A. Nagorny

The semantic structure of sentences with particles 9

V.K. Kharchenko

Cumulative function of epithet in descriptions of gait 15

I.I. Chumak-Zhun, G.V. Struchalina

Pragmatic potential of the olfactory metaphor 23

ROMANIC-GERMAN PHILOLOGY

J. Baghana, E.V. Khapilina

Global English language 31

I.V. Boichuk, A.O. Lavrinenko

Features of adaptation of French anthroponyms in the Russian and Ukrainian languages: linguistic and extra-linguistic aspects 36

L.M. Bolsunovskaya

Critical discourse analysis of media discourse: "sustainable development" 42

M.A. Droga, N.V. Yurchenko

Features of lexical compatibility of the adjectives denoting appearance (on material of some languages of the world) 50

E.N. Taranova, L.R. Ermakova, A.O. Taranov

International terms as an object of linguistic research (on the example of landscape terms in Russian and German languages) 54

Li Bing

Borrowings as the way to enrich the lexical structure of the modern Chinese language 64

Y.V. Timralieva

The person deformation in the early expressionistic prose (based on the analysis of the stories of A. Döblin and G. Heym) 68

E.S. Iakovleva

Connotative features of zoonyms 75

JOURNALISM AND PR

E.A. Agley

Television and religion: general features 79

Z. Widera, P. Sarna

Internet public relations at educational institutions 82

N.S. Dankova, T.V. Dubrovskaya

The strategy of forecasting as a means of constructing judicial power in the mass media (based on Russian and English newspapers) 90

R.V. Zinin

Special issues in the field of culture: "dialogue of journalism and advertising" 98

I.F. Isaev,
Faculty of Psychology, Head of Department
of Pedagogics Doctor of Pedagogical
Sciences, Professor (Belgorod National
Research University)

V.V. Grebneva,
Head of Department of Psychology, Faculty
of Pedagogy, Professor (Belgorod National
Research University)

Members of Editorial Board:

M. Gierula,
Doctor of Humanities, professor of Silesian
University, Katowice (Poland)

X. Giro,
PhD, professor of Autonomous University of
Barcelona, director of Department of Mass
Media, Communication and Culture (Spain)

V.I. Lozovaya
Doctor of Pedagogy, professor of Kharkov
National University, member of Academy of
Pedagogical Science (Ukraine)

H. Persi,
Doctor of Philology, professor of University
of Bergamo (Italy)

A.A. Tertychniy,
Doctor of Philosophical Sciences, professor of
Faculty of Journalism of Moscow State
University

A.V. Fedorov,
Doctor of Pedagogy, professor, vice-rector
of Taganrog State Pedagogical Institute

Consultant:

E.A. Kozhemyakin,
Faculty of Journalism, Head of Department
of Communication Studies, Advertising and
Public Relations, Doctor of Philosophical
Sciences, professor (Belgorod National
Research University)

Responsible secretary:

A.O. Lavrinenko

The articles are given in authors' editing
Commissioning Editor *L.P. Kotenko*
Art Editor *A.N. Oberemok*
Dummy layout by *A.O. Lavrinenko*,
E-mail: *Korochensky@bsu.edu.ru*

Passed for printing 26.09.2016.
Format 60×84/8.
Typeface Georgia, Impact.
Printer's sheets 24,6.
Order 250.
Price free.
Circulation 1000 copies.
Date of publishing 30.09.2016.

Subscription reference in The Russian
Press common catalogue – 81466.

Dummy layout is replicated at Publishing
House "Belgorod", Belgorod State National
Research University
Address: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015,
Russia

T.I. Maksimova, D.V. Svetovoy

Coverage of the economic war between Russia and Ukraine in the
Russian newspaper «Izvestia» and the Ukrainian newspaper «Zerkalo
nedeli» **103**

A.A. Malyshev

Article "About tea" (1732) as a scientific popular media text of the
XVIIIth century: linguostylistic features **110**

Y.V. Markina

Media criticism and cinema criticism: the brinks of media education
and modern communication culture **114**

V.N. Mislavskij

Creative workers of the RSFSR in the Ukrainian cinema of the 1920s ... **119**

V.M. Nasrtdinova

Media and (quasi)religiosity: moral search or #easteronline **125**

A.G. Pastukhov

On the repeatability, reproducibility and evaluation of communicative
situations in media **130**

N.S. Samoilenko

Nomination as a market segmentation tool **144**

D.S. Srybny

Comparative characteristics of images of Russian sportsmen in their
representation by regional and federal media **147**

PSYCHOLOGY

L.N. Molchanova, A.I. Redkin, V.N. Tkachev

Regulation of the mental burnout condition of firefighters of the state
fire service of Russia emercom through attitudes **153**

V.B. Nikishina, T.N. Razuvaeva, O.I. Samosvat

The projection of A.R. Luria's ethno-psychological research on the
national policy of the USSR **159**

PEDAGOGY

Y.V. Bobylev, A.I. Gribkov, R.V. Romanov

On the application of virtual demonstration and laboratory experiment
in physics in high school **163**

M.A. Bondar

Creative activity of school students in the children's public organization ... **168**

N.M. Ilyenko

Problems of formation of communicative competence of younger
schoolboys with the teacher of primary education **173**

N.S. Kolyabina

The role of academic writing in developing general professional
competences of masters of science **180**

Y.Y. Chikina

Theoretical aspects of the choice of active forms and interactive methods
in the context of geography teachers' professional training **185**

N.L. Shekhovskaya, A.G. Kosenkova

Citizenship education and citizen: historical and pedagogical analysis of
foreign ideas **190**

Information about Authors **196**

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 080

ПРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПОВЕСТИ С.Г. БАБАЯНА «БЕЗ ВОЗВРАТА (НЕГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ)»

MORAL PROBLEMS IN S.G. BABAYAN'S NOVEL "NO RETURN (THE NON HERO OF OUR TIME)"

Д.А. Крутиков

D.A. Krutikov

*Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына,
Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Фрунзе, 517*

*Kyrgyz National University named after J. Balasagyn,
517, Frunze Str., Bishkek, Kyrgyzstan*

Аннотация. В статье рассматривается нравственная проблематика повести С.Г. Бабаяна «Без возврата (Негерой нашего времени)» в свете социальных, семейно-бытовых, психологических проблем. Писатель утверждает мысль о том, что природная гуманность человека, его дружественная связь с миром природы облагораживают и гармонизируют жизнь. Повесть была успешно апробирована в студенческой аудитории и рекомендуется для изучения в системе среднего и высшего образования.

Abstract. The article discusses the moral problems of the S. G. Babayan's novel "No return (The non hero of our time)" in the light of social, domestic, psychological problems. The writer argues the idea that the natural humanity of man, his friendly relationship with the natural world ennoble and harmonize life. The story has been successfully tested in student's audience and it is recommended for studying in system of secondary and higher education.

Ключевые слова: нравственный выбор, гуманистический пафос, доброта, жалость, внешняя и внутренняя гармонизация.

Keywords: moral choice, humanistic pathos, kindness, pity, external and internal harmonization.

Современная русская литература, продолжающая лучшие гуманистические традиции классиков прошлых столетий, представляет, на взгляд автора, интерес и актуальность в свете нравственных исканий. Постановка и решение нравственных проблем осуществляется рядом современных писателей через гуманизацию сознания героя (героев), то есть изменение характеров в сторону усиления и развития гуманности в чувствах, мыслях, поступках. Этим произведениям, присущ, по мнению автора, могучий гуманно воспитывающий потенциал. Сюда можно отнести, например, романы «Когда падают горы» Ч.Т. Айтматова, «Малая Глуша» М.С. Галиной, «Асан» В.С. Маканина, рассказы «Нежданно-нагаданно» В.Г. Распутина, «Непогибшая жизнь» Л.С. Петрушевской «Три бутылки "Столичной"» С.Е. Михеенкова, «Говори, мама, говори» Б.П. Екимова, «Я ехала домой» Н.В. Горлановой, пьесу «Обряд инициации» М.С. Арбатова. Из повестей обращает на себя, прежде всего, повесть С.Г. Бабаяна «Без возврата (Негерой нашего времени)».

Аксиологический и герменевтический подходы, на которые автор опирается в данной статье, помогают обратить внимание на наличие гуманного сознания, добрых чувств автора и героя (героев), на различные проявления человечности. Важно выяснить, присутствует ли в произведении идея гуманного развития персонажей и как она выражается. Данные подходы связаны с понимаем главной сути литературы: раскрытием в душе человека самых драгоценных чувств – любви к человеку, добросердечия, сочувствия, сострадания и др. Безусловно, на взгляд автора, связь указанных подходов с педагогическим, воспитательным, аспектом литературных произведений и отсюда – их значимости для изучения в системе среднего и высшего образования.

Нравственную проблематику повести С.Г. Бабаяна «Без возврата (Негерой нашего времени)» автор также рассматривает на предмет выявления идеи гуманного развития персонажей. Важно проследить, как эта идея находит свое воплощение в художественной организации произведения.

Повесть С.Г. Бабаяна «Без возврата» в 2002 г. была удостоена премии имени Ивана Петровича Белкина, которая присуждается за лучшую русскую повесть года. Произведение примечательно тем, что его художественную структуру обогащает и оплодотворяет публицистическое начало. Эта

тенденция заявила о себе еще в середине 80-х гг., когда художественность обогатилась прямыми авторскими высказываниями по поводу наболевших проблем действительности. Достаточно вспомнить повесть В.Г. Распутина «Пожар» (1985), роман Ч.Т. Айтматова «Плаха» (1986), роман В.П. Астафьева «Печальный детектив» (1986).

Подзаголовком своей повести С.Г. Бабаян полемизирует с романом М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и романом В.С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998). Печорин и Петрович в чем-то схожи между собой. Исследователи по поводу Петровича, главного героя маканинского романа, пишут: «Как и герой М. Лермонтова, он является личностью исключительной благодаря способности к анализу, умению частное расширить до общего. Вместе с тем его стремление защитить индивидуальность может разрастаться до невероятных размеров и толкать героя на самые крайние поступки вплоть до убийства» [1, с. 253]. Герои М.Ю. Лермонтова и В.С. Маканина не имеют устойчивых нравственных идеалов, хотя в душе каждый из них ждет человечности, доброты, не возвышая, однако, себя до этих идеалов и ограничиваясь пределами разумного эгоизма.

Герой С.Г. Бабаяна, Андрей Иванович Стрельцов, человек предпенсионного возраста, математик, сотрудник небольшого академического института, с опасением ожидающий увольнения. Это человек душевный, робкий, неуверенный в себе, с заниженной самооценкой. Если Печорин или Петрович имели твердую волю, умели приспосабливаться к обстоятельствам, находили в жизни свою нишу, то Андрей Иванович уверен, что в эпоху, когда прочно утвердилось рыночное общество, «есть никому не нужная, бесполезная тварь, и исчезни завтра он и ему подобные – общество этого даже не заметит. Он никому не нужен» [2, с. 18].

Откуда взялось это ощущение ненужности? Причина – целый комплекс проблем. Мы застаем героя на момент неудачной семейной жизни, в состоянии внутреннего разлада и конфликта с социальной средой.

Для человека типа Андрея Ивановича все современные веяния непривычны и враждебны: «Его раздражала и завешанная пошлейшей рекламой, сверкающая дурноцветьем огней... потерявшая лицо, изуродованная Москва; и муравейные полчища до зубов вооруженной милиции... и снисходительные, самоуверенные, самодовольные экранные лица – политики, рассуждающих о нравственности, музыкантов – о политике, беллетристов – о науке, актеров и певичек – об экономике... и то, что российские фирмы имеют нерусские имена с прибавлением идиотского "интернейшнл", и то, что в газетах не переводят иностранных названий, а как попки твердят: "Бэнк оф Нью-Йорк" вместо "Банк Нью-Йорка", "Коррьера делла сера" вместо "Вечерние новости", "Ю-Эс-Эй тудей" вместо "США сегодня"... о рабское, подлое племя!..» [2, с. 21]

Злободневны размышления Андрея Ивановича о современных войнах. Так, «русско-чеченские войны совершенно раздавили Андрея Ивановича... в его глазах убивать людей за то, что они хотят жить отдельно, было чудовищно...» [2, с. 22]

Размышления об убийствах вырастают в повести до роковых обобщений. Стрельцов всем сердцем сокрушается, узнав, «что в России каждые семнадцать с половиной минут убивают человека! Каждые четверть часа повторяется боль, ужас, смертная тоска убиваемого – и зверское, торжествующее иступление убийцы!..» [2, с. 25]

Попутно стоит коснуться отношения Стрельцова к вопросам веры. Всплеск религиозности на рубеже XX–XXI столетий нравственно не улучшил общество, в котором живет Стрельцов. Воспитанный в условиях атеистической идеологии, материалистического мировоззрения, светского образования, Андрей Иванович, человек добрый от природы, идейно стоит на позиции относительности нравственности, добра и зла, что подпитывает его негативизм и скепсис. С одной стороны, он признает: «...Нравственной Истины в мире без Бога нет (а в мире нет Бога)» [2, с. 56]. С другой стороны, он подспудно, стихийно тянется к вере, размышляя: «Если бы был Бог – насколько все было бы легче» [2, с. 75]. Но к сознательному религиозно-нравственному развитию герой, видимо, пока не готов. Думается, С.Г. Бабаян не ставил такой задачи. Ему было важно показать другое: как обычный бывший советский человек, интеллигент, ставший социальным маргиналом, соприкасается с миром живой природы. Как от этого соприкосновения в человеке всколыхнулась тоска по любви и доброте, для чего понадобился всего лишь крошечный вороненок.

Возвращаясь с работы, он подбирает с земли выпавшего из гнезда беспомощного птенца: «...Это был вороненок, хотя и странной окраски: на крыльях у него было несколько белых перьев. Ни стоять, ни тем более ходить он почему-то не мог – он пытался ползти, загребая культиками крыльев траву, как воду, но оттого, что одно из крыльев было у него сильнее и опереннее другого, он даже не полз, а лишь толчками крутился на месте. Наверное, он выпал или был до времени выброшен из гнезда: в последние дни во дворах Андрей Иванович видел много птенцов – таких же бесхвостых, большоголовых, с короткими крыльями, но они быстро и ловко, как кенгуру, прыгали на длинных голенастых ногах – именно прыгали, а не ходили: переступать с ноги на ногу им было, наверное, еще непривычно...» [2, с. 31]

Трогательное описание птенца, наверное, является одной из лучших страниц повести: «Андрей Иванович склонился над вороненком; тот уже успокоился, втянул голову в плечи и сидел тихо как мышь – и даже задернул голубоватой пленкой глаза, – но, когда Андрей Иванович сел перед ним на корточки, вдруг встрепенулся, вытянул шею, чуть не на прямую угол распахнул черный блестящий клюв – открылся нежно-алый ромбический зев – и закричал на всю улицу:

– Кр-ра-а! кр-ра-а! кр-ра-а! кр-ра-а!!!

Андрей Иванович – испуганный, растерянный, если не сказать потрясенный – вскочил. Птенец просил у него есть!» [2, с. 31]

Жена отказывается жить в одной квартире с птенцом. За два дня рушится семейная жизнь Стрельцова. И, как это ни странно, жизнь человека совершенно преобразается. Вместо мучительных рефлексий приходит душевное успокоение. Теперь Андрей Иванович не одинок, он понял, что кому-то по-настоящему нужен. Жалость к незащищенному существу абсолютно вытесняет все горькое, недоброе скопившееся в душе героя.

Несмотря на то, что Андрей Иванович продолжает ощущать все большую свою отчужденность от жизни, у него зарождается новое чувство: с ним рядом добрый друг, «приглушенно побрякивающий в коробке птенец...» [2, с. 92]. Это его судьба, и он никому не отдаст беспомощного, жалкого, одинокого друга. Теперь они вместе.

В этом месте повести публицистичность ослаблена, начинается повествование о душевном возрождении героя. Андрей Иванович знает, каков он и для чего он живет. Обращаясь к воображаемой враждебной массе, он заявляет: «Вы требуете, чтобы я вынес птенца. Он грязный, больной, он птенец вороны, а не какаду. Вороны, калеки, больные, старики недостойны жить в вашем мире. Так говорил Заратустра. Птенец не умеет ходить, его сразу растерзают собаки, которых вы любите больше чужих детей. Они будут его терзать, а он будет кричать. Вы требуете, чтобы я поступил, как сволочь... А я не сволочь. Я урод, но я не сволочь. Я родился таким, но я всю свою жизнь изо всех сил хотел стать хорошим» [2, с. 92]. Стрельцову-гуманисту омерзительно жить «по Евангелию Частной Собственности от Зверя» [2, с. 92], и потому он заключает: «Что вам птенец? Вы истребляете целые народы, и свои, и чужие. А я не с вами... и не в стороне, я вас не боюсь, – я против вас. Птенца я вам не отдам. Птенец останется у меня. Не бойся, малыш...» [2, с. 92]

И даже эта инвектива как бы последний всплеск негативных эмоций, укоренившихся в душе героя. С каждым днем он становится все спокойнее, счастливее, так же, как и спасенный им вороненок.

Покинувшие Стрельцова жена и дочь тоже освобождаются от многолетнего напряжения и сохраняют с ним добрые отношения. Возможно, в глубине души они чувствуют его человеческую правоту. Андрей Иванович встречается с дочерью, гуляет с ней, работает охранником в детской поликлинике. «Жизнь Андрей Иванович ведет затворническую, тихую, неторопливую; по телефону ни с кем, кроме родителей, не разговаривает, новостей не смотрит, газет не читает, ничего не знает... да и не хочет знать. Иногда Андрей Иванович думает о смерти, но совершенно спокойно: он не боится ее. Единственное, его беспокоит судьба Каркуши: в "Жизни животных" он прочитал, что вороны живут до сорока лет» [2, с. 104].

Итак, повесть С.Г. Бабаяна буквально насыщена социально-нравственными проблемами. Публицистическая линия в повести является как бы катализатором сильного нравственного движения героя, вызывая к жизни дремлющую в нем до поры нравственную энергию. Суть публицистического компонента в повести состоит в том, что душа измотанная, измученная социальными реалиями рубежа веков ищет очищения и находит это очищение в заботе об искалеченном вороненке.

Почти половина произведения – рассказ о переживаниях героя, о его недовольстве и даже негодовании, вызванных негативными явлениями и процессами в окружающей жизни. Внезапно все меняется: жалость к незащищенному существу абсолютно вытесняет все горькое, недоброе скопившееся в душе Стрельцова. На самом деле, жизнь героя коренным образом изменилась бы и без вороненка, но птенец помог ему безболезненно пережить все тяготы, стал смыслом его жизни и помог проявиться лучшим свойствам души героя. Воздействие мощного гуманного порыва главного героя так или иначе почувствовали все персонажи повести.

Андрей Иванович внутренне полностью созрел, чтобы отвергнуть прежнюю жизнь, поскольку испытывал невероятную тоску по доброте и гуманности, живя в недоброй и негуманной атмосфере, которую, кстати, и сам отчасти создавал.

Оказалось, что душа человека, жива только любовью. После всех драматических событий в семье к Андрею Ивановичу приходит чувство нравственного удовлетворения и покоя. Ушли фальшь и недоброта. Осталась чистота доброго душевного порыва. И это сделало и героя, и его близких счастливее, спокойнее, добрее. Как будто по мановению волшебной палочки, утихла буря мыслей и чувств. Это душа человека приняла свойственный ей облик любви к ближнему.

Повесть С.Г. Бабаяна важна, по мнению автора, не только в литературоведческом аспекте, но и в педагогическом. Автор успешно апробировал произведение в студенческой аудитории на различных этапах обучения студентов.

Так, в 2012 г. повесть стала объектом изучения на практическом занятии у студентов 5-летнего обучения (специалитет) в курсе дисциплины «Введение в современную литературу». Формулировка темы имела следующий вид: «Нравственный смысл повести С.Г. Бабаяна "Без возврата (Негерой нашего времени)"». Анализ повести на практическом занятии оказался интересным и поучительным.

В том же году повесть была включена автором статьи в рабочую программу дисциплины «Современные проблемы филологической (литературоведческой) науки» для магистрантов 1 курса. Практическое занятие, посвященное повести С.Г. Бабаяна называлось «Концепция личности в повести С.Г. Бабаяна "Без возврата (Негерой нашего времени)"». Произведение получило положительную оценку у магистрантов.

В 2015 г. повесть С.Г. Бабаяна была апробирована среди студентов 5 курса (специалитет) в рамках изучения дисциплины «Актуальные проблемы современной литературы». Произведение послужило новационным материалом для самостоятельной работы студентов. Было дано задание прочитать повесть Сергея Бабаяна и ответить на вопросы:

1. Почему Андрей Стрельцов является «негероем нашего времени»?
2. Какую роль в повести играет образ вороненка?
3. Каковы причины распада семьи главного героя?
4. Что можно сказать о чувствах жены и дочери героя после разрыва отношений?
5. Почему Андрей Стрельцов испытывает в финале повести умиротворение, спокойствие?
6. В чем вы видите гуманный смысл повести, ее гуманно-воспитывающее значение?
7. Считаете ли вы актуальным изучение этой повести в школе и почему?

Отклики студентов, прочитавших повесть, по мнению автора, заслуживают особого внимания. Из следующих цитат можно составить определенное представление о позитивной рецепции произведения студентами. Стилистика отзывов минимально отредактирована автором статьи (фактор иноязычной аудитории).

Так, Жылдыз Б. пишет: «Эта повесть заставляет призадуматься над многими вещами, в первую очередь, о назначении человека на земле <...> Автор хочет показать нашу современную жизнь, призывает людей к добру, к человечности. Показывает, что добро побеждает зло, что надо всегда помогать беспомощным, беззащитным. Да, я считаю актуальным изучение этой повести в школе, потому что здесь показана ситуация, знакомая каждому, <повесть> призывает делать добро, <учит> хорошим манерам, правильным поступкам, любви к ближнему. Эта повесть воспитывает человека, читателя, направляет в хорошую, лучшую сторону».

Толгонай У. дала следующую оценку произведению: «После прочтения повести я была настолько тронута, так как автор подталкивает читателя задуматься над вопросами, которые актуальны в современном обществе. Если эта повесть будет изучаться в школе, то ученики найдут ответы на свои вопросы, <в частности, на вопрос>: почему человек оказывается вне общества».

Студентка Мээрим Б. учителствует в школе, поэтому ее отклик обращает на себя особое внимание: «Да, я считаю, что ученики должны изучать эту повесть в школе. Потому что это произведение учит нас задумываться над разными вопросами, которые актуальны в современном обществе. <Оно> научит ребят состраданию, разбудит в них любовь к животному миру».

Приведенные отзывы студентов убеждают в том, что повесть С.Г. Бабаяна может успешно изучаться в системе среднего и высшего образования.

Таким образом, аксиологический и герменевтический анализ нравственной проблематики повести С.Г. Бабаяна (в связи с социальными, семейно-бытовыми, психологическими проблемами произведения) выявил пути гуманизации сознания героев произведения. Этому, как выяснилось, немало способствует созданный С.Г. Бабаяном на высоком художественном уровне образ живого существа – вороненка. Мотив «без возврата» отражает нравственное возрождение героя, порывающего с прошлым, в котором он не мог примириться ни с собой, ни с окружающими. Андрей Стрельцов, однако, не разрушил безвозвратно связей с близкими людьми – женой, дочерью, которые также сохраняют с ним добрые отношения. Герой, ведя тихую, затворническую жизнь, тем не менее, не отгородился от мира, не опустился, но оказался на пороге новой, доброй и спокойной жизни, поступив по совести и по доброму движению души.

С точки зрения тесной связи литературоведческого и педагогического аспектов повесть С.Г. Бабаяна видится актуальной и ее изучение в системе образования – крайне плодотворным, что подтверждается личным опытом автора статьи, успешно апробировавшего произведение в студенческой аудитории.

Думается, повесть С.Г. Бабаяна «Без возврата (Негерой нашего времени)» можно расценивать как значительное явление современного литературного процесса. Автор статьи считает повесть одним из немногих современных произведений, в котором выражена возможность развития души в гуманном направлении, и которое помогает возродить веру в воспитательные возможности литературы.

Литература

Русская проза конца XX в.: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.В. Агеносов, Т.М. Колядич, Л.А. Трубина и др. – М., 2005.

Бабаян С.Г. Без возврата (Негерой нашего времени) // Континент. 2001. № 2. С. 14-105.

Странная неожиданность: Лауреатом премии Ивана Петровича Белкина стал Сергей Бабаян. URL: <http://www.ruthenia.ru/nemzer/belbab.html> (дата обращения: 19.05.2016).

Пирогов Л. Суша теория, а повесть зеленеет: Две литературные премии взялись поддержать «Средний жанр» // Независимая газета. – 2002. – 16 марта. URL: http://www.ng.ru/culture/2002-03-16/8_premiums.html (дата обращения: 19.05.2016).

УДК 811.161.1

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ЧАСТИЦАМИ¹**THE SEMANTIC STRUCTURE OF SENTENCES WITH PARTICLES****И.А. Нагорный****I.A. Nagorny**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University,
85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: nagorny@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье анализируется проблема описания семантической структуры предложений с частицами. Последние, являясь яркими модусными элементами, рассматриваются как корректоры диктума предложения на околопропозитивном уровне, как элементы сближения модуса и диктума.

Abstract. The article analyzes the problem of describing the semantic structure of sentences with particles. The latter, being a bright modulname elements are treated as correctors of dictum deals on propositional level as the elements of convergence of modus and dictum.

Ключевые слова: частицы, диктум, модус, семантическая структура, модальность, оценочность, эмотивность, говорящий, адресат, предложение, высказывание.

Keywords: particles, dictum, modus, semantic structure, modality, evaluation, emotively, the speaker, the addressee, the offer is saying

Введение

Анализ предложения с частицами должен отталкиваться от того, что понимается под термином «семантическая структура». Уточним, что за основу нами взята совокупность абстрактно-грамматических и лексических (индивидуальных) значений предложения. Функциональный подход к описанию предложений с частицами *едва ли, вряд ли, будто, словно, точно, небось, авось, якобы, как, какой, что за* и пр. заставил отказаться от узкого понимания указанного термина, предлагаемого в ряде работ [1; 2]. При таком понимании из семантической структуры исключаются общеграмматические значения предложения – предикативность, реализуемая в категориях модальности, темпоральности и персональности, оценочность, эмотивность, а также конкретное информативное содержание высказывания. Широкий подход заставляет взглянуть на семантическую структуру предложения с иной точки зрения, где актуальными оказываются как раз те параметры, которыми зачастую пренебрегают, подходя к описанию предложения исключительно со стороны способов вербализации объективной части смысла, формально представленной в пропозитивной модели репрезентируемого предложением события [3]. Исследование высказываний с МПЧ убеждает, что частицы, не являясь ядерными элементами семантической структуры, активно участвуют в ее уточнении, обслуживании, а иногда и формировании, в результате чего достаточно сильно трансформируют смысловое поле предложения субъективными характеристиками, выступая в роли не факультативных, а обязательных (в смысловом аспекте) элементов.

Основная часть

Широкое толкование термина «семантическая структура» дает возможность вести речь не только о семантической структуре предложения как пропозитивно-предикатно-актантном комплексе, а о семантической структуре высказывания, в которую наряду с вышеуказанными

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00196

компонентами включаются и компоненты пресуппозитивного и околопропозитивного слоев диктума [4], и модусные компоненты, принимающие непосредственное участие в создании широкого информативного фона высказывания, соотносенные между собой не только в моделиобразующем, но и в коммуникативно-прагматическом аспекте. Данные компоненты являются выразителями авторских смыслов, которые непосредственно соотносятся с модельными смыслами, реализуемыми предложенческой пропозицией. Такие смыслы существенно конкретизируют собственно пропозитивные смыслы, соотносят их с личностью говорящего, репрезентируют его позицию, работают на развитие коммуникативной перспективы высказывания [5, с. 278-302]. Они важны для речевого высказывания, так как выражают его субъективность, авторство, что для коммуникативного образования является определяющим.

Итак, что мы включаем в понятие «семантическая структура». В качестве базовых содержательных компонентов традиционно рассматриваются диктум и модус. Диктум как объективная часть предложенческого смысла противопоставлен модусу как субъективной слою общего смысла. Диктум охватывает объективное содержание предложения, в то время как модус сфокусирован на выражении собственно субъективных (субъективно-авторских) смыслов. Данная оппозиция характерна для предложения, о чем неоднократно и подробно говорилось [6; 7; 8; 9; 10].

Основу диктума, по мнению Ш. Балли, составляет представление, которое характеризуется как цель, объект мыслительного акта. Модус же – это квинтэссенция, смысловой центр этого представления [11, с. 44-46], суть которого видится в субъективном моменте отношения к высказываемому. Наиболее наглядно данные отношения представлены в предложениях эксплицитного типа, в имплицитных структурах они проявляются менее четко [Там же, с. 49].

Дифференциация диктумного и модусного слоев у Ш. Балли базируется на логической интерпретации смысла предложения. Он отмечает по этому поводу: «Эксплицитное предложение состоит, таким образом, из двух частей: одна из них будет коррелятивна процессу, образующему представление; ... по примеру логиков мы будем называть ее диктумом. Вторая содержит главную часть предложения, без которой вообще не может быть предложения, а именно выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом» (Там же, с. 43-44).

Диктум и модус являются иерархическими образованиями, имеют сложную структуру и включают ряд обязательных и факультативных компонентов. Представляется важным обратить внимание на ряд моментов, к которым относятся: дифференциация семантических ролей компонентов (в частности – пропозитивного и непропозитивного уровней); определение принципов коррекции семантических полей пропозитивно значимых элементов элементами непропозитивного уровня; установление степени влияния модусного слоя на диктум; рассмотрение факта участия частиц в рефлексии обозначаемой ситуации соотносительно с конкретным уровнем семантической структуры; уточнение способов усложнения семантической структуры предложения частицами; определение семантического ранга частицы как элемента обслуживающего уровня. Выделяя данные моменты для описания, мы основываемся на том, что семантическая структура предложений с частицами многослойна.

В отличие от модально-неосложненных предложения с частицами имеют формальный показатель квалификативного типа – индексальный знак, который включается в состав модусных элементов. Поэтому наряду с диктумным слоем в предложениях с частицами всегда оказывается формально эксплицитованным модусный слой, что указывает на необходимость описания не только диктумного и модусного слоев в отдельности, но и в их взаимовлиянии друг на друга. Важным в этом аспекте представляется установление принципов взаимной обусловленности диктума и модуса в предложениях с частицами, степени участия частиц в снятии противопоставления между диктумом и модусом, то есть в сближении диктума и модуса [5, с. 278-302], а также возможности влияния данного процесса на трансформацию семантической структуры всего предложения.

Для того, чтобы конкретизировать эти моменты, нужно прежде всего определить, какое место отводится вербализуемым частицами в высказывании связям и отношениям на уровне моделирования ситуации действительности. Важно выяснить, осознаются ли эти связи и отношения как пропозитивно значимые, либо исключительно как факультативные, применяемые говорящим для квалификации события только «здесь» и «сейчас» для достижения локальной цели речевого воздействия. Последнее, несомненно, имеет место, однако мыслится ли говорящим прагматическое воздействие на адресата единственно необходимой задачей, решаемой в процессе речевого общения, или же частицы несут дополнительную смысловую нагрузку, – это тоже следует уточнить.

Обозначенные аспекты соотносятся с коммуникативно-прагматической функцией частиц, которая определяется как решающий фактор для построения квалификативного высказывания [12, с. 4]. Данная функция – тот отправной пункт, которым руководствуется говорящий, вводя в высказывание именно этот, а не иной субъективный квалификатор, используя его как средство для достижения поставленной коммуникативной цели. Причем для того, чтобы цель была достигнута, необходимо не только обозначить объект авторской квалификации, которым, на наш взгляд,

должна быть признана денотативная ситуация, но и наметить связи и отношения, развиваемые между ней, говорящим и объективной действительностью. Степень важности этих связей и отношений для полного отражения речевой ситуации в семантической модели является одним из основных условий включения или невключения частицы как элемента, эксплицирующего эти связи и отношения на формальном уровне предложения в семантическую модель.

Диктум и модус, будучи противопоставленными, тем не менее не являются чуждыми друг другу в едином семантическом пространстве предложения-высказывания. Их взаимообусловленность закономерна [5, с. 279-280; 13, с. 274, 303, 401]. Проблема состоит в том, что диктум и модус являются все же самостоятельными величинами, соотнесенными в качестве объективного и субъективного аспектов смысла, т.е. оппозиционными сущностями. Противопоставленность их обусловлена противоположностью внешнего мира и человека, среды и субъекта, «я» и «не-я» [7]. Однако на этом же базируется и их внутреннее единство, так как предложение, в котором диктум и модус находят свое выражение, всегда является авторским построением, «пропущенным» через личность говорящего. При этом его субъективная информативность базируется на объективной информативности. Отмеченные нюансы должны быть учтены при анализе предложений с частицами. Описываемые конструкции интересны в том плане, что в них зафиксирован в действии процесс, который мы условно обозначили как снятие четкой противопоставленности диктума и модуса. Детализируем его суть.

В предложениях с частицами, как и в других языковых образованиях с субъективно-модальным квалификатором, объективная и субъективная части общего предложенческого смысла максимально приближены друг к другу, нередко сливаются, представляя собой синтез двух автономных единств. Диктум при помощи субъективного квалификатора – частицы – как бы сливается с модусом, обслуживает модус, в результате чего субъективные смыслы внедряются в объективную часть общего смысла предложения – диктум, трансформируя и усложняя его структуру. В данном процессе задействовано множество факторов как собственно грамматического, так и прагматического плана. Они нередко пересекаются, поэтому сложно провести их строгую дифференциацию. В этом случае единственным возможным остается определение одного фактора через другой, выявление закономерностей косвенным способом. Однако там, где это возможно, дифференциация объективного и субъективного в смысле предложения, конечно же, должна иметь место. Это объяснимо, так как в большинстве случаев различие объективной репрезентации события и ее субъективной квалификации остается актуальным.

В предложениях с частицами четко прослеживается линия на снятие противопоставленности между модусным и диктумным смысловыми слоями. Частицы как элементы модуса актуализируют диктумно-пропозитивные компоненты посредством трансформации их полей, в первую очередь – поля предиката. Модусные смыслы, вводимые субъективными квалификаторами, в ряде случаев даже подчиняют себе пропозитивные смыслы, которые используются в этом случае не столько для репрезентации события как такового, сколько в качестве смысловой базы, на основе которой реализуется модальная квалификация события и происходит его прагматическая ориентация или переориентация. Следует ли такое влияние считать диктумным, служит ли диктум в предложениях с частицами только объектом приложения авторской точки зрения, базовой смысловой основой, на которой разворачивается действие модусного элемента, а сам модусный смысл при этом осознается как автономный и независимый, – данные вопросы необходимо решить применительно к предложениям с частицами.

Диктум предложения имеет сложную организацию, которая в настоящее время достаточно подробно описана в лингвистической литературе. Не останавливаясь подробно на освещении истории этого вопроса, отметим, что рассмотрение объективной части смысла предложения удобнее вести, оперируя такими понятиями, как «пропозиция», «ситуация», «пресуппозиция». Использование их как базовых позволяет рассмотреть диктумное поле предложений с частицами в иерархическом аспекте, как включающее несколько смысловых уровней, соотнесенных, с одной стороны, со способом выражения определенных смыслов как составляющих смысловых слоев, а с другой стороны, – со средствами выражения этих смыслов.

Выделяются следующие уровни диктума:

1. Центральным диктумным уровнем является собственно пропозитивный. Данный уровень считается модельным, так как обслуживает смысловую модель обозначаемой в предложении денотативной ситуации и представлен пропозицией определенного типа – событийной или логической [4]. Данный уровень в предложениях с частицами обязателен.

2. Существование пропозиции логически предполагает анализ ее внутренней структуры в элементарном аспекте, поэтому наряду с пропозитивным уровнем в предложении всегда выделяется внутрипропозитивный уровень, сфокусированный на дескрипции семантической структуры пропозиции, выделении и типологической характеристике составляющих ее элементов – предиката, актантов, сирконстантов [14]. Здесь важным представляется соотношение смысловой и структурной значимости компонентов пропозиции, установление на основе этого их

семантических рангов в предложении, дифференциация пропозитивных элементов на значимые и не значимые, соотношение этой дифференциации с обязательностью их представления в модели предложения.

Компонентный состав внутрипропозитивного уровня в предложениях с частицами дифференцирован. Ядерным элементом пропозиции является предикат (либо номинатив в пропозициях номинализации). Его семантическими и валентностными свойствами обусловлено присутствие в пропозитивной модели предложений с частицами других пропозитивно значимых элементов – актантов, сирконстантов. В конечном итоге это соотносится с внутренними структурными и семантическими характеристиками пропозиции конкретного предложения.

Внутрипропозитивный уровень в предложениях с частицами также обязателен. Для нас данный уровень представляет интерес в качестве объекта коррекции частиц, в результате чего достигается усложнение субъективно-авторскими квалификаторами семантических полей пропозитивно значимых элементов.

3. Еще одним уровнем пропозитивной структуры является околопропозитивный. Он включает совокупность смыслов, ориентированных на обслуживание пропозиции. Данные смыслы реализуются в структуре предложения специальными формальными элементами [15, с. 10]. Они не относятся к числу собственно пропозитивных, однако прикреплены к пропозиции, соотнесены с ней, развиваются на ее основе. В предложениях с частицами указанные смыслы составляют необязательное концентрическое поле, внешне охватывающее пропозицию и в то же время внутренне обособленное от нее. Данные смыслы комбинаторны, они факультативно дифференцируются в предложении. Прикрепленность их к пропозиции также дифференцирована, включает как соотносимость с пропозицией в целом, так и локализованность на семантическом поле отдельного пропозитивно значимого элемента. Формальные средства околопропозитивного уровня не являются пропозитивно значимыми, однако косвенно участвуют в формировании семантического поля в аспекте его усложнения. Околопропозитивный уровень в предложениях с частицами представлен облигаторно. Его существование в предложении обусловлено коммуникативными интенциями говорящего, в соответствии с которыми осуществляется кваликативная характеристика ситуации языковыми средствами. Частицы являются формальными элементами выражения данного уровня смысла.

4. Последним уровнем является уровень пресуппозитивный, который определяется как базовый уровень для реализации в семантической структуре высказывания трех предыдущих уровней. Данный уровень обязателен для предложения, однако не имеет специальных средств выражения, наличествует в семантической структуре имплицитно. Для указания на него используются средства других уровней. Пресуппозитивный уровень всегда соотнесен с предусловиями осуществления описываемого события [16].

Функционирование элементов одного уровня в структуре другого уровня, будь это его коррекция, уточнение и т.п., должна расцениваться как усложнение семантического поля этого уровня в смысловом аспекте, что является для нас важным. В предложениях с частицами, как правило, реализованы все четыре обозначенные уровня семантической структуры диктума. Это одно из отличительных свойств данных предложений.

Функционирование частиц в семантической структуре диктума имеет ряд особенностей, среди которых необходимо выделить следующие:

1. Формально частицы являются элементами околопропозитивного уровня, поэтому не могут выступать в роли пропозитивно обязательных элементов. Они не могут формировать пропозицию (кроме модально-ответных нечленимых предложений). Их функционирование в структуре предложения носит служебный характер, что, однако, не отменяет обязательности их наличия в предложении кваликативного характера. Функционирование частиц в предложении связывается со способностью элементов околопропозитивного уровня к реализации своего значения соотносительно с теми параметрами, которые являются характерными для элементов смыслового поля диктума. Одной из таких возможностей может быть признана коррекция семантических полей элементов, образующих пропозицию.

2. В то же время частицы, будучи единицами околопропозитивного уровня семантической структуры предложения, не локализованы только в пределах данного уровня. Они, как и положено элементам указанного уровня, выполняют свои задачи и в других смысловых уровнях предложения, например, вносят реализуемые ими смыслы в семантические поля пропозитивно значимых компонентов и таким образом усложняют данные поля. Таким образом, предназначенность частиц для коррекции других уровней семантической структуры предложения является правилом, а не исключением.

3. В предложениях смыслы, вербализуемые частицами, распространяются на пропозицию через коррекцию семантического поля пропозитивно значимого компонента – обычно предиката, реже актанта или сирконстанта.

4. Частицы всегда ориентированы на усложнение семантической структуры предложения. Они – показатели субъективности, авторства высказывания, что определяет его построение исходя

из коммуникативных задач, решаемых говорящим на данном этапе.

5. В ряде случаев (например, в модально-ответных предложениях) у частиц значительно повышен семантический ранг, в результате чего они могут быть охарактеризованы уже как периферийные элементы пропозитивного уровня, которые принимают участие в формировании пропозиции.

Отмеченные аспекты являются показателем семантической неэлементарности рассматриваемых предложений с частицами. Эти и другие черты, приписываемые частицам, должны быть учтены при анализе конкретных семантических функций частиц в русском языке.

Предложения с частицами по семантическому объему неэлементарны. Минимальное объективное содержание данных предложений существенно усложняется при введении субъективного квалификатора. Однако это усложнение – смыслового, но структурного характера. В формальном аспекте предложение не усложняется при вводе в его состав частицы (в отличие, например, от предложения с модальным словом в функции водности), семантический же объем содержания такого предложения значительно возрастает. В высказываниях с частицами не зафиксировано прямого соответствия между семантической усложненностью (неэлементарностью) и структурной усложненностью, что типично для формально усложненного предложения (Ср.: *Он, вероятно, остановился*; *Он вряд ли остановился*). Это важно, так как для описываемых нами предложений нормой является именно такая несоотнесенность. Семантическое усложнение предложения осуществляется при помощи структурно необязательного элемента, который на формальном уровне, на уровне структурной модели в качестве усложняющего компонента не может функционировать. Однако, будучи формально факультативными, частицы имеют, тем не менее, тенденцию быть значимыми семантически. Таким образом, предложения с частицами вне зависимости от степени структурного усложнения модели (монопредикативные/полипредикативные конструкции) рассматриваются как усложненные семантически. Для этого имеются существенные основания.

Во-первых, в высказываниях с частицами репрезентирована особая речевая ситуация [17]. Факт ее наличия обусловлен вербализуемым частицей указанием на существование неких предусловий, влияющих на модальную, оценочную или эмотивную квалификацию события, связанных с пресуппозицией предложения: - *Ну, что ты говоришь! Это неслыханно! Неужели доскачешь?* (А. Аверченко) (физические данные субъекта); *Меня предупреждали, что Патимат вряд ли станет разговаривать, а если станет, все равно от всего отречется, как на следствии* (журн.текст)(черты характера субъекта); - *Стало быть, нету, – прибавил он. – Что я не знаю. Всю жизнь колесо вертел, это разве куда годится?* (Г.Успенский)(профессиональный опыт субъекта); *Ну что за мнение!? Разве такие мнения бывают?..* (Ф. Панферов) (ранее высказанное мнение относительно чего-либо); *Какой же это странный человек!..* (А. Иванов) (несоответствие имеющимся у индивида стандартам).

Во-вторых, в предложениях с частицами всегда имеет место объект модальной, оценочной или эмотивной квалификации, который (будь то событие, предмет, явление или свойство) осмысливается говорящим как существующий либо способный к существованию (так называемая экзистенциальная пресуппозиция): *Вопрос лежит на поверхности. Но ответ – едва ли* (газет. текст); *Одно и то же значение – в данном случае его реальность как будто бы не подвергается сомнению – модифицируется...* (В. Касевич). Наличие данного объекта квалификации в предложении с частицей необходимо считать фактором усложнения семантической структуры этого предложения.

В-третьих, частицы не способны функционировать в высказываниях с пропозицией номинализации, что тоже косвенно, на наш взгляд, подтверждает высказанную ранее мысль. Частицы не могут быть включены в конструкцию, отвлеченную от акта предикации, наложены на некую абстрагированную от конкретного речевого содержания пропозицию. Данные элементы, являясь экспликаторами личностного указания на предусловия осуществления ситуации, сориентированы таким образом на реализуемый речевой вариант пропозитивного инварианта. Любое же отвлечение от элементарной схемы имеет выход на структурное или семантическое усложнение предложения.

В-четвертых, частицы, как уже отмечалось, являются элементами околопропозитивного уровня общего смысла предложения. Смыслы же, реализуемые формальными единицами данного уровня, характеризуются как соотнесенные с пропозицией, обслуживающие пропозицию, и с этой точки зрения усложняющие семантическое поле предложения в целом.

В-пятых, в высказывание как речевой знак в качестве его означаемого включается «соотносящийся с ним отрезок действительности со всеми его элементами, характеристиками, условиями общения и т. п.» [13, с. 90]. Поэтому анализ семантической структуры любого высказывания, в том числе и высказывания с частицей, предполагает, с одной стороны, описание контекста, в котором оно существует, а с другой стороны, – непосредственно денотативной ситуации, описываемой высказыванием, и, наконец, пресуппозитивных (фоновых) знаний участников речевого акта. Интеграция в речевом высказывании различных уровней (в то числе

предложенческих: грамматического, лексического и др.) служит основой его соотнесенности с обозначаемой денотативной ситуацией, которая понятна и говорящему, и адресату. Это является основой спонтанного речевого употребления частиц, репрезентирующих авторскую квалификацию связей и отношений, в которых находятся между собой обозначаемые предметы или явления, составляющие элементарную базу коммуникативной ситуации.

Выводы

Подведем итог сказанному. Частицы, являясь структурно необязательными элементами формальной структуры предложения, оказываются значимыми корректирующими элементами его семантической структуры. Будучи модусными квалификативными элементами, актуализаторами ипостаси говорящего и реперезентаторами его квалификативно-оценочного мнения, частицы способны проявлять себя и на околопропозитивном уровне диктума предложения, корректируя смысловые поля пропозитивно значимых элементов и влияя таким образом на общий смысловой план предложения как инструменты сближения диктумного и модусного слоев общего предложенческого смысла. Заявленные проблемы, по нашему мнению, являются перспективными для дальнейшего рассмотрения, так как представляют собой развитие идей функционально-семантического синтаксиса.

Литература

- Панфилов, В.З. Грамматика и логика (Грамматическое и логико-грамматическое членение простого предложения) / В.З. Панфилов – М.: АН СССР, 1963. – 79 с.
- Шведова, Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения / Н.Ю. Шведова // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. – М.: Наука, 1973. – С.458-483.
- Падучева, Е.В. О семантике синтаксиса / Е.В. Падучева – М.: Наука, 1974. – 292 с.
- Шмелева, Т.В. Семантический синтаксис / Т.В. Шмелева – Красноярск: Изд. КГУ, 1988. – 54 с.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.
- Алисова, Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения) / Т.Б. Алисова – М.: Изд. МГУ, 1971. – 294 с.
- Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
- Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова – М.: Наука, 1976. – 383 с.
- Вежбицка А. Метатекст в тексте / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С.402-421.
- Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
- Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли – М.: Изд. иностр. л-ры, 1955. – 416 с.
- Лекант, П.А. Семантика вводных компонентов в тексте / П.А. Лекант // Семантика слова и словоформы в тексте. – М.: Изд. МОПИ, 1988. – С.3-6.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
- Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер – М.: Прогресс, 1988. – 654 с.
- Всеволодова, М.В., Дементьева, О.Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума) / М.В. Всеволодова, О.Ю. Дементьева – М.: Крон-Пресс, 1997. – 176 с.
- Lakoff, G. Linguistics and Natural Logic / G. Lakoff // Synthese. – 1970. – V.22. – Nos 1/2. – P. 151-271.
- Нагорный, И.А. Ситуация сомнения и специфика ее репрезентации в русском языке / И.А. Нагорный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия «Гуманитарные науки». – № 12. – 2012. – Выпуск 14. – С.26-32

УДК 811.114

КУМУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЭПИТЕТА В ОПИСАНИЯХ ПОХОДКИ

CUMULATIVE FUNCTION OF EPITHET IN DESCRIPTIONS OF GAIT

В.К. Харченко
V.K. Kharchenko

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University,
85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: wera_kharchenko@mail.ru

Аннотация. В описании походки систематизируются такие проекции в художественных текстах, как походка и культура, походка и профессия, походка и характер, настроение, возраст, национальность и др. Особое внимание уделяется элитарным характеристикам. Ставится вопрос о лексикографировании описаний походки на основе наиболее удачных контекстов в произведениях широкого круга авторов.

Abstract. The article summarizes the projections of gait and culture, gait and profession, gait and personality (temper, age, nationality, etc.) in literary texts. Much attention is paid to elite characteristics. The author brings up a question of compiling words that describe voice tones, based on the most appropriate contexts taken from the variety of fiction texts.

Ключевые слова: походка, описание, художественный дискурс, контекст, настроение, профессиональные особенности голоса, требования к походке в элитарной культуры.

Keywords: gait, description, fictional discourse, context, mood, professional characteristics of gait, requirements to gait in elite culture.

Введение

Если взять три общеизвестных типа текста: повествование, описание и рассуждение – то можно констатировать, что лингвистика второго десятилетия XXI века переключилась на изучение повествовательных механизмов построения текста. Отпочковалась особая область лингвистического поиска – нарратология, тогда как некогда, главенствующее, особенно в 60-80-х гг. XX века, изучение описаний, идеально отвечающих самой сути художественного текста, будто бы несколько утратило свою актуальность. Так, в отношении эпитетов, анализируемых в художественном тексте, традиционно и справедливо подчеркивается и художественная их выразительность, и сопряжение с другими тропами, и главенствующая их роль в таком типе текста, как описание. Один-единственный эпитет концентрирует подчас едва ли не кадр кинофильма – настолько точен создаваемый им образ. Например, эпитет *подметающий* в следующем контексте. *Толстый, молодой, в твердой большой фуражке, – он время от времени брал в рот свисток и указывал обеими руками – проезжайте, проезжайте! – подметающим движением* (Д. Рубина, Их бин нервосо...). Целью данной статьи является анализ подобных «снайперских попаданий» эпитетов в художественных контекстах, как воплощения не столько художественного (конечно же, это не отрицается!), сколько когнитивного образа, феномена накопления знаний на малом пространстве одного-единственного слова, то есть как воплощения кумулятивной функции слова через точность передаваемой им характеристики. Эта точность делает описание увлекательно узнаваемым и потому требующим, как нам представляется, лексикографического закрепления. Ранее аналогичный проект мы предпринимали по отношению к описанию голоса [1, с. 44-51]. Данная публикация продолжает исследование «лингвистики походки», предпринятое нами ранее [2, с. 187-196].

Материал исследования

Тематически материал очерчен, как и следует из названия статьи, описаниями походки. Главный источник – художественные тексты. Частично, спорадически привлекаются реплики разговорной речи и свидетельства родословного дискурса [3].

В словаре В.И. Даля приводится следующее определение походки или похода и следующие паремии: образ ходьбы, приемы, стать и движения при сем; поступь, выступка, как пробежка, посадка и пр. *Солдатскую походку издали знать. Верблюды походкой не щеголяют, да шагист. У меня такая походка: мимо иду, так и в лицо загляну! Не стоит гроша, да походка хороша. Хоть денег ни гроша, да походка хороша* [4, с. 365].

Пословиц, посвящаемых походке, немало и в сборниках, в частности [5]. *Видать сову по полету, а девушку по походке. Хоть денег ни гроша, да походка хороша.*

Контрастный блок материала, который мы тоже собирали, составляют так называемые зоопроекции, тем более что некоторые видовые черты походки «братьев наших меньших» истари устойчиво транслируются и на homo sapiens. Вот Густав Ровио... молодой, с веселыми голубыми глазами, **медвежьей походкой очень сильного человека, железными руками и крепкой шеей борца** (С. Есин. Дорога в Смольный). Походка животных становится знаковой. Отсюда и устойчивые сравнения, и терминологические метафоры: медведь **косолапый, грациозная лань, утиная походка, петушиная походка**. Более того, у животных можно и поучиться пластике, элегантности движений. *Змея ведь не делает лишних движений, она гениальна* (Радио России, 17.04.2007). Змея считается самым совершенным хищником. За древностью лет у рептилий даже отпала необходимость играть, тренировать систему движений. Как бы то ни было, но в пластике движений змеи не откажешь. Более того, особенность движений одного животного может стать зеркалом походки другого: **Змеистость походки пантеры...** «По-змеиному элегантная», – характеризует героиню рассказа «Соня» Татьяна Толстая. Ср. также: *Как-то я услышал, как кто-то из компании, шедшей по набережной, сказал о летящей чайке, что она элегантна.* / – **Элегантная чайка** (Ю. Олеша. Ни дня без строчки). К.С. Станиславский сравнивал движения неуклюжего студента и пластику... кошки. Не случайно при описании животных большое внимание уделяется особенностям их движений, в частности особенностям походки.

О жирафе: *Высокий, стройный, длинная чуткая морда, мягкий взгляд, широкая плавная поступь...* Если бы меня попросили охарактеризовать его одним словом, я сказал бы – **интеллигент** (Дж. Даррелл. Звери в моей жизни).

О гризли: *А он все шел вдоль ручья своей неуклюжей, но твердой походкой. Голова его была низко опущена. Задними лапами он переступал вперевалку, как все медведи, только у гризли это получается особенно смешно* (Дж. Кервуд. Гризли).

О медведе в зоопарке: *Из-за его вихляющей женоподобной походки когти гремели, словно кастаньеты, повергая публику в веселое изумление* (Дж. Даррелл. Звери в моей жизни). Зоологи раскрывают секрет неслышимости походки у весьма массивных животных. Медведь [в отличие от лося. – В.Х.] *ходит тише и незаметней. Он не ломает сучка под лапой, а мягко обтекает его подушечкой ступни. Если сухой ветки и приходится треснуть, то не ударом, а после плавного изгиба. Сама лапа медведя глушит звук, как ватный тампон задерживает треск ломающегося стекла ампулы...* (А. Онегов.).

О волках: *Золотистые, чуть скошенные глаза на фоне пепельной шерсти производили коварное впечатление, усугубляемое своеобразной волчьей походкой: опустив голову с прижатыми ушами, они не столько шагали, сколько стелились по земле. Движения этих крупных и мощных животных были удивительно грациозными; казалось, волки плывут в тени лиственниц* (Дж. Даррелл. Звери в моей жизни).

Описывая, как идет тигр, Сельвинский говорит, что он шел «*рябясь от ветра, ленивый, как знамя*»; шел «**военным шагом**», – «**все плечо выдвигая вперед**» (Ю. Олеша. Ни дня без строчки).

О бизонах: *Старые быки спускались туда **степенным шагом**, правильным строем* (Дж. Даррелл. Звери в моей жизни).

О волах: *...Скрип колес, ленивая походка волов, облака пыли, черные, потные лица полсотни человек – все это врезалось в память, как «Отче наш».* (А. Чехов. Степь).

Об утке: *...Он стоит на первом этаже, у окна своего гостиничного номера и смотрит на утку. Привычной **ортопедической походкой** она деловито переваливается по нежнейшим завитушкам шюньского газона...* (М. Палей. Клеменс).

Об орангутанге: Он [орангутанг] *смахивал на огромный оживший косматый оранжево-желтый ковер и **передвигался развальной походкой, отличающей моряков, которые не один год проводили в дальних плаваниях и столько же лет накачивались ромом*** (Дж. Даррелл. Звери в моей жизни).

Показательно, что при характеристике животных подчас используются характерные черты профессиональной походки человека.

Если при описании походки в мире животных проекция делается, как правило, прежде всего, только на вид, то при характеристике походки человека проекций обнаруживается значительно больше ожидаемого, поэтому когнитивный потенциал походки целесообразно рассматривать как веер следующих как минимум десяти проекций.

В отношении материала анализа сделаем еще одно уточнение. В художественных контекстах изображение походки может быть не только имплицитным, достраиваемым в воображении, но и неотъемлемой частью общего рисунка движений. Приведем два отрывка из романа А.И. Солженицына: *Он поднимался по лестнице шатаясь, вцепясь в перила, чувствуя, как все больше его разбирает озноб»; «Осторожно поворачиваясь, осторожно двигаясь – а опухоль железным кулаком сидела у него на шее и давила, – он выбрался из закатистой кровати, надел пижаму, шлепанцы, очки и пошел, тихо шаркая* (А. Солженицын. Раковый корпус).

Основная часть

Кумулятивную функцию слова на материале описаний походки целесообразно исследовать, пробрасывая веер следующих проекций.

Болезнь и походка. Широко известны патологические виды походки: *петушиная, утиная, по типу ножниц, метущая, стариков, штампующая, фланговая* (боком к указанной точке). Подволакивание ноги может быть связано с перенесенным инсультом. *Походка по типу ножниц* наблюдается при ДЦП. *Петушиная походка* (хождение на цыпочках) нередко встречается у детей раннего возраста. Подобные образные термины, разумеется, прерогатива, прежде всего, медицинской диагностики. Приведем также запись из картотеки разговорного дискурса: [Руководитель танцевальной студии с горечью о шествующих за наградами победителях конкурса профессионального мастерства:] *«У всех больные ноги! – Как вы определили? – По походке!»* (25.09.2015).

Обратимся к другим, «здоровым», но столь же говорящим проекциям.

Ситуация и походка. *Вот Софья Андреевна Толстая – графиня, жена Льва Николаевича, в черном шелковом платье, живой, ищущей кого-то походкой выходит из партера – она действительно ищет и находит Сергея Ивановича Танеева* (С. Дурьлин. В зале консерватории). Одна за другой **надменными походками** входят в залу: Тамара с голыми белыми руками и обнаженной шеей, обвитой ниткой искусственного жемчуга; толстая Катька <...>; новенькая Нина, курносая и неуклюжая, в платье цвета зеленого попугая (А. Куприн. Яма). **Походкой гуляющего франта** Пряничков подошел и вопросительно посмотрел на министра, как бы не ожидая его тут встретить [Солженицын 1990: 62]. [Снежные завалы, на дорогах гололед. Женщина 86 л., в прошлом врач, по телефону:] *Погода такая... Ой, я шла сегодня гусиным шагом. Там через дорогу переходить...* (18.01.2016).

Физическое состояние и походка. Ср. старинный фразеологизм о походке пьяного человека: **выписывать мыслете**. ...Чтоб не слушать упрёки родителей и не мозолить им глаза, когда приходишь ночью **не вполне ровной походкой** (Д. Притула. Малыш). А именно пьяный: с напряженной спиной, неточными ногами (В. Токарева).

На Пашу жалко и противно было смотреть. Лицо у нее было бледно, с синим отечным отливом, мутные полузакрытые глаза улыбались слабой, идиотской улыбкой, открытые губы казались похожими на две красные тряпки, и **шла она какой-то робкой, неуверенной походкой, точно делая одной ногой большой шаг, а другой – маленький** (А. Куприн. Яма).

Настроение и походка. Садовников проследил одним глазом, как тот [«Мефистофель»] **пружинистой походкой** покидает комнату (Вс. Бенигсен. «На трибунах становится тише...»). «Группа канадских психологов выяснила, что унылая походка генерирует негативные эмоции и снижает настроение. / В ходе исследований добровольцам показывали перечень слов, имеющих различную эмоциональную окраску – «красивый», «милый», «злой», «тревожный». Затем их попросили пройти по «беговой дорожке». Специальные датчики фиксировали параметры осанки и походки испытуемых, а также уровень депрессивности их движений. <...> Выяснилось, что те, кто ходил в депрессивной манере, чаще вспоминали слова с негативной окраской, хотя у них не было причин для пессимистического настроения... Получается, действительно походка влияет на настроение и, в конечном счете, на судьбу. Ведь с позитивным человеком охотнее общаются и не отказывают ему на собеседованиях» [6, с. 129].

Возраст и походка. Это после армии я стал обращать внимание на походки людей. До армии – **шаркал. Будто постоянно в тапочках, как старый дед** (А. Терехов. Мемуары срочной службы). Казалось, он полностью утратил всякую способность двигаться, тем неожиданней было его решение ехать в Конотоп. Сначала я пришла в ужас, но поняла, что не должна мешать старику совершить подвиг – возможно, последний в жизни. Он вдруг как-то выпрямится, взбодрится, **и даже походка стала уверенной** (И. Василькова. С чужим перевернутым небом). Проекцию походки на возраст писатели используют подчас для фиксации

несоответствия образа ожидаемому стандарту походки. Тогда, испуганный этим, он спрятался под защиту скуки, окутав ею себя, как облаком. Он ходил **солидной походкой**, как Томилин, имея вид мальчика, который занят чем-то очень серьезным и далеким от шалостей и буйных игр [(М. Горький. Жизнь Клима Самгина). Интересно, что проекцию возраста на походку фиксируют и этологи: Чем старше особь, тем лучше движения... **Грация у старых. Наиболее царственная походка у вожakov – неторопливая и мощная** (Н. Ефремова).

Род занятий, профессия и походка. Через некоторое время он взял ее под руку и **замедленно-пышным шагом, словно караульный Кремля**, повел длинным-длинным коридором прямехонько до лифта (М. Палей. Кабирия с обводного канала). Она была обаятельной, милой молодой художницей. **Развернутая походка, прямая спина**, она немножко занималась балетом, это была мода времени, а в Москве расплодилось тьма студий, которые вели ставшие безработными балерины (С. Есин. Марбург). Катя первой сняла тапочки и пошла к воде **своей жеманной балетной походкой** (Л. Улицкая. Медя и ее дети). Георгий, **в прошлом геолог, шел легким и длинным профессиональным шагом**, за ним семенил Артем (Л. Улицкая. Медя и ее дети). Чугунов прибавляет скорость. **Он немного подволакивает ноги. Это походка матерого авиатора. Так ходишь, когда за спиной тащишь парашют** (Б. Иванов. До свидания, товарищи!). Встретила его через пять лет в кафе «Синяя птица», он подошел, шевеля плечами, **спортивной походкой**, как будто вчера расстались, как ни в чем не бывало... (Л. Улицкая. Семейная сага). Все просто. В белом плаще с кровавым подбоем, **шаркающей кавалерийской походкой**, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца ирода великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Доктор с наслаждением вдыхал морской воздух. Во время шквалов он бодро расхаживал по палубе; **для ученого мужа у него была неплохая морская походка** (Жюль Верн. Путешествие и приключения капитана Гаттераса). *И по комнате, точно шаман кружа, / Я наматываю, как клубок / На себя пустоту ее, чтобы душа / Знала что-то, что знает Бог* (И. Бродский. «Как давно я топчу...»). *Шиловскую пойму... Матюша знал так, что в ночь-полночь не только не сбивался с пути, но, кажется, даже не запинался ни об одну кочку. <...> «Охотник должен быть с железными ногами» – говорил Матюша. И как порою ни «захаживал» меня мой неутомимый учитель – я крепился изо всех сил: **вырабатывал «железные ноги»*** (Е. Пермитин. Друзья).

Профессия не может не влиять на тело человека, не может не отзеркаливаться в движениях, в частности в характере походки. Однако здесь выявлены наиболее частотные, причем зафиксированные писателями профессиональные векторы. Походка балерины, моряка, военного, кавалериста, авиатора, геолога, спортсмена... Похоже, здесь же обнаруживается провал языка описания походки у представителей многочисленных других профессий: учителей, следователей, поваров, ученых, музыкантов, конферансье, менеджеров... Гипотетически можно представить, что парикмахеры или строители обладают специфической походкой, но какой именно – остается невыясненным. Надо учесть и то, что профессия, например библиотекарей или почтальонов, как прогнозируют, в скором времени может уйти в прошлое.

Социальный статус и походка. Поиск и закрепление статусных примет может распространяться и на особенности походки. **У всех них была одна и та же походка, или, лучше сказать, виляние**, одно и то же нарочно жеманное выражение лица, одна и та же манера покачивания головы. Когда они говорили, то называли друг друга по именам. Это знак принадлежности к какому-то клубу или к обществу, а мистер Амаринт их духовный наставник? (R. Hichens. The Green Carnation). [НИИ отправили на овощную базу. О руководителе:] **Впереди оперным шагом шел Фабрицкий** (И. Грекова. Пороги).

Национальность и походка. Идем, счастливые, в каком-то ветру юности, – а шаг моей спутницы – **легкий, как у цыганки, но те ступнями стелются**. А в этом шаге есть отроческая взлетность – от избытка сил! Она – бабушка? (А. Цветаева. Моя Сибирь). Среди гулявших быстро и гневно проходили женщины, скорее угрожавшие, чем сеявшие обольщение. Они оборачивались на ходу, точно с тем, чтобы оттолкнуть и уничтожить. Вызывающе изгибая стан, они быстро скрывались под портиками. Когда они оглядывались, на вас уставлялось смертельно насурмленное лицо черного венецианского платка. **Их быстрая походка в темпе allegro irato** странно соответствовала черному дрожанию иллюминации в белых царапинах алмазных огоньков (Б. Пастернак. Охранная грамота). [Профессор о поездке на Кубу и кубинках:] **Да это тигр! Это рысь! Такая пластика!** Она шла по пляжу, а там иностранцы в основном были, все сразу стали смотреть. Босиком шла по той полосе, где волна на песок набегает, и даже не в купальнике. Одетая была, а все смотрели – **такая походка!** У них это, похоже, в крови. Куба была местом отдыха. «Ночные бабочки», женщины с детства подражали, учились привлекать к себе – и не только походкой, а каждым движением (12.05.2014).

Фиксируются и более широкие, «расовые» проекции. У человека с перегруженной психической жизнью часто плохо скоординированы движения: смешная походка, неловкие жесты. Ритмы психической жизни не совпадают, противоречат физическим ритмам. **Зато какая красивая, пластичная походка у негров, особенно бег!** Видимо, у них реже встречается перегрузка психической жизни (Ф. Искандер).

Национальное в походке может быть сопряжено с возрастной характеристикой. [Доцент 55 л. рассказывает по телефону о пожилых французенках:] *А старость? Идеальная прическа, идеальный макияж. И глаза подкручены-подсвечены! Идеальная походка! Залюбоваться можно!* (13.08.2012).

Эпоха и походка, исторические изменения в походке. ...Мужчины и женщины, чьи мускулы играют совсем не так, как у его соплеменников, **чья походка не укладывается в привычный для него ритм**, чей взгляд не манит знакомым ему магнетизмом (Ш. Бодлер. Всемирная выставка 1855 года). У французов это была целая наука, точнее искусство шагать, перемещаться по улицам Парижа особым образом. Известным фланером был Бодлер. Бальзак просиживал в Люксембургском саду часами, изучая походку граждан. Фланер должен был шагать неспешно, плавно-развинченно, с гордой независимостью неся голову, в безупречной одежде, в штиблетах, начищенных шампанским. Они это поняли так: фланировать – это не просто идти по улице, быстро, деловито шагать или, наоборот, разомлело прогуливаться, – **а слегка парить, вдохновенно скользить (как на лыжах или коньках) по особым маршрутам, линиям города** (О. Ермаков. Холст). Невский, Большой проспект. Меньше стало прогуливающихся, гуляющих – все больше по делам люди идут. А до войны много было на Невском гуляющих, **фланирующих** – по-старинному говоря. Даже походка у людей теперь другая, более торопливая, деловая, целеустремленная. В особенности у женщин (В. Шефнер). Большая рыночная площадь, множество лотков, представляющих книжные издательства, **фланирующие**, улыбающиеся потенциальные читатели-покупатели – и наш русский писатель, еще к рынку не привыкший (Н.Иванова). ...Государственные празднества, – но сто лет назад. ...Показали несколько военных парадов. Это и произвело впечатление. Солдаты **идут совершенно другим шагом, нежели на параде современные войска. Мало тянут ногу, шаг походный, тяжелый мужской**. Вот так русские войска и дошагали до Парижа. Так мощно, так уверенно, так решительно (С. Есин. Дневник 2012). Не случайно в современном армейском жаргоне войска, встречающие почетных гостей, называют «балетными».

Образ жизни и походка. Глеб зацелкнул штормки тумбочек стола, ключи тихо переложил в ладонь Рубину и **пошел неторопливой походкой арестанта пятого года упряжки, который потому никогда не спешит, что от будущего ждет только худшего** (А. Солженицын. В круге первом). Эта группа близка к предыдущей, хотя обозначить пребывание в тюрьме (или в «шарашке») «родом занятий» было бы некорректным.

Индивидуальность походки. Мне неприятна **тяжеловесная** походка З., плохо причесанные волосы К., и тогда я вспоминаю Т., у которой все опрятное, утонченное, благородное (А.Г. Маньков). Как-то раз ко мне заявился парень с другого западного конца села – Беловки. Он был какой-то странный: необыкновенно сильный, но с неестественно длинными руками и **нелепой переваливающейся походкой**. И надо же было случиться, что в стихотворении, сочиненном для него, не помню уже в каком контексте, мною было употреблено сравнение: **«Я пошел, как помело»** (А. Ломов. Незадавшийся поэт). Походка оказывается столь значимой индивидуальной характеристикой, что образ походки может включать и аудио-информацию. Вспоминаю каждый твой шаг, улыбку, взгляд, **звук твоей походки**. Сладкой грустью, тихой, прекрасной грустью обвеяны мои последние воспоминания (А. Куприн. Гранатовый браслет). Я слышал **цокот Валиных каблучков**, как спящая в доме собака слышит рокот мотора и звук захлопывающейся дверцы машины хозяина под окном (С. Есин. Никогда не забыть...). Индивидуальность походки нередко высвечивается путем сопоставления и противопоставления. ...И поступь у Анны **была волнистая, легкая, а Маша делала шаги четкие, ровные и звонкие** (С. Сергеев-Ценский. Печаль полей). [На поминках матери, в прошлом декана факультета, дочь 47 л. рассказывает:] **Голоснежный, она такая быстrophоденькая была...** (29.05.2014).

В предложенной типологии походок проекция на индивидуальность уязвима тем, что на «почерк», на индивидуальное своеобразие походки накладывается множество иных проекций. Тут дают о себе знать и возрастная, и профессиональная, и «настроенческая», и ситуативная, и статусная проекции. И, тем не менее, индивидуальность походки подчеркивается иногда тем, что походка выступает едва ли не главным параметром в оценке личности, как в следующем контексте: **Первая женщина, которая мне не внушила омерзения походкой; впрочем, она была тонка и сухожава** (Ф. Достоевский. Подрусок).

Приведем контекст с положительной коннотацией походки, выступающей тоже едва ли не как единственный параметр личности: **Сутулый и непередаваемо изящный..., с походкой, щемящее робкой и одновременно щемящее решительной...** беззащитный, детски

приветливый князь Лев Николаевич Мышкин нес в себе мощнейший внутренний свет (Обзор. Новый мир, 2015, № 3. С. 238). Речь идет об исполнении Иннокентием Смоктуновским роли князя Мышкина. Здесь интересно наложение индивидуальности движений героя романа на индивидуальность артиста.

Аристократизм, эстетика походки. Походка включена в триаду требований английского аристократа. *Клеймо класса – походка, манеры, речь. И вежливость к нижестоящим – изысканная и безукоризненная* (В.Овчинников. Корни дуба). *И прогиб в пояснице был какой-то особенный, и каждая часть ее тела совершала свои отдельные движения, и все они – и маленькое поигрывание грудью, и зыбкость бедер, и особое покачивание в щиколотке, – все вместе это было не отработанными приемами кокетки, а женской музыкой тела, требующей внимания и восхищения* (Л. Улицкая. Сонечка). *Мамина собеседница виделась мне сейчас так же зримо, как и сегодняшняя Серафима: завитые кольцами рыжие волосы, узкие плечи, резкие повороты головы, летящая походка* (С. Есин. Марбург). ...*А женщине, знает Клавдия Петровна, всегда надлежит идти ровно, стройно. «Идем, идем веселее, – подбадривает она себя, – главное, чтобы ровной была спинка, и тогда со стороны – походка легкая и стремительная, а сумка – дело привычное: еще и не такие нашивала, когда жила с Юрой»* (С. Есин. Возле кухни грез).

Художественные тексты высвечивают, что интересно, и технологию выработки аристократической походки, хотя иногда ограничиваются одним лишь эпитетом, в частности наречным, например: *величественно*. Ведущее свойство в эстетике походки – ее легкость. Секрет легкой аристократической походки раскрывает С.М. Волконский, цитируя известного французского наставника Далькроза: «Когда вы идете, представьте себе, что земля под вами шар, который вы ногами вращаете. Попробуйте, какую легкость это сообщит вашей походке и какую в легкости быстроту» [7, с. 187]. «Репетируя «положительную» роль, режиссер обязательно добивается от актера легкой походки, легкости движений. Обратите внимание: активные, действенные положительные герои на экране и сцене ходят, не топая и не шаркая, легко встают и садятся, грациозно обращаются с реквизитом» [8].

Эстетика походки сопряжена с требованием хорошей осанки, как в следующем контексте: **С царской осанкой, плавно подошла и села напротив командира.** – *Разговор у меня к тебе серьезный, Игорь Андреевич* [Наговицына 2014: 65]. В родословном дискурсе весьма часто подчеркивается статность описываемого лица, что, во-первых, предваряет описание красоты, а во-вторых, подразумевает и плавность эстетики походки. *Михаил был направлен в служебную командировку в предгорные районы Кавказа, откуда привез и Евдокию – статную, высокую красавицу с русой косой до пояса* (Е.П. Даниленко, 2004. Т. XIII: 20). *Я бы не появилась на свет, если бы в свое время мой дед по материнской линии Давлат, направленный из солнечного Узбекистана по комсомольской путевке работать на железной дороге, не повстречал мою бабушку, статную украинку Генефу* (Е.М. Аксенова, 2003. Т. V: 1).

По насыщенности материалом полученные векторные классы неравномерны. С большим отрывом лидируют проекции «походка и род занятий, профессия» и «походка и индивидуальность». Некоторые проекции соотносимы, допуская если не объединение материала, то комплексное его рассмотрение: «походка и состояние» – «походка и настроение», «походка и статус» – «эстетика, аристократизм походки», «эстетика, аристократизм походки» – «походка и эпоха». Последняя из указанных проекций иллюстрируется фольклорными требованиями к идеальной походке. Здесь используются зоосравнения, причем в эталонной функции. «Пава метафорически обозначает семейную женщину. Это один из немногих примеров птиц, в имени которых нет минорной ассоциации. Вторая функция – сравнение, почти единственный способ изображения величавой женской походки. Это традиционный образ русской культуры» [9, с. 33]. «В динамическом портрете сравнения «походочка лани белою (напольскою, златорогия / павлиная)», «поскок был бы зайушки, поворот горностаюшки» подчеркивают женственность и грациозность» [10, с. 162].

Выделение самих проекций, разумеется, во многом условно, поскольку в центр внимания поставлен непосредственно «эпитет походки» с накопительными, кумулятивными его свойствами. Интересно, что этот эпитет нередко выражен адъективированным причастием: здесь грамматика помогает семантике. Динамика, идея движения характеризует и сам концепт: походка *вихляющая, разболтанная, метущая, летящая* вплоть до непосредственно причастия (см.: *ищущей кого-то походкой*). *Идет походкой болтающейся, и вдруг – падает на колени перед холемым кавказским молодцем: ему бы в «мерседесе» ехать, что он в метро делает?* (Л. Улицкая. Священный мусор).

Особенности походки переносятся и на классы неодушевленных предметов, например: **И – походка корява** / *у хмельного и злого урода-курорта* [Ахмадулина 2012, с. 300]. **Мимо фланировала** *воспрявшая после спада воды, вечно оживленная публика – людям в голову не приходило бросить взгляд под ноги* (Д. Рубина. Высокая вода венецианцев). Прием олицетворения походки использован в следующем контексте по отношению к... смерти: **Она идет размеренной походкой** *по пыльным дорогам, через селения, поселяя холод в душах людей.*

Как показал состав приведенных групп, когнция эпитета, посвящаемого походке персонажа, подчас требует уточнения, то есть развертывания намеченной «точечной» характеристики. Это осуществляется путем сравнения вплоть до цепочечного или гроздевого: *пошел, как помело; шаркал, будто постоянно в тапочках, как старый дед; вдохновенно скользить, как на лыжах или коньках*. Ср. также: *Люблю, когда, ступая, как летая, / проносится, смеясь и лепеча. / Суть женственности вечно золотая / всех, кто поэт, священная свеча* (Б. Ахмадулина).

Дополнительный эпитет может вскрывать профессиональную черту походки: *жеманной балетной походкой*. Добавочный эпитет может усиливать пейоративную коннотацию (*нелепой переваливающейся походкой*) или, напротив, выражать мелиоративную оценку: *неплохая морская походка*. Сравнение может накладываться на персонифицированную метафору, то есть на олицетворение, в комплексе тех средств, которые прорисовывают походку. Это, например, сравнение-олицетворение спины, «как бы не успевающей за телом». *Две женщины сидели передо мною: одна с прямой, откидывающейся назад в стремительной походке спиной, как бы не успевающей за телом, другая старая, годящаяся мне по возрасту в матери* (С. Есин. Марбург).

При всей выразительности и широте передачи особенностей походки, при всей точности когнитивных ее свойств нельзя не отметить и факты философского, символического обобщения этого двигательного признака-навыка. *Врачи дают хороший прогноз. Посчитали, что у меня много шансов выскочить из этой истории живой. Но я-то знаю, что никому из этой истории живым не выбраться. В голову пришла замечательно простая и ясная мысль: болезнь — дело жизни, а не смерти. И дело только в том, какой походкой мы выйдем из того последнего дома, в котором окажемся. Здесь еще возникает большая тема — страдания* (Л. Улицкая. Священный мусор). Философия походки смыкается с нравственным, этическим кредо, на что указывает исследователь творчества курского писателя В. Деткова. Прочитируем: «В.П. Детков таким способом формирует новый, философский взгляд на человека, который возникает у автора вследствие анализа какой-либо ситуации. Особо отметим такое сочетание, как *поступь человека*. Выбор писателя кажется нам интересным, ведь для характеристики человека в значении ‘личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств’ он выбирает лексему поступь ‘манера ступать при ходьбе (преимущественно о плавной, величавой и т.п. походке)’, то есть для автора важно отметить личностные качества героя и его общественную значимость» [11, с. 139].

Итак, мы пытались показать, что характеризующий походку эпитет обладает весомой кумулятивной функцией, на что указывают двенадцать типов проекций походки, и соответственно эпитет нуждается в лексикографическом закреплении. Однако такое закрепление писательских находок в словарях будет полезнее для пользователей, если будет сопровождаться развернутыми комментариями, тоже из художественного дискурса, включающими сравнение или зоопроекцию, дополнительный эпитет или олицетворение, метафору или фразеологизм, «технология» хождения (фланировать) или эстетику походки вплоть до философского ее осмысления.

Выводы

1. Отечественная языковая культура накопила весьма обширный материал по описанию походки, что позволяет ставить вопрос о возможном исследовательском отпочковании особой дисциплины «лингвистика походки». Такое рабочее обособление, на наш взгляд, необходимо для реализации «кумулятивной функции», функции накопления специфических знаний в самой лингвистике, с одной стороны, и накопления тематического материала по «описаниям походки» с целью возможного его лексикографирования, с другой.

2. При описании походки животных подчеркивается их вид, что делает такие описания ожидаемыми и «статичными» и что обуславливает истари используемые зоосравнения при характеристике походки человека: *медвежья, утиная, петушиная* и пр. Интересно, что есть и противоположный вектор сравнения: описание походки животного через походку человека, при этом используется две наиболее устойчивые признаки походки в проекциях на возраст и на профессию (или род занятий).

3. Особый интерес представляют, во-первых, «образцовые», «элитарные» движения животных (грациозность лани, пластика кошки, элегантность чайки или змеи); во-вторых, описание походки редко наблюдаемых (в условиях городской жизни) животных: волков, волков, гризли, жирафов и др. Наконец, в-третьих, расшифровка механизма походки того или иного животного, например, неслышимой походки медведя, «военной» походки тигра.

4. В художественных контекстах изображение походки может быть имплицитным, достраиваемым в воображении и включенным в общий рисунок движущегося тела.

5. Кумулятивная функция слова, изображающего походку, открывает для исследователя до двенадцати проекций походки на возраст и настроение, физическое состояние и род занятий, социальный статус и состояние здоровья (болезнь), эпоху и индивидуальность, ситуацию и

эстетику, аристократизм походки, национальность и образ жизни. Выделенные группы не равновесны. По собранному приёму сплошной выборки материалу лидируют «профессии», что естественно и ожидаемо, и «индивидуальность».

б. Проекция в изображении походки в художественном произведении подчиняется логике развития образа и выстраивания сюжета, однако для «лингвистики походки» значима фиксация и популяризация удачно найденного эпитета, поддержанного контекстом, эпитета, концентрирующего в себе психологическую, социальную, этническую, этическую информацию.

Литература

Харченко В.К. Голосовые эпитеты в художественном тексте: перспективы лексикографирования / В.К. Харченко // Научные ведомости БелГУ. Гуманитарные науки. Вып. 25. – 2015. – № 6 (203). – С. 44-51.

Харченко В.К. Семиотика походки: когнитивный потенциал эпитета / В.К. Харченко // Первые Щеулинские чтения: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. – Липецк: ЛГПУ, 2016. – С. 187-191.

Харченко В.К. Личный архив семейных родословных: В 30 тт. / В.К. Харченко // Белгород, 2013.

Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 3. / В.И. Даль. – М., 1955. – 556 с.

Русские пословицы и поговорки / Под ред. В.П. Аникина. – М.: Художественная литература, 1988. – 432 с.

Судьба влияет на походку // Знание – сила. 2015. № 3. – С. 129.

Волконский С.М. Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Дельсарту) / С.М. Волконский. – СПб., 1913.

Ершова, А.П. Театральная педагогика / А.П. Ершова. – М., 2004.

Хроленко А.Т. Введение в этнолингвистику / А.Т. Хроленко. – Курск, 2012.

Черноусова И.П. «Язык фольклора как отражение этнической ментальности (на материале фольклорной концептосферы русской волшебной сказки и былины)» / И.П. Черноусова // Дис. ...д-ра филол. наук. – Липецк, 2015.

Демидова Т.П. Жанровая дифференциация художественного идиолекта (на материале прозы В.П. Деткова) / Т.П. Демидова // Дис. ...канд. филол. наук. – Курск, 2013.

Список источников

Ахмадулина Б. А. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2012. – 856 с.

Бенигсен Вс. «На трибунах становится тише» // Знамя. – 2015. – № 4.

Бодлер Ш. Всемирная выставка 1855 года // Ш. Бодлер. Цветы зла. Обломки. Парижский сплин. Искусственный рай. Эссе. Дневники. Статьи об искусстве. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1997. – 960 с.

Василькова И. С чужим перевернутым небом // Октябрь. – 2015. – № 6. – С. 74-80.

Верн Ж. Путешествие и приключения капитана Гаттераса // Собрание сочинений в 12 тт. Т. 2. – М.: ГИХЛ, 1955. – С. 229-448.

Горький М. Жизнь Клима Самгина. В 3 тт. Т. 1 / М. Горький. – М., 1987. – 575 с.

Грекова И. Пороги: Роман // И. Грекова. Свое счастье: Романы. М.: АСТ: Астрель, 2011. – 508 с.

Даррелл Дж. Звери в моей жизни – М.: Мир, 1983. – 176 с.

Дурылин С. В зале консерватории // Москва. – 2013. – № 12.

Ермаков О. Холст // Новый мир. – 2005. – № 3. – С. 7-72.

Есин С.Н. Дорога в Смольный. – М.: Политиздат, 1985. – 240 с.

Есин С.Н. Дневник 2012. – М.: Академика, 2014. – 592 с.

Есин С.Н. Никогда не забыть... // Роман-газета. – 2015. – № 10. – С. 57-96.

Иванов Б. До свидания, товарищи! Повесть // Знамя. – 2003. – № 12.

Кервуд Дж. Грizzly. Казан: Повести. – Л., 1960.

Ломов А.М. Незадавшийся поэт // А.М. Ломов. Тени прошлого. – Воронеж, 2015.

Наговицына Е. Энгенойская ведьма: Рассказ // Нева. 2014. № 2. С. 62-92.

Олеша Ю.К. Зависть. Ни дня без строчки. Рассказы. – М., 1989. – 496 с.

Палей М. Кабирия с обводного канала: Повесть // Новый мир, 1991, № 3. С. 47-81.

Палей М. Клеменс: Роман // Нева. – 2005. – № 3. – С. 33-89.

Пермитин Е. Собрание сочинений: Том 4. Друзья. Страсть: книга рассказов. – М.: Худ. лит., 1980. – 447 с.

Притула Д. Малыш: Рассказ // Нева. – 2008. – № 12.

Рубина Д. ...Их бин нервосо! // Д. Рубина. Чем бы заняться? Рассказы. – М., 2012.

Солженицын А.И. В круге первом: Роман // Новый мир, 1990. № 1. С. 5-94.

Солженицын А.И. Раковый корпус: Роман. – М.: Центр «Новый мир», 1991. 308 с.

Терехов А. Мемуары срочной службы // Терехов А. Крысобои. – М., 2001.

Улицкая Л.Е. Сонечка: Повесть. – М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001. 128 с.

Улицкая Л.Е. Семейная сага // Знамя. – 2015. – № 4.

Улицкая Л.Е. Медя и ее дети: Роман. – М.: ВАГРИУС, 1999. – 337 с.

Цветаева А.И. Моя Сибирь / А. Цветаева. – М.: Советский писатель, 1988. – 289 с.

Hichens R.S. The Green Carnation // Режим доступа: <http://arthurwendover.com/arthurs/horror/grncario.html>.

УДК 080

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОЛЬФАКТОРНОЙ МЕТАФОРЫ

PRAGMATIC POTENTIAL OF THE OLFACTORY METAPHOR

И.И. Чумак-Жунь, Г.В. Стручалина
I.I. Chumak-Zhun, G.V. Struchalina

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
 Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University,
 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности взаимосвязи нейрофизиологии обонятельных процессов и механизма порождения когнитивной метафоры, с ними связанной, а также особенности ее внедрения в художественный и прагматический (рекламный) текст. Ольфакторная метафора понимается не столько как троп, сколько как прагматикоориентированный когнитивный продукт сознания. На примерах функционирования метафоры *запах снега* в поэтических и рекламных текстах анализируются различия и сходства стратегий использования ольфакторной метафоры, причины их разнообразия.

Abstract. The article is dedicated to the outstanding characteristics of the neurophysiology olfactory processes, discusses cognitive metaphorical genesis and some particulars about representation and functioning of the olfactory metaphor in literary and public relations texts. The olfactory metaphor here is considered to be a focused on pragmatics cognitive product of the consciousness. It always being under the influence of different enshrined in the language common and individual cultural values and stereotypes, as well. As an illustration, we analyze poetical and advertising examples of using such Russian olfactory metaphor as "snow odor".

Ключевые слова: запах, когнитивная метафора, межполушарная асимметрия, стереотип, концепт, поле концепта, реклама.

Keywords: odor, cognitive metaphor, stereotype, hemispheric asymmetry, concept, conceptual field, public relations.

Введение

Исследование взаимного влияния актуальных научно-исследовательских парадигм современного языкознания (психолингвистики, нейролингвистики, социолингвистики, стилистики и функциональной лингвистики, коммуникативной лингвистики) представляется нам перспективным и необходимым. Изучение сложного и многовекторного процесса взаимодействия когнитивного, художественного и прагматического расширяет и углубляет наши представления о степени взаимной обусловленности явлений, традиционно относимых к разным уровням и сферам гуманитарной деятельности. Одним из таких явлений, ярко иллюстрирующих синтез гуманитарных парадигм, является метафора.

Современный общепрагматический взгляд на мир сдвинул метафору из сектора «прекрасное» в сектор «необходимое». Н.Д. Арутюнова [1, с. 8] пишет об этом, как об «утилитарных преимуществах» метафоры, приводя выразительную цитату Р. Хофмана: «Метафора исключительно практична. Она может быть применена в качестве орудия описания и объяснения в любой сфере: в психотерапевтических беседах и в разговорах между пилотами авиалиний, в ритуальных танцах и в языке программирования, в художественном воспитании и в квантовой механике. Метафора, где бы она нам ни встретилась, всегда обогащает понимание человеческих действий, знаний и языка» [2, с. 327].

Несмотря на эту «прагматическую доминанту», изучение метафоры находится на пересечении нескольких плоскостей: 1) – психолингвистической; 2) – когнитивной; 3) – социолингвистической; 4) – дискурсивной.

На наш взгляд, особое место в метафорических исследованиях занимает перцептивная метафора как средство, которое представляет связь внутреннего и внешнего мира человека – столь

выразительной (актуальной) делает ее представленная в ней непосредственная реакция на явления внешнего мира.

Покажем это на примере ольфакторной метафоры (от лат. *olfactorius* благовонный, душистый – обонятельный, относящийся к области восприятия запахов). Нам важно, что, как любая «метафора ощущения», ольфакторная занимает особое место не только «в прагматических текстах», но и в текстах художественных, что дает возможность рассмотреть ольфакторную метафору с «встречных позиций» – художественный текст передает действие аромата (или метафоры запаха) на человека, а «прагматический» показывает, как можно использовать это действие в прагматических же целях.

Продвижение рекламной индустрии требует от создателей рекламных текстов не только развитой интуиции и языкового чутья, но и знания основ лингвopsихологии, когнитивной лингвистики, нейролингвистики, лингвокультурологии, лингвосоциологии и т.д. – эти знания позволяют уловить настроения в обществе и таким образом отразить их в виде текста, графики, мультимедиа, сопровождающих товар и его рекламную кампанию, чтобы вызвать сначала интерес, а затем спрос. Рекламный текст является результатом динамического процесса рече-образной деятельности, представляющего собой трансформацию *денотат* → *образ* → *имидж* (последний есть образ социальный, тяготеющий к стереотипу и ставший частью рыночных отношений, то есть тиражируемый и продаваемый образ). В основе этой деятельности лежит механизм метафоризации. Но для рекламного дискурса принципиально важно, что когнитивно-прагматические условия метафоризации в тексто- (рекламо-) порождающей среде связаны с социальными факторами (к которым можно отнести сформированные социальные стереотипы) и с культурными составляющими (это может быть, например, совокупность текстов, бытующих в языковом сознании носителей языка в целом или той или иной социальной группы, на которую ориентируются производитель и/или специалист по рекламе).

Таким образом, для существования и успешного функционирования прагматических (рекламных) текстов необходимы, как минимум, два ресурса: текстовый и когнитивный, отражающий работу сознания. Кроме того, процесс усложняется влиянием стереотипов, которые отнюдь не находятся в статичном состоянии, а перемененно вместе с жизнью общества усиливаются или слабеют, формируются или исчезают. Иногда это происходит в силу развития самого общества, иногда (в последние годы весьма часто) – в результате манипуляций с массовым сознанием посредством СМИ и иными способами.

Художественные тексты, как часть текстов, бытующих в сознании носителей языка, также не находятся в нем в качестве простого пополняемого архива. Текст воздействует на сознание: 1) в момент его прочтения и понимания; 2) в последующем, при внутренней рефлексии, размышлении, эмоциональной и ценностной оценках.

Какая же «пружина» лежит в основе создания метафоры аромата? С нашей точки зрения, ольфакторная метафора не столько троп, сколько прагматикоориентированный когнитивный продукт сознания. Поясним это предположение.

Запах, улавливаемый рецепторами носа, поступает в так называемый обонятельный мозг, древнейшую, связанную с инстинктами, сферу. Вся информация о веществах, доступных обонянию, обрабатывается в лимбической системе.

Особенность лимбической системы заключается в том, что возбуждения, образовавшиеся в ней (в т.ч. реакции на раздражители, запахи), проходят несколько этапов обработки, таким образом, взаимодействуют с различными элементами коры и подкорки головного мозга, образуя большое количество разноплановых связей.

Однако лимбической системе, в конечном счете, при передаче информации в другие системы, удастся «навязать» им свое состояние, «свое видение проблемы». Передает же и принимает лимбическая система огромное количество импульсов: внешними связями она соединена с большинством из отделов нервной системы. Это наделяет лимбическую систему влиянием на большинство процессов, протекающих в мозге. Система имеет отношение к регулированию уровня реакции автономной, соматической систем при эмоционально-мотивационной деятельности, регулированию уровня внимания, восприятия, воспроизведения эмоционально значимой информации. Лимбическая система определяет выбор и реализацию адаптационных форм поведения, динамику врожденных форм поведения, поддержание гомеостаза, генеративных процессов. Она обеспечивает создание эмоционального фона, формирование и реализацию процессов высшей нервной деятельности. Именно на базе лимбической системы формируется образная память и строится работа правого, «эмоционального» полушария головного мозга.

Если левое полушарие воспринимает и обрабатывает информацию аналитически, например, членит визуальные образы на составляющие, контролирует вербальное мышление и речь, то правое действует холистически, т.е. помогает мыслить неделимыми образами. Эта стратегия важна при сравнительной характеристике объектов и содержит огромный потенциал для так называемого «образного мышления», характерного для людей творческих профессий,

например, музыкантов, чьи способности напрямую зависят от деятельности правого полушария, отвечающего за восприятие ритмоинтонационного рисунка музыки (а также и речи).

Из правого полушария происходят и ассоциативные связи синкретического характера, где сходство определяется не по общему формальному признаку предметов и явлений, выделяемому логически, а по общности ощущения от взаимодействия с ними.

Поскольку ольфакторная сфера психофизиологической деятельности человека, как мы видим, контролируется, в основном, правым полушарием, проще представлять ароматы «языком правого полушария», т.е. образами и ассоциациями.

Современные технические средства позволяют визуализировать практически любую ассоциацию, воссоздать у реципиента (зрителя) ощущения, тождественные возникшим у создателя рекламного продукта, и все это – с высокой точностью и интенсивностью. Однако до эры кино и телевидения, появилась и успешно развивается, конкурируя с этими мощными визуализаторами метафор, техника словесного отображения сложных ассоциаций, вызванных запахами. Рекламные стратегии в этой области обязаны своим становлением художественной литературе. Поэтому далее мы будем параллельно наблюдать использование авторами когнитивного своеобразия ольфакторной метафоры в художественных и прагматических (рекламных) текстах.

Основная часть

В литературе XIX, а затем и XX века неоднократно встречается упоминание о запахе, пробуждающем ассоциации и воспоминания. У поэтов и писателей давно возник интерес к этому явлению. Прецедентным именем, зафиксировавшим в научном сообществе феномен воскрешения памяти ароматом, стало имя Марселя Пруста.

Так называемый *синдром, (эффект, феномен) Пруста* иллюстрирует сцена с пирожным из его романа «По направлению к Свану». Будучи взрослым человеком, герой, обмакнув в чай и надкусив кусочек пирожного «Мадлен», неожиданно для себя ощущает восторженную легкость. Поразмыслив, он понимает, что к нему вернулся один из вкусов и запахов детства, а за ним – множество других – разнообразных – ощущений, переживаний и воспоминаний, которые и составляют ткань романа: *«весь Комбре и его окрестности – все, что имеет форму и обладает плотностью – город и сады, – выплыло из чашки чаю»* [3, с. 75].

Сцена с пирожным неоднократно интерпретировалась не только отечественными литературоведами и культурологами (О.Б. Войштейн [4], Н.А. Голубев [5] и др.), но и исследователями природы ольфакторных способностей и свойств человеческой памяти (В. Ягодинский [6]). Известна она и маркетологам. Мы же интерпретируем явление, запечатленное Прустом, с позиций нейрофизиологии и лингвокогнитивных процессов – чтобы в дальнейшем проанализировать то влияние, которое они оказывают на художественные и прагматические (рекламные) тексты.

Опыт самонаблюдений, прежде явленный в художественной форме, получил научное описание в начале девяностых годов XX века, в исследованиях американских ученых Л. Бак (Linda B. Buck) и Р. Эксела (Richard Axel), впоследствии Нобелевских лауреатов (2004 г.). Был прослежен комплексный механизм маркирования запахов в организме и открыта роль генов в его участии. Благодаря целому семейству генов, которые кодируют белки, взаимодействующие в рецепторах с молекулами веществ из окружающей среды, мозг присваивает этим молекулам категорию запаха, присваивает индивидуальный химический код, классифицирует и «отправляет в архив», т.е. на хранение, в память. Поскольку процесс протекает в лимбической системе, закрытой для самоанализа и рефлексии, наше сознание может оперировать только обработанной информацией, доступной ему в форме 1) ассоциаций, 2) эмоциональных ощущений и 3) образов.

Представить запах, т.е. запустить процесс синтеза химической реакции, аналогичной вызванной молекулой извне, оно не может, может лишь воссоздать в памяти «декорации», в которых происходило знакомство с запахом, т.е. объектом, веществом: место, обстоятельства, внутренние ощущения – как это и происходит с героем романа Пруста.

Художники слова, опираясь на свои ощущения и частотные ассоциации других людей, создают «ароматический пейзаж или натюрморт». Несмотря на то, что текст выражает скорее «представление о запахе», чем является его описанием, такое «описание» воспринимается читателем как достоверное и ценится как реалистическое. В стихотворение «Города и годы» Дон Аминадо создает своеобразную «географию запахов». Изображение города строится по схеме образ – ольфакторная ассоциация – эмоция:

*Старый Лондон пахнет ромом,
Жестью, дымом и туманом,
Но и этот запах может
Стать единственно желанным.*

*В страшном каменном Нью-Йорке
Пахнет жеваной резиной,
Испарением асфальта
И дыханием бензина.*

*Ослепительный Неаполь,
Весь пронизанный закатом,
Пахнет мулами и слизью,
Тухлой рыбой и мускатом.*

*Город Гамбург пахнет снедью,
Лесом, бочками и жиром,
И гнетущим, вездесущим,
Знаменитым добрым сыром.*

Дон Аминадо (Шполянский А.П.),
из стихотворения «Города и годы» (1927 г.) [7, с.59].

Поэт русского зарубежья через слово-импульс обращается к зрительным, вкусовым и обонятельным представлениям читателя, создавая перцептивный образ города; при этом «сквозной ассоциацией», становится, как правило, обонятельный символ, корреспондирующий в воображении читателя с визуальными и иными образами:

Варшава – пирожные и марципан, сладости; запах сахара и муки, дразнящий и несложный. Севилья – кожа, кипарис, вербена, чайная роза (последний запах особенно прекрасен и своеобразен). Париж – жареные каштаны и фиалки, запах которых дает ощущение свежести.

*Но один есть в мире запах
И одна есть в мире нега:
Это русский зимний полдень,
Это русский запах снега.*

*Лишь его не может вспомнить
Сердце, помнящее много.
И уже толпятся тени
У последнего порога.*

Запах снега национально маркирован: *Это русский запах снега*, таким образом косвенно связывается автором с понятием национальной идентичности. Учитывая детали биографии поэта и большинства его читателей, давно эмигрировавших из России, переживших крушение империи, можно сделать вывод: точно подмеченная способность мозга – по запаху воскрешать воспоминания, но неспособность воскресить запах по воспоминаниям, становится здесь отражением личной трагедии, воплощением острого чувства ностальгии целого поколения. В силу того, что цепь образ – обонятельная ассоциация – эмоция прервана, на месте эмоции (*одна есть в мире нега*) появляется ощущение безысходности и новый образ – смерть: *И уже толпятся тени / У последнего порога*.

В современных текстах выражение *запах снега* приобретает черты культурного стереотипа – устойчивость, повторяемость в качестве ассоциативной и эмоциональной доминанты, обобщенность, лаконичность, выражение глубинных ценностей культуры. В выражении *запах снега* в доминантную позицию выступает представление о чистоте, и синтагма приобретает коннотацию, которая включает образную (родина, Россия), эмоциональную (тоска, ностальгия) и оценочную (положительная оценка) составляющие.

В зависимости от цели адресанта одна из этих составляющих может в тексте выступать на первый план. Например, в стихах барда О. Митяева (2004 г.) в выражении *запах снега*, которое является заглавием и лейтмотивом текста, доминирует эмоциональная составляющая:

*Навалилась тишина и мгла кромешная,
Я как будто бы от поезда отстал.
Но, глаза закрыв, почувствую, конечно, я,
Что **вернулся**, наконец, **в свои места**.*

*Несут **после долгого бега**
Озерные ветры из тьмы
Мне запах уставшего снега
Второй половины зимы.*
(О. Митяев. «Запах снега») [8, www]

Нами выделены слова и обороты, способствующие установлению и закреплению в сознании читателя и слушателя метафорического представления, основанного на параллелизме: *уставший снег* – уставший человек, пытающийся вернуть себе былое ощущение внутренней чистоты, вернуть цельность и приверженность истокам, утерянные в суете жизни. Национальная идентичность проявляется имплицитно: снег не презентуется как *русский*, но он связывается с *возвращением в свои места*, т.е. с ощущением связи с малой родиной, чувством защищенности (дома – и стены помогают), чувством самоидентификации.

Сочетание *запах снега* активно эксплуатируется и в современных рекламных текстах. Проанализируем два из них.

Приглашаем на новую выставку «НИКОЛАЙ РОМАНОВ, Запах снега» (Живопись) с 23 декабря по 01 марта 2013.

Николай Романов много времени проводит в заморских путешествиях, но особое место в его творчестве занимает именно зимний пейзаж. Художник считает, что тот, кто не видел русскую зиму, досыта не налюбовался ею, никогда не поймет русской жизни и русского характера. (Анонс мероприятия с сайта арт-ресторана «ХОЛСТ МАСЛО») [9, www]

Скрытое послание текста: запах снега – запах русской культуры, жизни, воплощение русского характера; соглашаясь с этой метафорой, читатель ощущает себя «своим» в России, т.о. налицо культурный стереотип и, если угодно, уже миф (в котором хотя бы одна из точек зрения принимается как правдивая) о запахе снега, в котором живут носители русского языка и культуры.

Георгий Григорьев. Запах снега: Тест-драйв Nissan X-Trail (рекламное описание возможностей автомобиля):

Говорят, что северные народы различают несколько десятков видов снега. Да, я знаю, что такое пухляк, пороша, помню, как выглядит снежная крупа или метель. Но вряд ли я смогу назвать словами те оттенки снега, которые различают эскимосы. Зато я помню, как пахнет воздух перед первым снегопадом. [10, www]

Повествователь, с которым читатель отождествляет автора, с первых строк позиционируется как знаток, человек с опытом: он *знает и помнит*. Следовательно, внушает уважение и доверие. Они только крепнут от признания: *вряд ли я смогу назвать словами те оттенки снега, которые различают эскимосы*. В мифе (интерпретации), создаваемом читателем во время чтения, – и умело запрограммированном автором текста – повествователь (ассоциируемый с ним автор) – реальный человек, не претендующий на исключительные знания, честно говорящий об этом.

Цитируя текст далее, выделим в нем ключевые обороты, активирующие читательские стереотипы (для последующего обобщения):

Я сидел за рулем припаркованного у реки Nissan X-Trail и втягивал носом холодные осколки ароматного осеннего ветра. Как же приятно, заглушив мотор, откинуть спинку водительского кресла и настезь распахнуть проем просторной панорамной крыши. В детстве я совершенно не понимал, как можно радоваться таким простым вещам – минуте тишины на природе.

С возрастом наши вкусы меняются. Кто бы мог подумать, что увлеченный фанат радикально низких купе начнет засматриваться на кроссоверы. Да, спортивные автомобили это красиво, быстро и увлекательно, но совершенно неудобно для реальной жизни в Сибири. Ты никогда не сможешь приехать на этот живописный берег Енисея, если расстояние от асфальта до порога твоей машины едва ли больше семи сантиметров. [10, www]

Стереотипы, которыми манипулирует автор текста:

Запах перед снегопадом – запах детства, запах Сибири, запах родных просторов, где все так знакомо. Сибирь – суровый и красивый таежный край, с особой атмосферой «романтики Севера», сопряженной с рисками и борьбой за выживание. Величественная красота и мощь природы Сибири – величественная и мощная машина, способная преодолеть трудную дорогу. Машина подвластна человеку, принадлежит ему, Сибирь и ее природа также подвластны и принадлежат человеку: русскому человеку, сохранившему, несмотря на соблазны юности, с детства и до зрелых лет память о запахе перед снегопадом как ключ к обладанию духовными и материальными богатствами Родины.

Процесс передачи информации в данном случае происходит следующим образом: существующий обонятельный стереотип (*запах снега*) – эмоция (*как же приятно*) – образ (*Сибирь, живописный берег Енисея*) – рекламируемый продукт (*машина*), благодаря которому возможно обладание всеми названными ценностями.

Бывает и так, что придуманные бренд и рекламная стратегия подвергаются критике. В представленном ниже тексте *запах снега* расценивается как неудачная идея маркетологов:

Александр Еременко, управляющий директор BrandLab. Brand powered business: *Водочный бренд может стать хитом, если у него есть ясная, искренняя идея, понятная потребителю и умело реализованная в материале (бутылка, этикетка) и коммуникациях.*

Многие производители ищут идеи среди затасканных стереотипов («Застолье», «Федеральная»), местного колорита («Звезда Улугбека», «Финноугория») или безумно-фантазийного («Иван Неехлебков», «Тайна Казановы», «Запах снега»). А нужно искать в глубине культуры, среди долгосрочных потребительских ценностей. Это инсайты, присущие массовой аудитории, но при этом никак еще нереализованные.

(Кристина Малентович. Водка: 9 мифов о главном российском напитке) [11, www]

Почему же одним запах снега кажется выражающим глубинную сущность русской природы и реальности, а другим – лишь слабым и бесполезным всплеском фантазии? Возможно, ответ сокрыт в понятии *потребительские ценности*.

Экономическая теория различает ценности потребительную (потребительскую) – ее определяют индивидуальные потребности человека, и меновую, которая определяется при обмене вещи/услуги на другие материальные блага.

Потребительская ценность – величина субъективная и переменная, она зависит от многих факторов, таких как: соответствие товара/услуги индивидуальным потребностям, редкость товара/услуги, а также «вписывание» товара/услуги в модные тенденции, социальные установки, стереотипы и мифы и т.д.

Величина меновой ценности корректирует величину потребительской, а затраты на производство, как правило, составляют нижнюю планку обеих.

Повышает ценность продукта или услуги удачный *мифодизайн*, сопровождающий рекламную кампанию.

Кратко поясним термин *мифодизайн*. А.В. Ульяновский, вслед за Р. Бартом исследуя технологии воздействия на массовое сознание, для стратегий информационного общества, эксплуатирующих стремление к потреблению и достижению состояния удовлетворения через потребление, ввел понятие *мифодизайн*, и следующим образом охарактеризовал такое явление как социальный миф: «...это контекстуально условно истинное и аксиологически (в плане ценностей и норм) доверительное высказывание» [12, с. 5]. При этом, отмечает автор, миф от реальности отличается количеством точек зрения, с которых какое-либо высказывание выступает как истинное или оправданное: для реальной картины необходимо, чтобы аудитории были известны все точки зрения и все они оценивались как истинные. Миф существует в нише от первой известной аудитории «истинной» точки зрения до предпоследней, на которой он превращается в реальность. Если аудитории неизвестна какая-либо точка зрения, по которой высказывание является истинным, – это ложь [12, с. 5].

После этого небольшого отступления вернемся к теме ценностей в маркетинге. Неслучайно в английском языке термин *потребительская ценность* носит название *ценности воспринимаемой* (perceived value). Однако эта ценность определяется и самим потребителем – его готовностью приобретать товар/услугу по предложенной цене, эта готовность основывается на убежденности в справедливости предлагаемой цены. Нет необходимости доказывать, что мнение потребителя не формируется в вакууме и сейчас в большей степени зависит от ухищрений рекламных стратегов и социальных явлений.

Общество не однородно – ни во взглядах, ни в ценностях, ни в потребностях (так же, как и в их интенсивности). Возможно, что более полувека назад водка «Запах снега» имела бы успех в среде русского зарубежья – в силу доминирования концепта *Родина* в сознании носителей языка, однако в настоящее время и на внутреннем рынке шансы этого бренда расцениваются как невысокие. Критик осознает, что в концепте *Родина* (водка – национальный алкогольный продукт и символ) уже несколько иное ядро, несколько иная периферия. Но осознание это интуитивно. Отсюда – оперирование термином *инсайт* (insight, англ. – проникновение в суть, внезапная догадка, прозрение).

«Попадание» в концепт определяет, будет ли товар пользоваться спросом, откликнется ли потребитель на новый продукт и торговую марку. Копирайтер (автор рекламных тестов) чувствует (а реже – знает), что концепт имеет полевую структуру, для которой (вообще, и не только в лингвистике) могут быть характерны нечеткость и проницаемость. Следовательно, автор рекламного текста, дабы «попасть» в центр концепта, должен сперва внедриться в его ассоциативное поле, а затем произвести «фокусировку»: угадать его центр (см. *инсайт*) либо присвоить какому-то из элементов поля значение и вес центра в глазах потребителя, – который, в свою очередь, является представителем той или иной социальной группы: этнической, гендерной, возрастной, профессиональной, религиозной, классовой и т.д. (в терминологии рынка – такие группы и их объединения носят название *потребительского сегмента*).

Приведем в качестве примера фрагмент текста бьюти-блогера портала Косметиста под ником София Schi88. Цель данного текста – привлечь внимание посетителей (скорее – посетительниц) портала к новому аромату «Снег» (Demeter Fragrance Library: Snow). Блогер приводит перевод рекламного описания запаха туалетной воды/духов из англоязычного источника (от производителя), а также делится своими ощущениями, которые и цитируем:

...по моему восприятию пахнет весной... Такое устойчивое выражение, как «запах весны», у каждого может вызывать диаметрально противоположные ассоциации. Для кого-то это запах распускающихся клейких листочков или даже зацветающих яблонь. А для меня — это даже не первая оттепель, но и греет. <...> Когда солнце бесцеремонно пробуждает от зимней спячки первые запахи. И главный среди них — запах снега, чуть подтаявшего на солнце, уже совсем не похожего на тот, кристально-белый, который зимой хрустел под ботинками. Именно такой снег заключен в этом аромате. <...> Одновременно и холодный, морозный, — и влажный. Свежий, озоновый, — но не чистый звонкий, а несколько тягучий, обволакивающий. С какой-то чуть резковатой ноткой, которая щекочет нос — точно так же, как если бы вы попытались вдыхать, плотно приблизив лицо к снегу [13, www].

Мы видим, как автор текста вводит оборот *запах весны* на правах устойчивого выражения, привычной метафоры (как когнитивной — по природе, так и поэтической — по цели использования). Таким образом автор внедряется в ассоциативное поле концепта *весна*, а затем — сужает читательские ассоциации: от распускающихся листьев и цветов — до подтаявшего снега. Лишь после того, как *снег* и его *запах* «попали в прицел», когда установлена и объяснена ассоциативная связь с определенным сегментом ассоциативного поля (сегмент *весна* — климатическое и фенологическое явление) идет описание аромата, за которым следует резюмирующая конструкция, закрепляющая ассоциативные образы и ощущения: *точно так же, как если бы вы вдыхали, плотно приблизив лицо к снегу*.

Сложности в создании рекламы аромата связаны с абстрактностью и субъективностью восприятия запахов: в данном случае уместнее говорить об обозначаемом не как о денотате, а как о референте — каждый воспринимает аромат как нечто личное, индивидуально.

Эта особенность не исключает сходных ассоциаций и эмоций для представителей одной культуры или поколения, например, в России: запах мандаринов — символ Нового года, запах ладана — связь с православным богослужением.

Вспомним здесь строки из романа А. Вертинского: *Ваши пальцы пахнут ладаном, /А в ресницах спит печаль. /Ничего теперь не надо нам, /Никого теперь не жаль* [14, www]. Романс был посвящен актрисе Вере Холодной и сильно беспокоил ее: несмотря на то, что ладан используется во время различных богослужений, в романсе ассоциативное поле искусственно сужено до заубойной службы. Напуганная артистка попросила снять посвящение, что было сделано, однако стихи Вертинского оказались пророческими: молодая «королева экрана» умерла от «испанки» три года спустя. Романс же получил широкую известность, став символом заката имперской России и ярким маркером декадентского искусства, часто обращавшегося к маргинальным темам, эстетизировавшего смерть и разложение, тяготевшего к мистике.

В 1993 году режиссер Н. Чуриков снял комедию с элементами фильма ужасов о вампирах, для названия которой выбрал первую строку романа Вертинского, апеллируя уже не к индивидуальному восприятию запаха, а к культурному и художественному стереотипу жителей нашей страны: ладан — покойник, и древнему суеверному страху перед потусторонним. Таким образом он «удвоил» метафоричность, связанную с запахом, раскрыл ее потенциал и одновременно закрепил в сознании зрителя как пример, подтверждающий «истинность» стереотипа/мифа.

Заключение

Приведенные выше примеры иллюстрируют многообразие подходов и технологий по трансформации ольфакторных когнитивных метафор в слова-стимулы различных ассоциативных полей, чем и обусловлено, на наш взгляд, многообразие как художественных, так и прагматических стратегий, а следовательно, и растущее число текстов — что, в свою очередь, подтверждает значительный потенциал, содержащийся в ольфакторной метафоре, как для сферы художественной, так и для прагматической, в том числе рекламной.

С другой стороны, мы наблюдаем динамичную картину когерентного взаимодействия явлений нейрофизиологического и когнитивного порядка, транслируемую в сферы художественного и прагматического текста волевым участием носителя языка и культуры, носителя опыта коллективного и индивидуального — творца текста и, одновременно, — коммуниканта, члена общества, манипулятора сознанием, оценками и ценностями других и продукта таких манипуляций.

Литература

Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. — М.: Прогресс, 1990. — С. 5-32

Hoffman R. Some implications of metaphor for philosophy and psychology of science. — In: The ubiquity of metaphor. Amsterdam, 1985, p. 327.

Пруст, М. По направлению к Свану/ Пер с фр. Н. Любимова, предисл. Б. Сучкова, коммент. М. Толмачева. — М.: «Худож. лит.», 1973. — 464с.

Ароматы и запахи в культуре: в 2 кн. / Сост. О.Б. Войнштейн. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — Книга 1 — 616 с.: ил.

Голубев, Н.А. Запахи города: ольфакторные характеристики «ивановского текста». [Электронный ресурс] // Сайт Известия высших учебных заведений. URL: <https://www.isuct.ru/e-publ/gum/ru/node/841/> Дата обращения: 15.06.2016.

Ягодинский, В. И дым отечества нам сладок и приятен...//Фантастика-85 / Сост. И. Черных. — М.: Мол. гвардия. — С. 366-378.

Аминадо, Д. Города и годы // Эмигранты. Поэзия русского зарубежья/Сост., предисл. В.С. Петрова. — Ростов н/Д.: Феникс, 2004. — С.59.

Митяев, О. Запах снега. [Электронный ресурс] // Персональный сайт Олега Митяева.URL:<http://www.mityaev.ru/song.cfm?text=Zapah>Дата обращения: 26.11.2015.

Анонс мероприятия, 17.12. 13 [Электронный ресурс] // Сайт арт-ресторана ХОЛСТ МАСЛОURL: <http://holstmaslo.ru/приглашаем-на-новую-выставку-николай/> Дата обращения: 26.11.2015.

Григорьев, Г. Запах снега: Тест-драйв Nissan X-Trail. [Электронный ресурс] // Сайт Шанс-авто. URL:<http://shans-auto.ru/test-drives/zapah-snega-test-drayv-nissan-x-trail>. Дата обращения: 26.11.2015.

Малентович, К. Водка: 9 мифов о главном российском напитке. [Электронный ресурс] // Сайт Водка: история и современность. URL:<http://www.vodkakursk.ru/vse-alcogol/his-vodka/105-mif-vodka.html>. Дата обращения: 26.11.2015.

Ульяновский, А.В. Мифодизайн в рекламе: учеб. пособие / А.В. Ульяновский. — СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2011. — 168с.

СофияSchi88. Ароматыиоттенки.Demeter Fragrance Library: Snow (Снег). 30.01.13. [Электронный ресурс] // Сайт Косметиста. URL: <http://kosmetista.ru/blog/perfumes/34427.html>.Дата обращения: 26.11.2015.

Вертинский, А.Н. Ваши пальцы пахнут ладаном//Собрание песен в алфавитном порядке [Электронный ресурс]. Сайт bards.ruURL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=14943>. Дата обращения: 24.06.2016

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 080

ГЛОБАЛЬНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

GLOBAL ENGLISH LANGUAGE

Ж. Багана, Е.В. Хапилина

J. Baghana E.V. Khapilina

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University,
85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: baghana@yandex.ru

Аннотация. В данной статье представлена попытка определить статус английского языка, охарактеризовать английский язык как глобальный, а также раскрыть актуальный вопрос влияния английского языка на французский язык, как во французской языковой среде, так и в африканской.

Abstract. This article presents an attempt to determine the status of the English language, to describe English as a global, and uncover topical issue of the influence of English on the French language as in French language environment, and in African.

Ключевые слова: английский язык, французский язык, глобализация, статус языка, Африка.
Keywords: English, French, globalization, language status, Africa.

Термин «глобальный язык» воспринимается исследователями по-разному. Одни вкладывают серьезный смысл в содержание данного понятия, другие считают его данью моде.

Так или иначе, в вопросах глобализации тесно переплетаются различные аспекты: политический, экономический, образовательный, информационный, культурологический и т.д. Лингвистическая же сторона глобализации выражена в появлении языка супер-гиганта, каковым сейчас является английский, начинающий играть узловую роль в общении между людьми.

Рассуждения о глобализации английского языка и закреплении за ним статуса международного – отнюдь не пустые слова. Многие вопросы по-прежнему остаются открытыми. Действительно ли современный английский – оптимальное средство для общения людей разных национальностей? Или он становится угрозой многообразию национальных культур и языков? Существуют ли другие способы (языки) коммуникации в мировом сообществе? Не происходит ли «примитивизация» общения людей разных национальностей из-за неточностей, недопонимания и невозможности выразить все свои мысли и желания на неродном языке?

Вторая половина XX столетия стала временем «триумфального шествия» английского языка в глобальном масштабе. Пожалуй, еще в середине XIX века мало кто мог предположить, что этот язык, сложившийся из диалектов, на которых говорили переселившиеся в раннее средневековье в Британию германские племена, станет через несколько десятилетий доминирующим в мировой экономике, науке и технике, дипломатии [3]. Этот факт лишь подчеркивает уникальность английского языка. Но отнюдь не означает, что именно он должен стать единым для всех. Заметим, что глобальный, или международный, английский значительно отличается от британского английского. Выходит, что он не является официальным языком ни одной европейской страны.

Как отмечают Н.А. Морковкина и М.А. Кулинич, языковая ситуация любого языка определяется территориально-социальным взаимоотношением и функциональным взаимодействием с окружающими его языками [2]. Языковое состояние французского языка определяется территориальными пространствами франкофонии, то есть странами, население которых использует французский язык. Естественно, франкоязычная Африка и европейская

франкофония отличаются уровнем и нормой контакта между английским и французским языками, а также специфическими социоисторическими условиями, которые отражают и определяют контакт этих языков.

Не следует недооценивать причины экстралингвистического характера при становлении глобального языка. Среди них – стремление мирового сообщества к объединению, расширению международных контактов, одновременное появление в различных культурах новых явлений, требующих единых понятий. Как отмечают некоторые исследователи (А.Э. Рыцарева), искусственные языки не могли бы справиться с функцией международных по причине неестественного происхождения и ограниченности сфер употребления. Понятие «международный язык» и «глобальный язык» практически идентичны, с той лишь разницей, что глобальным не может быть искусственно созданный язык.

Потребность в едином языке идет из глубины веков. Можно вспомнить Вавилонскую башню или сравнительно недавние попытки создать общий язык эсперанто. Как показала история, и то, и другое были обречены на провал.

По мнению исследователей, глобальный английский язык – это новая версия старой утопии. Английский, конечно, международный язык. Вопрос только в том, что вкладывается в это понятие.

Любой язык неразрывно связан с культурой. Можем ли мы сказать то же о глобальном английском? К какой культуре он привязан? Всемирной? Если так, то чья культура стала всемирной вместе с языком? [1].

Некоторые авторы (Т.Н. Мамонтова) отождествляют процесс глобализации английского языка с так называемой «американизацией», подчеркивая, что используя заимствованные из этой культуры слова, «мы смотрим на мир глазами американцев».

На наш взгляд, мнение о том, что именно американский английский становится мировым языком развлечений, бизнеса и науки, является спорным. Ю.А. Шаповалов отмечает, что очень сложно, а иногда и невозможно определить, каково происхождение заимствованного слова (британское или американское) и считает целесообразным использовать термин «англо-американизм» как родовое понятие для обозначения заимствований как из американского, так и из британского вариантов английского языка [5].

Что касается англицизмов во французском языке Африки, то, как мы уже говорили, они в основном происходят из территориальных вариантов английского языка, распространенных в Африке, которые в свою очередь базируются на британской версии языка. Культурное и языковое влияние США в Африке намного меньше, чем в Европе.

Исходя из этого, представляется возможным предположить, что ни один отдельно взятый вариант английского языка, существующий и развивающийся на сегодняшний день в мире, не может быть признан глобальным.

Тем не менее, большинство ученых согласны с тем, что всем требованиям глобального языка соответствует английский язык, который распространяется и функционирует в настоящее время и обеспечивает международное общение и способствует объединению мирового сообщества.

Существует точка зрения, что на данном этапе жизни общества можно констатировать, что форсированное развитие мировой экономики, постоянное расширение зоны действия транснациональных корпораций, стремительное распространение электронных средств коммуникации привели к созданию на базе английского языка «нового эсперанто».

Идеи глобализации и стремление людей к совместному разрешению соответствующих проблем и трудностей несут в себе большой заряд положительного. Умение взаимодействовать на одном или нескольких языках международного и межкультурного общения при решении глобальных тем является не только необходимой, но и обязательной задачей. Так глобальный подход позволяет решать вопросы сокращения разрыва между социально-экономическим неравенством, усиления межкультурного обмена, решения неотложных задач, связанных со здоровьем человека, межрасовой, межнациональной и межрелигиозной напряженностью, с борьбой против стихийных сил природы, и с последствиями человеческих бедствий и др.

Усиливающаяся тенденция глобализации многих сторон жизни и овладение все возрастающим количеством людей языками глобального общения наряду с положительными имеют и отрицательные последствия, как то: формирование информационно-языкового неравенства. Глобализация и глобальная информатизация общества, в которой участвуют языки кросс-континентального общения, и прежде всего английский, означают, что страны и индивиды, способные целенаправленно и эффективно воспользоваться возможностями информационно-языковой среды, получают преимущество перед теми, кто этого сделать не может. Кроме того, происходит «сталкивание» народов с самобытного пути развития. Исходя из этого положения, бытует мнение, что глобализация наносит непоправимый вред уникальности наций. В результате глобализации вытесняется целый ряд языков, которые еще недавно играли определенную роль в целях обмена информацией между людьми.

Помимо традиционных международных и языковых контактов в областях науки и техники, распространению английского языка способствует развитие Интернета, в котором языковые контакты осуществляются стихийно и намного более интенсивно.

А.А. Соловьев добавляет к этому, что характерной чертой современного общества является стремительное развитие новых видов общения, порожденных техническим прогрессом: телефаксы, телешоу, телемосты, Интернет. В качестве орудия, формирующего язык, личность и общество в целом, Интернет имеет и функцию усиления позиций английского языка как средства международного общения и нивелирования национальных особенностей [4].

Интернет достаточно часто приводится в качестве одного из главных доводов в пользу того, что английский становится глобальным языком. По сегодняшним оценкам, примерно 80% интернет-ресурсов являются англоязычными. Однако число Интернет-пользователей, не говорящих по-английски, растет быстрее, чем число англоязычных. Согласно исследованию Euro Marketing Associates, 44% сегодняшних пользователей Интернета используют английский язык лишь для работы.

Превращение английского в глобальный язык кажется уже свершившимся фактом. Языковеды в Европейском союзе обеспокоены тем, что английский язык в век новых технологий и стремительного развития как бы «поедает» языки малых народов. Однако глобализация английского вовсе не является неизбежной. Сегодня в мире в три раза больше людей говорят по-китайски, чем по-английски. В самой большой англоязычной стране – США – постоянно растет доля людей, которые не говорят по-английски.

Распространенность английского языка связана главным образом с тем, что во многих странах он является вторым официальным языком. В тех странах, где у английского нет официального статуса второго языка, многие владеют английским как иностранным.

Статусные различия между вторым языком и языком иностранным не имеют значения для человека, который говорит по-английски, однако важны для самого языка. Провозглашение английского языка вторым официальным языком дает стране право устанавливать местные языковые стандарты, которые фиксируются в словарях.

Оценить, сколько людей знают английский как второй, довольно сложно. Непонятно, какой уровень знания делает человека англофоном, поэтому оценки разных экспертов сильно расходятся. По некоторым данным, их число колеблется от 350 до 518 млн. Данные о численности людей, владеющих английским как иностранным, расходятся еще сильнее – от 100 млн. до 1 млрд.

Несмотря на сложности с подсчетами, большинство экспертов сходятся в том, что число людей, для которых английский является вторым или иностранным языком, уже превысило число коренных носителей языка. И этот разрыв со временем будет лишь увеличиваться. Здесь следует отметить, что большинство пользующихся английским языком владеет им далеко не «в совершенстве» (при том, что эта часто встречающаяся формулировка вообще условна). Типичными являются скорее ограниченные познания и затрудненная, а часто примитивная, речь. Это, однако, никак не влияет на масштаб тенденции глобализации английского языка, которая не показывает никаких признаков исчерпания или даже ослабления.

Как правило, власти большинства стран ничего не имеют против английского языка как иностранного, но некоторые из них, что есть сил, борются с проникновением англицизмов в национальный язык. Тем не менее, в учебных заведениях многих государств, в том числе и на Африканском континенте, английский язык является обязательным предметом изучения. Такое противоречивое отношение к английскому языку и его месту в Африке делают борьбу против англицизмов малоэффективной.

Следствием глобализации английского языка стал его конфликт с другими языками (в частности, французским), претендующими на статус ведущих языков мира. Французский язык, находясь на вторых позициях, активно противостоит английскому влиянию, выражающемуся в заимствованиях. Вне всякого сомнения, английский язык претендует на роль языка международного общения, однако это не значит, что нужно допускать его тотальное проникновение в другие языки, так как тем самым будет нарушен существующий языковой баланс. Французский язык, обладающий богатыми культурными корнями и имеющий большое количество национальных вариантов должен стремиться сохранить самобытность и культурно-историческое наследие.

Вышеизложенное позволяет говорить о существовании противоречия между стремлением людей к возрождению и сохранению национально-этнической культуры, языка, обычаев и традиций своего народа и их желанием узнать как можно больше о других культурах, глобальных, общечеловеческих ценностях, их стремлением к совместному решению проблем, касающихся всего человечества. Речь идет о противоречии между национальным и универсальным и о том, что в этом вопросе следует найти «золотую середину», чтобы не было перекоса в какую-либо сторону.

Особо следует заметить, что данный конфликт на территории Европы, то есть в пределах исконного распространения языков, замечен намного меньше, чем на территории бывших английских и французских колоний.

Так, согласно результатам одного из опросов, осуществляемых среди носителей французского языка, французы довольно ясно осознают, что их язык находится под влиянием английского языка, но не бьют по этому поводу тревоги, считая, что английский язык не представляет угрозу для их языка, так как англицизмы, по их мнению, с трудом приспособляются к системе французского языка и не могут в конечном итоге закрепиться в нем в значительных объемах. Со своей стороны, африканцы также считают, что французский язык в Африке находится под сильным воздействием со стороны английского языка, но в отличие от французов полагают, что это влияние значительно угрожает целостности французского языка в Африке. И это несмотря на то, что в Африке, так же как в Европе, англицизмы с трудом приспособляются к системе французского языка.

В ходе работы над диссертацией, посвященной проблеме отношения к англицизмам во франкоязычной Африке и защищенной под руководством С. Лафаж, Д. Волкер провел исследование, которое показало, что французы в целом более лояльны к англицизмам в родном языке, тогда как африканцы видят в их присутствии реальную угрозу французскому языку. Причину разного отношения автор видит, в частности, в том, что несмотря на то, что французы трепетно относятся к своему языку и не приемлют заимствований (в том числе и английских), они все же более толерантны, чем африканцы, для которых французский язык – не просто один из множества языков, распространенных в странах Африки, а язык особого социального и культурного значения. Данная специфическая характеристика французский язык имеет следствием то, что населению «Черного» континента более присущи пуристические взгляды на французский язык, чем даже французам [6].

В свою очередь нами также был проведен опрос 30 студентов-африканцев, обучающихся в БелГУ и московских ВУЗах и 30 французов, работающих в России.

Респондентам были заданы следующие вопросы.

- Вам приходилось слышать, что современный французский язык находится под сильным влиянием английского языка?

Таблица 1
Table 1

	часто	иногда	редко	никогда
Франция	70 %	23.3%	6,7%	0
Африка	56,7%	30%	13.3%	0

- Считаете ли вы, что английский язык представляет реальную угрозу для французского языка?

Таблица 2
Table 2

	да	возможно	нет
Франция	20 %	30 %	50 %
Африка	40 %	43,3 %	16,7 %

- Считаете ли вы, что было бы удобнее заменить англицизмы французскими эквивалентами?

Таблица 2
Table 2

	да	возможно	нет
Франция	6,67 %	26,67%	66,67%
Африка	46,7%	20 %	33,3%

- Обогащают ли англицизмы французский язык?

Таблица 2
Table 2

	очень	средне	немного	совсем нет
Франция	10 %	40%	26.7%	23.3%
Африка	26.7%	36.7 %	23.3 %	13.3 %

Как видно из приведенных данных, вопрос о влиянии английского языка на французский (в том числе и негативном) является актуальным как во французской языковой среде, так и в африканской и вызывает оживленные споры. Например, о возможности замены английских заимствований французскими эквивалентами. Данные табл. 3 показывают, что французские слова намного ближе африканским франкофонам, чем европейским. Более того, засилье англицизмов

воспринимается жителями «Черного» континента как непосредственная угроза самому французскому языку.

Довольно противоречивыми представляются данные табл. 2 и 4.

С одной стороны, африканцы опасаются за чистоту французского языка, а с другой – больше склонны к мнению, что англицизмы обогащают французский язык. Это можно объяснить тем, что в глазах африканца человек, владеющий французским и английским языками одновременно, вызывает большее уважение, тогда как французы в большинстве своем относятся к этому безразлично. Африканцы придают больше значения чистоте языка, хотя и согласны с «вторжением» в него слов чужого языка.

Возвращаясь к проблеме глобализации английского языка, следует отметить, что он не только оказывает влияние на другие языки, но и сам подвергается изменениям. Основное преобразование английского как языка глобального состоит в его упрощении. Таким образом, глобальному английскому языку присуща та характеристика, которую создатели искусственных языков назвали преимуществом международного языка – простота.

Литература

Какуридис Т., Манян М. Глобальный английский: взгляд европейца // [http: // www. miresperanto.narod.ru/kiononiskribas/globalnyangliskij/29.07.2003](http://www.miresperanto.narod.ru/kiononiskribas/globalnyangliskij/29.07.2003).

Морковкина Н.А., Кулинич М.А. Географический и социально-этнический аспекты функционирования англицизмов во французском языке Канады // Эколингвистика: теория, проблемы, методы. – Саратов: Научная книга, 2003. – С. 45.

Палажченко П. Р. Диалог культур в языковом пространстве мира. – М.: Свободная мысль-XXI, 2004.

Соловьев А.А. Espanglish на языковой карте мира // Функционирование языковых единиц в аспекте национально-культурной специфики (на материале Романо-германских и восточных языков). – Москва, 2003. – С. 231-232.

Шаповалов Ю.А. Взаимодействие культурно-исторических и собственно языковых факторов в процессе взаимодействия языковых единиц (на материале англо-американских заимствований в современной русской и немецкой прессе). Дис. ... на соискание степени канд. филолог. наук. – Саратов, 2003. – С. 3-4.

Walker J. L'attitude envers les anglicismes en Afrique francophone: un rapport préliminaire // Le français en Afrique. – Nice, 1998. – № 12. – P. 327-333.

УДК 811.133.1-811.161.1

**ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ФРАНЦУЗСКИХ АНТРОПОНИМОВ
В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ****FEATURES OF ADAPTATION OF FRENCH ANTHROPONYMS IN THE RUSSIAN
AND UKRAINIAN LANGUAGES: LINGUISTIC AND EXTRA-LINGUISTIC ASPECTS****И.В. Бойчук, А.О. Лавриненко
I.V. Boichuk, A.O. Lavrinenko***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University,
85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: boichuk_i@bsu.edu.ru, lavrinenko@bsu.edu.ru*

Аннотация. Одним из самых распространенных средств межкультурного диалога в лингвистическом аспекте является такой вид лексического заимствования как заимствование антропонимов. Этот процесс, как правило, обусловлен рядом факторов лингвистического и экстралингвистического характера. Процесс заимствования антропонимов был в большей степени распространен при взаимодействии восточнославянских и французской культур в XIX веке. Зачастую этот процесс был неоправданным, хотя его результаты были весьма распространены в русском и украинском языках.

Abstract. Anthroponyms borrowing as a kind of lexical borrowing is one of the most common means of the intercultural dialogue in the linguistic aspect. As a rule this process is influenced by a number of both linguistic and extra-linguistic factors. The cultural interaction between Russian Empire and France in the 19th century involved a massive adaptation of French anthroponyms into Russian and Ukrainian. Often, as a result of this process Russian anthroponyms became Frenchified.

Ключевые слова: русский язык, украинский язык, французский язык, межкультурная коммуникация, ономастика, антропонимы.

Keywords: Russian, Ukrainian, French, intercultural communication, onomastics, anthroponyms.

В наши дни одним из ключевых явлений лингвистической науки и вспомогательных интегративных дисциплин является понятие о межкультурном диалоге, под которым традиционно понимается средство взаимосвязи различных культур. Такой их диалог (зачастую чуждых друг другу) носит обязательный интерактивный характер, поскольку являет собой живое общение – с той лишь разницей, что, в отличие от межличностного, использует в качестве сторон не индивидов, принадлежащих какой-либо культуре, а культуры в целом. Согласно теории коммуникации, межкультурный диалог должен включать в себя ряд аспектов, позволяющих выделять его как самостоятельное коммуникативное явление [Леонтович:6]:

1. Наличие двух и более сторон, позволяющее находить и изучать основные свойства каждой культуры, а также общее и различное в них. Общие черты культур-участниц диалога традиционно называются реалиями, а различные – лакунами.

2. Наличие возможности обмениваться информацией и верно интерпретировать ее.

3. Равные права сторон: диалог возможен лишь в том случае, когда все его стороны находятся на одном уровне. Если это условие не соблюдается, участники процесса коммуникации вступают в одну из недиалогических форм общения, по природе своей являющихся деструктивными – ассимиляцию или борьбу, неминуемо влекущих за собой уничтожение одной из культур [Леонтович:18].

Несмотря на то, что зачастую дефиниция «межкультурный диалог» носит подчеркнуто общий характер и воспринимается как одновременное взаимодействие всех проявлений культуры, мы полагаем, что взаимодействие культур начинается именно с языкового компонента. Справедливости ради отметим, что и другие составляющие любой культуры заслуживают пристального внимания, однако только язык, будучи частью культуры, способен вместить в себя ее самое: по мнению

известного немецкого философа М. Хайдеггера, «язык составляет ближайшее окружение человеческого существа... Человек... попадает к языку для того, чтобы удовлетворительным образом определить то, что ему видится» [Хайдеггер: http]. Полное и верное восприятие собственной (родной, имманентной) культуры способно породить возможность верного и полного восприятия любой другой культуры, что, в свою очередь, является первым шагом к налаживанию межкультурного диалога [Там же.].

Самым распространенным средством межкультурного диалога в лингвистическом аспекте, по нашему мнению, является лексическое заимствование. Сразу оговоримся, что процесс заимствования лексики может быть обусловлен рядом различных факторов, разделить которые можно на лингвистические и экстралингвистические. Так как заимствование есть одновременно процесс усвоения языковой единицы (лексемы или синтаксемы) и результат этого процесса – единица языка-донора, закрепленная в лексиконе языка-реципиента, передаче в другую культуру подлежит не только графический или фонетический облик той или иной лексемы или синтаксемы, но и контекст, посредством которого данная языковая единица включается в любую культуру. В контекст могут включаться различные культурные компоненты, могущие повлиять на бытие той или иной языковой единицы – резонансные исторические события, политические процессы, социальные изменения и даже религиозная догматика. Все это может явить собой культурное наполнение любой лексемы или синтаксемы. Если это наполнение так или иначе воспроизводится в принимающей культуре, то приходится говорить о лингвистических реалиях, дальнейшая судьба которых зависит от различных факторов и носит, на наш взгляд, тройкий характер:

- 1) Заимствование обладает более обширным культурным контекстом и вытесняет лексему, номинирующую первичную реалию из культуры-реципиента;
- 2) Заимствование обладает бедным культурным контекстом и не принимается либо со временем вытесняется из культуры-реципиента;
- 3) Заимствование дублирует лексему, номинирующую первичную реалию из культуры-реципиента и закрепляется в определенном пласте языка принимающей культуры.

Справедливой будет мысль о том, что процесс заимствования лексики имеет двойственную природу, обусловленную особенностями объекта заимствования: принято выделять особый сценарий для заимствования имен нарицательных или апеллятивов, а также для имен собственных. Зачастую имена собственные заимствуются не только раньше, чем апеллятивы, но и в гораздо большем объеме, однако при этом степень теоретического обоснования этого процесса и в настоящее время является относительно низкой, нежели степень разработанности феномена заимствования имен нарицательных, что и привлекает внимание исследователей к этой проблеме.

Важно заметить, что одни и те же лингвистические факторы оказывают различное влияние на процесс заимствования собственных и нарицательных имен: если для первых сохранение первоначального фонетического облика является едва ли не основополагающим, то для вторых гораздо более важным является возможность номинации заимствованного явления при помощи исконной лексики. В первую очередь это связано с распространенностью пуристической языковой политики, направленной на ограждение языка-реципиента от излишнего воздействия других языков и культур. В то же время пласт имен собственных открыт для воздействия, поскольку каждый его компонент номинирует некое оригинальное явление, для которого не нужен референт

Неоспорим тот факт, что французский и русский языки принадлежат к разным группам индоевропейской языковой семьи (соответственно романской и славянской) и территориально разобщены, что не может не накладывать отпечаток на их взаимодействие: прямой контакт этих языков возможен в весьма ограниченных масштабах, и потому оба языка при попытке взаимодействия так или иначе претерпевают влияние третьих языков (ранее – польского и немецкого, позже – английского).

Формирование в восточнославянских языках (в частности, в русском языке) корпуса онимных галлицизмов – результат длительных и имеющих различную интенсивность и динамику контактов между этими языками. Наличие этих контактов закономерно приводило к заимствованию обширных пластов лексики, и в особенности – онимной. По замечанию академика В.В. Виноградова, «на протяжении своей истории русский язык с необычайной широтой и свободой пользовался словами и выражениями чужих языков, погружая их в русскую национальную стихию и ассимилируя с ней» [Виноградов: 123]. При этом важно, что в разные исторические периоды процесс и результат заимствования онимной лексики был детерминирован окружающей средой – историко-политическими событиями, социальными изменениями и т.д.: в зависимости от эпохи, в различных пластах русского языка преобладали заимствования из разных языков: во время правления реформатора Петра I было велико влияние голландского и немецкого языков (в большей степени – первого), поскольку средства именно этих языков номинировали явления, внедрявшиеся Петром в русскую культуру (номинации явлений, связанных с военным делом – ефрейтор, юнкер, лафет, штаб, командир; апеллятивы, номинирующие реалии, относящиеся к морской и военной терминологии, а также к быту – буер, балласт, вымпел, гавань, верфь, флаг, флот, зонтик); период нахождения у власти Анны Иоанновны был ознаменован новой волной популяризации немецкого языка, поскольку это был родной язык ее фаворита – государственного деятеля Э.И. Бирона и его окружения; увлечение

императрицы Екатерины II идеей просвещенного абсолютизма усилило интерес к французской культуре в целом и к французскому языку в частности [Фомина:290]. Необходимо упомянуть о том, что языковая политика культуры-реципиента может заключаться и в неприятии влияния того или другого языка: так, например, в период I и II Мировых войн популярность немецкого языка существенно понизилась, в то время как английский язык стал своеобразным *lingua franca* для населения практически всего земного шара.

В нашем исследовании мы предлагаем изучать процесс взаимодействия русского и французского языков с диахронной позиции, поскольку только этот подход поможет дать наиболее объективную оценку явлению заимствования онимных лексем. Для этого нам необходимо принять в качестве исходного понятие лингвистического времени, под которым автор термина Эмиль Бенвенист понимал сразу три аспекта:

1. Физическое время (или психическое, которое каждый индивид определяет по своей внутренней жизни);
2. Хроническое время (членение времени на хронологические сегменты – дни, недели и т. д.);
3. Лингвистическое время, прямо связанное с речью и отображенным в языке человеческим опытом; «лингвистическое время отправляется от своего основного ядра, наличествующего в настоящем, откуда расходятся его два направления (бинарное направление) – в прошедшее и в будущее» [Бенвенист: 8].

В связи с тем, что восточные славяне издревле налаживали политические, экономические и культурные связи с другими государствами, заимствование целых пластов лексики из родственных славянских и других языков было неизбежно. Как было сказано выше, ряд причин, обуславливавших необходимость данного процесса, включает в себя лингвистические и экстралингвистические факторы. К последним следует отнести потребность в номинации новых объектов, явлений и понятий; ранее неизвестных восточнославянской культуре, наличие билингвизма, вызванное необходимостью вступать в контакт с представителями других народов, интерес к другим культурам, и т.д. Весьма значим тот факт, что в различные периоды времени превалировала та или иная экстралингвистическая причина заимствования онимов. Так, например, конец X – начало XI века были ознаменованы христианизацией населения восточнославянских земель, что не могло не наложить отпечаток на восточнославянский лексикон, обогатившийся как апеллятивами (в основном, церковной лексикой), как и антропонимами (имена святых византийской традиции и обиходные имена греческого происхождения, хотя благодаря развитию переводческой практики распространяются также римские имена и имена еврейского происхождения, но в гораздо меньшей мере). При этом до определенного момента восточнославянская культура практически никоим образом не взаимодействует с западноевропейской – и лишь с 1453 года, когда Византийская империя перестала существовать, в среде восточных славян получили весьма широкое распространение западноевропейские (в частности – французские) онимы. До этого восточным славянам были известны преимущественно греческие, латинские, тюркские, скандинавские и еврейские (библейские) имена.

Благодаря распространению переводной литературы и расширению контактов с другими государствами, русский язык обогащается лексикой, заимствованной из западнославянских (в основном польского) языков, позднее из латинского, немецкого, шведского. Именно к этому периоду (XIV-XVII вв.) относится закрепление и распространение в русском языке онимных моделей на – ия: Дания, Испания [Суперанская:12]. Воспринимать же французскую лексику русский язык начинает только во второй половине XVII века, и этот факт связан с развитием русского военного дела, что, соответственно, влечет за собой заимствование обширного пласта апеллятивной лексики, номинирующей воинские звания, военную технику, специальную терминологию. Но, так как процесс заимствования имен нарицательных так или иначе сопровождается заимствованием собственных имен, носителям русского языка удастся активизировать в своей речи французский антропонимикон, адаптация которого в этот период проходит под значительным влиянием немецкого и польского языков. Как было сказано выше, социальные, политические и экономические связи России и Франции были в этот период намного слабее, чем взаимосвязь России с Польшей или Германией. Именно поэтому в период до начала XVIII века французская онимная лексика входила в русский язык в несколько трансформированном – по правилам немецкого или польского языков – виде. Наиболее показательным примером в этом отношении является астионим Париж (польск. *Paryż* /pariz/ < нем. *Paris* /paris/ < франц. *Paris* /pari/). Культурная ситуация изменилась только к середине века, когда значение французского языка резко возросло во всех крупнейших европейских государствах. Полагаем, что одной из причин этому послужила экспансия политики просвещенного абсолютизма, разработанная видными французскими мыслителями и политическими деятелями. После революции 1789-1794 гг. усилился поток миграции французских дворян в Российскую империю, и со временем именно французская культура стала оказывать влияние на ключевые сферы жизни общества – начиная от общекультурных связей и заканчивая культурой повседневности. Так, например, в средствах массовой информации того времени были весьма распространены объявления следующего содержания: «Недавно приехавшая мадам Франтуе делает самое лучшее и новомодное дамское платье

и обучает девок...» («Московские ведомости». 1786, 30 декабря). В это же время возрастает частотность использования галлицизмов в газетных текстах – для сравнения, в первой российской газете «Вести-Куранты» апеллятивные галлицизмы использовались крайне редко и претерпевали влияние третьих языков. Что касается онимной лексики, то она передавалась в данный период при помощи транслитерации [Пичугина: <http://>].

Языковая ситуация рубежа XVIII-XIX вв. была охарактеризована таким явлением как франко-русский билингвизм в некоторых случаях с минимальной русской составляющей: многие представители дворянской верхушки, являющие собой самую образованную часть населения, практически не владели русским языком (подобная ситуация описана Л.Н. Толстым в романе «Война и мир»):

— В Moscou есть одна барыня, *une dame*. И она очень скуп. Ей нужно было иметь два *valets de pied* за карета. И очень большой ростом. Это было ее вкусу. И она имела *une femme de chambre*, еще большой росту. Она сказала...

Тут князь Ипполит задумался, видимо с трудом соображая.

— Она сказала... да, она сказала: «Девушка (*à la femme de chambre*), надень *livrée* и поедем мной, за карета, *faire des visites*»).

При этом в указанный период весьма распространено было так называемое графическое цитирование – имена не передавались при помощи транслитерации, но сохраняли аутентичное написание – как в тексте романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: «К Talon помчался...»; «...мой друг, *monsieur Guillot*». Со временем передача антропонимов при помощи графического цитирования была вытеснена транслитерацией, однако при этом процесс франсизации русских личных имен все еще был весьма распространен. Необходимо заметить, что результаты этого процесса неоднократно и чрезвычайно ярко освещались в русской классической литературе. Как правило, это делалось с целью воспроизведения реальности в художественном дискурсе, как это можно проследить по текстам произведений Л.Н. Толстого – в тексте романа «Война и мир» дети князя Василия Курагина носят имена Анатолий и Элен, но не Анатолий и Елена, как и отпрыск княжеского рода Корнаковых из трилогии «Детство. Отрочество. Юность»:

«Она рассказала мне между прочим, что их брат Степан, которого они звали Этьен и которого года два тому назад отдали в Юнкерскую школу, был уже произведен в офицеры». Важно при этом, что в первой редакции текста романа указывается другое имя молодого князя Корнакова – Сергей, что, соответственно, идет вразрез с франсизированным вариантом Этьен. С другой стороны, часто отражение этого процесса использовалось с целью придания комического эффекта тому или иному образу, например, в тексте романа «Отцы и дети» И.С. Тургенев приводит наряду с настоящим именем героини неоправданный франсизированный вариант:

«Небольшой дворянский домик на московский манер, в котором проживала Авдотья Никитишна (или Евдоксия) Кукшина, находился в одной из нововыгоревших улиц города».

Подобный пример приводится в тексте романа в стихах «Евгений Онегин» – «Княжна, *mon ange!* – *Pachette!*» – Алина...», где к деминутивному варианту имени Прасковья (уменьш. – Паша) прибавляется французский суффикс-деминутив *-ette* (пример заимствован у Ю.М. Лотмана). На наш взгляд, небезынтересным будет пример такого образования уменьшительного имени при помощи заимствованного суффикса, зафиксированный в первой редакции уже упомянутой трилогии Л.Н. Толстого: одна из героинь этого произведения названа деминутивным именем *Sachinette*, образованным, по-видимому, от женского личного имени Александра. Отметим, что это имя, выведенное искусственным образом, используется с фамилией Алишкеева, имеющей явное тюркское происхождение, которое можно проследить по наличию зияния – [jəjə]. В последующих редакциях романа это имя не применяется.

Небезынтересным является тот факт, что названный процесс был характерен среди представителей всех социальных слоев – с той лишь разницей, что в крестьянской среде он распространялся благодаря влиянию на нее (зачастую – совершенно неоправданному) высших слоев общества. Наиболее ярким примером такого воздействия является эпизод из текста романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», в котором мать Татьяны и Ольги Лариных предпринимает попытку перестроить русский помещный быт по европейским – главным образом, французским – лекалам, соотнося при этом факты культуры-донора и культуры-реципиента случайным образом:

Бывало, писывала кровью
Она в альбомы нежных дев,
Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспев,
Корсет носила очень узкий,
И русский Н как N французский
Произносить умела в нос;
Но скоро все перевелось;
Корсет, альбом, княжну Алину,

Стишков чувствительных тетрадь
Она забыла; стала звать
Акулькой прежнюю Селину
И обновила наконец
На вате шлафор и чепец.

Процесс, описанный в данном отрывке А.С. Пушкиным, имеет мало общего с процессом франсизации в частности, но, по нашему мнению, относится к процессу европеизации в целом: латинское личное имя Полина (Паулина) и греческий антропоним Прасковья (Параскева) не имеют общего происхождения, как и имена Акулина, использованное с оттенком пренебрежения, и Селина – оба имеют латинское происхождение, однако каждое из них обладает своеобразной внутренней формой: Aquilina > Акулина, Акулька ('орлиная'), Céline > Селина (др.-греч. selēnē – 'луна', либо от лат. caelum – 'небо').

Следует помнить, что процесс франсизации русских личных имен был распространен вплоть до 1917 года. К концу XIX в. офранцузенные варианты распространенных в России имен постепенно вытесняются англоязычными, но, тем не менее, все еще остаются в обиходе – в тексте романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» жену Ипполита Матвеевича Воробьянинова зовут Мари Петухова, при этом фамилия идет вразрез с фонетической системой французского языка (наличие фонемы <х>), под которую и была предпринята попытка адаптации данного имени.

Что же касается англоязычных вариантов русских антропонимов, то она распространяются сначала в действительности, а затем – в художественном дискурсе – в последней трети XIX столетия. Так, например, имя персонажа романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» Степана Аркадьевича Облонского трансформируется под влиянием именно английского языка: Stephen/Steve> Стива, а имя его жены Дарьи Александровны вытесняется на страницах романа вариантом Долли, хотя в европейских языках это имя является деминовом от личного женского имени Dorothea, традиционно передающегося на русский язык как Доротея [Рыбакин: 70].

Результаты названного процесса были подвергнуты осмеянию в произведениях молодой советской культуры. Так, например, в стихотворении В.В. Маяковского «Маруся отравилась» (1927), рассматривается случай неоправданной франсизации личного имени:

Он был
монтером Ваней,
но...
в духе парижан,
себе
присвоил званье:
"электротехник Жан".

Данный пример живо свидетельствует о том, что и через десять лет после революции французский антропонимикон пользовался определенным престижем у населения нового государства, в том числе – у представителей пролетариата.

Итак, несмотря на довольно долгую историю взаимодействия французского и русского языков, начало активного построения диалога названных культур относится к XVIII веку. Традиционно принято выделять четыре основных экстралингвистических фактора, способствующих развитию языковых контактов:

1) экономический (главный в определении степени контакта); 2) политический фактор (имеет большое значение в конкретных условиях);

3) религиозный фактор;

4) фактор престижа [Вандриес: 270].

В зависимости от актуальной культурной ситуации каждый из названных факторов попеременно выходит на передний план. Отметим, что с начала XX века религиозный и престижный фактор практически не оказывают никакого влияния на межкультурный диалог России и Франции и имеют основополагающее значение лишь в частных случаях.

Что же касается лингвистических факторов взаимодействия указанных языков, то среди них, на наш взгляд, необходимо выделить следующие:

1) Распространение переводной литературы;

2) Распространение зарубежных средств массовой информации;

3) Интенсивный, но несимметричный обмен носителями обоих языков в различных сферах: влияние французского языка на русский несоизмеримо сильнее, чем обратный процесс.

Таким образом, несмотря на весьма высокую степень научного обоснования и разработанности такого явления как заимствование русским языком французской онимной лексики (И.В. Бойчук, О.А. Пичугина), этот процесс, как и его результат, как в собственно ономастическом,

так и в лингвокультурном аспектах по-прежнему представляет значительный интерес для широкого круга исследователей и является неотъемлемой частью межкультурного диалога.

Список литературы

- Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. Бакы- Язычы, 1992, 279 стр.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бойчук И.В. Адаптация французских онимов в украинском и русском языках. – Дисс. ...канд. филол. н. – Донецк, 2002. – 275 с.
- Бойчук И.В. Адаптация французских онимов в восточнославянских языках (на материале русского и украинского языков). – Белгород: ИД «Белгород», 2015. – 260 с.
- Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М.: Едиториал, 2004.
- Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. / Перевод с английского, ответственный редактор М. А. Кронгауз, вступительная статья Е. В. Падучевой — М.: Русские словари, 1996—412 с.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС Едиториал, 2008. – 144 с.
- Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. — М.: Р.Валент, 2001.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 2007.
- Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – Волгоград: Перемена, 2003.
- Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина "Евгений Онегин": комментарий : пособие для учителя / Лотман Юрий Михайлович. - 2-е изд. - Л.: Просвещение, 1983. - 415 с.
- Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М.: Советская Энциклопедия, 1966. – 384 с.
- Пичугина О.А. Процессы освоения топонимических галлицизмов в русском языке XVIII в. – Дисс.... канд. филол. н. – Донецк, 1990. – 234 с.
- Рыбакин А.И. Словарь английских личных имен. – М.: Астрель, АСТ, 2000. – 222 с.
- Рылов Ю.А. Имена собственные в европейских языках. М., 2006. – 320 с.
- Суперанская А.В. Ономастика. Типология. Стратиграфия. М.: Наука 1988
- Суперанская А.В., Суслова А. В. О русских именах. /А. В. Суслова, А. В. Суперанская. – СПб: Авалонъ, Азбука-классика, 2007. – 301 с.
- Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – М.: Высшая школа, 1983. – 335 с.
- Хайдеггер М. Язык – [Электронный ресурс]– Режим доступа: <http://lib.ru/ HEIDEGGER/yazyk.txt>

УДК 81'42

**КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ МЕТАДИСКУРСА
«УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ»****CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS OF MEDIA DISCOURSE:
“SUSTAINABLE DEVELOPMENT”****Л.М. Болсуновская
L.M. Bolsunovskaya***Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30**National Research Tomsk Polytechnic University,
30, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia**E-mail: bolsunovskl@tpu.ru*

Аннотация. Понятие «устойчивое развитие» активно используется в общественном принятии решений. Оно относится к идеальному видению глобального общества, где развитие человека и качество окружающей среды идут рука об руку. Логически, целесообразным представляется любой процесс, помогающий принятию решений, направленный на улучшение и регулирующий движение общества к устойчивому будущему. Однако на оценку устойчивости государственных решений влияют ожидаемые результаты устойчивого развития, так как под эгидой метадискурса устойчивого развития сосуществуют различные дискурсы. В данной работе предложена типология дискурсов устойчивого развития. В соответствии с данной типологией оценка устойчивости исследована через призму критического дискурс-анализа на примере стратегических программ. Результаты показывают, что мероприятия по оценке устойчивости зачастую подвержены влиянию, в основном, со стороны согласованного дискурса «устойчивое развитие как интеграция», в то же время, они предоставляют площадку для диалога между различными дискурсами. Результаты проливают свет на контекстуально обусловленную дискурсивную и институциональную динамику для развития и применения оценки устойчивости. Признание данных динамик, а также характерных для устойчивого развития норм интерпретации может привести к улучшению использования устойчивого развития как стратегии управления решениями.

Abstract. The concept of “sustainable development” has been actively used in the public decision making. It refers to an ideal vision of the global society where the human development goes hand-in-hand with the quality of the environment. Logically, any problem-solving process aimed at improvement and regulating the progress of society to stable future should be considered viable. However, the stability rating of policy decisions has been affected by the expected outcome of sustainable development since the meta-discourse of sustainable development covers a variety of discourses. The current paper suggests a typology of sustainable development discourses. According to the suggested typology, the stability rating has been studied through the critical discourse analysis in the case study of strategic programs. The results indicate that while the measures of stability rating are often subject to influence, predominantly to that of a coordinated discourse of “sustainable development as integration”, they provide ground for the interaction of various discourses. The results shed light on the contextually conditioned discursive and institutional dynamics of development and application of stability rating. The recognition of such dynamics and of the interpretation norms typical for stability rating can result in the improvement of the process of application of sustainable development as a decision management strategy.

Ключевые слова: дискурс, критический дискурс-анализ, устойчивое развитие, оценка устойчивости.
Key words: discourse, critical discourse analysis, sustainability.

Введение

Критический дискурс-анализ (далее КДА) включает в свою категорию множество подходов к социальному анализу дискурса [Fairclough & Wodak 1997, Pêcheux M 1982, Wodak & Meyer 2001], которые отличаются по теоретическим и методологическим подходам, а также темам исследований, которые они продвигают. Согласно ведущим исследованиям теории КДА, часто имеет смысл использовать дискурсивный анализ в сочетании с другими формами анализа, например, этнографическим или институциональным, обращаясь к социально конструктивным эффектам

дискурса в рамках управления организациями, связанными с управлением устойчивым развитием.

Настоящее исследование находится в процессе социальных изменений в аспекте дискурса, а точнее, последние и современные процессы социальных преобразований, которые по-разному определены такими терминами как «глобализация», «переходный период», «информационное общество», «устойчивое развитие» и «обучающееся общество».

Термин «дискурс» используется в различных значениях в области анализа дискурса. Здесь представлены два наиболее подходящих значения. Во-первых, «дискурс» в абстрактном смысле как категория, которая в широком смысле обозначает семиотические элементы (в противоположность и относительно других, несемiotических элементов) общественной жизни (язык, но также и визуальный симиозис - «язык невербального общения» и т.д.). В настоящей работе, термин «дискурс» определяется, как категория для обозначения конкретных способов представления конкретных аспектов общественной жизни. Хотя дискурс и живет в тексте, он кроме текста в свой состав включает различные экстралингвистические факторы, порождающие его смысловое содержание. Категория «дискурса» в этом втором смысле определяется через его отношение и отличие от двух других категорий, «жанра» и «стиля».

Семиозис представлен тремя способами в социальных практиках (в социальной сфере, учреждениях и организациях) и общественных мероприятиях. Во-первых, он проявляется как часть общественной деятельности, часть действия (и взаимодействия). Частью выполнения определенной работы (например, инженера, врача и т. д.) является использование языка особым способом; так же является и частью управления страной. Во-вторых, семиозис фигурирует в представлениях. Социальные актеры, действующие в любой области или организации, представляют как другие, так и свои собственные практики в ходе их деятельности. Различные социальные актеры будут представлять их по-разному, согласно тому, как они позиционированы в той или иной области или организации. В-третьих, семиозис служит символом в образах жизни, в утверждениях идентичности. Например, личность такого политического лидера, как В.В. Путин, в определенной степени представляет собой семиотически сконструированный образ жизни.

Семиозис как часть общественной деятельности устанавливает «жанры». Жанрами называют разнообразные способы взаимодействия в специфическом семиотическом аспекте. Примерами являются: встречи в различных организациях, политические и другие формы интервью, статьи новостей в прессе и рецензии на книги. Семиозис в представлении и самопредставлении социальных практик устанавливает «дискурсы». Дискурсы - разнообразные представления общественной жизни. Например, жизнь бедных и обездоленных людей представлена через различные дискурсы в социальных практиках правительства, политики, медицины и социологии, а также через различные дискурсы каждой из этих практик, соответствующих различным положениям социальных субъектов. Наконец, семиозис, как часть способа бытия устанавливает «стили» - например, стили бизнес-руководителей или политических лидеров.

Семиотическим аспектом социальной сферы, учреждения или организации (т. е. определенного соединения социальных практик) является «порядок дискурса», определенное соединение разнообразных жанров, дискурсов и стилей. На более высоком уровне анализа, частью анализа отношений между различными социальными сферами, учреждениями и организациями является анализ отношений между различными порядками дискурса (например, политики и средств массовой информации). Порядком дискурса является социальное структурирование семиотических различий - это особое социальное структурирование отношений среди различных смысловых значений, т.е. разных дискурсов, жанров и стилей. Порядок дискурса не является замкнутой или жесткой системой, это скорее открытая система, которая может быть изменена тем, что происходит в реальных взаимодействиях. Тексты, в широком значении, являются семиотическими элементами общественных событий, и это помогает выдвинуть на первый план производственную деятельность общественных организаций в создании текстов. В процессе «текстурирования» общественные организации опираются на социальные структуры (включая языки) и методы (включая порядок дискурса).

Анализ текстов включает «междискурсивный» анализ, т.е. то, как жанры, дискурсы и стили соединены вместе. Это те категории, которые различаются и связываются на уровне социальных практик, как элементы порядка дискурса. На уровне общественных мероприятий, текстами сокращается разрыв, что приводит к гибридности или смешиванию категорий, то есть текст может быть гибридом относительно жанров, дискурсов или стилей. Например, маркетинг высшего образования отчасти вопрос текстов, которые «смешивают» жанры и стили, а если точнее, то дискурсы образования и рынка. Анализ текстов включает также лингвистический анализ и семиотический анализ зрительных образов. Для современных текстов характерно усиление мультимодальности в отношении семиотических систем. Междискурсивный анализ является центральной и отличительной особенностью КДА. Это позволяет включать элементы «контекста» в анализ текстов, чтобы показать взаимосвязь между конкретными случайными событиями и более продолжительными социальными практиками, а также показать инновации и

изменения в текстах. Все это играет важную посредническую роль, позволяя соединиться подробные лингвистические и семиотические особенности текстов с процессами социальных изменений в более широком масштабе.

Изменения в обществе включают в себя изменения в социальных практиках и в сети социальных практик. Все это включает в себя изменения в порядке дискурса и отношения между порядками дискурса (и таким же образом изменения в жанрах, дискурсах и стилях, и отношения между жанрами, дискурсами и стилями). Кроме того, изменения в семиозисе (порядке дискурса) является обязательным условием для более широких процессов социальных изменений, например, глобализации. Во многих случаях, процессы изменений в обществе можно заметить с изменениями в дискурсе.

Между семиозисом и другими элементами общественных практик существует диалектическая взаимосвязь. Если мы рассмотрим диалектику дискурса в историческом плане, с точки зрения процессов социальных изменений, то возникает вопрос о способах и условиях, при которых происходят процессы интернационализации. Дискурсы включают представления о существующих предметах и о том, какие они были, а также воображаемые образы – представления того, какими они могли и должны быть. Дискурсам, в качестве воображаемых образов, также предписаны новые способы действия и взаимодействия, и эти предписания являются частично «внутрисемиотическими»: дискурсы начинают функционировать как жанры. Кроме того, можно утверждать, что диалектические процессы практического осуществления (принятия, внедрения, материализации) дискурсов всегда обусловлены включением их в успешные стратегии. Критический анализ дискурса имеют своей целью анализ как неявных, так и прозрачных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке.

Целесообразность критического дискурс-анализа устойчивого развития

Понятие «устойчивое развитие» стало в настоящее время всеобъемлющей стратегической целью и представлено как руководящий принцип действия для лиц, принимающих решения во всем мире. Это развитие, которое удовлетворяет потребностям настоящего, не ставя под угрозу способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности [WCED 1987]. Данное понятие предоставляет ответ на антропогенные проблемы окружающей среды, которые угрожают целостности планетарной системы, включая жизнедеятельность и благосостояние человека в настоящем и будущем в многочисленных аспектах (включая основной материал для хорошей жизни, свободы и выбора, здоровья, хороших общественных отношений и безопасности) [MEA 2005]. Устойчивое развитие, используемое здесь как синоним термина «устойчивость» – понятие одновременно привлекательное и сложное, так как существует огромное количество различных интерпретаций. Содержание учредительных документов современной генерации об устойчивом развитии представляет собой компромисс, который узаконивает различные интерпретации. В некоторой степени парадоксально, что динамичная и постоянно изменяющаяся цель устойчивости включает много часто неясных и неформулированных интерпретаций. Иными словами, социо-экологический кризис – реальность, тем не менее, значение концепта в реагировании на него остается спорным. Множество интерпретаций устойчивого развития отражают определенные мировоззрения. Когда группы людей или организации придерживаются одних и тех же взглядов, появляется серия дискурсов. Дискурс – совместно используемый структурированный способ восприятия мира [Dryzek 2005]. Хотя все мы хорошо знаем, что устойчивое развитие как таковое иногда рассматривается как один дискурс по вопросам защиты окружающей среды среди других, мы обращаем внимание на различные (под-)дискурсы, объединенные в рамках «мета-дискурса» устойчивого развития. Устойчивое развитие характеризуется структурной неоднозначностью. Оно объединяет многих заинтересованных лиц вокруг одной и той же широкой цели (ей), в то же время сосуществует множество интерпретаций. Кроме того, любая попытка определить понятие конкретно и определенно исключила бы тех, чьи взгляды и интересы не выражены в этом определении, расшатывая саму структурную неоднозначность. Это особенно актуально, когда устойчивое развитие отстаивают как стратегию управления решениями для высшего руководства, например, с помощью применения оценки устойчивости. Оценка устойчивости – процесс, направленный на введение в действие устойчивого развития как стратегии управления решениями с помощью определения будущих последствий текущих и планируемых действий.

В данной работе устойчивое развитие исследовано в аспекте КДА, предложена типология (под-)дискурсов устойчивого развития. Следующим шагом, применение устойчивого развития как стратегии управления решениями проанализировано с учетом практики оценки устойчивости.

Дискурсы являются структурированными способами репрезентации, которые способствуют особым толкованиям и, следовательно, могут обуславливать закрепление определенных типов

действий. Это означает, что, наряду с оценкой того, как идеи оформлены в слова, дискурс также относится к практикам, в которые заложены особые точки зрения [BuizerandVanHerzele 2012:97]. Таким образом, различное общественное понимание мира приводит к разным социальным действиям. Так, дискурс активно формирует общество. Утверждается, что существует структурная взаимосвязь между дискурсом и действием: значения дискурсов общеприняты и, в то же время, дискурс придает значение действиям. При проведении данного анализа мы будем придерживаться определения дискурса, предложенного Хайером, потому что оно учитывает как контекст информации, так и осуществляемые социальные практики: «дискурс - (...) особая совокупность идей, концептов и классификаций, которые производятся, воспроизводятся и трансформируются в определенный набор действий и, посредством которого физические и общественные реалии наделяются значением». Так как определенные дискурсы преобладают в принятии решений и обеспечивают направление и в концептуализации политической проблемы, и в ее возможных решениях [HajerandVersteeg 2005:180], анализ дискурса способствует лучшему пониманию устойчивого развития как стратегии управления принятием решений. Дискурс охватывает больше, чем простое описание вещей: он создает их, поскольку он «выносит решения» по поводу конкретных способов обсуждения темы и диктует приемлемое поведение, кроме того, он «отклоняет решения», ограничивает иные способы говорения, поведения или формирования знания о нем [Phillips и др. 2004:641].

Устойчивое развитие не может быть просто предписано гражданам допустимым директивным образом, а его интерпретация и внедрение постоянно оспариваются. Хотя для устойчивого развития может быть характерен набор общепринятых принципов, невозможно сослаться на одну абсолютно верную интерпретацию. Таким образом, дискурсивный анализ особенно актуален для лучшего понимания оценки устойчивости. С помощью дискурсивного анализа можно проследить за тем, как устойчивое развитие зародилось как концепт и как затем развивалось его значение, так как оно формировалось общественными институтами за счет применения конкретных случаев оценки устойчивости [HajerandVersteeg 2005:179]. Дискурсы не только задают обсуждения, они также оформлены в определенных практиках, таких как оценка устойчивости.

Основной вклад дискурсивного анализа в лучшее понимание устойчивого развития и его оценку в рамках данного исследования можно кратко выразить следующим образом. Дискурсивный анализ:

- эксплицитно оценивает устойчивость как спорное понятие;
- позволяет проанализировать направление в дискурсах и практиках, посредством которых вырабатывается политика;
- проливает свет на (под-)дискурсы, формирующие допустимые и недопустимые идеи. Они выступают как встроенные фильтры, отделяющие «уместные» данные от «неуместных». Они определяют границы выбора альтернативных вариантов политики и, таким образом, служат сигналами для ее выполнения;
- указывает, как ответы на вопросы устойчивости отражены в идеях об относительной ответственности правительства и граждан;
- дает представление о внедрении результатов оценки устойчивости в процесс принятия решений;
- проясняет возможное влияние оценки устойчивости на дискурсивную динамику.

Оценка устойчивости является как процессом выработки ответа на социальную проблему, так и критическим противостоянием, где конфликты дискурсов могут обостряться или разрешаться [HajerandVersteeg 2005:177]. Действительно, если реалии создаются через дискурс, возникает вопрос о том, как можно рассматривать институциональные практики (напр. оценку устойчивости) для ведения переговоров таким образом, чтобы создание этой реальности могло происходить, к примеру, более демократическим способом.

Целью данной работы является рассмотрение отношений между (под-)дискурсами устойчивости и практикой оценки устойчивости. Мы используем дискурсно-аналитическую парадигму для лучшего понимания того, как разрабатываются оценки устойчивости, что на них влияет и как происходят данные процессы, а также для исследования того, как оценка устойчивости в свою очередь влияет на дискурсы. Основная цель дискурсивного анализа в рамках данной работы заключается в изучении не только того, как язык отражает действительность, но и как язык конструирует ее.

Методология анализа

Предпринималось много попыток классифицировать дискурсы устойчивого развития и предложить четкую типологию. Отталкиваясь от работ Гибсона (2005), Хопвуда (2005),

Ноймайера (2003), Квентала (2011), Розема (2012) и других мы предлагаем обобщенную типологию, берущую за основу составные элементы различных (под-)дискурсов устойчивого развития. Согласно Дризеку (2005), они включают используемый язык и общие утверждения, а точнее относятся к:

- основным признанным или созданным факторам (что понимается под устойчивостью?);
- суждениям об естественных взаимоотношениях (воздействиям, зависимостям...);
- агентам и их мотивам (основным участникам, их интересам и мотивам);
- используемым метафорам и иным приемам риторики.

Типологическое и синтетическое описание установленных дискурсов базируется на анализе документов. Однако поскольку ежегодно публикуется более 3500 работ в области устойчивости, и их основной целью не является внедрение новой типологии как таковой, мы уделяем внимание синтезу и совершенствованию существующих типологий вместо проведения анализа документов. Актуальность публикаций, предлагающих типологию дискурса, была обусловлена:

- подборкой основных публикаций по вопросам устойчивости;
- журналами в области устойчивости — в широком смысле — с официальными импакт-факторами присвоенными the Thomson Reuters Journal Citation Reports. Методологической базой исследования служит также теория социального конструкционизма, согласно которой индивидуумы и группы людей принимают участие в создании воспринимаемой ими реальности.

Типология (под-)дискурсов устойчивого развития

В большинстве типологий центральным является подход противопоставления слабого и сильного устойчивого развития: он относится к «уровню интенсивности» устойчивости [Rozema и др. 2012:85]. Слабое устойчивое развитие указывает на совместимость природных и человеческих «капиталов», в то время как сильное устойчивое развитие отвергает этот баланс из-за существования критических, неустойчивых функций экосистемы [Neumaier 2003].

Мы выделяем три (под-)дискурса устойчивого развития, чьи границы, однако, не являются абсолютными:

- первый (под-)дискурс рассматривает устойчивое развитие как практическую интеграцию целей развития и защиты окружающей среды;
- второй (под-)дискурс подчеркивает идею ограничений деятельности человека;
- третий (под-)дискурс рассматривает устойчивое развитие как процесс управляемого изменения.

В таблице 1 представлен обзор составляющих элементов трех предложенных дискурсов.

(Под-)дискурс 1: устойчивое развитие как интеграция. Идея интеграции окружающей среды и общества кажется достаточно логичной и на первый взгляд не несет искаженной или отклоняющейся коннотации. Хотя относительно применимости сразу возникают вопросы контекстуального подхода к устойчивому развитию. Устойчивость представлена в качестве всеобъемлющего концепта, интегрирующего политическое, экономическое, социальное и культурное развитие. «Интеграцию» также необходимо применить с учетом взглядов и интересов различных заинтересованных лиц, а также различных временных и пространственных масштабов. Все аспекты устойчивого развития являются взаимозависимыми, взаимно усиливающими и совместно направленными на повышение благосостояния человека. Хопвуд и др. (2005) утверждают, что «концепт устойчивого развития – результат возрастающей осведомленности о глобальных связях между возрастающими экологическими проблемами и социо-экономическими вопросами, связанными с бедностью и неравенством, а также обеспокоенности здоровым будущим человечества» [Norwood и др. 2005:42]. Идея интеграции прогресса и окружающей среды недавно была переведена в ряд — в основном, антропоцентрических — парадигм, таких как парадигма природных ресурсов [MEA 2005] и взаимосвязь бедности и окружающей среды. Хотя данный (под-)дискурс контекстуальной интеграции является популярным, некоторые авторы критикуют традиционный подход к нему [Gibson и др. 2005]. Утверждается, что упор на противопоставление интересов, а не связей и взаимозависимостей, значительно усложняет задачу эффективной интеграции и достижения балансов, часто за счет окружающей среды.

Данный (под-)дискурс также схож со взглядом на устойчивое развитие как на философский, так и на политические консенсусы. Устойчивое развитие становится формулой компромисса, достигаемого между участниками, изначально придерживающихся противоположных взглядов и интересов.

Таблица 1

Обзор составных элементов трех дискурсов устойчивого развития

Дискурс	Основные факторы	Суждения об естественных взаимоотношениях	Агенты и их мотивы	Метафоры и приемы риторики
Интеграция	интеграция целей развития и защиты окружающей среды является ключевым фактором; модернизация охраны окружающей среды может решить проблемы устойчивого развития; возможно принять технические меры	балансы между аспектами устойчивого развития являются ключевыми [напр. посредством анализа рентабельности; утилитаризм антропоцентризм; экономическое стимулирование	капитализм и рынки как решатели проблем; правительства как координаторы; неантагонистический подход	космический корабль «Земля»; взвешенная реформа или статус-кво; устойчивое развитие как консенсус; взаимозависимость бедности и окружающей среды; природные ресурсы
Ограничения	необходимо поддерживать основные природные ресурсы; необходимо соблюдать планетарные границы; существуют ограничения роста	эко-центризм; минимизировать воздействие человека	необходим политический контроль; научный вклад в установление ограничений	планета Земля; экологический отпечаток; основной экологический капитал; устойчивость; гнездовые модели
Изменение	необходимо изменение ценностей; необходимо изменение в системе общества; суть дискурса заключается в необходимости изменений как таковых	ключевым фактором является участие всех членов общества; устойчивое развитие является процессом, а не конечным состоянием	взаимосвязь множества участников	трансформация; переходы устойчивости; континуум реформистско-радикального изменения

Данная перспектива консенсуса делает возможным и приемлемым широкий спектр интерпретаций, иногда приводящих к ситуативному «снятию сливок» с элементов дискурса устойчивого развития, отвечающих текущим целям пользователя и одновременно несущих риск тривиализации, когда устойчивое развитие представлено как «дорога ко всему хорошему и желательному в обществе».

(Под-)дискурс 2: устойчивое развитие как ограничение. Данный (под-)дискурс устойчивого развития подчеркивает отношение между обществом и природой через идею ограничений. Он укоренен в экологии и связан с пространственно определенной пропускной способностью, выражающей интересы населения, которое может быть поддержано экосистемой. Данный (под-)дискурс, популяризованный посредством терминологии «пределы роста», определяет устойчивое развитие как развитие в рамках пропускной способности Земли, и отражает предсказания Томаса Мальтуса относительно потенциального противоречия между ростом населения и ресурсообеспеченностью. Это означает, что для обеспечения возможностей социо-экологической системы необходимо поддерживать уровень невозобновляемых ресурсов. Устойчивое развитие, таким образом, рассматривается как стратегия борьбы с нехваткой ресурсов.

Наряду с ограничениями окружающей среды выделяют еще одно ограничение – этическое, корнящиеся в требованиях социальной справедливости. Данные требования устанавливают ограничения для допустимых в настоящее время видов человеческой жизнедеятельности. Данный дискурс подчеркивает, что, в частности, экологический капитал неустойчив и, следовательно, относится к сильной устойчивости [Neumayer 2003]. Эта идея дефицитного природного капитала описывает ту часть важных и незаменимых функций окружающей среды, которые невозможно заместить и следует сохранять. Это означает, что человеческая жизнедеятельность должна быть помещена в рамки динамических ограничений экосистем. Если представить ее схематически, она включает «гнездовые» модели, в соответствии с которыми человеческое сообщество является частью природной среды.

(Под-)дискурс 3: устойчивое развитие как изменение. Корни третьего дискурса устойчивого развития уходят в критический анализ развития и указывают на процессы прямого

направленного изменения [Lélé 1991:615]. Устойчивое развитие – процесс изменения, а не фиксированное состояние гармонии или определенное конечное состояние. Изменение обладает семантикой развития, которая, ориентируясь на будущее, является предметом неопределенности. Всемирная комиссия по защите окружающей среды и развитию утверждает, что устойчивое развитие – «...процесс изменения, в котором освоение ресурсов, направление инвестиций, ориентация технологического развития и институциональное изменение находятся в полной гармонии и усиливают и текущий, и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и желаний» [WCED 1987]. Следовательно, данному концепту присуща критика традиционного мышления. Данный (под-)дискурс подчеркивает необходимость изменения образа жизни человека и, как следствие, социо-экономической структуры во избежание нежелательной выработки природных ресурсов. Гибсон (2006) рассматривает устойчивость как попытку направить человечество другим путем и, следовательно, как нарушение укоренившихся привычек и структур принятия решений. Устойчивое развитие требует социальных процессов трансформации или переходов, которые могут осуществляться с помощью новых форм учебной и управляющей деятельности (социальные сети, интерактивное руководство). Способность устойчивого развития изменяться как концепт, является одной из основных сильных сторон, объясняющих его продолжительное воздействие. Другим вкладом в данный (под-)дискурс устойчивости является подход разумного руководства экосистемой, указывающий на необходимость адаптивных социо-экологических систем и, следовательно, на важность устойчивости для решения проблем глобального изменения.

Каждый из трех предложенных (под-)дискурсов охватывает много (под-)направлений научной мысли, и ни один из них не является однородным. Многие организации (правительственные, предприятия, неправительственные организации) придерживаются своих собственных интерпретаций устойчивого развития. Хотя типология дискурса частично строится на противопоставлении слабого (по типу «интеграции») и сильного дискурса устойчивости (по типу «ограничений»), целью нашей модифицированной типологии стали:

- 1) установление ряда «составных элементов» классически идеальных (под-)дискурсов устойчивости;

- 2) преодоление дихотомии слабого и сильного (под-)дискурсов устойчивости через признание более подробных дискурсов, не описанных преимущественно в экономических терминах;

- 3) преодоление ограничений, заложенных чрезмерно упрощенной дихотомией, через характеристику третьего (под-)дискурса.

Третий (под-)дискурс фактически связан с самой сутью концепта устойчивого развития, означающей присущую ему оспоримость. Это выражается в относительной размытости дискурса изменения. Тем не менее, предметом интерпретаций является значение концепта устойчивое развитие, направленное на удовлетворение данных потребностей. Данные интерпретации могут значительно расходиться, что нашло свое выражение в дискурсах «интеграция» и «ограничения».

Отходя от концептуализации (под-)дискурсов устойчивого развития к устойчивому развитию как политической реальности, необходимо отметить, что наблюдаемое дискурсивное и практическое поведение лиц, принимающих политические решения, должно внести свой вклад в интерпретацию устойчивого развития в соответствии с конкретным контекстом. Когда лица, принимающие решения, соглашаются взять на себя обязательства так называемого «устойчивого развития», интересно выяснить, что подразумевается под этим в действительности. Однако для сохранения смысла и значимости устойчивого развития необходимо принимать во внимание интерпретационные ограничения концепта. Тем не менее, устойчивое развитие относится к более или менее стабильному набору принципов. Эти принципы лежат в основе действий в направлении устойчивого развития.

Заключение

Устойчивое развитие является весьма оспариваемым концептом. Не существует абсолютной интерпретации, и признание различных (под-)дискурсов в рамках интерпретационных ограничений устойчивого развития позволяет проанализировать мероприятия по оценке устойчивости с практической точки зрения. Оценки устойчивости делают устойчивое развитие реальным, становясь сценой, где должны разворачиваться интерпретационные бои. В повседневных ситуациях принятия политических решений дискурсы зачастую высоко динамичны и формируют оценки устойчивости наряду с институциональной средой, в которой необходимо достичь устойчивого развития.

Отдельные способы придания смысла устойчивому развитию оказывают влияние на практику оценки устойчивости, включая и исключая конкретные варианты политики. Оценка устойчивости отражает влияющие (под-)дискурсы — предмет данного исследования. Тем не менее,

они не существуют в изоляции: они связаны со своим институциональным, политическим, социально-экономическим и культурным контекстом. Оценки устойчивости приведут к значительным изменениям только в случае, если высокопоставленные должностные лица, а также другие члены общества признают их заявления правомочными и необходимыми, и если будут учтены иные факторы влияния. Для отношений между оценкой устойчивости и дискурсивными переносами характерна положительная обратная связь. Оценка устойчивости будет действительно влиять на принятие решений только тогда, когда ее результаты будут согласованы с доминирующими дискурсами. При этом сама оценка устойчивости также будет оказывать влияние на способ концептуализации устойчивости через противостояние между (под-)дискурсами устойчивого развития.

Какая бы точка зрения не являлась доминирующей в различных контекстах, проведение оценки устойчивости всегда будет сложным и оспариваемым мероприятием, независимо от научного понимания взаимоотношения человека и окружающей среды: ценности всегда будут влиять на способ общества концептуализировать то, чем является и чем не является устойчивость. В применении оценки устойчивости сделан акцент на том, что диалог между альтернативными дискурсами устойчивого развития возможен. Необходимо улучшить и четко регулировать способность устойчивого развития установить основные вызовы нашего времени (такие как широко распространенная бедность, климатическое изменение, истощение природных ресурсов и т. д.), предоставляя парадигму управления принятием решений. Именно здесь оценка устойчивости может способствовать переходу к устойчивому обществу. Повышение осведомленности о роли дискурса в формировании оценки устойчивости как процесса политической поддержки будет способствовать будущему успеху общества.

Литература

- Buizer M, Van Herzele A (2012) Combining deliberative governance and discourse analysis to understand the deliberative incompleteness of centrally formulated plans. *For Policy Econ* 16: 93-101
- Dryzek JS (2005) *The politics of the earth: environmental discourses*. Oxford University Press, Oxford
- Fairclough N., Wodak R. *Critical Discourse Analysis // Discourse Studies / T.A. van Dijk (ed.)*. London: Sage, 1997. Vol. II.
- Gibson R.B. (2006) Sustainability assessment: basic components of a practical approach. *Impact Assess Project Apprais* 24:170-182
- Hajer M.A., Versteeg W (2005) A decade of discourse analysis of environmental politics: achievements, challenges, perspectives. *J Environ Policy Plan* 7:175-184
- Hopwood B., Mellor M, O'Brien G (2005) Sustainable development: mapping different approaches. *Sustain Dev* 13:38-52
- Kidd C.V. (1992) The evolution of sustainability. *J Agric Environ Ethics* 5(1): 1-26
- Lélé S.M. (1991) Sustainable development: a critical review. *World Dev* 19:607-621
- Millennium Ecosystem Assessment (MEA) (2005) *Ecosystems and human well-being: synthesis*. Island Press, Washington DC
- Neumayer E. (2003) *Weak versus strong sustainability: exploring the limits of two opposing paradigms*, 2nd edn. Edward Elgar Publishing, Cheltenham
- Pêcheux, M. (1982) *Language Semantics and Ideology*, trans. Harbans Nagpal. London: Methuen.
- Phillips N., Lawrence TB, Hardy C (2004) Discourse and institutions. *Acad Manag Rev* 29:635-652
- Quental N., Lourenco JM, da Silva FN (2011) Sustainable development policy: goals, targets and political cycles. *Sustain Dev* 19:15-29
- Rozema J.G., Bond A.J., Cashmore M., Chilvers J. (2012) An investigation of environmental and sustainability discourses associated with the substantive purposes of environmental assessment. *Environ Impact Assess Rev* 33:80-90
- Wodak R., Meyer M. (eds). *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage, 2001.
- World Commission on Environment and Development (WCED) (1987) *Our common future*. Report of the World Commission on Environment and Development. Published as an Annex to the General Assembly Document A/42/427. United Nations

УДК 080

**ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ ВНЕШНИЙ ВИД
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВ МИРА)**

**FEATURES OF LEXICAL COMPATIBILITY OF THE ADJECTIVES DENOTING
APPEARANCE (ON MATERIAL OF SOME LANGUAGES OF THE WORLD)**

М.А. Дрога, Н.В. Юрченко
M.A. Droga, N.V. Yurchenko

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University,
85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: droga@bsu.edu.ru, yurchenko_n@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассматриваются отличия в семантике и лексическая сочетаемость прилагательных, называющих внешний признак. В частности, исследуется национальная специфика прилагательных, обозначающих прекрасное (на материале нескольких языков). Также авторы уделяют внимание речевым контекстам, в которых реализуются значения этих прилагательных.

Abstract. Differences in semantics and lexical compatibility of the adjectives designating an external sign are considered. In particular, national specifics of the adjectives denoting fine are investigated (on material of several languages). Also authors pay attention to speech contexts in which meanings of these adjectives are realized.

Ключевые слова: прилагательные, семантика, сочетаемость, речевая ситуация, контекст
Keywords: adjectives, semantics, compatibility, speech situation, context

В каждом языке существует огромное количество выразительных средств, руководствуясь которыми мы можем в той или иной ситуации высказывать свои мысли. «Отражая в своем сознании действительность, человек может по-разному членить ее, по-разному проводить отождествление объектов с собой и отделение их друг от друга. Этот процесс находит свое отражение в языке» [1, 25]. Например, в русском языке функционирует множество синонимичных прилагательных, каждое из которых служит для определенной цели.

Имена прилагательные в языке не только характеризуют признак предмета или объекта, но и украшают его, придавая ясность и колоритность. Чтобы образно и точно выразить описываемое явление, необходимо выбрать точное слово, которое является «правильным» в данном контексте. Анализируя языковой материал, мы пришли к выводу, что одно и то же прилагательное в разных языках имеет небольшие отличия в своей семантике и сочетаемости с другими словами.

Под сочетаемостью данного элемента согласно И.А. Мельчуку предполагается понимать «число других элементов, с каждым из которых данный элемент может вступать в определенное отношение (быть зависимым от него, например, сочетаемость прилагательного – это число существительных, к которым оно может быть определением)» [2, 186-187].

Имена прилагательные обладают сложной, неоднозначной семантикой, а в контекстах актуализируют разную комбинацию смыслов. Будучи репрезентантами категории прекрасного, указанные лексемы относятся к классу активно употребляющихся номинаций.

По частотности употребления слово «красивый» в русском языке занимает первое место (среди прилагательных, обозначающих разную степень прекрасного) [3, 332]. Оно означает «доставляющий наслаждение взору, приятный внешним видом, гармоничностью, стройностью, приятный» [4, 303]. Приведем примеры: красивое лицо, красивая девушка, красивый дом, красивая сумка, красивая фигура. Мы видим, что этим прилагательным выражается и характеристика человека, и предмета. Четкой языковой закрепленности за каким-то одним субстантивом у него нет. Другими словами, лексическая сочетаемость очень широкая. В английском языке красивым - «beautiful» - является «тот, который имеет качества, приятные для

глаза, который вызывает приятное удовольствие» (beautiful smile - красивая улыбка). Но чаще употребляется для выражения экспрессии, создания эффекта, в значении «бессодержательный»:

She spoke in beautiful English. - Она говорила красиво, красноречиво [5]. В данном значении это прилагательное не имеет степени сравнения. Отличительная особенность состоит в том, что в английском языке «красивый» используется в значении «хороший». Иллюстрациями могут служить примеры:

You did a beautiful thing. - Ты сделал хорошее дело; beautiful experience - хороши й опыт, beautiful theory - хорошая теория.

В хорватском языке кроме основного значения «доставляющий эстетическое наслаждение» (lijep cvijet - красивый цветок), отмечается особый случай употребления прилагательного «красивый» - в значении «добрый»: Lijepa riječ svaka vrata otvara. - Красивое слово открывает любую дверь (букв.: когда кто-то говорит комплименты, чтобы оставить хорошее впечатление).

Для восхищения красотой кого- или чего-либо испанцы используют прилагательные-синонимы (hermosa, bonito и др.) в зависимости от речевой ситуации: hermosa mañana (красивое утро), hermosos paisajes (красивые пейзажи). Эти примеры подтверждают мысль о том, что в большинстве случаев реализуется основное значение прилагательного «красивый» - «который приятен для глаз». «Так же, как и в русском языке, слово "красивый" употребляется в испанском языке для описания совершенно разных вещей, например, предметов одежды, красивого вида и т.д. Нет строгих правил, в каких случаях использовать какой из синонимов слова "красивый". Это зависит от определяемого существительного. Например, если вы используете "bonita" для описания женщины, это слово будет означать "симпатичная" или "красивая", но если вы употребляете "bonito", чтобы описать кота, то это прилагательное будет переводиться скорее как "милый" [6]. Следующие предложения содержат слова, которые в переводе на русский имеют краткую форму: El jardín es hermoso. - Этот сад изумителен; El verano es bello. - Лето прекрасно.

Прилагательное «симпатичный» в русском языке реализуется в основном значении «вызывающий симпатию, расположение к себе» [4, 717]. Оно употребляется, когда речь идет о внешности человека (симпатичный парень), о внешнем виде предмета (симпатичная квартира). Носители хорватского языка словом «simpatičan» в разговорной речи описывают характер человека или предмета (не обязательно красивого внешне), используют в значении «интересный» simpatična ideja - симпатичная идея (носитель русского языка сказал бы «отличная идея» или «хорошая идея»). Или употребляют не имеющее эквивалента в русском языке словосочетание simpatična poruka - букв. симпатичное сообщение. Отличной семантикой обладает итальянское слово «carino»: carino persone - букв. радостный человек. «Симпатичный» дословно на испанском simpatico (тот, кто вызывает симпатию). Например, simpatico momentos - букв. приятные моменты; simpaticos personalidad - замечательные личности. В английском языке прилагательные «nice, likeable» передают значение «приятный, довольный». К примеру, выражение «He's a very nice person» обозначает человека, который относится с пониманием к вашему делу. Отметим, что словом «sympathetic» (сочувствующий) американцы выражают сочувствие, соболезнование, то есть мы наблюдаем полюсное по отношению к русскому языку явление («симпатия» - хорошее расположение).

Слово «привлекательный» в русском языке имеет значение: «такой, который привлекает к себе, нравится». Например: привлекательная девушка. Это прилагательное употребляется в том случае, когда мы говорим о внешности человека. Испанцы также скажут о привлекательном лице atractivo rostro, то есть используют этот адъектив для обозначения физического или морального качества человека. Но в хорватском языке «привлекательный» (atraktivan, privlačan) толкуется как «занимательный, интересный, качественный» privlačnalokacija (привлекательное местонахождение). Носитель английского языка вполне может употребить это прилагательное в значении «выгодный» (attractive offer - привлекательное предложение).

Для обозначения красоты в русском языке используется прилагательное «великолепный». В словосочетаниях великолепный вид, великолепный обед оно употребляется в значении «преисполненный красоты и величия». Также оно уместно, когда речь идет о человеке, его достоинствах, внешности и т.п. (великолепный наряд). Речевая практика испанского языка говорит о том, что слово «magnífico» частотно при описании очень большого, масштабного объекта (памятника, скульптуры и т.п.). К примеру, великолепная природа - magnífica naturaleza. Однако при обозначении внешности используется прилагательное «precioso» (precioso traje - букв. драгоценный костюм; precioso cielo - великолепное небо). При переводе на английский язык также происходит замена синонимом beautiful (красивый). Например: великолепный пейзаж - beautiful scenery. Но великолепная панорама - magnificent panorama; великолепный вид - stunning view. Для выражения значения слова «великолепный» в английском языке используется слово «brilliant» (brilliant idea - букв. блестящая идея).

Следующий адъектив, исследуемый в искомом ключе, это слово «прелестный», эквивалент в английском «charming, adorable, cute, enchanting». Но в некоторых словесных контекстах используются и другие слова-прилагательные: pretty women - букв. красotka, lovely creature - прелестное создание, beautiful dress - прелестное платье. В русском языке «прелестный» часто

употребляется в значении «очаровательный»: прелестное дитя, прелестные котята. Испанский язык предлагает вполне точный перевод (синонимичный английскому): *adorable*, используемый для характеристики детей. К примеру, *adorable bebé* означает прелестный ребенок. Но в словосочетаниях прелестная мисс, или прелестное зеркало его заменяет прилагательное «великолепный»: *preciosa señorita*, *precioso espejo*.

Интересным представляется и функционирование в языке прилагательного «очаровательный» (очаровательная внешность, очаровательный вечер) [4, 486]. Испанцы подобно носителям русского языка употребляют его в значении «прелестный»: *encantadora niña* (очаровательная девочка) или в значении «прекрасный»: *Este es un maravilloso hotel!* – Это очаровательный отель! *Este es una maravillosa noche.* – букв. Это прекрасный вечер.

В английском языке использование прилагательного «*charming*» отмечается в словосочетаниях типа *charming party* – очаровательная вечеринка. В следующих иллюстрациях значение этого слова выражается синонимичными словами: *enchanted forest* – «заколдованный, обладающий чарами лес»; *fascinating city* – «увлекательный город».

Прилагательное «прекрасный» имеет очень широкую лексическую сочетаемость. В русском языке оно наиболее употребительно в тех случаях, когда речь идет: 1) о природных явлениях (прекрасный вид на море – «очень красивый»); 2) о характеристике человека (прекрасное образование, прекрасный характер – «очень хороший»). При описании пейзажей в английском языке функционирует прилагательное «*gorgeous*» (*gorgeous beaches* – прекрасные пляжи – «шикарные», «великолепные») или слова «*wonderful*, *great*» при описании времени суток: (*wonderful evening* – прекрасный вечер, «удивительный, сказочный»). В английском языке имеется большое количество сочетаний прилагательного *gorgeous* с разнообразными существительными, которые в соответствии со стилистическими требованиями русской речи передаются на русский язык с помощью иных прилагательных. Например, *gorgeous wedding* – букв. пышная свадьба; *gorgeous hair style* – букв. «сногшибательная» прическа; *gorgeous dress* – букв. эффектное платье. Надо заметить, что это прилагательное субстантивировалось: «*Hey, gorgeous!*» – Привет, красавица! (разг.).

Наблюдения за языковыми фактами выявили наиболее частотное употребление прилагательного «роскошный»: роскошные волосы – «красивые». *Estupendo desayuno* в переводе с испанского означает роскошный завтрак, супер завтрак. В данном случае реализуется другой сегмент значения этого прилагательного (не красивый, а отличающийся богатством). В словосочетании *baño de lujo* – роскошная ванная комната реализуется значение «высшей степени красоты, шикарная», которое выражается испанским словом «*de lujo*». Английский язык предлагает прилагательное «*luxury*»: *luxury villa* – букв. фешенебельная, люксовая вилла). Когда речь идет об одежде, употребительно прилагательное «*sumptuous*»: роскошное пальто – *sumptuous coat*; роскошный букет – *sumptuous bouquet*.

В список синонимов к слову «красивый» входит прилагательное «божественный». В русском языке оно относится к числу многозначных, может употребляться в значении «очаровательный, прекрасный»: божественный голос. Английский вариант при переводе выглядит так: *the divine voice* – букв. небесный, божеский голос. В испанском языке это прилагательное имеет ограниченную лексическую сочетаемость и употребляется с существительными природа, пейзаж, панорама и т.п., обозначающими окружающий мир. Например: *naturaleza divino* – божественная природа.

При обозначении красоты нередко используется слово «хороший, хорошенький». Анализ языкового материала показал, что наиболее употребительна краткая форма прилагательного – хорош: Она удивительно хороша [4, 867]. В данном примере прилагательное передает значение «красива, миловидна». В испанском языке слово «хороший» употребляется со служебным словом «очень» – *muy bueno*. Приведем примеры: *muy bueno pap* (очень хороший папа); *computadora muy buena* («классный» компьютер).

Исследование языковых фактов привело к мысли, что прилагательное «замечательный» имеет особенности лексической сочетаемости. Это слово соответствует описанию «исключительный по своим достоинствам, выдающийся»: замечательный писатель, замечательное достижение [4, 211]. В английском языке слово «*wonderful*» относится к числу прилагательных, обозначающих отношение, позицию, мнение: *wonderful holiday* – замечательный отпуск. В данном примере оно может переводиться и как «изумительный» отпуск. Испанцы употребляют прилагательное «замечательный» в значении «выдающийся», используя две лексемы: *notable* или *remarcable* (*logrado resultados notables* – добиться выдающихся результатов) [7, 134].

Многозначностью обладает прилагательное «чудесный». В русском языке оно употребляется, когда речь идет о чем-то необычном, совершенно небывалом; а также при описании чего-то очень хорошего: чудесный день. В английском языке ситуация зависит от контекста. Может использоваться целый набор синонимичных прилагательных: прекрасный, удивительный, великолепный, сказочный, красивый и т.д.:

чудесное исцеление – *wonderful healing*

чудесный дар – wondrous gift
 чудесное воскресение – glorious resurrection
 чудесное место – fantastic place
 чудесное утро – beautiful morning
 чудесная улыбка – great smile
 чудесные глаза – magnificent eyes
 чудесное выздоровление – amazing recovery

Прилагательное «изумительный» в русском языке не отличается многозначностью, употребительно в ситуациях восхищения чем-то необыкновенным, приводящим в изумление: изумительный талант. В испанском языке прилагательное «изумительный» может быть употреблено в сочетании изумительный опыт – *experiencia asombrosa*, что является несвойственным для русской речи. В английском это прилагательное приобретает особую семантику – «небесный, райский, неземной». Приведем иллюстрации:

heavenly father – небесный отец
 heavenly message – божественное послание
 heavenly beauty – неземная красота
 heavenly bliss – райское блаженство

Таким образом, лексическая сочетаемость в конструкциях «прилаг.+сущ.» варьируется в зависимости от контекста, существования лексических препятствий к образованию потенциальных конструкций в том или другом языке.

В английском языке прилагательные, употребляющиеся для характеристики женской красоты, как правило, используются и для описания природы [8]. Лексика, употребляющаяся по отношению к мужчинам, применима к произведениям искусства и творениям человека. «В русском языке подобное деление лексики не столь явно, но замечено, что эмоционально окрашены описания природы и объекты небольших размеров» [9, 7]. Величественность вида отмечается и в природе, и у творений человека.

Все приведенные примеры иллюстрируют языковое явление, свойственное как русскому языку, так и многим другим. Оно заключается в том, что сочетания знаменательных слов между собой только относительно свободны. Именно в связи с тем, что в сравниваемых языках действуют разные нормы сочетаемости слов, возникают трудности поиска таких выразительных средств родного языка, которые были бы способны передать своеобразие лексического сочетания иностранного языка. Например, ввиду несочетаемости в русском языке слов «милый» и «милашка», представляющих собой однокоренные слова, переводчик обязан найти особое выразительное средство русского языка, чтобы перевести вполне закономерное сочетание английского языка *sweet cutie*.

Прилагательных-синонимов к слову «красивый» очень большое количество (приятный, милый, великолепный, прелестный, восхитительный, чудесный и др.) [10]. Но у каждого из них особая сочетаемость, которую не может в полной мере отразить словарь. «Необходимое» слово помогает найти речевой контекст, в котором выражается конкретное значение прилагательного.

«Ассоциативный фон многих употребительных слов формирует национально-специфическое субъективное восприятие мира» [11], поэтому трудно объяснить, почему в русском языковом сознании прилагательное «чудесный» ассоциируется с чудом, а в испанском с небом, а для англичан является символом сказочности.

Литература

- Иванова И.Н., Шустрова Л.В. Основы языкознания. – М.: Аз, 1995. – 88 с.
 Иорданская Л.Н., Мельчук, И.А. Смысл и сочетаемость в словаре. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 672 с.
 Дрога М.А., Фуникова С.В. Обозначение красоты в некоторых языках мира (на материале прилагательных) // Молодой ученый, 2014. – № 11. – С. 332-334.
 Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: словарь. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
 Cambridge dictionaries online. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org>
 Как сказать красивый по-испански [Электронный ресурс]. URL: http://www.123teachme.com/translated_sentences/en/beautiful (дата обращения 13.04.2014).
 Saber ruso en 10 días. Métodos Roberston. – España, Editorial Sopena, 2005. – 273 p.
 Окунева И.О. Концепт «красота» в русском и английском языках: автореф. дис...канд. филол. наук. – М., 2009. – 21 с.
 Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с.
 Горбачевич К.С. Словарь синонимов русского языка. – М.: Эксмо, 2007. – 608 с.
 Богданова Л.И. Стилистика русского языка и культура речи: лексикология для речевых действий. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 248 с.

УДК 81: 001.4

**ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ ЛАНДШАФТОВЕДЕНИЯ
В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ)****INTERNATIONAL TERMS AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH
(ON THE EXAMPLE OF LANDSCAPE TERMS IN RUSSIAN AND GERMAN
LANGUAGES)****Е.Н. Таранова, Л.Р. Ермакова, А.О. Таранов
E.N. Taranova, L.R. Ermakova, A.O. Taranov***Белгородский национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University,
85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: taranova@bsu.edu.ru, ermakova@bsu.edu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос, связанный с разграничением заимствованных терминов и терминов интернационализмов. Наряду с этими авторами освещается вопрос истории лингвистических исследований терминов-интернационализмов, описываются различные подходы ученых к понятию «термины - интернационализмы», раскрывается сущность процесса интернационализации терминов и освещаются особенности их функционирования. Объект исследования представляют термины ландшафтоведения иностранного происхождения в терминосистемах русского и немецкого языков. Цель исследования заключается в том, чтобы выяснить какой пласт в терминологии ландшафтоведения занимают интернациональные термины, определить источники их происхождения, форму и содержание терминов-интернационализмов. В статье приводятся результаты исследования на основе качественного и количественного анализа. В статье описываются продуктивные модели терминообразования с помощью интернациональных терминов. Авторами приводятся подробно специальные базовые понятия ландшафтоведения, представляющие собой интернациональную терминологию в терминосистемах русского и немецкого языков.

Abstract. The issue under discussion deals with the discrimination of the borrowed terms and international terms. Along with that the authors highlight the issue of the history of linguistic research in internationalisms-terms, describing various scientific approaches to the concept of “terms–internationalism”, it is also shown the essence of the process of terms internationalization and features of their functioning. Target of research are landscape terms of foreign origin in Russian and German terminosystems. The purpose of the study is to find out what kind of formation in landscape terms take international terms, to identify the sources of their origin, form and content of terms-internationalisms. The article presents the results of the study based on a qualitative and quantitative analysis. This article describes the productive term formation models using international terms. The author give a detailed special basic notions of landscape, representing the international terminology in Russian and German terminosystems.

Ключевые слова: терминология, термин, терминологическая система, заимствование, заимствованный термин, интернационализм, интернациональные термины, интернациональные единицы, специальная терминология, профессиональная языковая картина мира

Keywords: terminology, the term, terminological system, borrowing, borrowed term, internationalism, international terms, international units, special terminology, professional language worldview.

Географическая языковая картина мира является неотъемлемой частью человеческой культуры и служит основой для познания закономерностей взаимодействия общества и природы и развития географической среды. Гуманизация и гуманитаризация географической науки в последнее время рассматривается в качестве ведущего направления. На службе любой науки стоит язык, а именно его научная терминология.

По своей природе термин принадлежит к двум разным по происхождению и способу функционирования системам: предметно-понятийной и смысловой.

В языковом плане термин представлен отдельными номенами или номинативными структурами, семантическим центром которых являются существительные в именительном падеже. В

понятийном плане термины выражают научное понятие, формой существования его является терминологическая система, а формой раскрытия - дефиниция.

Дефиниции отражают важнейшие понятия науки. По сути, они составляют основу профессиональной языковой картины мира, к тому же дефиниции обладают четкой синтаксической структурой.

Сегодня в лингвистике установлено, что термином может быть не только отдельное слово, но и словосочетание, аббревиатура, символ и т.д. Таким образом, терминологическая лексика включает в себя слова и словосочетания, которые из сферы узкоспециальной часто получают выход в язык массовой коммуникации.

Терминология различных сфер человеческой деятельности является интересным объектом для изучения. Почти в каждой специальной области знания терминология систематически изучается, разрабатывается, унифицируется.

Помимо собственной терминологии в рамках конкретной предметной сферы специальная терминология содержит часть терминов, заимствованных из других смежных и отдаленно связанных областей.

Каждый носитель языка в процессе коммуникации может различать элементы, инородные, принадлежащие иной языковой системе не имея для этого специального лингвистического образования. Говорящий, слушающий или читающий сталкивается, таким образом, с естественным международным процессом, протекающим в языке какого-либо народа или нации, - процессом взаимодействия соприкосновения языков.

С древних времен ученых интересовало явление выделения общего в языках в результате их контактирования на разных языковых уровнях. Начало описания интернациональных языковых единиц было положено в XIX веке. В тот период интернационализация рассматривалась как явление, характеризующее европейские языки и соотносящееся с таким понятием как «европеизмы».

В начале XX века ученые впервые пришли к выводу, что явление интернационализации может существовать не только в европейских языках. Однако последователи данного положения в дальнейшем стали утверждать, что интернационализация это только этимологическая категория, т.е. категория лексики, заимствованная из общих источников, представленных во многих языках.

Впервые в советской лингвистике исследования интернациональных словарей в русле социально-лингвистического аспекта стал проводить В.М. Жирмунский.

В настоящее время интернациональные термины рассматриваются учеными с позиции интернационализации языка, которая свидетельствует об их наличии в большинстве языков. Интернациональные единицы имеют особое значение для научного общения специалистов разных стран в любой области деятельности человека, поскольку они являются общепризнанными формами выражения понятий. При этом наличие интернационализмов в специальной лексике может служить подтверждением общности некоторых когнитивных процессов [24, с. 51-56].

Что же представляют собой интернациональные термины? В данной статье мы попытаемся детально осветить этот вопрос и рассмотрим различные подходы языковедов к данному языковому явлению.

Последние исследования проблем интернационализации терминов отличаются высокой степенью объективности и широтой взглядов. Самое главное, что следует отметить, это то, что ученые доказали, что интернациональная лексика - это не этимологическая категория и не просто результат заимствования слов. И если ранее сферой распространения терминов-интернационализмов были определены только европейские языки, то современные исследования показывают, что сфера распространения выходит теперь за рамки этих языков.

Интернационализмы, по мнению ряда авторов Д.С. Лотте, И.К. Белодед, Ю.А. Бельчиков, В.В. Митрофанова - это лексические и фразеологические единицы, а также словообразовательные элементы различных языков, объединенные сходством значений и форм [15, 7, 8, 17].

Лингвист Н.В. Буторина приводит следующее определение: «Интернациональные слова - это «наименования» наук, которые а) функционируют не менее чем в трех неродственных языках; б) близки по звуковой, графической и семантической форме; в) являются следствием языкового контакта [9, с. 8].

Д.С. Лотте, говоря о терминах-интернационализмах как об одном из видов лексических интернациональных элементов, определяет их как термины, совпадающие по звуковому составу и значению в трех и более языках. Ученый также указывает на наличие относительных терминов-интернационализмов: когда имеется звуковое соответствие основ терминов при наличии аффиксов и суффиксов, или же соответствие буквального значения элементов при буквальном переводном заимствовании [15, с. 36].

Однако другие авторы, затрагивая вопрос заимствований и интернационализмов, утверждают, что если заимствования употребляются в одном языке, то интернационализмы во многих языках, и в основе интернационального всегда лежит национальное и что наличие международной узнаваемости отличает интернациональный термин от обычного заимствования. [5].

Развитие и расширение культурных контактов приводит к своего рода некой унификации окружающей действительности и как следствие к возникновению интернационализмов. Интернационализмы, будучи результатом культурных связей и контактов, тесно связаны с лексическими заимствованиями, что позволяет некоторым авторам отождествлять эти категории слов (Ю.А. Жлуктенко, В.М. Аристова, Ю.А. Бельчиков) [11, 4, 8].

Однако существует и другой подход. Так, В.В. Акуленко определяет интернационализм как межязыковую категорию синхронии, считая, что в отличие от заимствований интернационализмы появляются почти одновременно в нескольких языках с появлением «интернационального» понятия в культурах, использующий эти языки [2, с. 162].

Ю.Ф. Ким считает, что интернационализмы можно разделить на интернационализмы первого порядка (они отражают форму этимона; могут заимствоваться в любой язык, образуются только в одном языке) и интернационализмы второго порядка (заимствуемые термины, которые воссоздаются из набора вариантов и существуют только в языке определенного ареала, проникая за его пределы, становятся обычными заимствованными словами [13].

Интернационализмами для какого-либо языка могут быть не только иноязычные единицы, ими могут стать лексические и фразеологические единицы этого же языка, если культура им обслуживаемая, создала такие ментальные конструкторы и инструменты, которые перенимаются другими культурами.

Ученые отмечают, что интернационализмам свойственна своя специфика, как в функционировании, так и в развитии лексики. В любом развитом языке интернациональный языковой материал может давать свои словообразовательные модели. В этом случае интернациональные корни осмысливаются в зависимости от особенностей того или иного языка [5].

Общий интернациональный материал позволяет выделить проблему национального и интернационального, а именно, общность греческих, латинских и др. корней с одной стороны, и транстерминологизацию (общность языкового материала и общность осмысления).

Транстерминологизация - термин, принадлежащий К. Люцински, трактуется как вхождение термина в другую терминосистему с разной степенью его переосмысления. Транстерминологизация - это особый вид интернационализации, являющейся следствием широкого обмена научной информацией [16].

Основными признаками интернациональных терминов лингвисты считают их распространение во многих языках, сходство фонетической и графической структуры, а также общность семантики. Большое количество межязыковых лексем в научно-технической терминологии является следствием использования общих корней греко-латинских, или в новых терминологиях английских.

Как утверждают В.М. Жирмунский и Т.Л. Канделаки, в любой терминосистеме ядром интернациональных элементов всегда служат элементы греко-латинского происхождения, и даже новые интернациональные лексические элементы, образуемые в рамках национального языка, почти всегда используют греко-латинские элементы [10, 12].

Связь того или иного термина с процессом интернационализации специальной терминологии заключается в следующем: если термин «вписывается» в процесс интернационализации и известен специалистам в конкретной профессиональной сфере, то шансы его на укоренение в терминологии, использующей это заимствование высоки. Интернационализация представляет собой процесс, который позволяет людям определенной профессии, живущим в разных странах легче понимать друг друга.

В теории иноязычного заимствования известна такая закономерность, однословные номинации имеют преимущества перед описательными оборотами. Если иноязычное слово, в том числе специальный термин, замещает исконный описательный оборот, то у него есть шансы закрепиться в языке.

С лингвистической точки зрения проблема разграничения заимствованных терминов и интернационализмов является довольно сложной. Интернационализмы нельзя относить к словам родного языка. В этом случае отрицается их главная особенность - интернациональный характер их значения и функционирования. Интернациональные термины нельзя полностью причислить к заимствованиям.

Интернационализмы отличаются от простых заимствований тем, что выражают понятия международного значения и имеют довольно широкую сферу распространения. Следовательно, заимствования употребляются в одном языке, а интернациональные слова во многих языках.

Интернациональный термин ассимилируется подчиняясь фонетическим, грамматическим и семантическим законам того или иного языка.

Перейдем к вопросу о том, что такое заимствование и чем же оно отличается от интернационализма.

Проблемам заимствования терминологии посвящены работы Г.И. Пядусовой, Т.С. Кочетковой, С.В. Гринева, Д.С. Лотте, Л.В. Доровских, Е.И. Гусевой и др. Авторы отводят особое место заимствованиям в системе терминообразования и развития терминологии в целом.

Предметом рассмотрения проблем влияния латинского языка на национальные терминосистемы являются работы таких терминоведов, как Л.Л. Кутина, В.В. Акуленко, В.П. Даниленко, О.Г. Гузенко, С.В. Гринев, А.Л. Итунина, Т.С. Кириллова, О.В. Монастырская, А.В. Суперанская и др.

Займствование, согласно энциклопедическому словарю - элемент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов [14, с. 158].

Займствования приспосабливаются к системе заимствующего языка и усваиваются им так, что иноязычное происхождение этих слов не ощущается.

Мы вместе с рядом лингвистов рассматриваем заимствования в терминологии как объективный фактор ее развития и считаем, что заимствования являются одним из способов пополнения словарного запаса любого языка на протяжении всей истории ее существования. Наличие иностранных терминов не является ни в коем случае признаком слабости языка, а свидетельствует о его высоком уровне развития.

Интернациональные слова или термины обычно возникают в процессе заимствования заимствующим языком, поскольку существует ряд слов родного языка, ставшие интернациональными, как, например, немецкий термин - ландшафт, английский - дизайн и др.

Терминология ландшафтоведения представляет собой обширную лексическую базу специальных терминов и служит для осуществления профессиональной коммуникации. В результате проведенного анализа мы выявили, что основным способом пополнения русского и немецкого языка специальными терминами в области ландшафтоведения является использование интернациональных терминов. Фактическим материалом для исследования интернациональных терминов явилась выборка из 209 терминологических единиц в русском языке и 128 терминов и терминологических сочетаний в немецком языке. При этом в образовании этих языковых единиц участвовали 133 термина, выраженные именами существительным, прилагательным и глагольным причастием.

В немецком языке нами зафиксировано 48 термина-существительного и 2 термина-прилагательного, которые созданы с помощью интернациональных терминов.

Выборка материала проводилась путем сплошного просмотра специальной литературы и различных лексикографических источников. При работе с эмпирическим материалом мы исходили из отличий заимствований и интернациональных терминов с учетом сферы их распространения, основываясь на широкое освещение данной проблематики учеными в их научных работах. Этот факт позволил нам отнести нашу выборку к терминам-интернационализмам.

Как показало исследование, интернациональные термины представляют собой большой корпус терминологической лексики в обоих языках. Было установлено, что обширный пласт в терминосистемах русского и немецкого языка занимают термины, созданные на интернациональном для всех материале (*das System, система; der Komponent, компонент; die Struktur, структура; die Zone, зона; die Sphäre, сфера* и др.). Эти термины заимствованы прямо или опосредованно из древних языков - латинского и греческого. В основном это греко-латинские терминологические элементы, доля терминологических элементов из европейских языков не велика, например, фр. *plateau*, рус. *плато*, нем. *das Plateau*.

По классификации Ю.А. Бельчикова и В.М. Аристовой термины-интернационализмы, представленные в таблице 1, можно отнести к исконно иноязычным интернационализмам. Данные термины считаются полными, так как сходны не только по звучанию и значению, но и по письменной форме [2, 8].

Таблица 1

Таблица полных терминов-интернационализмов на примере русского, немецкого, английского, французского и испанского языков

Русский язык	Немецкий язык	Английский язык	Французский язык	Испанский язык
интерпретация	die Interpretation	interpretation	interprétation	interpretación
зона	die Zone	zone	zone	zona
компонент	der Komponent	component	composant	componente
система	das System	system	système	sistema
структура	die Struktur	structure	structure	estructura
морфология	die Morphologie	morphology	morphology	morfología
сфера	die Sphäre	sphere	sphère	esfera
плато	das Plateau	plateau	plateau	altiplanicie
экспертиза	die Expertise	expertise	expertise	experticia
классификация	die Klassifizierung	classification	classification	clasificación
методология	die Methodologie	methodology	méthodologie	metodología
мозаика	die Mosaik	mosaic	mosaïque	mosaico
организация	die Organisation	organization	organisation	organización
тип	der Typ	type	type	tipo
методика	die Methodik	methods	méthode	metodologia
фактор	der Faktor	factor	facteur	factor
эволюция	die Evolution	evolution	évolution	evolución

Таблица 2 наглядно демонстрирует терминологические номинации, образованные с помощью полных терминов-интернационализмов в русском и немецком языках.

Таблица 2

Терминологические номинации в русском и немецком языке, образованные с помощью терминов-интернационализмов

Термин-интернационализм	Русский язык	Немецкий язык
индекс	ландшафтные индексы	
интерпретация	ландшафтная интерпретация	die Landschaftsinterpretation
класс	класс ландшафтов	
зона	зона охраняемого ландшафта	die Landschaftszone
комплекс	комплексы минимальной степени ландшафтного разнообразия; ландшафтный комплекс	die Landschaftskomplexität
концепция	научные концепции ландшафтоведения; методологические концепции ландшафтоведения; системная концепция в ландшафтоведении	
методология	методология ландшафтоведения	
оптимизация	оптимизация ландшафтно-экологической обстановки региона	
систематика	систематика ландшафтов	die Landschaftssystematik
структура	ландшафтные структуры; структура ландшафта; количественное сравнение ландшафтных структур	landschaftliche Struktur, die Landschaftsstruktur, die typische Strukturen von Landschaften, die Landschaftsstruktur der Umgebung
методика	методика исследования ландшафта; методика ландшафтно-географических исследований; общепринятая методика классификации ландшафтов	
мозаика	естественная ландшафтная мозаика территории	
теория	теория классификации ландшафтов	die Landschaftstheorie
территория	ландшафтная территория	
фактор	факторы ландшафтного образования	die Landschaftsfaktoren
характер	характер ландшафта	
эволюция	эволюция ландшафтов	die Evolution der Landschaft
экология	экология ландшафта	
экспертиза	ландшафтно-экологическая экспертиза	
эмерджентность	эмерджентность ландшафта	

Помимо полных интернационализмов, в состав терминологии входят термины-интернационализмы - национально оформленные греко-латинские термины, то есть термины с греко-латинскими корнями и термины, построенные на основе греко-латинских словообразовательных элементов, которые были привнесены в систему многих европейских языков (русского, английского, французского и др.). Они создаются на базе национальных языков. Греко-латинские элементы используются для построения терминов-интернационализмов с целью сохранения определенной стандартности терминов, так как греко-латинские элементы являются идеальными конституентами терминов во многих языках.

В терминологии русского и немецкого языка терминологические элементы греко-латинского происхождения полностью освоены и служат базой для создания новых слов. Наличие большого числа таких терминов оказало большое влияние на развитие отраслевой терминологии ландшафтоведения как в русском, так и в немецком языке. Глобальное распространение этих терминов в современной терминологии ландшафтоведения, высокая степень их устойчивости, приживаемости и распознаваемости специалистами, обусловлены наличием латинских и греческих терминологических элементов классического языкового фонда. Они являются часто непосредственными ориентирами в раскрытии семантики самих терминов.

Наряду с этим в терминологии ландшафтоведения есть термины, созданные на базе национального языка. Примером этому может служить в русском языке термин «селитебные ландшафты» (ландшафты населенных мест с улицами, дорогами, садами, парками, строениями различного назначения. «Селитебный» происходит от слова «селитьба» (селиться).

Еще один национальный термин «промышленные ландшафты». Согласно этимологическому словарю Макса Фармера слово «промышленный» происходит от промыслить, промыслить, промысел. Существует мнение, что слово было создано как перевод французского слова «Industrie» на рубеже XVII и XIX в.в. писателем и реформатором русского языка Н. Карамзиным. Но с другой стороны, известно, что слова «промышленный» и «промышлять» жили в русском языке задолго до Карамзина. Они применялись главным образом к профессиональным охотникам и были чисто русскими словами. Карамзин только расширил их значение. Слово «промышленность» является производным от «промышленник» и представляет собой образование от причастия «промышленный» (т.е. добытый, полученный) [22].

Термин «промышленные ландшафты» означает территориально природно-хозяйственные системы, включающие в себя тесно взаимосвязанные подсистемы и модифицированные представления в соответствии с определенной технологией ландшафтные комплексы, представленные виде природно-хозяйственных единств определенной территории.

Начнем свой лингвистический анализ с термина, лежащего в основе названия классической науки «ландшафтоведение». Термин «ландшафт» широко распространенный интернациональный термин. Он заимствован из общелитературного языка, где обозначает пейзаж, картину природы, местность. В соответствии с определением в словаре С.И. Ожегова «ландшафт» в русском языке означает «рельеф земной поверхности, общий вид и характер местности». Этот термин имеет немецкое происхождение (нем. Land - земля, schaft - суффикс, обозначающий взаимосвязь, взаимозависимость) [18].

В русском языке этот термин представляет собой заимствование из немецкого языка, в немецком же языке это исконный термин. Следует отметить, что данный термин является базовым термином для образования многочисленных терминологических номинаций в терминологии ландшафтоведения в русском и немецком языке. Он служит основой для создания производных терминов среди которых следует упомянуть такие как «ландшафтоведение», «ландшафтный анализ», ландшафтная архитектура», «ландшафтное планирование», «die Landschaftsveränderungen», «die Landschaftsindividuen», «die Landschaftsdiversität», «die Hochofenlandschaft» и др. Таким образом, учитывая вышеизложенное, мы можем констатировать высокую продуктивность данного термина в терминосистемах русского и немецкого языков.

В настоящее время сложилось несколько определений термина. В первой группе определений ландшафт рассматривается только как природное образование. Во второй группе определений ландшафт рассматривается как территориальная система, в которой взаимосвязаны как природные, так и антропогенно-техногенные элементы. В русской литературе это понятие отражается термином антропогенный ландшафт. В немецкой и английской литературе используется термин культурный ландшафт. В третьей группе определений термин ландшафт применяется для обозначения родового понятия, охватывающего как не затронутые деятельностью человека природные территориальные системы (природный ландшафт), так и территориальные системы, в которых взаимодействуют природные и антропогенные элементы.

В русском языке «ландшафт» существует как физическая реальность в независимости от того, смотрят на него или нет.

В английском языке слово «landscape» означает вид участка земной поверхности, наблюдаемый с определенной точки, т.е. наблюдатель подразумевается неявно. Таким образом, можно сказать, что англ. landscape представляет собой субъективную реальность: реальность воспринимаемую наблюдателем.

В своей статье «Из истории становления термина «ландшафт» и особенности его использования в специальной научной литературе» Ж. Багана, Е.Н. Таранова и А.О. Таранов подробно рассматривают функционирование термина «ландшафт» в научной литературе и описывают его особенности. Авторы приводят различные точки зрения на использование термина «ландшафт» в науке [6].

Термин «антропогенный ландшафт» рус., «anthropogene Landschaft» нем. означает один из генетических типов географического ландшафта, образовавшегося в результате целенаправленной деятельности человека или в ходе непреднамеренного изменения природного ландшафта. С точки зрения структуры данная терминологическая номинация в русском языке представлена двумя интернациональными терминами «антропогенный» и «ландшафт». В немецком языке термин «ландшафт» является национальным. Термин «антропогенный» образован от греч. anthropos - человек и genes - человек. В немецком языке anthropogene Landschaft - это заимствованный термин из греческого anthropogen и свой исконный термин Landschaft.

Термин «ландшафтное планирование» рус., «die Landschaftsplanung» нем. означает разработку проекта использования ландшафтов или проекта изменения целей и методов использования ландшафтов для удовлетворения возросших или изменившихся потребностей

общества при условии сохранения или улучшения средовоспроизводящих и ресурсовоспроизводящих способностей ландшафта.

Следующий термин - «компоненты ландшафта» рус., «*die Landschaftskomponente*» нем. В его структуру в русском и в немецком языке входит заимствованный термин «компонент», который происходит от латинского «*componens*», что означает «составляющая часть». Под «компонентами ландшафта» в специальной терминологии в русском языке понимают более сложные части ландшафта, состоящие из взаимосвязанных элементов ландшафта, например, сложные формы земной поверхности.

Согласно определению GeoLexikon „*Landschaftskomponente* - allgemeiner Begriff für die visuell wahrnehmbaren biogenen, physiogenen und anthropogenen Landschaftselementen [25].

Термин «ландшафтная сфера» рус., «*die Landschaftsphäre*» нем. означает зону прямого взаимодействия на суше - атмосферы и земной коры, на море - суши, толщи воды и атмосферы. Слово «сфера» происходит от др. греческого и означает мяч, шар.

В структуре термина «ландшафтная зона» рус., «*die Landschaftszone*» нем. присутствует слово «зона», которое происходит от лат. *zona* (пояс) из греческого языка.

Термин «морфология ландшафта» рус., «*die Morphologie der Landschaft*» образован с помощью интернационального термина «морфология» (учение о форме органических тел и их частей), который имеет греческие корни - *morphe* (вид), *logo* (говорю). Термин «морфология» широко используется в биологии, языкознании. Морфология ландшафта изучает составные части ландшафта и локальных геосистем.

Термин «фация» рус., «*die Fazies*» нем. обозначает наименьшую составляющую «ячейки» ландшафта. Слово «фация» от лат. *facies* - лицо, наружность, облик.

Термином «элементарный ландшафт» рус., «*die Elementar-Landschaft*» нем. от лат. *elementum* - первичная материя, первоначально, обозначают участок, сложенный одной породой или наносом, находящийся на одном элементе рельефа, в разных условиях залегания грунтовых вод, характеризующийся определенным растительным сообществом и одним типом почв в области геохимии ландшафта.

Среди терминологических номинаций нами выявлены интернациональные термины, содержащие в своей структуре терминологический элемент, имеющий и латинское и греческое происхождение. Например, термин рус. «*парагенетические ландшафты*», нем. «*paragenetische Landschaften*» (от греч. *para* - возле, находящийся рядом и лат. *genesis* - рождение), который означает систему смежных региональных или типологических комплексов, связанных общностью своего происхождения.

В терминологии ландшафтоведения частотно используются для образования многокомпонентных терминологических единиц такие заимствованные термины как «ландшафт», «компонент», «система», «структура» и др. Терминологические словосочетания с основообразующим терминологическим элементом «ландшафт» в русском языке и «*Landschaft*» в немецком языке представляют собой достаточно обширный пласт. Термины-словосочетания обладают наиболее ярко выраженными систематизирующими признаками. Многословные термины представляют собой видовые понятия.

Терминологические словосочетания - это смысловые и грамматические объединения нескольких полнзначных слов, служащих наименованием специального понятия. Они состоят из базового (опорного) слова, форма которого совпадает с формой однословного термина и одного или более зависящих от него слов (рус. *элементарный ландшафт*, нем. *elementare Landschaft*). Однако в силу разной структурности русского и немецкого языков можно наблюдать такую разницу: терминологические словосочетания в русском языке имеют смысловые аналоги в немецком языке в форме сложных слов, например рус. *элементы ландшафта*, нем. *die Landschaftselemente*.

При вхождении в терминосистему русского и немецкого языка интернациональные термины претерпевают фонетические, графические, грамматические изменения. Это обусловлено лингвистическими факторами - спецификой национальных языковых систем и их типологическими особенностями.

Фонетическое освоение интернациональных терминов происходит по законам языка-реципиента. Графическое освоение в большей степени связано с экстралингвистическими факторами, например, в немецком языке интернациональные термины латинского происхождения выражаются посредством транслитерации и транскрипции, в русском - преимущественно посредством транскрипции. Специфика графического освоения этих терминов заключается в характере отождествления интернационализмов в общелитературных языках и соответствующих терминосистемах. Грамматический аспект освоения терминов в двух языках обусловлен особенностями их грамматических систем (например, изменение родовой принадлежности термина в русском языке).

Исходя из анализа эмпирического материала, мы определяем в немецком языке ведущим способом терминообразования словосложение. Данным способом образовано 42

терминологические единицы: 40 терминов имен существительных и 2 термина имен прилагательных. Все они образованы по модели:

Substantiv + s + Substantiv - die Landschaftstheorie, das Landschaftskonzept;

Adjektiv + s + Adjektiv - landschaftstypisch, landschaftsökologisch.

В русском языке нами зафиксированы единичные примеры сложных терминов. Сложные термины-интернационализмы образованы путем сложения двух или более основ. Примеры сложных терминов отображены в таблице 3.

Таблица 3

**Примеры сложных интернациональных терминов ландшафтоведения
в русском и немецком языках**

Русский язык	Немецкий язык
ландшафтогенез	die Agrarlandschaften
урболандшафты	die Savannenlandschaft
	die Dolomitenlandschaft
	die Landschaftsstrukturmaße
	die Kulturlandschaften
	die Landsbedeckungsklassen
	der Landschaftsindikator
	die Landschaftskomplexität
	die Elementar-Landschaft
	die Landschaftsstruktur
	die Landschaftsstrukturanalyse
	die Industrielandschaften
	die Landschaftstheorie
	die Landschaftsgenese
	die Landschaftskarte
	die Landschaftssektoren
	die Landschaftsinterpretation

Подавляющее большинство терминов-интернационализмов получает однозначное осмысление в разных по структуре языках и относятся к эквивалентной лексике.

Нами отмечены также примеры, когда в немецком языке наряду с термином, образованным с помощью интернационального, существует свой национальный: *die Landschaftszone* (*die Landschaftsgürtel*).

Следует отметить, что в следствие разноструктурности языков в русском языке сложным терминам немецкого языка соответствуют двухкомпонентные словосочетания: например, *die Landschaftsplanung* - ландшафтное планирование; *die Landschaftsstrukturanalyse* - структурный анализ ландшафта; *die Industrielandschaften* - индустриальные ландшафты; *die Parklandschaft* - парковый ландшафт; *die Landschaftstypen* - типы ландшафтов.

Однако встречается и схожесть в структуре, когда двусоставному терминологическому сочетанию в русском языке соответствует аналогичная форма выражения термина в немецком языке: антропогенный ландшафт - *antropogene Landschaft*; ландшафтная аксиома - *landschaftliches Axioma*; ландшафтные карты - *die Landschaftskarten*; типология ландшафта - *die Typisierung der Landschaft*; критерии для выделения ландшафтов - *Kriterien für die Abgrenzung der Landschaften*; *räumliche Qualitäten der Landschaft* - пространственное качество ландшафта; *die Homogenität der Landschaft* - гомогенность ландшафта.

В таблице 4 мы приводим примеры многокомпонентных терминов, зафиксированных в обоих языках. В основном они представлены двух- и трехкомпонентными терминологическими словосочетаниями. Проанализируем модели образования данных терминов. Для терминосистемы русского языка наиболее продуктивными являются модели:

- 1) **сущ.** + **сущ.** биомасса ландшафта,
- 2) **прил.** + **сущ.** малодинамичные ландшафты,
- 3) **прил.** + **сущ.** + **сущ.** аэрокосмические модели ландшафта,
- 4) **сущ.** + **прил.** + **сущ.** ландшафт антропогенного происхождения.

В немецком языке наиболее продуктивны следующие модели:

- 1) **Adj.** + **Substantiv** *landschaftliche Horizontalstruktur*,
- 2) **Substantiv** + **Substantiv** *die Morphologie der Landschaft*,
- 3) **Adj.** + **Adj.** + **Substantiv** *ökologische multifunktionale Landschaften*,
- 4) **Adj.** + **Substantiv** + **Präposition** + **Substantiv** *typische Systemeigenschaften von Landschaften*,
- 5) **Adj.** + **Substantiv** + **Substantiv** *systematisches Verständnis der Landschaft*.

Таблица 4

Многокомпонентные термины ландшафтоведения в русском и немецком языке

Русский язык	Немецкий язык
биомасса ландшафта	landschaftliche Horizontalstruktur
ландшафтное картографирование	die Morphologie der Landschaft
метахронность ландшафта	ökologische multifunktionale Landschaften
полихронность ландшафта	ackerdominierte Landschaft
гомеостаз ландшафта	kleinstrukturierte Landschaften
ландшафт антропогенного происхождения	die Systemmerkmale der Landschaften
суббореальный ландшафт	typische Systemeigenschaften von Landschaften
семиаридный ландшафт	urbane Landschaften
малодинамические ландшафты	der Evolutionsprozess der Landschaft
полисистемная модель ландшафта	systematisches Verständnis der Landschaft
аэрокосмические модели ландшафта	weniger gestörte Landschaftselemente
геоботанический потенциал ландшафта	die Großformen der Landschaft
супераквальные ландшафты	unbebaute Landschaftspartikel
трансаквальные ландшафты	die Standartisierung der Landschaft
ландшафтная полиструктурность	durch Industrialisierung entstandene Landschaft

Изучив научную литературу по исследуемой нами тематике, мы пришли к заключению, что отношение ученых к заимствованиям и интернациональным словам в терминологии неоднозначное. Среди языковедов встречаются работы, в которых содержится критическая оценка заимствования терминов. По мнению одного из них А. Фазылжановой: «долгие годы безумного калькирования или заимствования без изменений слов привели к образованию огромного количества неадаптированных к звуковой базе лексических единиц, порой зачастую необоснованных, тогда как «для сохранения и развития не только самого языка, но и его носителя - народа тоже очень важно называть вещи «собственными» именами, а значит мыслить на нем» [21]. Эти лингвисты выступают за национальную, а не интернациональную терминологию.

Однако наряду с этим ряд ученых относится к заимствованиям не столь категорично и считают, что основное требование, предъявляемое к заимствованию терминов - не употреблять иноязычные слова, если в родном языке уже функционирует привычный и мотивированный термин с аналогичным значением [23].

Мы сторонники некатегоричного отношения к заимствованиям и считаем, что требует непременно соблюдать требование не употреблять иноязычные термины для обозначения понятий взамен имеющихся в национальном языке. И для этого приводим пример из анализируемой терминологии. В русском языке в терминологии ландшафтоведения есть термин «аквальные ландшафты». Термин имеет греческие корни у определителя базового термина «ландшафт». Наряду с этим в специальной литературе мы встречаем термин «водные ландшафты». В связи с этим возникает вопрос, зачем в русском языке нужен заимствованный термин, если есть свой исконный. Такие языковые явления в терминологии мы считаем излишними.

В целом как показал анализ, современная терминология ландшафтоведения включает лексические единицы, различные по происхождению и источникам формирования, что свидетельствует об обширности и значимости терминов-интернационализмов в исследуемой терминологии.

Интернациональные термины в терминосистемах русского и немецкого языков представляют собой в основном заимствования слов латинского и греческого происхождения. Также нами была отмечена такая особенность в терминообразовании как одновременное использование в терминологическом словосочетании сразу двух и более интернациональных терминов.

Синтаксический способ терминообразования - образование терминов путем словосочетания различных типов является наиболее продуктивным как в русском, так и в немецком языке. Что касается однословных терминов, то в русском языке их минимальное количество по сравнению с терминосистемой немецкого языка. В немецком языке очень продуктивно словосложение при создании терминов.

Литература

- Агеева А.В. Иноязычная лексика и заимствования //Материалы международной конференции «Языковая семантика и образ мира». - Казань: КТУ им. В.И. Ульянова-Ленина, 2008. - С.7 -10.
- Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. - Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1972. - 214 с.

- Акуленко В.В. Интернациональные элементы в лексике и терминологии. - Харьков, 1980. - С. 15-16.
- Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке). - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. - 150 с.
- Бабанова С.Ю. Особенности образования и функционирования интернациональных терминов // Современные образовательные технологии и их использование в системе гуманитарной подготовки инженеров. Материалы II Всероссийской научно-методической конференции (2-3 декабря 2010 г.). - М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана. Электронный ресурс (<http://textarchive.ru/c-2916086-p4.html>)
- Багана Ж., Таранова Е.Н., Таранов А.О. Из истории становления термина «ландшафт» и особенности его использования в специальной научной литературе // «Научная мысль Кавказа». - № 2 (78), 2014. - Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы ЮФУ. - С. 138-143.
- Белодед И.К. Интернационализмы в современных языках (вводная статья) // Интернациональные элементы в лексике и терминологии. - Харьков, 1980. - С. 7-9.
- Бельчиков Ю.А. Интернациональная терминология в русском языке. - М.: Учпедгиз, 1959. - 78 с.
- Буторина Н.В. Наименования наук и их производные в диахронии и синхронии (на материале романских, германских и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Ижевск, 2009. - С.8.
- Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. - Ленинград: Гос. изд-во. Художественная литература, 1936. - 298 с.
- Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. - Киев, 1975. - С. 101.
- Канделаки Т.П. Семантика и мотивированность термина. - М.: Наука, 1977. - 166 с.
- Ким Ю.Ф. Опыт синхронного изучения иноязычных языковых единиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Алма-Ата, 1971. - 25 с.
- Лингвистический Энциклопедический словарь. - М.: 1990. - 685 с.
- Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. - М., 1982.
- Люцинский, К. Теоретические и прикладные аспекты формирования терминосистемы (на материале русской и польской терминологии космонавтики). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1994. - 38 с.
- Митрофанова В.В. Роль интернациональных элементов в организации отраслевых терминологических систем (на материале русского, английского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Саратов, 1987.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. - М.: Рус. яз., 1990. - 917 с.
- Реформатский А.А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. - М.: Наука, 1986. - С. 163-198.
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. - М.: Наука, 1989. - 246 с.
- Фазылжанова А. О словотворчестве и кальках. Электронный ресурс <http://el.kz/m/articles/view/content-21516>
22. Фармер М. Этимологический словарь русского языка. - М.: Изд-во «Прогресс», 1989.
- Худайбергенова А. Принципы построения переводного идеографического словаря банковской терминологии (на материале русского, английского и казахского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Алматы, 2003. - С. 28.
- Чернова Л.А. Интернациональные термины как компонент профессиональной языковой картины мира. - Вестник МГОУ, Серия Лингвистика. - 2014. - № 3. - С. 51-56.
- GeoLexikon Режим доступа: <http://www.geodsz.com/deu/d/landschaftskomponenten>

УДК 811.111

**ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА
СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА****BORROWINGS AS THE WAY TO ENRICH THE LEXICAL STRUCTURE OF THE
MODERN CHINESE LANGUAGE****Ли Бин
Li Bing***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University,
85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: 754699@bsu.edu.ru*

Аннотация: В данной статье предпринимается попытка проанализировать некоторые особенности пополнения словарного фонда современного китайского языка путем адаптации в нем лексики из разных языковых групп. Указываются периоды активного заимствования китайским языком лексических единиц. В фокусе внимания находятся причины, способы заимствования, характер и этапы адаптации иноязычного слова в языке-реципиенте. Особое значение придается поступлению иноязычной лексики в китайский язык как способу пополнения словарного состава последнего. Отмечается роль экстралингвистических факторов в процессах заимствования лексики.

Abstract. This article attempts to analyze some features of the of the modern Chinese language enrichment by adapting to it the borrowings from the vocabulary of the different language groups. The article shows periods of active borrowing of lexis in the Chinese language. The focus of attention is the reasons of borrowing, its methods, the nature and stages of adaptation of foreign language words in the language of the recipient. Particular attention is paid to the entering of foreign language vocabulary into the Chinese language as a way to enrich the vocabulary of the latter. The role of extra-linguistic factors in the vocabulary of the borrowing process is mentioned.

Ключевые слова: китайский язык, англицизмы, заимствования, лексический состав, глобализация, адаптация.

Keywords: Chinese, Anglicisms, borrowing, lexical structure, globalization, adaptation.

Язык, будучи лабильной материей, выступает в качестве аккумулятора истории государства и нации, он может поведать об этапах развития народа лучше, чем любой другой документальный источник. Одним из видимых доказательств изменения истории является процесс насыщения лексического пласта словами других языков, которые служат в качестве новых средств номинации неизвестных ранее предметов, либо выступают в качестве синонимов, но более удобных для произношения, модных в тот или иной период развития. Но так или иначе, языковые изменения происходят в результате неязыковых, экстралингвистических факторов, которые наиболее активны в период широкомасштабных экономических, культурных, социальных, политических и научно-технических событий.

Отмеченные явления заимствования достаточно быстро распространяются на территории индоевропейских языков, в то время, как восточные культуры, будучи самобытными по своей сути, достаточно тяжело воспринимают лексическое вторжение извне. Тем не менее, нельзя говорить о том, что китайский язык полностью отверг появление заимствований в своей лексической страте. В его составе функционируют и активно существуют слова, пришедшие в разные исторические эпохи. По наблюдениям Ли Сяндуна [Ли Сяндун, 2003: 34], китайский язык, несмотря на свою консервативную природу, претерпел несколько этапов лексического пополнения путем заимствования. Первая волна процесса лексических заимствований пришлась на эпохи династий Цинь, Хань, Тан. Вторая волна захлестнула Китай приблизительно во вторую половину XIX столетия и продолжалась вплоть до середины XX в. Третий период пришелся на конец XX в. и активно продолжается в наши дни.

Так уж исторически сложилось, что Китай многие столетия находился в изоляции, не пересекался с культурой стран западного мира и ограничивал свои связи только контактами и

народностями Северной Кореи, Тибета, монголами, индусами, маньчжурами. Позже, приблизительно в V-III веках расширяются экономические связи между различными связями Исторического Китая, укрепляются и расширяются зоны сотрудничества между племенами Маньчжурии, Северной Кореи и Китаем [Адамчик и др., 2004: 99-113]. Господство Танской империи расширило границы внешнеэкономических связей, бросило силы на кооперацию с Японией, Вьетнамом и странами Корейского полуострова [Адамчик и др., 2004: 320]. Таким образом, в условиях активных торгово-экономических связей возникает острая необходимость называния предметов торговли, специфических объектов торговли, отношений между странами и т.д. Соответственно, на протяжении уже длительного времени китайский язык выступает в качестве языка-реципиента множества лексем из преимущественно таких языков-доноров, как английский, японский, русский, монгольский, санскрит, маньчжурский, тибетский. Причиной пополнения лексического пласта являются не только политические перипетии, но и, прежде всего, активизация научно-технического прогресса, процессы глобализации и интеграции в мировое культурное сообщество.

Терминология контактной лингвистики, обращающаяся к вопросам иноязычной лексики в языке, представляет понятие заимствования весьма неоднозначно. С одной стороны, заимствование понимается как процесс, происходящий в том или ином языке (Л.П. Крысин, А.П. Майоров), с другой, как результат такого процесса, выраженный в количестве и качестве заимствованных слов (О.С. Ахманова, Н.Г. Добродомов, Д.Э. Розенталь), с третьей, как процесс адаптации слов языка-донора в языке-реципиенте (Н.М. Шанский). Такой плюрализм мнений способствует, скорее, объективности исследования, нежели препятствует ему. Соответственно, принимая любую из точек зрения, современный исследователь волен следовать тому или иному намеченному плану и получать наиболее многосторонние результаты. Применительно к настоящей работе, заимствование понимается как способ пополнения лексического состава современного китайского языка посредством закрепления в нем как языке-реципиенте новых номинаций, пришедших из языка-донора, контактирующего с ним под влиянием внешних экстралингвистических факторов.

Иностранные заимствования 外来借用语 (wailai jieyong yu), таким образом, относятся к лексическому пласту китайского языка, и на разной стадии собственной адаптации коррелируют с разными ярусами языковой структуры. Причем процессы адаптации в современном китайском языке пока недостаточно изучены в лингвистике, но их исследование и объективное рассмотрение будет способствовать рассмотрению и исследованию сопряженных с ними экстралингвистических вопросов, что естественным образом мотивирует интерес не только лингвистов, но и ученых различных отраслей наук [Печенкин, 2008].

Итак, говоря об исследовании вопросов заимствований и адаптации заимствованной лексики в современном китайском языке, необходимо отметить работы Т.М. Коростиной [Коростина, 1998], которая, исходя из рассмотрения степени адаптации лексем, подразделяет лексемы на следующие группы:

- заимствование, которое полностью, частично либо неполностью фонетически адаптировано в языке-реципиенте;
- заимствование, которое полностью либо неполностью семантически освоено системой языка-реципиента, семантически не освоено вообще;
- заимствование, которое графически освоено или неосвоено.

Соответственно, для полной адаптации лексемы в языке-реципиенте она должна пройти несколько стадий. На начальной стадии должно осуществиться фонетическое освоение, которое заключается в трансляции звучания элемента иноязычной культуры средствами заимствующего языка. Например, английское слово show - 秀 xiù или слово coffee 咖啡 kafei и т.д. На второй стадии заимствование проходит графическую адаптацию, которая идентифицируется, когда заимствованное слово приобретает облик, типичный для языка-реципиента. Следующий, словообразовательный этап знаменуется приобретенной способностью лексемы входить по определенным критериям в словообразовательную систему принимающего языка. На семантическом этапе заимствованная лексика переходит из языка-донора в язык-реципиент с учетом своих лексико-семантических вариантов, что позволяет ей попадать в семантические группы по лексическим категориям. Последний этап, этап грамматического усвоения, характеризуется тем, что заимствованное слово адаптируется к синтаксической системе принимающего языка. Говоря о китайском языке, следует помнить о том, что по статистическим лингвистическим данным заимствования китайского языка осваиваются фонетически, словообразовательно и семантически. Однако при этом вся иноязычная лексика, поступающая в китайский язык, изменяется, подчиняется общим синтаксическим законам, либо меняется семантически в процессе заимствования [Семенов, 2007].

Каждый из этапов заимствования не имеет четко очерченных границ, каждый из них проходит определенные стадии становления, кроме того, достаточно сложно установить критерии отграничения одного этапа от другого. Так, например, семантическое освоение китайским языком как языком реципиентом того или иного слова, может быть сопряжено с соединением с другим исконно

китайским словом. Последнее может служить в качестве родового элемента. Например, 探戈舞 *tàngē wǔ* (探戈 *tàngē* – от англ. tango «танго» + 舞 *wǔ* «танец»), 芭比娃娃 *bābǐ wáwá* – Барби (*bābǐ* – от англ. Barbi + 娃娃 *wáwá* «кукла»). В представленных примерах семантически неосвоенное фонетическое заимствование переходит в новый разряд заимствований с неполным семантическим освоением. Это так называемое внешнее заимствование. Кроме заимствований из английского языка в китайский язык проникают иноязычные лексемы из других языков. Например, французский язык пополнил лексику китайского языка за счет таких слов, как 布尔乔亚 *buerqiaoya* (буржуазия), 普罗列塔利亚 *buluolietaliya* (пролетариат). Другой индоевропейский язык, немецкий, обогатил китайский специальный язык, преимущественно, медицинскую терминосистему, например: 阿司匹林 *asipilin* (аспирин), 普鲁卡因 *pulukayin* (пурукаин), 费宁 *feining* (фенин), 虎列拉 *huliela* («холера») и т.д. Из русского языка попали, по большей части советизмы, такие как, 苏维埃 *suweiai* (совет, советский), 布尔什维克 *buershiweike* («большевик»). Однако специфика китайского языка такова, что в нем имеет место и внутреннее заимствование. Последнее представляет собой уникальный процесс, когда в путунхуа через лексику иных китайских диалектов проникают те или английские слова, то есть это так называемый процесс вторичного заимствования внутри самой системы китайского языка. Это, например, такие лексемы как 士多 *shíduō* – магазин (от store), 血拼 *xièpīn* (от shopping) и другие [Чан, 2000].

Появление достаточно внушительного количества заимствованных слов в китайский язык в последнее время обусловлено рядом различных факторов. Во-первых, заимствования служат продуктивным и интенсивным способом пополнения словарного состава языков. Во-вторых, появление иноязычной лексики отвечает потребности увеличения средств стилистической дифференциации речи, названия новых человеческих артефактов.

По наблюдениям ученых, лексика заимствуется из других языков, отвечая перечисленным выше факторам, и по семантическому критерию названия артефактов соответствует таким тематическим группам как: социальная (религия, обряды, традиции, культура, искусство, повседневная жизнь), экономическая (экономика, торговля, внешние связи), научно-техническая.

Основными причинами заимствований можно назвать следующие:

- заимствование предмета, процесса или приспособления, ранее не известного в лингвокультуре, осуществляется в комплексе с его названием. Это, например, касается таких вещей как кофе 咖啡 *kāfēi*, мотоцикл 摩托车 *motuochē*, танк 坦克 *tānke*, микрофон 麦克风 *maikēfēng* и т.д;
- заимствование обусловлено необходимостью пополнения словарного запаса в какой-либо профессиональной сфере, например: 卡普隆 *kāpulong* – капрон; 卡他 *kātā* – катар;
- заимствование обусловлено необходимостью номинации в сфере науки и техники [Заимствование лексическое..., 1984].

Широкое распространение заимствований в сферах, подверженных инновациям, обусловлено тем, что иностранные слова легче усваиваются, нежели создаются их новые эквиваленты в исконном языке. Однако все заимствования в языке неоднородны. Они включают различные виды заимствований, куда относятся: а) освоенная лексика (всегда передаются графически, фонетически, ассимилированы с языком полностью и до такой степени, что уже не воспринимаются как экзотические); б) экзотизмы (представляют собой иноязычные названия предметов быта и жизнедеятельности какой-либо лингвокультуры); в) иноязычные вкрапления (лексемы, фраземы, имеющие иноязычный облик, произношение и написание) [Иванов, 1973].

Важно отметить, что заимствованная лексика способна приобретать статус варваризма в языке реципиенте. Такое статусное положение варваризмов, с точки зрения ученых, засоряет речь и способствует ее европеизации. В случае с китайским языком подобного рода иноязычная лексика в статусе варваризма выглядит непривычно для китайского языка, сильно контрастирует с ним и не позволяет сохранять самобытность китайского языка, особенно в случае с использованием иноязычной лексики молодежью [Коротков, 1961].

Кроме негативного влияния на словарный фонд китайского языка существует и такое заимствование, при котором слово выступает не заимствованием, а образцом для нового слова. Каждая из морфем такого слова может быть передана средствами языка-реципиента. Например, «футбол», от 足 *zú* «нога, ступня»; 篮球 *lánqiú* «баскетбол», от 篮 *lán* «корзина». В таком случае речь идет, скорее, о калькировании, нежели о варваризме.

Итак, отметим, что любое иноязычное слово, приобретающее статус иноязычной лексики ассимилируется (в нашем случае, китаизируется) в языке, то есть приспособляется в фонетическом, графическом, семантическом и грамматическом планах. Так или иначе, проходя этапы ассимиляции, иноязычная лексика по-разному влияет на словарный состав языка-реципиента. При этом, будучи восприимчивым к поступающей в эпоху научно-технического прогресса лексики, словарь насыщается и служит ярким свидетельством состояния дел государства на определенном этапе развития. Соответственно, возрастает мотивация исследования заимствований не только в лингвистическом, но и в экстралингвистическом аспекте, в компаративном плане, что и выносится на перспективу настоящего исследования.

Список литературы

- Заимствование лексическое. В кн.: Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М.В. Панов. – М.: Педагогика, 1984. – С. 101-103.
- Иванов В.В. Терминология и заимствования в современном китайском языке. – М.: Наука, 1973. – 273 с.
- История Китая // В.В. Адамчик, М.В. Адамчик, А.Н. Бадан и др. Мн.: Харвест, 2004. – 736 с.
- Коростина, Т.П. К вопросу об иностранных заимствованиях в современном китайском языке / Т.П. Коростина. // Вопросы языкознания. – 1998. № 3. – С. 84-91
- Коротков Н.Н. Проблемы слова в китайском языке. В кн.: Спорные вопросы грамматики китайского языка. – М., 1963. – С. 53-73;
- Ли Сяндун. Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков // Вопросы филологии. – М., 2003 - № 2 (14). – С. 30-34.
- Печенкин В. Чайна: Что и как пьют в Китае. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2008. – С. 51.
- Семенов А.Л. Лексика китайского языка. – М.: Восток-Запад, 2007. – 296 с.
- Чан Цзиннин. Китайская лексикология и культура (Ханьюй цыхуй юй вэньхуа). – Пекин: Пекинский университет, 2000. – 208 с.

УДК 811.11

**ДЕФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТНОГО НАЧАЛА В РАННЕЙ
ЭКСПРЕССИОНИСТСКОЙ ПРОЗЕ
(НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА РАССКАЗОВ А. ДЕБЛИНА И Г. ГЕЙМА)**

**THE PERSON DEFORMATION IN THE EARLY EXPRESSIONISTIC PROSE
(BASED ON THE ANALYSIS OF THE STORIES OF A. DÖBLIN AND G. HEYM)**

**Ю.Г. Тимралиева
Y.G. Timralieva**

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
191023, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21*

*Saint-Petersburg State Economical University,
21, Sadovaya Str., Saint-Petersburg, 191023, Russia*

E-mail: juliati@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена ранней экспрессионистской прозе. На основе анализа рассказов Георга Гейма и Альфреда Деблина в статье рассматриваются различные способы субъектной деформации, проявляющейся как в семантике слов и смысловом наполнении образов, так и в грамматическом строе произведений, анализируется их роль в реализации эстетических принципов экспрессионизма.

Анализ текстов позволяет сделать следующие выводы: субъектная деформация базируется на дефицитном субъектном статусе, отличается дефицитным субъектным представлением, поддерживается целым рядом разнообразных стилистических приемов десубъективации от метафорических и метонимических переносов до синтаксических сдвигов и в полной мере отражает сложное, не укладывающееся в привычные рамки мироощущение эпохи.

Abstract. This article is devoted to the early expressionistic prose. Based on the stylistic analysis of the stories of Alfred Döblin and Georg Heym the article shows the person deformation and analyzes its role in the representation of aesthetic views of the Expressionism. The aim of the article is to reveal the features of thematic development and the ways of linguistic realization of this phenomenon appearing in all linguistic structure of the texts, both in semantics of the words and figures and in the grammatical structure.

According to results of the analysis the person deformation is based on his/her deficiency status, is distinguished by his/her deficiency presentation and is supported by a number of methods of his/her depersonalization like metaphor, metonymy, syntactical shift etc.

The article expands conception of the Expressionism as a great literature discourse reflecting the key conflicts of the time and can be used by further research and presentation of this literature movement having a big influence on the further development of the German literature.

Ключевые слова: экспрессионизм, субъект, субъектный статус, деформация, десубъективация, фрагментарность, синтаксический сдвиг.

Keywords: expressionism, subject, deformation, desubjectivation, fragmentariness, syntactical shift.

Введение

Экспрессионизм как одно из ключевых звеньев Европейского модерна, ставшее одним из самых интересных и радикальных языковых экспериментов в истории немецкой литературы и существенно повлиявшее на становление последующих литературных школ и направлений, на протяжении многих десятилетий становился объектом лингвистических исследований на Западе. Вместе с тем, в отечественной филологии работ по экспрессионизму крайне мало, поскольку долгое время это течение, трактуемое идеологическими институтами как «упадническое», «мелкобуржуазное», «индивидуалистическое», «анархическое» и даже профашистское, было под негласным запретом.

Данная статья расширяет представления об этом знаковом для Германии художественном дискурсе, максимально полно и ярко отразившем ключевые противоречия своего времени.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования данной статьи является ранняя экспрессионистская проза, в частности рассказы из цикла Альфреда Дёблина «Die Ermordung einer Butterblume und andere Erzählungen» (1913) и цикла Георга Гейма «Der Dieb» (1913).

Основным методом исследования становится дискурсивный анализ.

Результаты исследования

Экспрессионизм как направление в литературе и искусстве переживает свой расцвет во втором десятилетии XX века и из всех современных ему течений наиболее остро реагирует на социальные потрясения и противоречия своего времени, связанные с коренными политическими и социальными изменениями в жизни европейского общества. Зародившийся в «поле напряженности между ускользающей гармонией и надвигающимся хаосом» [Пестова, 2002, с. 9] экспрессионизм в полной мере отражает сложное, неоднозначное, не укладывающееся в привычные рамки мироощущение эпохи.

Экспрессионисты пытаются осмыслить разрушение традиционной картины мира и связанный с ним общий кризис сознания, разрешить посредством художественной формы проблему «распада и потери личности» [Bekes, 1991, S. 10] в условиях бурного технического преобразования мира и построения общества с новыми социальными ролями и отношениями. Обезличивание человека, его духовная смерть становится одним из ключевых лейтмотивов творчества экспрессионистов; проблема свободы личности – одной из главных эстетических проблем, прорабатываемой во всех без исключения литературных жанрах: и в лирике, и в прозе, и в драматургии [Тимралиева, 2013, с. 167].

Своим творчеством экспрессионисты отрицают как нормы существующей морали, так и принципы старого искусства, выступают против вековых традиций и незыблемых литературных канонов, ломают привычные языковые структуры, привносят в литературу новые темы, мотивы, образы, показывая в своих произведениях то, что не укладывается в привычные рамки бюргерской морали, привлекая всеобщее внимание к тем вещам, которые игнорируются бюргерским сознанием.

Отправной точкой поэтики нового литературного дискурса становятся разрушение и деформация, находящие свое выражение как в проблематике и характере образов, так и в самом строе литературных произведений. Среди прочего деформации подвергаются и субъектно-объектные отношения. И если деформация объектного начала чаще всего достигается путем персонификации и мистификации, то деформация субъектного начала осуществляется следующими способами:

- через неполноценность/ неполнооформленность субъекта;
- через понижение субъектного (волевого) статуса/ объективацию (овеществление) субъекта;
- через снятие границ между отдельным субъектом и его окружением.

Неполноценность субъекта в экспрессионизме, как правило, диктуется его ущербностью, связанной с физическим или психическим состоянием, положением или социальным статусом. Характерные герои экспрессионизма – люди, по тем или иным причинам «вытолкнутые из жизни» [Schneider, 1961, S. 21]: пленные, нищие, проститутки, преступники, больные, калеки, сумасшедшие, наконец, мертвецы.

Таковыми являются и герои проанализированных нами рассказов, в каждом из которых полностью или частично реализуется следующая фабульная схема: «выпадение» субъекта из «нормальной» жизни – сумасшествие – смерть. Так в рассказе „Die Tänzerin und der Leib“ (A. Döblin) героиня – юная танцовщица – становится жертвой тяжелого физического недуга, который в конечном итоге провоцирует психическое расстройство и суицид. В рассказе „Die Segelfahrt“ (A. Döblin) герой – немолодой бразилец – гибнет при загадочных обстоятельствах (читателю остается лишь гадать, происходит ли это в результате несчастного случая или суицида), а героиня, став свидетелем его странной смерти, переживает помутнение рассудка и спустя год повторяет судьбу своего несостоявшегося любовника. В рассказе „Das Stiffräulein und der Tod“ (A. Döblin) обительница дома престарелых пишет письма смерти (an meinen lieben strengen Herrn, den Tod), которая и приходит к ней в финале рассказа.

Схожая картина наблюдается у Гейма. В рассказе „Das Schiff“ (G. Heym) целая команда моряков оказывается во власти страшной эпидемии, постепенно лишаящей героев сначала рассудка, а затем и жизни; последний из них, оставшись в одиночестве на корабле-призраке, кончает жизнь самоубийством. В рассказе „Der Irre“ (G. Heym) герой – сумасшедший, сбежавший из психиатрической клиники, совершает несколько страшных преступлений и в конце погибает от пули полицейского. А в рассказе „Die Sektion“ (G. Heym) в качестве главного героя вообще

выступает препарированный патологоанатомами мертвец, думающий о любви, т.е. речь идет уже даже не о деформированном субъекте, а об «объекте с проступающим субъектным началом» [Поэтика, 2008, с. 51].

Герой рассказа „Astralia“ (A. Döblin) Адольф Гёттинг, ведущий «нормальный» с точки зрения рядового обывателя образ жизни, на первый взгляд, выбивается из этого аномального ряда, к тому же в отличие от других героев остается в живых, однако и здесь идея деформированного сознания прочитывается в каждой строчке рассказа.

Таким образом, ключевыми фигурами экспрессионизма становятся довольно специфичные герои – «неполноценные» субъекты, «личности на грани» [Павлова, 1968, с. 543], замыкающие на себе весь комплекс соответствующих мотивов: убийство, самоубийство, смерть, болезнь, алкоголь и наркотики [Пестова, 2002, с. 45]. Однако эти новые с точки зрения их социального положения, физического и психического состояния персонажи по своей сути достаточно традиционны в немецкой литературе. Это «люди не от мира сего», самым своим существованием бросающие вызов той общественной действительности, в которой они живут. Эти герои вне времени и пространства, выступающие ранее в готике, барокко, течении Бури и Натиска, романтизме, естественным образом вошли в экспрессионизм, поскольку само «искусство экспрессионизма вытекает из экспрессии мироощущения», характерной и для перечисленных течений, «выразителем которой стал герой вне времени: экспрессивный человек» [Schneider, 1927, S. 11].

Эти специфичные герои в экспрессионизме во многом условны и символичны, в первую очередь, фигуры мертвеца и сумасшедшего. И если первый олицетворяет собой поработанных цивилизацией, забывших об истинных ценностях людей эпохи власти денег, то редкий в прочих литературных течениях, но чрезвычайно популярный в экспрессионизме сумасшедший становится «контрастной фигурой по отношению к презираемому экспрессионистами обывателю, его сытости и нормальности; он являет собой по сути олицетворенное отрицание его (обывателя) теоретического и практического сознания. Тем, как сумасшедший выплескивает свои аффективные эмоции, он не только провоцирует цивилизованные институты, но и разбивает опосредованные ими взгляды, ценности и нормы патриархального предвоенного общества» [Bekes, 1991, S. 74].

В антологии Т. Анца «Экспрессионистские фантазии о безумии» автор считает лирику этого периода «литературной психопатогаммой поколения». Анализируя новейшие достижения психиатрии и психопатологии первой четверти века, автор приходит к выводу, что художественная продукция экспрессионизма, сознательно симулировавшая различные формы выражения сумасшествия во многом способствовала появлению фундаментальных открытий в области шизофрении [Пестова 2002, с. 45-46].

Неполноценность субъекта, основанная на его социальной и/или биологической ущербности, в экспрессионизме активно поддерживается его неполнооформленностью/неполнопредставленностью. Прежде всего, речь идет о физической (портретной) неполнооформленности, в частности, о фрагментарной манере представления персонажей.

Rostfarbenes Haar, breitrandiger weißer Hut, grauer Blick, hohe gesangvolle Stimme, schmale Schultern, dunkelblaue Seide, dünne rote Brauen, kleine nüchterne Augen – из этих и прочих аналогичных фрагментов складывается образ главной героини в рассказе „Die Segelfahrt“ (A. Döblin). Анатомическая лексика, т.е. слова, означающие части человеческого тела/человеческие органы, в сочетании с обозначениями одежды и аксессуаров, мимики и жестов выстраивает текст, не просто участвуя в описании героев и их поступков, но нередко замещая самих героев. Körper, Kopf, Haar, Gesicht, Mund, Lippen, Augen, Brauen, Augenwinkeln, Lider, Ohr, Nase, Nasenwurzel, Wange, Stirn, Schläfenhaar, Backenknochen, Sommerprossen, Fältchen, Hals, Rücken, Brust, Schulter, Hände, Arme, Fäuste, Füße, Beine, Zehen, Hüfte, Kniee, Gelenk, Ader, Blick, Gang, Stimme, Lachen, Lächeln – эти и прочие единицы данного лексико-семантического поля образуют своего рода каркас, на который нанизывается история отношений персонажей.

Если в реализме подобная лексика используется для максимально полного представления персонажа для объективного воссоздания реальной действительности, для ее приближения к читателю, то в экспрессионизме налицо отчуждение, дереализация, деперсонализация. В экспрессионистских текстах перед читателем предстает не целостный, фактологически точный, прописанный до мельчайших деталей портрет героя, не его застывшая фотография, а, динамичный пазл, мозаика, совокупность разрозненных, местами деформированных фрагментов, выхваченных из некогда целостной картины мира [Тимпалиева, 2015, с. 114]: ... eben als er über ihre schmalen Schultern blickte, schwarzer Überwurf auf dunkelblauer Seide, verlor er sie. Der weiße Hut wippte über der Menschenmenge, verschwand um eine Ecke. <...> Sie glitt zum zweiten Male an ihm vorüber; rostfarbenes Haar unter breitrandigem weißen Hut. Ein grauer Blick aus einem klugen nicht jungen Gesicht...<...> ... fiel ihm ein, dass er heute dreimal eine Frau gesehen hatte, rostfarbenes Haar unter einem wippenden Hut; dreimal eine Frau, schwarzer Überwurf auf dunkelblauer Seide; ein grauer Blick. (A.Döblin, „Die Segelfahrt“)

Фрагментарность, как один из аспектов отчуждения, становится в экспрессионизме ключевым принципом художественного освоения реальности [там же, с. 110], определяя не только

способ изображения, но и способ повествования. Как дефицитное можно расценивать не только внешнее (портретное) представление субъекта, но и его жизнеописание, являющее собой все те же разрозненные фрагменты, вызывающие у читателя множество вопросов о причинах и последствиях происходящего.

Например, в рассказе „Die Tänzerin und der Leib“ (A. Döblin) мы имеем обрывочное и весьма условное представление героини и обстоятельств ее жизни до болезни: на протяжении всего нескольких строк бойкая, гибкая, подвижная 11-летняя девочка превращается в апатичную 19-летнюю девушку, прикованную к больничной койке. В рассказе „Die Segelfahrt“ (A. Döblin) загадкой для читателя остаются не только обстоятельства смерти героя, но и причины его бегства с Родины и разрыва со своей семьей – эти обстоятельства лишь вскользь упоминаются в рассказе: ...fluchtartig war er auf seiner Jacht aus der Heimat über den Ozean gefahren. <...> ...er zerriss die Bilder seiner beiden Kinder, nahm eine Nagelschere, zog seinen edelsteinbesetzten Trauring ab, hing ihn über die Schere, hielt den Ring über die brennende Kerze. (A. Döblin, „Die Segelfahrt“)

Характерными чертами экспрессионистского повествования, склонного к любым формам острашения, становятся смены временной перспективы, смешение прошлого, настоящего и будущего, внешнего и внутреннего, реального и воображаемого. Так в рассказе „Der Irre“ (G. Heym) реальные события перемежаются с воспоминаниями героя о его пребывании в психиатрической клинике и эпизодами, предшествующими его попаданию туда, также с его представлениями о будущем, мистическими видениями и предзнаменованиями.

Таким образом, дефицитная субъектность героя в экспрессионизме не только базируется на его дефицитном статусе (биологической или социальной ущербности), но и отличается дефицитным (фрагментарным) представлением. Экспрессионистский герой (его жизнь) подвергается деконструкции, распадаясь на элементы и аксессуары (фрагменты), местами замещааясь ими. Крайний случай – буквальное физическое расчленение человеческого тела, описываемое Геймом в рассказе „Die Sektion“.

Еще один выраженный способ деформации субъектного начала в экспрессионизме – понижение субъектного статуса (объективация) субъекта вплоть до его полного овеществления. Так главная героиня рассказа „Die Tänzerin und der Leib“ (A. Döblin) с первых же строк рассказа воспринимается как объект чужой воли, поскольку предложение, знакомящее нас с героиней, строится в пассивном залоге: Sie wurde <...> zur Tänzerin bestimmt. Болезнь ломает жизнь героини; с ее развитием она становится все более зависимой от чужой воли/ состояния своего тела, все более апатичной и безвольной: Nun verlernte die Tänzerin zu sprechen. <...> Ihr Mund schluckte Medizin, die sie ihm zu trinken gab; sie begleitete die bitteren Tropfen, wie sie hinunterrannen und sann darüber nach, was er daraus machte, er der Leib, der kindische, o der herrische, der finstere. <...> Es geschah alles ohne ihren Willen. Остается лишь отвращение к собственному телу, ненавистному «куску мяса», с существованием которого она вынуждена мириться: Der Leib lag wieder ein Stück Aas, unter ihr <...> Es ekelte sie vor dem schlechten Fleisch, an dessen Gesellschaft sie gebunden war. (A. Döblin, „Die Tänzerin und der Leib“)

Аналогичное «обезволивание» субъектов обнаруживается и в других проанализированных рассказах: Eine Art Beklemmung, dunkel und geheimnisvoll, fiel über sie her. <...> Er wollte seine Augen schließen, aber es gelang ihm nicht. Er war nicht mehr Herr seines Willens. (G. Heym, „Das Schiff“)

Необычайно популярными становятся сравнения человека с животным или вещью: Die jungen Männer nannten sie: die Hyäne. (A. Döblin, „Die Segelfahrt“) Seine Arme werden nicht mehr dünn, lang wie Affenarme sein; seine Stimme nicht mehr krächzen. (A. Döblin, „Australien“) Klein wie eine Fliege wurde sie. (A. Döblin, „Die Tänzerin und der Leib“) Und der Assistenzarzt, dieses bucklige Schwein. <...> Sie sah aus wie eine grosse graue Ratte. <...> ... mit ein paar grossen Sätzen sprang der Irrsinnige wie ein riesiger Orang-Utan mitten über das Volk hinweg. <...> ... sah er die Menschen hinströmen wie unzählige schwarze Fliegen. (G. Heym, „Der Irre“) Wie ein Klotz drängte sie sich in der Mitte des Bettes zusammen. (A. Döblin, „Das Stiffräulein und der Tod“) Nur vorn schaukelte noch der Ire in seiner Hängematte im frischen Morgenwind, hin und her, hin und her, wie eine riesige schwarze Wurst. (G. Heym, „Das Schiff“)

В рассказе „Der Irre“ (G. Heym) идея уподобления человека зверю, его превращения в зверя становится ключевой и реализуется не только посредством использования лексических единиц соответствующего лексико-семантического поля: Plötzlich sah er das Tier wieder, das in ihm saß. Unten zwischen dem Magen, wie eine große Hyäne. Hatte die einen Rachen. Und das Aas wollte raus. Ja, ja, du mußt raus. Jetzt war er selber das Tier, und auf allen vieren kroch er die Straße entlang. Schnell, schnell, sonst läuft sie weg. Wie die laufen kann, aber so eine Hyäne ist noch schneller. Er bellte laut wie ein Schakal. Die Frau sah sich um. Als sie da einen Mann auf Händen und Füßen hinter sich herlaufen sah, das wirre Haar in dem dicken Gesicht, weiß von Staub, da ließ sie ihren Wagen stehen und laut schreiend rannte sie die Straße hinunter. Da sprang das Tier auf. Wie ein Wilder war es hinter ihr her. Seine lange Mähne flog, seine Krallen schlugen in die Luft, und aus seinem Rachen hing seine Zunge heraus. (G. Heym, „Der Irre“)

На эту идею в рассказе работает весь комплекс элементов эстетики отвратительного, выступающей неотъемлемой чертой рассказов Гейма и экспрессионистской поэтики в целом: Jetzt hörte es schon den Atem der Frau. Die keuchte, schrie und jagte davon, was sie konnte. So, noch ein, zwei Sätze. Nun springt das Tier ihr auf den Hals mitten hinauf. Die Frau wälzt sich im Sand, das Tier schmeißt sie herum. Hier ist die Kehle, da ist das beste Blut; man trinkt immer aus der Kehle. Es haut seinen Rachen in ihre Gurgel und saugt das Blut aus ihrem Leibe. Pfui Teufel, ist das aber schön. (G. Heym, „Der Irre“)

Через деформированное сознание героя автор погружает читателя в некий деформированный мир с трудноразличимыми границами между существующей реальностью и кошмарными сновидениями, тем самым провоцируя «нормальное» читательское сознание, подталкивая его к осознанию «ненормальности» происходящего вокруг.: Und die Wärter in ihren weiß gestreiften Kitteln, die aussahen wie eine Bande Zuchthäusler, diese Schufte, die die Männer bestahlen und die Frauen auf den Klosetts vergewaltigten. <...> Einmal wollten die Wärter einen Toten in die Fleischerei bringen, daraus sollte Wurst gemacht werden. Das sollten sie dann zu essen bekommen. (G. Heym, „Der Irre“)

Характеризуя манеру изображения Гейма, известный исследователь экспрессионизма К.Л. Шнайдер пишет о его героях: «Гейм демонстрирует не без определенной доли циничного злорадства озверение этих более не принадлежащих себе людей. Картины человеческого распада <...> настолько отвратительны, что исходящий от них ужас предупреждает и исключает всякие иные ощущения.» [Schneider, 1961, с. 21]

В рассказе „Die Sektion“ (G. Heym) очевидны параллели со стихами о мертвецах, таких как „Kleine Aster“, „Schöne Jugend“, „Negerbraut“, „Requiem“, „Kreislauf“ из непревзойденного по омерзительности образов и циничности изображения сборника Г. Бенна „Morgue“, ставшего в экспрессионизме наиболее ярким воплощением эстетики отвратительного. Сравним: Sie begannen ihr gräßliches Handwerk. Sie glichen furchtbaren Folterknechten, über ihre Hände strömte das Blut, und sie tauchten sie immer tiefer in den kalten Leichnam ein und holten seinen Inhalt heraus, weißen Köchen gleich, die eine Gans ausnehmen. Um ihre Arme wanden sich die Därme, grüngelbe Schlangen, und der Kot troff über ihre Kittel, eine warme, faulige Flüssigkeit. Sie stachen die Blase auf, der kalte Harn schimmerte darin wie ein gelber Wein. Sie schütteten ihn in große Schalen; er stank scharf und beizend wie Salmiak. (G. Heym, „Die Sektion“) Als ich von der Brust aus/ unter der Haut/ mit einem langen Messer/ Zunge und Gaumen herauschnitt,/ muss ich sie angestoßen haben, denn sie glitt/ in das nebenliegende Gehirn. (G. Benn, „Kleine Aster“)

Яркими штрихами в общей «картине человеческого распада» становятся субъектохарактеризующие эпитеты, покрывающие семантическую шкалу от телесного увядания до умственной/ духовной деградации: от почти нейтральных до выражено оценочных, от ироничных до уничижительных, от сопровождающих существительное до замещающих его: das verfallene Gesicht, die faltigen Lider, die trockene schlaaffe Gesichtshaut, dürrer Leib, magere Brüste (A. Döblin, „Das Stiftfräulein und der Tod“); der gedrückte kleine Herr, katarralisches Männlein, verblühte Frau, ein gedrücktes Männlein mit verschrumpeltem Gesicht (A. Döblin, „Astralia“); widerlicher/ widerwärtiger Kerl (G. Heym, „Der Irre“); aschgraue/ fahle Gesichter, verglaste Augen, fetter Leib, schmutziges Nachthemd, wahnsinniges Lächeln (G. Heym, „Das Schiff“); ...fährt der Verhutzelte zusammen. (A. Döblin, „Astralia“).

Наконец, уже само называние субъекта в экспрессионизме зачастую становится деперсонализирующим и десубъективирующим фактором. Прежде всего, крайне редко поименное называние действующих лиц, в некоторых рассказах имена отсутствуют вообще. Называние субъекта чаще связано с национальностью, родом занятий, физическим/ психическим состоянием, то есть в тексте фигурируют не индивидуализированные образы людей, а некие абстрактно-условные символы человеческой сущности, взятые вне конкретной бытовой оболочки: der Brasilianer (A. Döblin, „Die Segelfahrt“), die Tänzerin (A. Döblin, „Die Tänzerin und der Leib“), der Engländer, der Ire, der Portugiese, der Franzose, der Kapitän, der Koch (G. Heym, „Das Schiff“), der Irre (G. Heym, „Der Irre“), der Tote (G. Heym, „Die Sektion“). Вполне определенную семантическую нагрузку несут и оксюмороны das alte Mädchen и das alte Fräulein, выбранные А. Дёблином для представления героинь в рассказах „Die Segelfahrt“ и „Das Stiftfräulein und der Tod“.

Однако чаще всего в экспрессионистских текстах на месте имен появляется анонимное er/sie, а то и вовсе почти безличное es, замещающее существительные среднего рода с выраженными оценочными коннотациями, работающими на понижение статуса персонажа: Mit kurzen Handbewegungen belehrt das Männlein seine Frau, ein blasses angenehmes Wesen, welches ihm gegenüber auf einem Stuhl mit gefalteten Händen sitzt, daß Übung die Grundlage der Kultur sei und daß es wisse, was es sage. <...> ... wenn das Alräunchen eintönig seine Lehre hersang, seine Bußsalbadereien, mit den langen Armen fuchtelte, plötzlich abbrach und starr in den Lärm hineinhörte. Zu Hause versteckte es sich dann und sann über das Gebahren der Leute nach. (A. Döblin, „Astralia“) Das Aas, das wusste schon, was los war. (G. Heym, „Der Irre“).

Еще более явной оценочность становится при использовании «объектных» местоимений eins, etwas, nichts: Sie trinken Most aus Holzbechern, preisen die unsterbliche Seele. Eins spricht nach dem andern. <...> Am nächsten Morgen schurrt etwas Verhutzelt mit dünnen Beinen aus der Tür der

Schenke. <...> Das aufgeschwemmte liebevolle Nichts lässt sich von dem Männlein die Hände drucken und verschwindet aus dem Zimmer. (A. Döblin, „Astralia“).

Деформация субъектного статуса персонажей выявляется и в ходе грамматического анализа текстов. Она обуславливается сдвигами в субъектно-объектных отношениях, и, как правило, связана со встречной субъективацией объектов окружающего мира. Так, идея уравнивания объектов и субъектов прочитывается уже в заголовках рассказов А. Дёблина „Die Tänzerin und der Leib“ и „Das Stiftfräulein und der Tod“, где существительные Tänzerin/ Stiftfräulein (субъектное начало) и Leib/ Tod (объектное начало) соединяются при помощи сочинительного союза и; при этом перед последними стоит не ожидаемая форма притяжательного местоимения ihr/sein, а определенный артикль der.

Частотны случаи смены синтаксических ролей, когда в качестве синтаксического субъекта в предложении выступают объекты (предметы неживого мира, также явления, признаки, состояния), а человек, субъект реальной действительности, – в роли синтаксического объекта, испытывающего воздействие со стороны субъективированных объектов, часто мистифицированных и демонизированных: ...dann warf ihn eine schwere Lungenentzündung hin. <...> Sie machte sich ... zur Beute jeglicher Krankheit, die auf sie sprang.<...> Eine Wassermasse, stark wie Eisen, schickte das unermessliche graugrüne Meer heran. Die trug sie, mit der Handbewegung eines Riesen an die jagenden Wolken heran.(A. Döblin, „Die Segelfahrt“) Da stand der Tod auf und zog das Stiftsfräulein an ihren kalten Händchen hinter sich her zum Fenster hinaus. (A. Döblin, „Das Stiftfräulein und der Tod“) Ihn überkam das Gefühl einer grenzenlosen Verlassenheit, das Heimweh packte ihn mit aller Gewalt. (G. Heym, „Der Irre“) Irgendetwas schloss ihnen den Mund. <...> Es war, als hätte plötzlich aus der Luft heraus eine eisige Hand nach ihm gegriffen. <...> Aber die unsagbare Angst machte ihn schwach und kraftlos. (G. Heym, „Das Schiff“)

Нередко один субъект оказывается «во власти» другого(-их) субъекта(-ов), чаще всего выраженного(-ых) условными sie, alle, jemand, man: Man achtete aber auf jede Äußerung ihres Leibes, behandelte ihn mit einem maßlosen Ernst. <...> Man drang mit Giften auf sie ein. (A. Döblin, „Die Tänzerin und der Leib“) Man fand sie bald in dem treibenden Boot liegen. An Land erwartete man sie. Man wusste alles. (A. Döblin, „Die Segelfahrt“) Es war aber die höchste Zeit, dass sie ihn herausgelassen haben <...> Sie hatten ihn in einen Wagen gepackt. (G. Heym, „Der Irre“) Und im letzten Augenblick hatte er das Gefühl, als ob jemand hinten in der Ecke stand, der ihn unverwandt anstarrte. <...> Sie waren in den mitleidlosen Händen eines furchtbaren unsichtbaren Feindes, der sie vielleicht nur für eine kurze Zeit verlassen hatte. (G. Heym, „Das Schiff“)

С помощью тех же самых местоимений в сочетании с грамматической формой множественного числа и лексическими единицами с семантикой множественности (собирательности), характерными для экспрессионизма [Тимраниева, 2013, с. 167-168], реализуется и такая разновидность субъектной деформации, как размывание границ между субъектом и окружающим его миром, также между различными субъектами: Da lagen viele, viele Menschen, alle mit dem Kopfe auf der Erde. <...> Ihm wurde unbehaglich in den Menschenmassen. <...> Er wand sich durch die Massen hindurch, er kam über die Treppe auf die Galerie hinauf. Er lehnte sich an das Geländer, unten sah er die Menschen hinströmen, die wie unzählige schwarze Fliegen mit ihren Köpfen, Beinen und Armen in ewiger Bewegung ein ewiges Summen hervorzubringen schienen. <...> Andere kamen, es entstand ein Gedränge. (G. Heym, „Der Irre“) Mit einem Male kam ihnen allen zugleich die Erkenntnis, das sie verloren waren. <...> Es wurde nacht und die Mannschaften gingen herunter in die Hängematten. (G. Heym, „Das Schiff“)

Это вполне укладывается в логику экспрессионистского мироощущения, поскольку в экспрессионизме речь идет не только о потере человеком духовности, но и о потере им индивидуальности. В новой реальности человек перестает восприниматься как личность, он становится частью некой общей массы (толпы, коллектива), винтиком в чреве молоха [там же].

Заключение

Таким образом, в экспрессионистских текстах мы, как правило, имеем дело с деформированным субъектом. Субъектная деформация базируется на дефицитном субъектном статусе, отличается дефицитным субъектным представлением, поддерживается целым рядом разнообразных стилистических приемов десубъективации от метафорических и метонимических переносов до синтаксических сдвигов и в полной мере согласуется с эстетическими принципами экспрессионизма, отразившего ключевые противоречия своей эпохи.

Список литературы

- Павлова Н.С. 1968. Экспрессионизм. В кн.: История немецкой литературы: в пяти томах. М.: Наука, Т.4 (1848-1918): 536-564.
- Pavlova N.S. 1968. Expressionismus. In: Istorija nemeckoj literatury [The History of the German Literature]. M.: Nauka, V.4 (1848-1918): 536-564. (In Russian)
- Пестова Н.В. 2002. Лирика немецкого экспрессионизма: профили чужести. Изд. 2-ое доп. и испр. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург: 463.
- Pestova N.V. 2002. Lirika nemeckogo ekspressionizma: profili chuzhesti [The Lyrics of German Expressionism: Profiles of Foreignness] Izd. 2-oe dop. i ispr. Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg: 463. (In Russian)
- Поэтика: словарь актуальных терминов. 2008. Гл. науч. ред. Тамарченко Н.Д. Москва: Изд-во Кулагиной, Intrada: 358.
- Pojetika: slovar' aktual'nyh terminov [Poetics: Dictionary of Actual Terms]. 2008. Gl. nauch. red. Tamarchenko N.D. Moskva: Izd-vo Kulaginoj, Intrada: 358. (In Russian)
- Тимралиева Ю.Г. 2013. Феномен обезличивания и его языковые экспликации в лирике немецкого экспрессионизма. В сб.: Лінгвістика. Лінгвокультурологія Збірник наукових праць. редкол. Ю. О. Шепель (відп. ред.), Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара, Міністерство освіти і науки України. Дніпропетровськ: 165-174.
- Timralieva Ju.G. 2013. Fenomen obezlichivaniya i ego jazykovye jeksplikacii v lirike nemeckogo ekspressionizma [Phenomen of Depersonalisation and its Linguistic Explications in the Lyrics of German Expressionism]. In: Lingvistika. Lingvokul'turologija Zbirnik naukovih prac'. redkol. Ju. O. Shepel' (vidp. red.), Dnipropetrovs'kij nacional'nij universitet imeni Olesja Gonchara, Ministerstvo osviti i nauki Ukraïni. Dnipropetrovs'k: 165-174. (In Russian)
- Тимралиева Ю.Г. 2015. «Рваное» сознание эпохи: разрушение традиционной картины мира в лирике и малой прозе немецкого экспрессионизма. В сб.: Язык и культура в эпоху глобализации: сборник научных трудов по материалам второй международной научной конференции (26 марта 2015 г., Санкт-Петербург). Санкт-Петербург. Часть 2: 109-117.
- Timralieva Ju.G. 2015. «Rvanoe» soznanie epohi: razrushenie tradicionnoj kartiny mira v lirike i maloj proze nemeckogo ekspressionizma [Fragmentary Consciousness of the Time: Destruction of the Traditional Picture in the Lyrics and Prose of German Expressionism]. In: Jazyk i kul'tura v jepohu globalizacii: sbornik nauchnyh trudov po materialam vtoroj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (26 marta 2015 g., Sankt-Peterburg). Sankt-Peterburg. Part 2: 109-117 (In Russian)
- Bekes P. 1991. Einleitung und Nachwort. In: Gedichte des Expressionismus. Stuttgart: Philipp Reclam: 7-17, 65-78.
- Schneider F.J. 1927. Der expressive Mensch und Lyrik der Gegenwart. Stuttgart: 116.
- Schneider K.L. 1961. Der bildhafte Ausdruck in den Dichtungen G. Heyms, G. Trakls und E. Stadlers. Heidelberg: 184.

УДК 080

КОННОТАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗООНИМОВ

CONNOTATIVE FEATURES OF ZOONYMS

Е.С. Яковлева

E.S. Iakovleva

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University,
85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: elena.iakovleva@inbox.ru

Аннотация. Значительная часть лингвистических исследований последнего времени сосредоточена на анализе психических процессов и ассоциаций, возникающих в человеческом сознании при употреблении тех или иных слов и выражений. Одна из причин такой тенденции кроется в том, что наука на данном этапе своего развития уделяет большое внимания синтезу знания, в частности невозможно изучение зоонимов невозможно без инеграции сознания, культуры, социума и собственно языковой системы. Данная статья посвящена рассмотрению коннотативных особенностей зоонимов, представляющих домашних животных, и используемых в пословицах и поговорках английского языка.

В статье дается определение терминов «зооним» и «коннотация». Исследование было проведено на материале моноязычных толковых словарей и словарей пословиц и поговорок. В процессе работы был построен график и таблица распределения положительных, отрицательных и нейтральных коннотаций, возникающих в сознании носителя английского языка. Была выявлена смешанная оценочная коннотация зоонимов, с преобладающей отрицательной оценкой. Метафоричность фразеологизмов с компонентом зоонимом, обозначающим домашних животных, а также их оценочная коннотация, специфика их употребления для характеристики человека и событий, во многом обусловлена сформировавшейся на протяжении веков особым отношением к животным, сложившимся на территории Великобритании.

Abstract: A considerable part of modern linguistics research is focused on mental processes and associations which appear in the mind, when we use either word or expression. One of the reasons of the feature is the fact that at the very moment science is focused on the synthetic of knowledge. In particular, the analysis of zoonyms' connotative features is very difficult without consciousness, culture and society and language system. This article is devoted to the analysis of connotative features of zoonyms in the English language phraseology.

The article represents the definition of "zoonym" and "connotation". The research is based on material in monolingual dictionaries and dictionary of proverbs. The table and chart of positive, negative and neutral connotation distribution were made. the connotation appear at the mind of English native-speaker. The mixed connotation was opened but the dominant part takes the negative one.

Metaphoric of phraseology with pet-zoonyms, estimated connotation, and features of using for characterizing people and things are represented by historical formed the relation to pets in Britain.

Ключевые слова: английский язык, фразеология, зоонимы, коннотация.

Keywords: the English language, phraseology, zoonyms, connotation.

Исследования языка в рамках его взаимодействия с культурой и сознанием начались еще в XIX веке, однако до настоящего времени, несмотря на целый ряд научных исследований отечественных и зарубежных ученых не только в рамках лингвистики, но и философии, культурологи, психологии эта проблема продолжает волновать умы молодых исследователей.

Необходимость изучения фразеологии и в частности фразеологизмов с компонентом зоонимом в аспекте отражения в них национальной специфики, культуры, традиционного образа жизни народа остается актуальной проблемой современного языкознания. Понятно, что наименования животных в разных языках вызывают абсолютно разные ассоциации и описывают те качества и особенности животного, которые обусловлены климатом, историческим развитием народа. С.Г. Тер-Минасова в своей монографии пишет: «Картина мира, окружающего носителей языка, не просто отражается в языке, она и формирует язык и его носителя, и определяет особенности речеупотребления».

Язык и культура связаны между собой крепкой нитью, с помощью языка народ сохраняет для потомков ценности и достижения своей культуры. Каждая нация смотрит на мир в целом и других людей через призму собственного своей культуры и языка. По мнению А.А. Реформатского, «язык – необходимое условие существования и развития человеческого общества и, являясь элементом духовной культуры, язык, как и все другие общественные явления, немислим в отрыве от материальности» [Реформатский 2006: 42].

Целью в рамках предпринятого исследования является изучение интерпретации мира животных в человеческой культуре, а именно в англоязычной европейской культуре, на материале фразеологизмов с компонентом-зоонимом. Для исследования была выбрана группа домашних животных\pets, т.к. в древности они обеспечивали человека практически всем необходимыми для жизни, следовательно, ассоциации, возникающие в процессе наблюдения за животными являются, по нашему мнению, одними из самых продуктивных.

Динамика развития английского языка в настоящее время такова, что в связи с приобретением им вольно или невольно вследствие исторических условий статуса «межнационального» и «глобального языка» в современной «глобальной деревне», постепенного «стирания» границы для средств массовой информации и интеграции общества, с одной стороны, происходит усиление интереса к английскому языку, его фразеологии во всем мире.

Указанная цель достигается в результате решения следующих задач:

1. формирование массива фразеологизмов, включающих компоненты-зоонимы наименования домашних животных;
2. анализ собранных фразеологизмов, определение особенностей коннотации, математический подсчет результатов.
3. базируясь на теоретических позициях концепций современной лингвистики выбраны методы исследования: общенаучные методы сбора, систематизации, анализа материала.

Итак, вначале представляется необходимым дать определения понятий, на которых основывается наше исследование, в связи с тем, что в настоящее время многие термины имеют различные толкования и для исключения недопонимания, установление основополагающей концепции для исследования представляется достаточно важным.

Под зоонимом в данной работе понимается «лексико-семантический вариант слова, выступающий в качестве родового названия животного, и метафоричное именование при анализе лексики с точки зрения характеристики человека» [Галимова, 2004: 12].

В своем исследовании говорит о том, что практически каждый зооним обладает тремя «уровнями» значений, тесно связанных между собой. Первое значение может быть условно названо «обыденным» – это именование того или иного животного, второе – «мифологическим», оно находит отражение в традиционной народной культуре, в фольклорных текстах. На основании этих двух «уровней» формируется стереотипное значение или стереотипный образ, который и актуализируется при использовании зоонима для зооморфной характеристики человека [2]. Вообще, зоонимам, как сложным языковым единицам, присущ необычайный потенциал характеристики человека, как в социальном, так и в психологическом плане. Например, о человеке-одиночке можно сказать «волк», а о глупом человеке – «баран».

Естественно, что наименования животных в разных языках вмещает разные качества и характеристики, провоцирует различные ассоциации. Согласно И.В. Куражовой это свидетельствует об индивидуальности образного мышления конкретного народа, что является собой сложный ассоциативно-психологический процесс, а также о различиях в ценностной картине мира различных этносов [Куражова, 2007: 15].

Коннотация же, согласно определению, приведенному в статье Н.М. Кашириной «компонент, который дополняет лексическое значение слова и придает ему экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому» [3].

Такое понимание позволит нам опираясь на языковую картину мира людей, говорящих на английском языке, описать выбранный фрагмент и ответить на вопрос какими культурными коннотациями обладают исследуемые нами зоонимы, входящие в лексико-семантическую группу «домашние животные».

Коннотации субъективны и проявляется в возможности противоположной интерпретации реалии аспектами текста, создающими его экспрессивную окраску.

Итак, после анализа номинаций толкового словаря и словаря пословиц и поговорок, была составлена таблица, распределившая собранные зоонимы на три группы с положительной, отрицательной и нейтральной коннотацией:

Таблица 1

положительно	отрицательно	нейтрально
dog	goose	duck
Sheep (bible)	cock	greyhound
cat	sheep	chicken
rabbit	mouse	cow
	goat	
	donkey	
	pig	

Как у страны с христианской культурой в английском языке зооним sheep\овца имеет двойную коннотацию. Обратимся к примерам:

*Party members should not follow their leader like **sheep**.* – букв. Члены партии не должны следовать за своим лидером как **овцы** (негативная коннотация, о легко подчиняющемся чужому влиянию человеке).

Между тем, в словаре дается ссылка на Библию (With biblical allusion to Luke 15:6) и sheep - A person regarded as a protected follower of God. букв. о последователе Бога, находящимся под его защитой. Как видно из приведенных примеров, символика даже одного зоонима не всегда совпадает и, таким образом, в данном случае имеет место смешанная оценочная коннотация.

Для усиления метафоризации зоонимов во фразеологизмах используются глаголы:

Например, *pull a rabbit out of the hat* (букв. *вытащить кролика из шляпы*), *раскрыть секрет*.

take to something like a duck to water (букв. *относиться к чему-то как утка к воде*) русск. экв. *чувствовать себя как рыба в воде*

Рассмотрим график, для наглядного представления распределения коннотаций зоонимов:

Анализ собранного словарного материала и картотеки позволяет сделать следующие выводы, что половина собранных зоонимов обладает отрицательной коннотацией. В качестве усилителей негативной семантики зоонимов могут быть использованы прилагательные и наречия с соответствующей окраской:

- *'Silly goose,' he murmured* («Глупая гусыня» - пробормотал он)
- *"No shoes in the house, you **silly goose**," Mr. Winterhalt said.* («В доме нет обуви, глупая гусыня», - сказал Мистер Винтерхальт)
- *It is entirely possible that the old goat is having brain changes.* (Совершенно невозможно, что у старой козы возникнут новые идеи)

Из вышеприведенной диаграммы также видно, что в фразеологизмов с компонентом-зоонимом с нейтральной и положительной коннотацией примерно поровну.

- *all cats are grey in the dark* (букв. - все кошки серы в темноте)
- *not a cat in hell's chance* (букв. - нет ни единого шанса)

Современные лингвистические работы в области изучения этнокультуры говорят о том, что фразеологизмы с компонентом зоонимом отражают характер человека, его психологические и социальные особенности.

Обратимся к следующим примерам, найденным на просторах англоязычного интернета:

- *They haven't a cat in hell's chance of getting over the mountain in weather like this.* (букв. – У них нет ни единого шанса перейти горы в такую погоду).

— *I don't care if my date is ugly. All cats are gray in the dark.* (букв. - Меня не волнует, ужасно мое свидание или нет. Все кошки серы в темноте.)

Таким образом, специфика коннотативных особенностей обычно связана с экспрессивно-оценочным компонентом, который адресант закладывает в свое сообщение с помощью лексических средств, выражающих большую, по сравнению с нормой, степень признака.

Как мы видим из приведенных примеров, метафоричность фразеологизмов, содержащих в своем составе зоонимы, и специфика их субъективно-оценочной коннотации во многом обусловлена их многовековым характером, а также фольклорными традициями отождествления и одушевления животных с человеком, приписывание им тотемных, охраняющих сил и магических свойств, а также человеческих слабостей. Например,

you can't teach an old dog new tricks (букв. старого пса новым штукам не выучишь).

Например,

You're never going to teach your father at the age of 79 to use a computer. You can't teach old dog new tricks, you know. Ты никогда не научишь твоего 79-летнего отца пользоваться компьютером. Старого пса новым штукам не выучишь.

a cat may look at a king (букв. – кот может выглядеть как король).

Оценка события или человека с использованием фразеологизмов, как правило, влечет за собой эмоциональное отношение, переживание:

Например,

I'm just trying to pull a rabbit out of the hat for you, Vinnie. (букв. - Я только хочу сделать тебе сюрприз, Винни.

Таким образом, достаточно большое количество английских фразеологических единиц с компонентом-зоонимом имеют отрицательную коннотативную окраску. Кроме того, во фразеологической системе английского языка прослеживается смешанная эмоционально-оценочная коннотация зоонимов, отражающая субъективные стороны нашего восприятия окружающего мира и домашних животных\pets. Вероятно, особенности коннотации, прослеживающиеся в языке, обусловлена историческими аспектами развития английского языка и культуры, которые помогали создать сильное современное государство, сохранить опыт народа для следующих поколений, общаться с представителями других государств и в настоящее время сделать английский язык средством межнационального и межкультурного диалога.

Список литературы

Галимова О.В. Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (на материале русского и немецкого языков) Дис кан. филол.наук., - Уфа, 2004. с3-18.

Залесова Н.М., Парунова К.С. Особенности функционирования зоонимов в английских и китайских анималистических сказках. Электронный ресурс. [Дата обращения: 01. 02.2016]

Н.М. Каширина. Коннотация как сопутствующее значение языковой единицы URL: <http://www.pglu.ru> [Дата обращения: 01.02.2016]

Куражова И.В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультурологии, Автореферат дис кан. филол.наук., - Иваново, 2007 г., 22с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация./С.Г.Тер-Минасова – М.: Изд-во Слово/SLOVO, 2000. – 624 с.

Реформатский А.А. Введение в языковедение: учебник / А.А. Реформатский. – Издание 5-е, исправленное. – Москва : Аспект Пресс, 2006. – 536 с

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 191 с.

The Oxford Dictionary of Proverbs Edited by JENNIFER SPEAKE Previously co-edited with JOHN SIMPSON Oxford University Press Inc. Jennifer Speake, 2008.—625p.

Oxford Dictionaries. Language Matters. URL: www.oxforddictionaries.com [Дата обращения: 01.02.2016]

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

УДК 070

ТЕЛЕВИДЕНИЕ И РЕЛИГИЯ: ЧЕРТЫ СХОДСТВА

TELEVISION AND RELIGION: GENERAL FEATURES

Е.А. Аглей

E.A. Agley

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, 420008, ул. Кремлевская, 18*

*Kazan Federal University, 420008,
18, Kremlyovskaya Str., Kazan, Russia*

E-mail: Ilina.elena@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены черты сходства телевидения и религии. Проанализированы и выявлены общие функции телевидения и религии. В статье использован междисциплинарный подход на основе религиоведения и тележурналистики.

Abstract. In this article lines of similarity of television and religion are considered. The general functions of television and religion are analysed and revealed. In article interdisciplinary approach on the basis of religious studies and telejournalism is used.

Ключевые слова: религия, телевидение, функции религии, функции телевидения, средства массовой информации, религиозная вера, информация.

Keywords: religion, television, functions of religion, function of television, mass media, religious belief, information.

В современном мире телевизор является неотъемлемым элементом повседневной жизни. Его место в доме, что интересно, чаще всего становится центральным. Уже этот небольшой аспект роднит телевидение с религией: небольшие иконы в доме также занимают определенное место.

27-28 июля 2013 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения проводился опрос среди 1,6 тысячи человек из 130 населенных пунктов страны о роли телевидения и интернета в их жизни и о степени доверия тому или иному источнику получения информации. Опрос показал, что 60% россиян доверяют телевидению, не хотят проверить или опровергнуть полученные сведения, в то время как интернет (где можно найти множество различных взглядов на проблему) считают достоверным источником информации 22% жителей страны. Также было выявлено, что в случае получения противоречивой информации 60% респондентов склонны доверять именно телевидению, тогда как только 22% населения станут искать нужную информацию в интернете.² Таким образом, мы сталкиваемся с тем, что общество не анализирует полученную телевизионную информацию, а просто принимает на веру, что также роднит телевидение с религией.

Еще один опрос, подтверждающий нашу гипотезу, проведен 22-23 ноября 2008г. В нем приняли участие 1 тыс. 600 человек из 140 населенных пунктов в 42 областях, краях и республиках России. Выявлено, что около 70% россиян больше всего доверяют столичному телевидению, причем 44% скорее доверяют, 26% вполне доверяют голубому экрану.

В основном о своем доверии к этому источнику информации сообщают жители средних, малых городов и сел (72-74%). Недоверие к столичному телевидению высказывают 25% россиян. Такая оценка наиболее характерна для москвичей и петербуржцев (35%). Еще 2% не используют

² ВЦИОМ: Россияне доверяют телевидению больше интернета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.audit-it.ru/news/soft/626773.html> (Дата обращения 05.06.2015).

этот источник информации.³ Здесь может быть выявлена следующая закономерность: жители крупных городов обладают более критическим взглядом на мир, им недостаточно одного варианта развития событий. То же самое мы видим и с религией: в малых городах и сельской местности падает качество религии – религиозная вера впитывает в себя суеверия, что влечет за собой трансформацию образа Бога или обрядов.

Чтобы более подробно рассмотреть черты сходства религии и телевидения, обратимся к их функциям.

Выделяется несколько функций религии: мировоззренческая, компенсаторная, коммуникативная, регулятивная, интегрирующе-дезинтегрирующая, культуротранслирующая, легитимирующе-разлегитимирующая.⁴

Мировоззренческая функция религии реализуется миропонимание (объяснение мира в целом и отдельных явлений и процессов в нем), мирозерцание (отражение мира в ощущении и восприятии), мирочувствование (эмоциональное принятие или отвержение), мироотношение (оценку) и пр.

Религия выполняет компенсаторную функцию, восполняет ограниченность людей. Важное значение имеет психологический аспект компенсации – снятие стресса, утешение.

Религия обеспечивает общение, осуществляет коммуникативную функцию. Общение складывается как в нерелигиозной, так и в религиозной деятельности и отношениях, включает процессы обмена информацией, взаимодействия, восприятия человека человеком.

Регулятивная функция состоит в том, что с помощью определенных идей, ценностей, установок, стереотипов, мнений, традиций, обычаев, институтов осуществляется управление деятельностью и отношениями, сознанием и поведением индивидов, групп, общин.

Интегрирующе-дезинтегрирующая функция в одном отношении – объединяет, а в другом – разъединяет индивидов, группы, институты. Интеграция способствует сохранению, дезинтеграция – ослаблению стабильности, устойчивости личности, отдельных социальных групп, учреждений и общества в целом. Интегрирующая функция выполняется в тех пределах, в которых признается более или менее единое, общее вероисповедание. Если же в религиозном сознании и поведении личности обнаруживаются не согласующиеся друг с другом тенденции, если в социальных группах и обществе имеются различные, да еще и противостоящие друг другу конфессии, религия выполняет дезинтегрирующую функцию.

Религия, являясь составной частью культуры, выполняет культурно-ретранслирующую функцию. Она способствует развитию определенных ее слоев – письменности, книгопечатания, искусства, обеспечивает охранение и развитие ценностей религиозной культуры, осуществляет передачу накопленного наследия от поколения к поколению.

Легитимирующе-разлегитимирующая функция означает узаконение некоторых общественных порядков, институтов (государственных, политических, правовых и др.), отношений, норм, образцов как должных или, наоборот, утверждение неправомочности каких-то из них.

Функции телевидения очень схожи с функциями религии. Можно выделить такие функции ТВ, как: информационная, культурно-просветительская, интегративная, социально-педагогическая, организаторская, образовательная, рекреативная.⁵

Одна из основополагающих функций телевидения – это информационная функция, которая, на наш взгляд, является единственным аспектом, отличающим религию и телевидение. Регулярное получение социальной информации стало необходимым условием полноценного участия в современной жизни.

Культурно-просветительская функция заключается в том, что любая телевизионная передача в той или иной мере приобщает зрителя к культуре. Телевидение приобщает зрителей к ценностям культуры, полностью транслируя театральные спектакли или ставя игровой телефильм. В культурно-просветительских программах, так или иначе, присутствует элемент нравовоспитания, назидательности.

Интегративная функция телевидения отвечает за поддержку нормального функционирования того общества, на которое распространяется влияние. Чем крупнее и разнообразнее сообщество, на которое направлено вещание, тем внимательнее должны составляться программы, чтобы ни одна часть аудитории не оказалась дискриминированной. Помимо национального и религиозного признаков обращают внимание на социальные (в том числе классовые), социально-психологические, возрастные различия людей.

³ ВЦИОМ: Больше всего россияне доверяют телевидению [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/society/17/12/2008/268774.shtml> (Дата обращения: 11.03.2015).

⁴ Яблоков И.Н. Основы религиоведения [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Jablok/ (Дата обращения: 11.03.2015).

⁵ Функции телевидения [Электронный ресурс]. URL: easyschool.ru/sosh/Funktsii_televideniya.doc (Дата обращения: 22.05.2015).

Социально-педагогическая функция (или управленческая функция). Предполагает прямую вовлеченность телевидения в систему административного воздействия на население, в пропаганду определенного образа жизни с соответствующим набором политических и духовно-нравственных ценностей. Степень этой вовлеченности и мера воздействия зависят от характера государства. Важно, что телевидение выступает сдерживающим социальным фактором. Лучше «болеть» за жизнь или футбол дома, а не на улице, выражать протест с помощью избиения экрана, а не представителей правопорядка, лучше иллюзорный мир, нежели реальная война.

Нередко телевидение выполняет функцию организатора, ставя какие-либо вопросы перед властями или гражданами, побуждая их к действию. В этом и проявляется организаторская функция телевидения.

Образовательная функция включает в себя регулярные циклы дидактического материала в помощь лицам, получающим образование.

Рекреативная функция (от лат. *recreatio* – восстановление) – отдых, восстановление сил человека, израсходованных в процессе труда. Телевизор – друг и родственник. Выручает при стрессах. А для некоторых людей – просто таблетка от одиночества, возможность «общения с миром». В конечном итоге – разговоры зрителя с телевизором (реальные или мысленные) стали чем-то похожи на медитацию, а ожидание тех или иных программ и передач – сродни интересу к регулярным проповедям.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что успех телевидения и религии в современном обществе очень схож: культурно-просветительская функция телевидения и культурно-ретранслирующая функция религии, интегрирующе-деинтегрирующая функция религии и интегративная функция телевидения, социально-педагогическая функция (или управленческая функция) телевидения объединяет под собой и легитимирующе-разлегитимирующую, и регулятивную, и компенсаторную, коммуникативную функции религии. Религиозную веру многие члены общества обходят стороной, воспринимают скептически и недоверчиво, тогда как телевизионная вера все сильнее охватывает умы людей, которые не готовы к анализу полученной информации.

УДК 070

СЕТЕВЫЕ PR-ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**INTERNET PUBLIC RELATIONS AT EDUCATIONAL INSTITUTIONS****З. Видера¹, П. Сарна²
Z. Widera¹, P. Sarna²**¹⁾ *Экономический университет Катовице,
Польша, 40287, Катовице, ул. 1 Мая, 50*²⁾ *Силезский университет Катовице,
Польша, 40007, Катовице, ул. Банковая, 12*¹⁾ *University of Economics in Katowice,
40287, Poland, Katowice, 1 Maja Str., 50*²⁾ *The University of Silesia in Katowice,
40007, Poland, Katowice, Bankowa, 12**E-mail: pawel.sarna@us.edu.pl*

Аннотация. Статья носит теоретико-эмпирический характер. Теоретическая часть представляет возможности способов коммуникации учреждений образования в деятельности, связанной с публичными отношениями при использовании сети Интернет. Эмпирическая часть представляет анализ результатов исследований Интернет-витрин начальных, средних и гимназических школ в 19 городах на правах повята в Силезском воеводстве.

Abstract. This paper is of a theoretical and empirical nature. The theoretical part presents the possibilities of the communication methods in public relations that use the Internet where both non-individualized and individualized communication is applied. The empirical part presents an analysis of the research of the websites of primary, lower-secondary (gimnazjum) and upper-secondary schools in 19 cities in the Silesian Province (Voivodship) of Poland.

Ключевые слова: Связи с общественностью в сети Интернет, коммуникация учреждений образования как организация публичных услуг, публичность (publicity).

Keywords: Internet Public Relations, educational institutions, communication of educational institutions as public services organizations, publicity.

1. Introduction

A legitimate starting point for reflections upon Polish Internet Public Relations is 1991 when Poland joined the European Internet (September) and then was connected to the US network (December). During the first few years after joining the global network the use of the Internet in activities of different institutions was limited. The knowledge of this new communication medium was also poor. A significant increase in the number of companies present on-line is noticed from the mid-nineties of the 20th century. An attempt to define the term "Internet Public Relations", in regards to the specific Polish reality, standards and experiences, was made by Monika Kaczmarek-Śliwińska who points out that Internet PR is: "The management function that allows communication between an enterprise and its external and internal environment, of a continuous and planned character, by means of Internet tools"⁶.

The nature of the presented research has been determined by the necessity to address these problems associated with the presence of schools' services on the Internet and the question related thereto about the functions served by those websites. Today, the Internet provides opportunities not only for presenting a school at relatively low costs but also for interactive contact. This paper is of a theoretical and empirical nature. The theoretical part presents the possibilities of the communication methods in public relations that use the Internet where both non-individualized and individualized communication is applied. The empirical part presents an analysis of the research of the websites of primary, lower-secondary (gimnazjum) and upper-secondary schools in 19 cities in the Silesian Province (Voivodship) of Poland.

⁶ M. Kaczmarek-Śliwińska: *Internet public relations. Polskie realia działań public relations w sieci*, Politechnika Koszalińska, Koszalin 2010, p. 13.

2. Literature review

2.1. Polish experiences in Internet PR

Today, knowledge and skills to use the Internet's instruments are undoubtedly a necessity for public relations specialists. Cooperation with mass media through the network has developed dynamically. Knecht points to new publicity opportunities which are based on the following grounds:

1. Internet press agencies - external networks for media services; "corporate press offices" providing all the materials the media may need (like information designed for the press only; management statements, annual/quarterly reports; interviews, photographs etc.).
2. Providing the press with information through information agencies that manage special on-line services.
3. "On-line publicity" - through on-line versions of magazines; the Internet also provides an opportunity to distribute information directly in a target environment, e.g. by publishing news addressed to particular segments of receivers and other opinion-forming groups and centers - potential investors, clients, lobbyists (computer notice boards, discussion groups, information services, mailing lists, etc.).⁷

PR uses various ways of communication, also in the Internet where both non-individualized (e.g. websites) and individualized (e.g. e-mails) communication is applied. The aim of a non-profit organization's communication efforts is to create and maintain the sense of being bound with others, which allows it to fulfill its organizational goals better. In this case, communication is understood as creating a community. Through it, it is possible to gain various forms of support, financial as well as to attract people willing to cooperate. This enables organizations to realize their set goals more effectively. Also, thanks to the sense of being bound together, it is easier to create common attitudes towards a certain cause and to exchange information (communication as interaction). When planning a communication process, one needs to consider its course (e.g. the known Lasswell formula of five communication components may be helpful: Who says What, in What Channel, to Whom and with What Effect)⁸. Supporting a rational PR policy based on the use of the most effective Internet instruments (besides Internet websites other tools like forums, chats or blogs are also important) allows an organization to monitor its effectiveness⁹.

According to Konikowski, among the promotion strategies which may be carried out on-line, three are generally available:

- passive – this involves only the development of a website which, by itself, is to attract interested visitors,
- active - involves activities that lead to maintaining contact with the persons who have visited a website (distribution of information via electronic mail, participation in discussion lists etc.),
- individualized messaging - reaching specific persons with individualized information¹⁰.

According to the authors of available publications, a properly constructed and managed Internet service should be:

- credible - all information on the website (in the service) is always up-to-date (the date is provided) and based on reliable sources, if possible we provide the source and the author of the information; the website publishes e-mails of the persons responsible, preferably containing names, enabling the recipients to initiate a contact (anonymous websites are not considered as reliable),
- stylish - it has a balanced, esthetically pleasing graphic design, light enough not to increase service download time; the look of the webpage is an important prerequisite for success,
- friendly - with easy and intuitional navigation system, clear structure and properly selected font,
- technically correct - properly selected coding standard for Polish signs (ISO-8859-2), the coding is compliant with HTML W3C standard specification¹¹.

Tarczydło remarks that in recent years we can observe various trends in Internet activities (whisper and viral marketing), as well as the fast development of social media. Also, one needs to consider that there are different types of social networking services with different users and thus, of a different nature (general or addressed to certain social groups, which are focused on sharing specific content). The functioning of city and municipal Internet websites in the Silesian Voivodship has been studied by Szostok who, after considering the groups of functions (informative and utility, promotional, interactive) performed by those webpages came to the conclusion that the relatively best realized function is the informative and utility one, while an opportunity for interaction is the most neglected¹². A nation-wide research project (Kozub-Kulik, n.d.) revealed that the

⁷ Z. Knecht: *Racjonalne public relations. Budowa działu, instrumenty, studia przypadków*, CH Beck, Warszawa 2005, pp. 89-90.

⁸ M. Koszembar-Wiklik: *Internet w komunikacji organizacji non-profit*, in: *Public relations. Skuteczna komunikacja w teorii i praktyce*, ed. H. Przybylski, Akademia Ekonomiczna, Katowice 2006, p. 248.

⁹ M. Kaczmarek-Śliwińska: *Internet public relations*. Op. cit., p. 139.

¹⁰ J. Konikowski: *ABC marketingu on-line*, „Internet” 1999, No. 1, p. 52.

¹¹ J. Szyfter: *Public Relations w internecie*, Helion, Gliwice 2005, p. 37.

¹² P. Szostok: *Konwergencja mediów na przykładzie funkcjonowania miejskich i gminnych portali internetowych w*

best performed functions, in general, are the informative and consultative ones (the following functions were evaluated: informative, consultative, service and promotional). In the light of such results one can assume that the possibilities of the Internet for conducting communication policy are not fully utilized. The functioning of school websites (financed by local governments) in the Silesian Voivodship fits into this wider context¹³.

2.2. Internet PR in schools

A public relations plan for an educational institution may involve many objectives such as: gaining parents' attention due to the necessity of attracting such a large number of students that would ensure the school's existence; winning the favorable attitude of opinion-forming environments, public institutions, and potential sponsors. To attract and retain highly qualified teachers as well as improve the atmosphere in a school is also the matter of a well-developed action plan.

Both PR functions - internal and external can be used in educational institutions. The following target groups are classified by Koszembar-Wiklik (2004) as priorities:

1. Parents and children from the school's closest neighborhood - one of the more important reasons for choosing a school is its reputation (the high competencies of the teaching staff, including achievements in olympiads and competitions, infrastructure, safety).
2. Students and alumni - they shape the school's reputation to a large degree.
3. Teachers - winning and keeping a competent didactic staff should be one of the supreme objectives of public relations activities in educational institutions.
4. Sponsors - schools themselves must select a potential group of sponsors according to various criteria, not only financial but also considering the matter of prestige on both sides.
5. Local authorities - decisions regarding financial support or school liquidation belong to local authorities, thus maintaining good relationships with them may be of key significance.
6. The media - not without reason is it called "the Fourth Estate" - it is worth maintaining constant contact with them, which may be especially helpful in crisis situations.
7. Educational authority - this is a body that exercises supervision over schools and often mediates in certain disputes, thus it is worthy to constantly be aware of a school's good reputation¹⁴.

Today, the Internet provides vast opportunities for presenting schools at low costs; it also enables a two-way information transfer. Thanks to the use of the network it is easier and faster to deliver information to the most important target groups. However, one also needs to remember that in these institutions there are many barriers to public relations activities. They include, for example, the formal framework of acting resulting from the schools' status as public institutions (fixed hierarchical structures) as well as other limitations connected with insufficient financial support for education and its dependence on local governments, the lack of initiative of some directors and didactic staff, the hindering initiatives of parents and teachers, poor cooperation between schools, and the low competencies of personnel in this area¹⁵. The problems that modern schools and teachers face nowadays, with the latter to be the supposed creators of educational space, evoke (like never before) the necessity to hold incommensurably higher competencies of various types - communication or cultural. Thus, it is very important for both, young Internet users as well as teachers, to be equipped with appropriate knowledge and skills in the area of media education. Alongside the recognized form of digital exclusion another one emerges and this basically involves the lack of proper knowledge on how to use new technologies.

The research conducted among a group of teachers in 2012 (Sarna, Sarna, 2014) revealed that they were more likely to notice the threats rising from the development of new technologies rather than their positive influence on the development of young people. Such observations seem disturbing. Although one should not underestimate the danger, it is worth remembering that new information and communication technologies provide the opportunity to create and perfect the instruments that support the development and education of children and youth. Moreover, using modern multimedia solutions may significantly increase the attractiveness of education¹⁶.

In response to the presented problem regarding students and teachers and their use of information and communication technologies in education, a governmental "Digital School 2012-2013" program ("Cyfrowa

województwie śląskim, in: *Konwergencja mediów masowych i jej skutki dla współczesnego dziennikarstwa*, vol. 2, eds. M. Gierula, P. Szostok, Uniwersytet Śląski, Katowice 2012, pp. 159-162.

¹³ B. Tarczydło: *Budowanie wizerunku marki organizacji przy wykorzystaniu Facebooka*, Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego 2012, No. 30, p. 124.

¹⁴ M. Koszembar-Wiklik: *Public relations organizacji non-profit na przykładzie szkoły podstawowej*, in: *Public relations. Sztuka skutecznej komunikacji w teorii i praktyce*, red. H. Przybylski, Akademia Ekonomiczna w Katowicach, Katowice 2004, pp. 180-181

¹⁵ M. Koszembar-Wiklik: *Internet w komunikacji...*, op. cit., pp. 180-183.

¹⁶ A. Sarna, P. Sarna: *Nauczyciel wobec wyzwań i zagrożeń współczesnej mediosfery*. W: *Súčasný aspekty pedagogickej profesie*, red. M. Dupkalová, T. Hudáková, I. Ištván. Fakulta Humanitných A Prírodných Vied Prešovskej Univerzity v Prešove, Prešov 2014, p. 43.

szkola 2012-2013”) has been launched. It is aimed at developing the competencies of students and teachers in using information and communication technologies (ICT): “The program/pilot program is carried out by the Polish Ministry of National Education in cooperation with the Ministry of Administration and Digitization, the national Center for Development of Education (Ośrodek Rozwoju Edukacji), the Educational Research Institute (Instytut Badań Edukacyjnych), voivods - provinces and school governing bodies. The program is preceded by the pilot undertaking for the planned long-term governmental program for the development of the use of ICT competencies among students and teachers (www.cyfrowaszkola.men.gov.pl)¹⁷.

3. Methods

3.1. Research tools

The research was explorative in nature. It was aimed at determining the functions of Internet websites of schools in the Silesian Voivodship. During the analysis a categorization key¹⁸ was used that included the following components significant from the perspective of function:

- **Current events** – a calendar of events taking place in the school, the local area and the school’s history.
 - **Students’ affairs** - downloadable documents useful for students such as the school’s statutes, school trips’ rules of procedure, class schedules.
 - **Search engine** - which allows for smooth navigation within the services, especially those which are more complex and frequently updated.
 - **For parents** - information and documents addressed to parents such as a meeting calendar, textbooks, school year structure, e-log, information on the parents’ committee, additional activities, insurance.
 - **Enrollment** - information addressed to prospective students, their parents and guardians.
 - **For employees** - information and documents addressed to employees such as the regulations on social benefits, training, job openings,
 - **Photo gallery** - access to purposefully selected (as for the theme or general attractiveness) photographs,
 - **Access to an on-line school newsletter, chronicles or blog,**
 - **Different language versions** – a component significant due to the opportunity of promoting the school abroad,
 - **Successes / Future plans** – the school’s vision, awards, advantages, certificates, cooperation with other entities, information about media coverage (“they wrote about us”),
 - **Interactive contact opportunities** - through social media profiles (Facebook, Nasza klasa, Youtube), forum (guest book), survey questionnaires, electronic E-Puap day-book or a contact window.
- The components were grouped in the following categories corresponding with the three functions:
- **Informativeness / functionality** – a group of factors related to enabling the access to basic information about a school and its nearest surroundings. The following components of schools’ websites were included: current events; students’ affairs; a search engine; for parents; for employees - 5 factors in total.
 - **Promotion** - this group included the components that are addressed rather to people from outside, aiming at peaking interest in a given school, as well as to the people already connected with the school (students, parents, alumni) in order to build identification with the institution. This group consists of the following components: a photo gallery; an on-line newsletter, a chronicle or thematic blog; various language versions of the websites, successes / future plans - 5 factors in total.
 - **Interactive character** - this function is connected with enabling two-way contact. It may be supported by the following: social media plug-ins - currently popular ones like: Facebook, Nasza Klasa, Youtube have been selected; forum/ guest book; on-line questionnaires, electronic E-Puap day-book or a contact window - also 5 components in total.

3.2. Research sample

The analysis involved the websites of primary, lower-secondary and upper-secondary schools in the following 19 cities in the Silesian Voivodship: Jaworzno, Świętochłowice, Zabrze, Chorzów, Siemianowice Śląskie, Gliwice, Mysłowice, Ruda Śląska, Żory, Bytom, Dąbrowa Górnicza, Katowice, Piekary Śląskie, Jastrzębie-Zdrój, Sosnowiec, Tychy, Bielsko-Biała, Rybnik, Częstochowa. In total, 114 websites were analyzed (the services of two schools of each level from each city were randomly selected). The research was conducted in December 2014.

¹⁷“Digital School 2012-2013” program, <http://www.cyfrowaszkola.men.gov.pl/index.php/informacje-o-programie>

¹⁸ P. Szostok: *Konwergencja mediów... op. cit.*, pp. 159-162.

4. Results and Discussion

The functionality of the websites

Research results show that the websites of all types of schools perform an informative function and the differences among them in this regard are not significant. Slightly more diversification was observed in case of the two other functions.

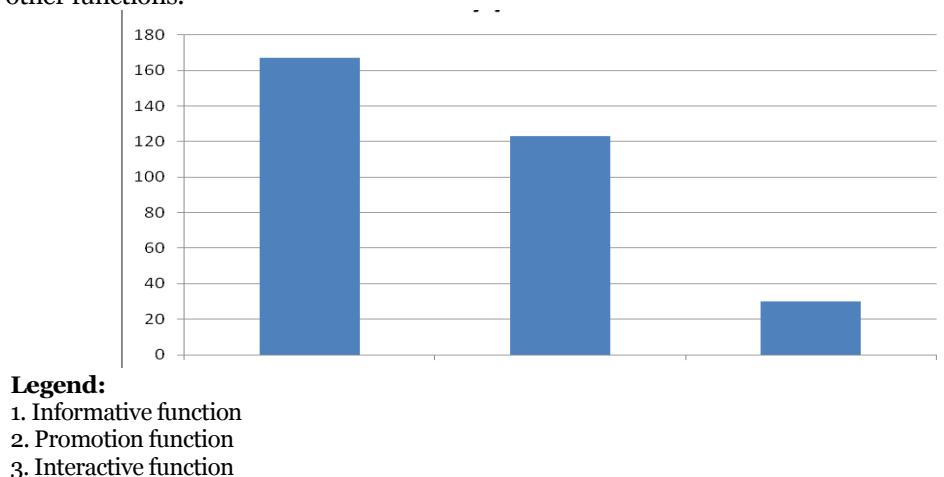

Fig. 1. The functions of the websites - primary schools
 Source: authors' own compilation based on research results

18 primary schools' (SP) websites (Fig. 1) turned out to be performing the informative function fully, that is, they received five points in the evaluation of this functionality. Schools from the following cities are in this group: Zabrze (SP No. 42), Chorzów (SP No. 14), Siemianowice (SP No. 11), Gliwice (SP No. 1 and 9), Ruda Śląska (SP No. 14), Żory (SP No. 3), Bytom (SP No. 3), Dąbrowa Górnicza (SP No. 3), Katowice (SP No. 1), Katowice (SP No. 1 and 11), Jastrzębie Zdrój (SP No. 1 and 11), Tychy (SP No. 1 and 22), Bielsko-Biała (SP No. 1), Częstochowa (SP No. 24). 17 webpages received 4 points each, whereas 2 websites received 3 points each.

Two primary schools' websites (SP No. 3 in Żory and SP No. 24 in Częstochowa) fully realize the promotion function, receiving the maximum of 5 points, 15 webpages received 4 points each, 12 sites gained 3 points each, 7 received 2 points each and 1 website got 1 point.

None of the schools received the maximum of 5 points regarding the interactive function. 4 schools (SP No. 1 in Świętochłowice, SP No. 1 in Gliwice, SP No. 1 in Dąbrowa Górnicza, SP No. 12 in Katowice and SP No. 11 in Jastrzębie Zdrój) received 2 points each in this category, which was the highest result. 19 received 1 point, while 14 webpages did not get any points at all.

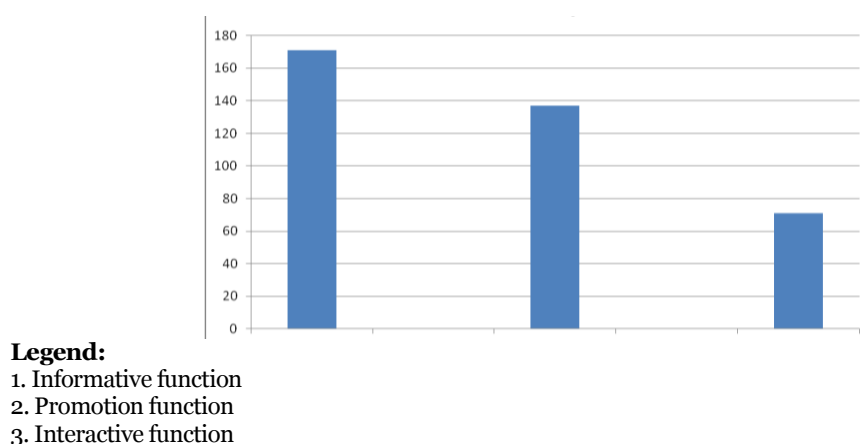

Fig. 2. The functions performed by the websites - lower-secondary schools (gimnazjum)
 Source: authors' own compilation based on research results

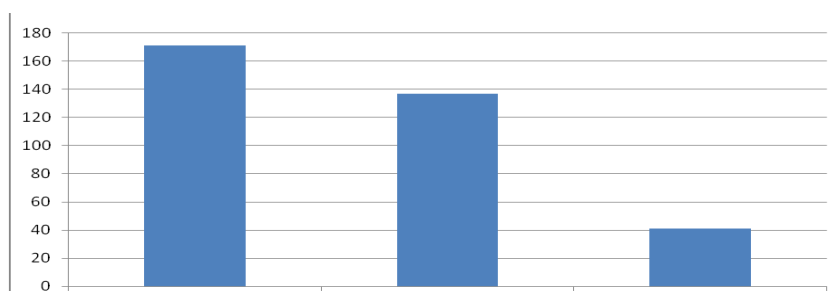
Among the lower-secondary schools' (Gim.) webpages (Fig. 2) 18 fully performed the informative function, receiving the maximum of 5 points. This group contains the schools from the following cities: Świętochłowice (Gim. No. 1 and 5), Zabrze (Gim. No. 12 and 20), Chorzów (Gim. No. 2), Ruda Śląska (Gim. No. 3), Żory (Gim. No. 4), Bytom (Gim. No. 1 and 9), Dąbrowa Górnicza (Gim. No. 1), Piekary Śląskie (Gim. No. 2),

Jastrzębie Zdrój (Gim. No. 8), Sosnowiec (Gim. No. 16), Tychy (Gim. No. 4), Bielsko-Biała (Gim. No. 9), Rybnik (Gim. No. 18), Częstochowa (Gim. No. 1 and 4). 19 webpages received 4 points each and one got 3 points.

The promotion function of the websites was performed fully by 7 websites that received the maximum of 5 points: Dąbrowa Górnicza (Gim. No. 1 and 10), Katowice (Gimn. No. 2), Bielsko-Biała (Gim. No. 11 and 19), Częstochowa (Gim. No. 1 and 4). 11 webpages received 4 points each, 17 websites received 3 points each and 2 received two points each in this category.

As for the interactive function, none of the lower-secondary school websites received the maximum of 5 points and the highest number of 4 points was given to 2 schools: Gim. No. 5 in Świętochłowice and Gim. No. 9 in Bielsko-Biała. 9 webpages received 3 points each, 13 websites received 2 points each and 9 got 1 point each. 6 web-services did not receive any points in this category.

As for the upper-secondary schools' (LO) webpages, 19 of them received the maximum of 5 points in the evaluation of this category. This group includes the schools from the following cities: Jaworzno (1 LO), Świętochłowice (1 LO i 2 LO), Zabrze (1LO, 2 LO), Chorzów (1 LO), Siemianowice (1 LO), Gliwice (3 LO, 5 LO), Bytom (1 LO), Dąbrowa Górnicza (1 LO, 2 LO), Piekary Śląskie (1 LO), Jastrzębie Zdrój (1 LO), Bielsko-Biała (1 LO and 3 LO), Rybnik (3 LO), Częstochowa (1 LO and 4 LO). In turn, 19 webpages received 4 points each.

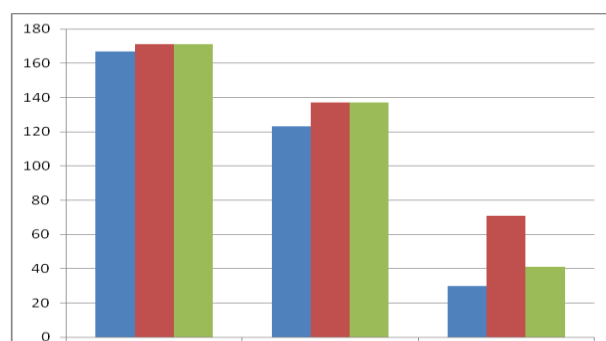
Legend:

1. Informative function
2. Promotion function
3. Interactive function

Fig. 3. The functions performed by the websites - upper-secondary schools (liceum)
Source: authors' own compilation based on research results

The promotional function of the websites was fully performed by 5 websites (Fig. 3) which received the maximum of 5 points. This group includes the schools from the following cities: Świętochłowice (2 LO), Siemianowice (1 LO), Gliwice (3 LO and 5 LO) and Mysłowice (1 LO). 16 webpages received 4 points each, 15 websites received 3 points each and one got 1 point in this category.

As for the interactive function, similar to the primary and lower-secondary schools, none of the upper-secondary school websites received the maximum of 5 points. One school received 4 points (1 LO in Żory) which was the highest score, also one (3 LO in Rybnik) received 3 points. 9 websites received 2 points each, 12 got 1 point each and 14 did not receive any points.

Legend:

1. Group - informative function
2. Group - promotion function
3. Group - interactive function

Blue colour - primary schools

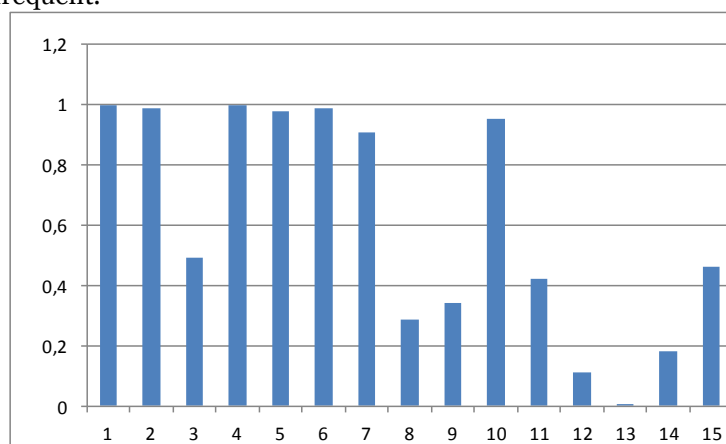
Red colour - lower-secondary schools (gimnazjum)

Green colour - upper-secondary schools (liceum)

Fig. 4. The Functions performed by the websites of primary, lower-secondary and upper-secondary schools - summary
Source: authors' own compilation based on research results

The summary (Fig. 4) shows that the interactive function is the weakest point of the websites of all three types of schools in the Silesian Voivodship. It is realized the most in lower-secondary school services and the least in primary schools. Lower-secondary schools, but also upper-secondary ones, care more about the promotional function than primary schools. In all types of schools the most important, as the most performed, is the informative function.

Regardless of the classifying of certain components of the websites to the functional categories and types of schools, we need to point out that the most frequently present functionalities (Fig. 5) are information about schools, students' affairs, the recruitment process, information addressed to parents and employees and photo galleries. Internet sites are available in other language versions less frequently, whereas on-line questionnaire surveys are very seldom used. Plug-ins to social networking services and on-line contact forms are more frequent and websites equipped with such functionalities as a search engine are relatively frequent.

Legend:

1 - about the school	9 - access to an on-line school newsletter, chronicle or blog
2 - students' affairs	10 - successes / future plans
3 - a search engine	11 - fb/nk/ youtube
4 - for parents	12 - a guest book
5 - for employees	13 - survey questionnaires
6 - enrollment	14 - an electronic e-puap day-book
7 - a photo gallery	15 - a contact window
8 - different language versions	

Fig. 5. The functionalities of the websites of primary, lower-secondary and upper-secondary schools - summary
Source: authors' own compilation based on research results

Schools usually have no possibility to create a complex system of visual identification due their limited budget. This is a consequence of their financial dependency on local governments. As has been pointed out, thanks to the use of the Internet it is possible to present institutions at a relatively low cost. It is worth adding that some schools, in order to attract and direct their receivers' attention, also use various ways which have not been listed in this paper or have only been signalized. Having their own logo is important for schools (however, including this element in the research would require checking if all logo components found on a website align with the official school emblem). Schools also use slogans of different types, such as: "School is our second home", "A school with character", "A school like home and studying without limits", "The school welcomes you on-line", "The best under the sun - Your school", "Our school is likeable - we have been educating for 100 years!!!", "Each student is different, but each one matters equally to us", "Number one. The only such gimnazjum".

5. Conclusion

The conducted analysis of 114 Internet websites of three types of schools allows the researchers to formulate conclusions regarding their functionality. Informativeness / functionality, the group of factors related to enabling the access to basic information about a school and its nearest surroundings is particularly important in all types of schools. This may be connected with aiming at creating such an image that is based on tradition - basically each institution exposes its history and origins in the first place. It would be difficult, however, to recognize the promotion function as neglected, especially in the case of lower- and upper-secondary schools. Besides, some institutions include such functionalities on their websites that may prove their particular orientation towards a specific target group. The possibilities

of interactive contact with users are utilized to a small extent which may be connected with the already mentioned limitations. The latter results from the specifics of schools functioning, not only in the Silesian Voivodship but elsewhere in Poland.

Schools in the Silesian Voivodship do not form an integrated system of visual identification, the autonomy [or 'the complete autonomy'] of the institutions is apparent. This results from their financial dependence on the local governments with the concurrent lack of clear status in the information policy of the territorial authorities in this scope. More general conclusions would, however, require extended research to be conducted.

References

- Kaczmarek-Śliwińska M. (2010). *Internet public relations. Polskie realia działań public relations w sieci*. Politechnika Koszalińska, Koszalin.
- Knecht Z. (2005), *Racjonalne public relations. Budowa działu, instrumenty, studia przypadków*. CH Beck, Warszawa.
- Konikowski J. (1999). ABC marketingu on-line. *Internet*, No. 1.
- Koszembar-Wiklik M. (2006). Internet w komunikacji organizacji non-profit, Przybylski H. [Ed.] (2006). *Public relations. Skuteczna komunikacja w teorii i praktyce*. Akademia Ekonomiczna, Katowice.
- Kozub-Kulik K. (bdw.), *Wirtualna przestrzeń funkcjonowania administracji samorządowej*. Not published doctoral dissertation.
- Motacka S., Choderek A. (2005). Public relations dla szkoły średniej. Knecht Z. (2005). *Racjonalne public relations. Budowa działu, instrumenty, studia przypadków*. CH Beck, Warszawa.
- Sarna A., Sarna P. Nauczyciel wobec wyzwań i zagrożeń współczesnej mediasfery. Dupkalová M., Hudáková T., Ištvan I. [Ed.] (2014), *Súčasný aspekt pedagogickej profesie*. Fakulta Humanitných a Prírodných Vied Prešovskej Univerzity v Prešove, Prešov.
- Szostok P. (2012). Konwergencja mediów na przykładzie funkcjonowania miejskich i gminnych portali internetowych w województwie śląskim. Gierula M., Szostok P. [Ed.] (2012). *Konwergencja mediów masowych i jej skutki dla współczesnego dziennikarstwa*. vol. 2, Uniwersytet Śląski, Katowice.
- Szyfter J. (2005). *Public Relations w internecie*. Helion, Gliwice.
- Tarczydło B. (2012). Budowanie wizerunku marki organizacji przy wykorzystaniu Facebooka, *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego*, No. 30.

УДК 81`42

**СТРАТЕГИЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В СМИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ГАЗЕТ)**

**THE STRATEGY OF FORECASTING AS A MEANS OF CONSTRUCTING JUDICIAL
POWER IN THE MASS MEDIA
(BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH NEWSPAPERS)**

**Н.С. Данкова, Т.В. Дубровская
N.S. Dankova, T.V. Dubrovskaya**

*Пензенский государственный университет,
Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40*

*Penza State University,
40, Krasnaya, Penza, 440052, Russia*

E-mail: n.s.dankova@mail.ru, gynergy74@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы дискурсивного конструирования образа судебной власти в российских и английских печатных СМИ. Цель работы – выявление типичных репрезентаций судебной системы и определение роли стратегии прогнозирования в конструкции этих репрезентаций. В статье рассматриваются два варианта использования стратегии прогнозирования: позитивный и негативный, которые создают положительный или отрицательный имидж судебной власти соответственно. В рамках обозначенной стратегии проводится анализ языковых средств ее реализации. Исследуются средства лексического и грамматического уровней языка, а также стилистические приемы, реализующие стратегию прогнозирования в российской и английской прессе. Статья способствует пониманию дискурсивных механизмов СМИ, воздействующих на восприятие обществом судебной власти.

Abstract. The present study is devoted to the problem of discursive construction of the image of judicial power in Russian and English print media. The current research is topical because of negative public opinion about judicial power in Russia. Judicial power in Great Britain is often criticized for being too lenient. The purpose of the article is to analyze typical representations of the judiciary employed within the strategy of forecasting. The study relies on methods offered by the school of Critical Discourse Analysis. The paper focuses on two variants of the strategy: positive and negative, constructing a positive or negative image of judicial power respectively. Within the determined strategy, the analysis of linguistic means of its realization is performed. The authors investigate lexical and grammatical language means as well as stylistic devices that realize the strategy of forecasting. The authors make a conclusion about the image of the judiciary constructed in Russian and British media by means of the strategy under discussion. The article promotes deeper understanding of mass media discursive mechanisms that impact public opinion about the judiciary.

Ключевые слова: судебная власть, СМИ, стратегия, прогнозирование, образ, положительный, отрицательный.

Keywords: judicial power, mass media, strategy, forecasting, image, positive, negative.

Введение

Проблема конструирования образа власти в СМИ дискурсивными средствами обсуждалась в работах ряда лингвистов [Кормилицына, 2004; Дубровская, 2008; Пономарева, 2008; Харламова, 2008; Суздальцева, 2012; Харламова, 2014; Дубровская, Данкова, 2015 и др.]. Мы разделяем точку зрения В.Н. Суздальцевой о том, что «создаваемое в СМИ представление о власти передается массовому адресату и в значительной мере определяет то мнение о власти, которое господствует в обществе в данный момент» [Суздальцева, 2012, с. 285]. Предметом нашего исследования является репрезентация в СМИ судебной власти. Тогда как имидж других ветвей власти исследовался достаточно интенсивно, конструирование представлений о судебной власти было объектом исследования только нескольких ученых. Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном российском обществе доминирует негативное представление о судебной системе [Российский суд...]. Полагаем, что большинство людей получают информацию о работе судей из СМИ, а не из личного опыта в зале суда. СМИ в свою очередь создают картину реальности посредством

определенных интерпретаций фактов действительности, которые определяют восприятие событий у потребителей медиапродукции.

Проведенные нами ранее исследования позволили выделить некоторые стратегии, используемые журналистами для освещения деятельности судебной власти в СМИ [Дубровская, Данкова, 2015]. Выделенные стратегии включают стратегию оценки, эмоционализации, активации, пассивации, генерализации и прогнозирования. Некоторые из этих стратегий мы подробно рассматривали в других работах [Данкова, 2015; Данкова, 2016]. Целью данного фрагмента исследования является изучение дискурсивных способов конструирования имиджа судебной власти посредством стратегии прогнозирования. Понятие «прогнозирование» широко изучено в рамках различных научных дисциплин, однако исследований, направленных на изучение стратегии прогнозирования в дискурсе СМИ о судебной власти, нам не встречалось.

Материал и методология исследования

Материалом для исследования послужили статьи о судебной власти, опубликованные в идеологически противоположных печатных изданиях Великобритании и России: леволиберальной газете «TheGuardian» (далее «TheG»), таблоиде «TheDailyMail» (далее «TheDM»), редакция которой поддерживает консервативную партию Великобритании; правительственной «Российской газете» (далее «РГ») и оппозиционной «Новой газете» (далее «НГ»). Статьи отбирались из электронных архивов газет методом произвольной выборки по ключевым словам «суд» и «судья» для российского материала, «judge» и «court» для английского материала. Выборка произведена за период с января 2013 года по декабрь 2014 года. Общий объем материала составляет 200 статей.

Методология исследования основана на традициях критического анализа дискурса. Методика обработки материала включает несколько шагов. Сначала статьи для анализа были извлечены из электронных архивов изданий. Затем корпус текстов был исследован методом семантического анализа, в нем была выделена стратегия прогнозирования. Далее следовал анализ данной стратегии с точки зрения языковых средств ее реализации. В заключение сделан вывод о преобладающих типах репрезентации судебной системы, создаваемой в английской и российской прессе посредством стратегии прогнозирования.

Обзор литературы

Репрезентации всех трех ветвей власти в той или иной степени находят отражение в научных исследованиях. Образ президента как ведущего представителя исполнительной власти становится предметом изучения лингвистов. С целью выявления средств создания образа президента используются разные методологические подходы. В.Н. Суздальцева изучает такой способ репрезентации, как констатация черт характера. [Суздальцева, 2012]. А.А. Алексеева анализирует лексические и фразеологические средства, составляющие репрезентации образа Д.А. Медведева, занимавшего должность президента РФ в период с 2008 по 2012 гг. [Алексеева, 2012]. И.Г. Вражнова исследует портрет главы государства через метафорические образы [Вражнова, 2008].

Репрезентации, конструирующие персональные имиджи российских политических лидеров в СМИ, исследуются с помощью контент-анализа [Волкова, Клименко, Сафразьян, 1997]. При этом выделяются такие компоненты имиджа лидера, как его политические позиции, практическая политика, личные качества и визуальный имидж. Ученые ставят перед собой задачу «измерить» информационный поток, создающий образ политиков в СМИ и обобщить полученные результаты при помощи специальной системы коэффициентов – рейтингового индекса.

Имидж политиков в региональных СМИ, создаваемый посредством медийных репрезентаций, также является предметом исследования ученых. Так, Я.Ю. Шашкова исследует дискурсивные репрезентации региональных органов законодательной власти и связывает негативное представление людей об этой ветви власти с особенностями ее репрезентации в информационном пространстве региона [Шашкова, 2014]. Е.В. Григорьев делит материалы СМИ на три группы: статьи, в которых автор текста преследует цель представить человека с положительной стороны, статьи, в которых репрезентации политиков нейтральны, и публикации с преобладанием негативных оценочных характеристик и коннотаций [Григорьев, 2012].

В качестве языковых средств, используемых для создания образа власти в прессе, исследуются оценочные прилагательные [Колобкова, 2008].

Образ судебной власти в российской прессе изучается в работе Т.В. Дубровской и С.О. Гуляйкиной. Указывая на различия репрезентаций в правительственной и оппозиционной прессе, ученые доказывают положение о зависимости репрезентаций судебной власти от идеологической направленности печатных изданий [Дубровская, Гуляйкина, 2013]. Стратегии репрезентации судебной власти в региональных СМИ являются объектом внимания в другой нашей работе [Дубровская, 2014]. В числе отмеченных стратегий региональных СМИ мы выделяем стратегию отрицательного прогноза.

Проблеме репрезентаций судебной власти в английских СМИ посвящена работа английской исследовательницы С. Элликотт. Согласно ее наблюдениям, судьи представлены в СМИ как особая группа людей, которые «далеки» от народа [Ellicott, 2012]. С. Элликотт указывает также на наличие определенной доли критики в адрес системы правосудия в СМИ [Там же].

Таким образом, несмотря на то, что репрезентации властных структур представлены в исследованиях современных ученых, следует отметить недостаточную изученность медийных репрезентаций, посвященных судебной власти. Кроме того, анализ дискурсивного конструирования судебной власти с точки зрения журналистских стратегий осуществлялся в ограниченном объеме, и данной статьей мы заполним некоторые пробелы.

Результаты

Вслед за ведущими западными учеными в области критического анализа дискурса под стратегией мы подразумеваем «более или менее точный план действий (включая дискурсивные действия) с большей или меньшей степенью намерения, принятый для достижения конкретной социальной, политической, психологической или лингвистической цели» [Reisigl, Wodak, 2001, p. 44] (*Здесь и далее перевод с английского – наш. Т.Д., Н.Д.*).

Обратимся к стратегии прогнозирования как к способу репрезентации судебной власти в российской и британской прессе. Термин «прогноз» (от греческого «prognosis») означает предвидение, предсказание [БСЭ]. В более общем понимании стратегия прогнозирования состоит в том, что автор предсказывает некое развитие событий, действия социальных акторов или последствия их действий. В настоящей работе под стратегией прогнозирования будем понимать высказывание суждений о вероятных состояниях судебной системы и действиях ее представителей в будущем. Иными словами, прогнозирование в СМИ представляет собой опережающую репрезентацию действительности, которая характеризует систему правосудия с положительной или отрицательной стороны.

Использование данной стратегии обусловлено особенностями, присущими газетным текстам. Одной из таких особенностей, по наблюдениям В.В. Прозорова, является то, что газета обращена к событиям и фактам, которые уже произошли [Прозоров, 2012]. Однако, как отмечает исследователь, газета изо всех сил стремится успеть за настоящим, которое от нее постоянно ускользает [Там же]. Как показало настоящее исследование, будущее привлекает газету не меньше, чем ускользающее настоящее.

Кроме того, прогнозирование отвечает актуальным запросам аудитории, для которой крайне важно знать о перспективах развития государства [Шевелевский, 2015]. И.М. Шевелевский утверждает, что в современном медиадискурсе наблюдается отчетливая тенденция к формированию представлений о перспективах российского социума, и рассматривает прогнозирование как неотъемлемую составляющую медийного дискурса [Там же].

Кроме того, прогнозирование изучалось в качестве стратегии как средство конструирования политических акторов в медийном дискурсе [Dubrovskaya, Sowinska, 2012].

Согласно проведенному нами исследованию, печатные издания российских и английских СМИ склонны обсуждать предстоящие события, затрагивающие судебную систему. Такие события касаются рассмотрения текущих судебных дел, функционирования судебной системы в целом, а также деятельности ее отдельных представителей. Прогнозирование будущего состояния судебной системы оказывается актуальным в анализируемом материале в связи с процессами реформирования судебной власти в Великобритании и России. Обратимся к **стратегии положительного прогнозирования**. Репрезентации, создаваемые посредством использования стратегии прогнозирования, подчеркивают положительное влияние проводимых реформ. Так, в следующих примерах прослеживается интенция акцентировать значимость принятых нововведений, которые нацелены на совершенствование судебной системы. Положительный образ правосудия создается указанием на то, что судебная власть служит на благо общества:

Создание передвижных судебных офисов предусматривает правительственная программа развития судебной системы. Мобильный суд сможет приехать в отдаленный район, глухую деревню или богом забытый городок, чтобы привезти туда справедливость. («РГ» 11.01.2013)

Если же кто-то начнет подглядывать в замочную скважину, суд наденет ему повязку на глаза. Вобразном, естественно, смысле. («РГ» 05.02.13)

Courts will become more «user-friendly» and people will be helped to feel that they «own» them, the new justice minister, Simon Hughes, has pledged. («The G» 06.02.14)

The justice minister Damian Green said: «<...> The justice system must respond more quickly and effectively to the needs of victims, witnesses and local communities, and these dedicated courts will enable magistrates to better organise their work and drive greater efficiency». («The G» 17.05.13)

Как видим из примеров, репрезентации, подчеркивающие совершенствование системы судопроизводства, демонстрируют то, что суд стоит на страже прав и свобод граждан, выполняя функцию, возложенную на него конституцией [Конституция РФ].

Основные задачи, решаемые в процессе реформирования судебной власти – сделать судебную систему справедливой, доступной, беспристрастной и максимально открытой. Стратегия прогнозирования позволяет «приблизить» результаты, указывая на положительные изменения, которые вот-вот произойдут, что демонстрируют примеры далее. Такое стратегическое использование репрезентаций создает иллюзию эффективности работы суда в настоящем, поскольку репрезентации такого рода призваны показать, что судебная система следует в заданном направлении:

В этом году мы начнем размещение аудиопротоколов судебных заседаний на сайтах судов. («РГ» 14.01.2013)

Проект предлагает обнародовать устные и письменные обращения к судьям, поступившие от сторон, не участвующих в деле. Также надо будет придавать гласности и попытки что-то напештать судье от сторон процесса. («РГ» 04.04.2013)

Supreme Court rulings will be explained by judges in five minute clips. («The DM» 21.01.13)

In an interview with the Guardian, Hughes, the former deputy Lib Dem party leader who became a justice minister shortly before Christmas, said one of his priorities would be to make courts less forbidding and «alien» to those who enter them for the first time. («TheG» 27.02.14)

Кроме того, медийные репрезентации, построенные на стратегии прогнозирования, затрагивают вопрос технической модернизации судов, что также способствует созданию положительного образа правосудия в дискурсе СМИ:

Суды оснастят новыми турникетами, системами тревожной сигнализации и видеонаблюдения за внутренними помещениями и прилегающей территорией, средствами обнаружения взрывчатых и отравляющих веществ, иллюзовыми кабинами досмотра персонала и посетителей и рентгенотелевизионными установками для досмотра ручной клади посетителей. («РГ» 11.01.13)

Ahead of a speech at the Policy Exchange, Mr Green said: «Every year the courts and Crown Prosecution Service use roughly 160 million sheets of paper. <...> This investment will help us get rid of our outdated paper-based system, and turn our criminal justice system into a digital and modern public service». («TheDM» 28.06.13)

Помимо положительных прогнозов в отношении судебной системы, нам встретилось значительное количество репрезентаций, задействующих **стратегию негативного прогнозирования**. Часть из них также затрагивает вопрос реформирования судебной власти, но акцентирует отрицательные последствия проводимых реформ. Наличие негативных прогнозов в отношении будущего судебной власти отмечено и в российских, и в английских газетах. Однако британские издания исследуемого периода менее оптимистичны в отношении будущего судебной власти, что связано с принятием новых законопроектов, затрагивающих деятельность суда. Хотя объектом критики в данном случае является скорее законодательная власть, нежели судебная, тем не менее, репрезентации, содержащие негативный прогноз, конструируют именно образ судебной власти. Так, законопроект, направленный на сокращение государственных расходов на бесплатную юридическую помощь, вызвал массу критики и повлек за собой отрицательные прогнозы в СМИ, высказанные как самими журналистами, так и посредством цитирования:

«These newly confirmed cuts are a short-cut to a two-tier system, where justice becomes a luxury not a right. <...> It's no exaggeration to say that not only will these cuts cost lawyers their jobs, more importantly they will see trials collapsing, the innocent going to jail, the guilty walking free». («The G» 27.02.14)

There will only be one consequence: more miscarriages of justice, and innocent people in prison. («TheDM» 09.06.13)

Как видим, лексика с отрицательной семантикой (*trials collapsing, miscarriages of justice*) создает эффект неспособности судебной власти отправлять правосудие и конструирует негативный образ суда.

Отрицательные прогнозы вызвало и обсуждение законопроекта о создании секретных судов Великобритании, которые также сопровождаются отрицательной оценкой (*serious danger, damaged, threatens, erode*), что создает негативную тональность публикаций. Следует отметить, что отрицательная оценка, содержащаяся в прогнозах, часто выражена цитатами:

«Unless peers take a stand next week [against the justice and security bill] there is a serious danger that the reputation of our justice system will forever be damaged». («The G» 21.03.13)

Secret court bill «threatens centuries of open justice and will erode Britain's moral standing in the world». («TheDM» 28.01.13)

Отрицательные прогнозы относительно будущего судебной системы находим и в российском материале, а именно в оппозиционной «НГ»:

Результатом «объединения» Верховного и Высшего арбитражного судов будет установление в России режима окончательного беззакония. («НГ» 09.09.13)

Использование стратегии прогнозирования в российских газетах обусловлено идеологией печатных изданий. Тогда как репрезентации правительственной «РГ» содержат главным образом положительные прогнозы, в «НГ» создается отрицательный имидж правосудия посредством использования стратегии прогнозирования в ее отрицательном варианте.

В российском материале стратегия отрицательного прогнозирования создает репрезентации, акцентирующие обвинительный уклон российского правосудия. Подобные прогнозы имеют место при описании громких судебных дел, которые позиционируются как политические, причем из контекста

таких публикаций становится очевидно, что симпатия журналистов на стороне обвиняемых. Прогнозирование, характеризующее судебную систему с отрицательной стороны, превалирует в репрезентациях, в которых обсуждаются предполагаемые результаты судебных процессов. Такие прогнозы часто основаны на субъективных предположениях журналистов, высказывающих свои мнения относительно судебных решений, которые с большей или меньшей степенью вероятности будут иметь место в будущем. Мнения других лиц выражаются посредством цитирования:

«В том, что будет обвинительный приговор, мало кто сомневался. Главная интрига – это срок». («НГ» 16.07.13)

В этом не было особого страха за детей, поскольку ни эта выходка группы поддержки, ни усилия адвокатов тем более никак не повлияют на строгость будущего обвинительного приговора <...>. («НГ» 02.09.13)

Высокая степень категоричности высказываний создает эффект предопределенности судебных решений, в результате чего такие репрезентации указывают на предвзятость суда.

Кроме того, репрезентации, обсуждающие возможные результаты судебных процессов в российской оппозиционной газете, характеризуют судебную систему как зависимую от политики. Согласно Статье 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», «суды осуществляют судебную власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, подчиняясь только Конституции Российской Федерации и закону» [Федеральный конституционный закон]. Репрезентации «НГ» указывают на обратное посредством использования стратегии прогнозирования, что демонстрирует следующий пример:

Я прекрасно понимаю: наших ребят посадят, чтобы никому не повадно было. Судья это знает. И сажать не она будет, а просто зачитает приговор. Это система. («НГ» 05.07.13)

Репрезентации, обсуждающие возможные результаты судебных дел в английской прессе, затрагивают вопрос о мягкости английского правосудия. Так, следующие примеры из таблоида «TheDM» акцентируют чрезмерную снисходительность английского правосудия, в результате чего конструируется отрицательный образ судебной системы, характеризующейся неадекватностью принимаемых решений:

An alcoholic who beat her senile mother to death could be free in just two months after a judge said she deserved «mercy». («DM» 24.01.2014)

Anger grew yesterday after it was revealed that a gardener who drained £200,000 from the accounts of a vulnerable elderly woman will escape punishment. («TheDM» 20.03.14)

Следует отметить, что помимо прогнозов, содержащих положительную или отрицательную аксиологическую нагрузку, тексты СМИ содержат **прогнозы, основанные на фактах**. Такие репрезентации носят информативный характер и служат для сообщения о самом факте проведения судебного разбирательства в будущем, а также сопутствующих обстоятельствах, таких как время, место и прочее:

Экс-командира пилотажной группы будут судить в Одинцово. («РГ» 12.04.2013)

The court is expected to announce its decision later this year. («The G» 30.01.13)

The trio will be sentenced at Nottingham crown court. («The» G 03.04.13)

Языковые средства, реализующие стратегию прогнозирования

Обратимся к языковым средствам, реализующим стратегию прогнозирования. Стратегия прогнозирования актуализируется главным образом грамматическими языковыми средствами. Чаще всего данная стратегия выражается использованием **будущего времени**. Так, в следующем фрагменте из «РГ» использование будущего времени позволяет представить такие характеристики судебной власти, как независимость и открытость, как данность:

Судебный департамент при Верховном суде России разработает регламент, по которому судьи будут фиксировать и обнародовать непроцессуальные обращения по делам. («РГ» 22.05.13)

Использование будущего времени в английском примере, сопровождающееся словосочетанием, содержащим отрицательную коннотацию (*expensive mistakes*), подчеркивают отрицательные последствия реформирования:

Maura McGowan QC, who this month took charge of the organisation representing barristers in England and Wales, fears that employing fewer, highly qualified lawyers will result in more expensive mistakes in court. («TheG» 21.01.13)

Следует отметить, что стратегия прогнозирования используется в сочетании с другими стратегиями, чаще всего стратегией оценки, благодаря чему прогнозы приобретают положительную или отрицательную окраску, создавая положительный или отрицательный образ правосудия соответственно. Так, в следующем примере отрицательный прогноз достигается не только использованием будущего времени (*будет, не усилит*), но и посредством номинаций с отрицательной оценочностью (*импотентов, неработоспособная имитация*):

Правовая проблема состоит в том, что «объединение судов» вкупе с обещаниями отправить объединенных импотентов в Санкт-Петербург отнюдь не усилит и позиции Верховного суда. Это будет как раз для Медведева (если верны те догадки, которые с самого начала

делали эксперты), отца ложной оттепели: очень дорогостоящая и совершенно неработоспособная имитация судебной системы. («НГ» 15.11.13)

В некоторых контекстах форма будущего времени сопровождается **придаточным условным предложением**. Такие прогнозы, как правило, носят негативный характер и представляют собой своего рода предупреждение, что нежелательное событие может произойти:

Journalists will be banned from being present in court to report proceedings or the outcome of the trial, unless the appeal succeeds. («TheG» 21.06.14)

Примеры далее, помимо использования придаточных условных предложений, содержат также глаголы-ремарки (*предупреждают, warn*) содержащие сему надвигающейся опасности, которые акцентируют внимание на отрицательных событиях будущего:

«Если в апелляционных инстанциях решение по делу журналиста Сергея Резника не будет пересмотрено, редакция прекратит выпуск печатной версии «ЮФ» в связи с запретом на профессию журналиста в Ростовской области», — предупреждают сотрудники издания. («НГ» 02.12.13)

They warn that if the Ministry of Justice enforces the latest reduction it will lead to lower quality legal representation, miscarriages of justice and more criminals walking free from court. («TheG» 22.05.14)

В рамках стратегии прогнозирования в российских СМИ отмечено использование **неопределенно-личных грамматических конструкций**. Следующие примеры из правительственной «РГ» включают прогнозы, создающие положительный имидж судебной власти, однако неопределенно-личные обороты придают этому образу некую неопределенность и обобщенность:

Трудных подростков и тех, кто уже успел получить свое наказание как малолетний преступник, будут стараться не изолировать от общества. Таким детям будут помогать правильно компенсировать материальный и моральный ущерб. («РГ» 04.08.14)

Экс-чиновников будут судить за взятки. («РГ» 06.08.14)

В английском материале стратегия прогнозирования создается также посредством других грамматических способов выражения будущего, таких как PresentContinuous, begoingto, Future-in-thePast при цитировании:

Not only are we now facing a wave of secret courts at odds with our centuries-old legal freedoms; but we have not even seen the minor safeguards upheld which would have made them less dangerous. («The G» 27.03.13)

«We take pride in British justice but these cuts are going to destroy it». («The G» 22.05.14)

Prominent QCs and human rights groups warned that the reforms launched by the justice secretary, Chris Grayling, would destroy Britain's international reputation for fair trials and justice. («TheG» 04.08.13)

Для английских СМИ характерно также использование субъектного инфинитивного оборота для описания будущих событий:

At least 15 court cases a year are expected to be held in secret under plans described as a chilling threat to British justice. («TheDM» 02.03.13)

Стратегия прогнозирования реализуется средствами выражения **деонтической и эпистемической модальности**, грамматическими и лексическими. Прогнозы, выраженные средствами деонтической модальности в рамках положительной тональности публикаций, являются одним из инструментов создания положительного образа судебной власти, в том числе посредством цитирования:

Мы должны сделать судебную систему максимально открытой. («РГ» 14.01.13)

Outdated courtrooms are to be hauled into the 21st century with a full digital makeover as part of a major shake up of the criminal justice system. («The DM» 28.06.13)

«No one should think for a moment that courts in the UK will be a soft touch. Sentences such as these must be a powerful deterrent not only to homegrown but imported criminals». («TheG» 28.03.13)

Заметим, что журналистские прогнозы зачастую являются гипотетическими утверждениями, что выражается в использовании средств эпистемической модальности, которая содержится как в положительных прогнозах, так и отрицательных:

Сейчас же Алевтина Петровна вынуждена будет готовиться к новому процессу, который, по оценке адвоката, может затянуться на год, а то и на два. («НГ» 09.09.13)

Среди фигурантов «болотного дела» от уголовного преследования могут быть освобождены Мария Баронова (имеет несовершеннолетнего ребенка), Елена Кохтарева (женщина старше 50 лет) и Константин Лебедев (осужден на срок менее трех лет). («НГ» 14.09.13)

The threat of courtroom disruption comes as the government's own watchdog, the Equality and Human Rights Commission (EHRC), warned on Thursday that the plans «may have an adverse impact on the right to a fair trial» and «exclude vulnerable people from access to justice». («TheDM» 13.06.13)

Стратегия прогнозирования реализуется также **лексическими языковыми средствами с семой футуральности**. Для многих лексических единиц этой группы характерно то, что они используются метафорически и имеют негативную коннотацию:

А за такое преступление виновным грозит большой срок заключения – до 10 лет колонии. («РГ» 06.08.14)

По его словам, преступление он совершил из-за девушки. Он также заявлял, что хотел после убийства покончить с собой, но ему не дали это сделать. В целом стрелку светит пожизненное наказание. («РГ» 06.08.13)

В 9 утра в четверг в Ленинском районном суде г. Кирова судья Сергей Блинов начнет читать приговор по «делу «Кировлеса». Политику Алексею Навальному грозит 6 лет колонии, предпринимателю Петру Офицерову — 5 лет. («НГ» 17.06.13)

The new guidelines could result in a flood of new cases entering the criminal justice system. (The G 11.06.13)

Government plans to overhaul legal aid threaten to destroy Britain's «world renowned» system of fair justice, a former judge warned today. («TheDM» 04.06.13)

Нам встретились также устойчивые выражения, в которых заложена семантика футуральности:

Итак, Надежда Толоконникова и Мария Алехина имеют шанс выйти на свободу сразу по нескольким основаниям. («НГ» 14.09.13)

«If we are to win in the global race this must change, it is time we move the court system into the 21st century». («TheDM» 28.06.13)

Стратегию прогнозирования реализуют **лексические единицы с семантикой планирования** на будущее. Данная лексика нейтральна по своему содержанию, но может приобретать аксиологическую нагрузку в контексте публикации:

Верховный суд намерен лишить обвинение поблажек. («РГ» 03.04.13)

Lord Neuberger warns plans to limit legal aid will undermine the rule of law. («TheDM» 05.03.13)

Стратегия прогнозирования реализуется **стилистическими приемами**, что характерно для российских СМИ, а именно оппозиционной «НГ». Одним из таких приемов является использование вопросно-ответных единств, обсуждающих события будущего. Этот прием позволяет журналисту создавать эффект живого общения и конструировать репрезентации, дискредитирующие правосудие:

И все же: если даже случится так, что дело по 305-й статье состоится, созреет и дойдет до суда, — и это еще не гарантирует вынесения приговора судьей. Судить-то кто будет? Все те же судьи. («НГ» 29.07.13)

Следующие риторические вопросы, обращенные к будущему, используются с целью экспрессивизации текста и акцентируют внимание на отрицательных аспектах правосудия, способствуя тем самым достижению соответствующих перлокутивных эффектов:

Но и после приговора остается вопрос: кто и почему помогал ему уходить от ответственности, в том числе за гибель молоденькой девчонки? Этих людей не было на скамье подсудимых рядом с ним. Сядут ли они на нее следом? («НГ» 04.12.13)

Как видим, стилистические приемы, используемые в «НГ» в рамках стратегии прогнозирования, создают репрезентации, указывающие на предвзятость и необъективность суда.

Заключение

Таким образом, стратегия прогнозирования представляет собой опережающее отражение действительности и способна создавать положительный или отрицательный имидж судебной власти. Стратегия прогнозирования в ее положительном варианте конструирует репрезентации, которые включают такие характеристики судебной власти, как независимость, справедливость, беспристрастность, открытость и доступность. Стратегия прогнозирования в ее отрицательном варианте, напротив, создает репрезентации, в которых судебная власть представлена как зависимая, несправедливая, необъективная. Прогнозы в английском материале указывают на неспособность судебной власти осуществлять правосудие в будущем. Стратегия прогнозирования тесно взаимосвязана с другими стратегиями, чаще всего со стратегией оценки, которая придает определенную аксиологическую нагрузку публикации.

Использование данной стратегии в положительном или отрицательном ее варианте в российском материале обусловлено идеологией печатных изданий. Правительственная «РГ» содержит главным образом положительные прогнозы, создающие эффект результативности работы суда и акцентирующие правозащитную функцию судебной власти. Прогнозы, характеризующие судебную систему с отрицательной стороны, преобладают в оппозиционной «НГ». В английских СМИ преобладают отрицательные прогнозы в отношении будущего судебной системы, отчасти обусловленные кардинальными изменениями, которые имеют место в процессе реформирования. В репрезентациях таблоида «The DM» наблюдается тенденция акцентировать негативные аспекты деятельности судебной власти посредством стратегии прогнозирования.

Грамматически стратегия прогнозирования реализуется формами будущего времени глагола и другими способами выражения будущего, такими как PresentContinuous, be going to, Future-in-the Past, а также субъектным инфинитивным оборотом. К лексико-грамматическим средствам языка, реализующим стратегию прогнозирования, относятся средства выражения деонтической и эпистемической модальности. Лексические языковые средства, конструирующие стратегию прогнозирования, включают лексические единицы с семой футуральности и лексику с семантикой

планирования. Для российской «НГ» характерно также использование стилистических приемов, таких как риторические вопросы и вопросно-ответные единства.

Литература

- Алексеева А.А. 2012. Политические портреты В.В. Путина и Д.А. Медведева (на материале современной прессы и ассоциативного эксперимента). Политическая лингвистика, 41 (3): 64–80.
БСЭ. URL: http://enc-dic.com/enc_sovet/Prognoz-51553.html (18 декабря 2015).
- Волкова И.В., Клименко В.В., Сафразьян Л.Т. 1997. Имидж политических лидеров России в СМИ. Мир России. 6(3): 43–74.
- Вражнова И.Г. 2008. Динамика политической метафоры в российском политическом дискурсе. В кн.: Динамика современного политического мышления в современном дискурсивном пространстве. Власть и СМИ. Коллективная монография, под ред. О.Н. Дубровской, Т.В. Харламовой. Саратов, ООО Изд-во «Научная книга»: 81–105.
- Григорьев Е.В. 2012. Имидж публичного политика в региональных СМИ: качественный анализ. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. (3): 95–104.
- Данкова Н.С. 2015. Репрезентация судебной власти в дискурсе российских и английских печатных СМИ: стратегия оценки. Политическая лингвистика. 53 (3): 192–198.
- Данкова Н.С. 2016. Стратегия генерализации как средство репрезентации судебной власти (на материале российских и английских печатных СМИ). Политическая лингвистика. 55 (1): 73–81.
- Дубровская Т.В., Гуляйкина С.О. 2013. О роли печатных СМИ в создании имиджа Российской судебной системы. В кн.: Язык. Право. Общество. Сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 23–24 апреля 2013 г.), под ред. О.В. Барабаш, Г.И. Канакиной. Пенза, Изд-во ПГУ: 118–124.
- Дубровская Т.В. 2014. Репрезентация судебной власти в региональных СМИ: стратегии и социальные эффекты. Научные Ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 13 (184): 188–195.
- Дубровская Т.В., Данкова Н.С. 2015. Стратегии репрезентации судебной власти в российских медиа. В кн.: Дискурсы власти, под ред. Н.А. Меркурьевой, А.В. Овсянникова, А.Г. Пастухова. Орел, ООО «Горизонт»: 270–289.
- Колобкова Л.В. 2008. Оценочные прилагательные как средство создания образа власти в современной польской прессе. Вестник РГУ им. И. Канта. Филологические науки. 8: 38–43.
- Конституция Российской Федерации
<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (20 сентября 2015).
- Кормилицына М.А. 2004. Формирование имиджа политика средствами СМИ. В кн.: Проблемы речевой коммуникации. Межвуз. сб. науч. тр., под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов, Изд-во Саратов. ун-та: 65–70.
- Пономарева О.А. 2008. Вербализация политического имиджа в российских и американских средствах массовой информации. Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 215 с.
- Прозоров В.В. 2012. Власть и свобода журналистики. Учеб. пособие. М, ФЛИНТА: Наука, 240 с.
- Российский суд теряет завоеванное доверие. URL: <http://pravo.ru/review/view/75723/> (12 января 2015).
- Суздальцева В.Н. 2012. Образ власти в современных российских СМИ. В кн.: Язык СМИ и политика, под ред. Г.Я. Солганика. М., Изд-во Московского ун-та; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова: 284–328.
- Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 (ред. от 05.02.2014) "О судебной системе Российской Федерации". URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=158706> (20 декабря 2015).
- Харламова Т.В. 2008. Ключевые слова текущего момента как отражение трансформации и мифологизации политического мышления. В кн.: Динамика современного политического мышления в современном дискурсивном пространстве. Власть и СМИ. Коллективная монография, под ред. О.Н. Дубровской, Т.В. Харламовой. Саратов, ООО Изд-во «Научная книга»: 34–50.
- Харламова Т.В. 2014. Конструирование образа российской власти в зарубежных СМИ В кн.: Язык. Право. Общество. Сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9 – 10 апреля 2014 г.), под ред. О.В. Барабаш, Т.В. Дубровской, Г.И. Канакиной. Пенза, Изд-во ПГУ: 397–403.
- Шашкова А.Я. 2014. Образ региональных органов законодательной власти в СМИ как фактор формирования политической идентичности (на примере Алтайского края) В кн.: Российский парламентаризм: региональное измерение. Материалы III Всероссийской конференции с международным участием, под ред. А.И. Щербинина, Н.Г. Щербининой. Томск, Изд-во Том. гос. ун-та: 88–92.
- Шевелевский И.М. 2015. Экономический и политический прогноз в современном медиадискурсе (на материале деловых медиа). Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 1: 216–220.
- Ellicott S. 2012. British newspaper representations of the judiciary in connection with coverage of the human rights act 1998 and the European Convention on human rights. Master's diss... University College London, 94 p.
- Reisigl M., Wodak R. 2001. Discourse and discrimination: rhetoric of racism and anti-Semitism. London, Routledge, 298 p.
- Sowinska A., Dudrovskaya T. 2012. Discursive strategies in the media construction of Poland, Russia and the USA in the context of the debate on the US anti-ballistic missile defense shield in Polish and Russian quality papers. In: Exploring Language through Contrast. Ed. by W. Skrzypczak, T. Fojt, S. Wacemicz. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing: 268–287.

УДК 659 (075.8)

**СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ИЗДАНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ:
«ДИАЛОГ ЖУРНАЛИСТИКИ И РЕКЛАМЫ»****SPECIAL ISSUES IN THE FIELD OF CULTURE:
"DIALOGUE OF JOURNALISM AND ADVERTISING"****Р.В. Зинин
R.V. Zinin***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University,
85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: zinin_roman@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению типологических признаков российских специализированных изданий в сфере культуры и их опыта взаимодействия с рекламным контентом.

Abstract. The article is devoted to the typological features of Russian specialized issues in the field of culture and their experience in dealing with the advertising content.

Ключевые слова: культура, коммуникация, массмедиа, специализированное издание, типологические признаки, реклама.

Keywords: culture, communication, mass media, specialized issues, typological features, advertising.

Рассуждая о сущности массмедиа, о роли, которую они играют в жизни современного человека, знаменитый немецкий социолог Н. Луман писал: «Все, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы узнаем через массмедиа. Это относится не только к знанию общества и истории, но и к знанию природы... Мы сопротивляемся их воздействию, подозревая, что нами манипулируют, но по существу это ничего не меняет, потому что знания, полученные нами из массмедиа, словно сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого укрепляют друг друга» [9, с. 9]. Исследователи единодушно подчеркивают, что сегодня массмедиа стали одним из обязательных «компонентов психосоциальной среды обитания человечества, они претендуют... на роль очень мощного фактора формирования мировоззрения личности и ценностной ориентации общества. Им принадлежит лидерство в области идеологического воздействия на общество и личность. Они стали трансляторами культурных достижений и, бесспорно, активно влияют на принятие, либо отрицание обществом тех или иных ценностей культуры» [12]. А.П. Короченский говорит о мощнейшем потенциале массмедиа, способном оказывать решающее влияние на общество, на процессы его консолидации, развития демократии и самоуправления граждан, на общественное сознание в целом [8]. На роль средств массовой коммуникации в происходящих в обществе переменах обращает внимание А.В. Полонский: «Массмедиа стали ключевым коммуникативным и когнитивным ресурсом современного общества, обеспечивающим разработку и трансляцию содержательных и стилистических форм, которыми руководствуется современный человек в своих социальных и культурных практиках, стали тем духовным пространством, в котором современный человек в солидарном усилии мысли разрабатывает свои социальные проекты, свои нормы и ценности» [15, с. 191]. Польский исследователь М. Геруля со ссылкой на работы своих коллег [22] говорит о том, что массмедиа влияют на «концепции национальной тождественности и понятий гражданства, демократии и связанных с ними человеческих свобод, а также на развитие политической культуры, публичного пространства... Они составляют самую широкую платформу общественного дискурса почти в каждой области» [5, с. 35].

Для понимания характера циркулирующей по каналам массмедиа информации необходимо иметь в виду, что в условиях рынка, который превратил все СМК в бизнес-проект, работающий, как известно, «на основе продаж контактов со своей аудиторией» [6], востребованной стала не только новость, обеспечивающая потребности человека в информации о текущем контексте его жизни, но и реклама, которая дает редакции возможность получить дополнительные средства на реализацию

своих программ. «Появление рекламы в средствах массовой информации, – пишет Е.Л. Вартанова, – оказалось неизбежным. Реклама создала единственную действенную бизнес-модель, которая позволила существовать СМИ относительно независимо. Ведь в условиях планового целевого финансирования массмедиа любыми структурами – государством, политическими партиями, церковью или какими-либо другими социальными институтами, СМИ обязаны выполнять конкретный заказ. В условиях же рекламной индустрии при всех возможных негативных последствиях, к которым может привести зависимость от рекламы, газеты, журналы, телевидение могут достичь определенной независимости. Хотя для многих стран, в том числе и России, условия достижения независимости СМИ – это прежде всего вопрос политической культуры политической и финансовой элиты, а также наличия в государстве просвещенного гражданского общества» [4].

Рекламе как эффективному средству материальной поддержки собственной деятельности предоставили свое «поле» все средства массовой информации [3; 4; 16; 21], в том числе и специализированные издания. Для осмысления коммуникационной инфраструктуры общества целесообразно рассмотреть особенности коммуникационного канала, представленного специализированными изданиями. Сегодня в научном и в общественном плане «особенно перспективным является осмысление тех информационных ресурсов, которые предлагают сформированную на основе принципов фокусирования, профилирования и дифференцирования совокупность знаний, фактов и сведений... и которые обладают уникальной способностью не только целенаправленно откликаться на запросы целевой аудитории, но и оказывать моделирующее влияние на культурный статус общества в целом» [13, с. 159].

Целью исследования является рассмотрение специализированных изданий в сфере культуры как коммуникационного канала, особенно востребованного современным обществом. Сегодня, когда общество пытается найти ответы на вопросы, касающиеся процессов формирования ценностно-смыслового пространства человека и роли в этом процессе СМК, ощущается потребность в описании не только типологических особенностей специализированных изданий в сфере культуры как самостоятельного элемента периодики, но и характера их вовлеченности в рекламную коммуникацию.

Предметом рассмотрения становятся типологические особенности специализированных изданий в сфере культуры и практика их взаимодействия с рекламным контентом.

Несмотря на высокую степень социальной значимости специализированных изданий в сфере культуры комплексно к вопросу о характере этого сегмента прессы в контексте общей системы периодических изданий исследователи обращались достаточно редко. Отсутствие глубокой традиции исследований, посвященных такому сегменту периодической прессы, как специализированные издания в сфере культуры, значимость которого для общества чрезвычайно велика, определяют **актуальность** исследования.

В современной науке сформировалась практика рассматривать специализированные издания как самостоятельный вид прессы, для которого определяющими являются (1) проблемно-тематическая специализация и (2) целевая аудитория. Е.П. Прохоров обращает внимание на то, что первостепенную роль в специализированных изданиях играют запросы целевой аудитории, ее социальные и культурные параметры, идейно-политические ориентации, потребности в сфере информации и др., что «порождает огромное количество строго ориентированных изданий и программ, специально обращенных к конкретной аудиторной группе» [17, с. 211]. С.Г. Корконосенко также подчеркивает важность параметра аудитории этого сегмента прессы: «Специализированная периодика рассчитана на аудиторию с более или менее четкими контурами, что придает ей устойчивость на рынке, хотя в большинстве случаев и не сулит грандиозного всеобщего спроса» [7, с. 201].

На основании аудиторного параметра А.И. Акопов предлагает все издания разделить на массовые, ориентированные на широкую социальную аудиторию, и специальные (специализированные), предназначенные для специалистов различных отраслей науки, техники, экономики и культуры [1, с. 156]. Специальные издания в свою очередь подразделяются им на ряд тематических групп, среди которых находятся и журналы в области образования, культуры и искусства [2, с. 11]. Л.Л. Реснянская замечает, что в основе деятельности специализированных изданий лежит один из принципов: 1) «для всех не обо всем», то есть принцип тематического ограничения, и 2) «не для всех не обо всем» – принцип ограничения по параметрам социальной аудитории и темы. Кроме того, исследователь на основе анализа массмедийной практики приходит к выводу о том, что существуют издания смешанного типа («обо всем для единомышленников»), которые объединяют в себе характеристики универсальных изданий («всем обо всем») и специализированных [18, с. 4].

Исследователи рассматривают массовые, «качественные» и специализированные издания по отдельным аудиторным группам [19, с. 77; 20, с. 41]. При этом к массовым относят те издания, аудитория которых включает значительную часть населения, к «качественным» же – аудитория которых ориентирована на интеллектуальную элиту. Издания, относящиеся к специализированным, рассчитаны на специалистов разных профессиональных профилей. По такому признаку, как

ориентация на интересы и потребности аудитории выделяются научно-публицистические журналы, а также предметно-специализированные (профессиональные и связанные с хобби [20, с. 81]. В соответствии с социально-общественными, профессиональными и личными интересами аудитории Я.Н. Засурский выделяет просветительские издания, специализированные, познавательные, популярные, рекреативные; корпоративные издания [19, с. 257].

Таким образом, современный медиарынок учитывает информационные запросы целевой аудитории, в том числе аудитории специализированных изданий. Специализированные издания представляют собой особый коммуникационный канал, обслуживающий разные информационные запросы специализированных аудиторий. Среди ключевых свойств информации, передаваемой изданиями данного типа, – качество и достоверность, предназначенность целевой аудитории с присущей ей совокупностью информационных потребностей и культурных ценностей, высокая содержательность контента.

Специализированная пресса издается и для тех групп потребителей, которые объединены как личными или профессионально-любительскими интересами в сфере культуры (издания для служителей и поклонников кино, театра, музыки, живописи, танца и т.п.) [21, с. 21], так и общими ценностями, знаниями и культурными практиками.

Проблемам становления и эволюции специализированных изданий в сфере культуры посвящен ряд исследований, в которых они рассматриваются в контексте культуроформирующей функции журналистики с присущей ей способностью пропагандировать значимые культурные ценности и расширять совокупность знаний человека, обогащать его духовный мир. Безусловно, «именно журналистика, благодаря широкому развитию системы каналов передачи информации, делает культуру доступной для самых широких кругов» [17, с. 63]. Специализированные издания в сфере культуры востребованы обществом в качестве ключевого ресурса, «ответственного» за отбор культурных фактов, их интерпретацию и пропаганду, за распространение актуальной социально-значимой информации о реальной действительности, за удовлетворение информационных потребностей разных социальных аудиторий, а также за духовное производство, ориентированное на транслирование системы культурных ценностей и моделирование общественного сознания.

Среди изданий, специализирующихся на вопросах культуры, А.И. Акопов выделяет культурно-просветительские (издания, посвященные проблемам культуры или нацеленные на рассмотрение проблем просвещения и образования) и искусствоведческие (общей искусствovedческие журналы и отраслевые искусствovedческие журналы) [1, с. 156].

Я.Н. Засурский обращает внимание на то, что в рекреативной периодике происходят изменения: она предстает в двух вариантах – образном (такие, например, издания, как «Культпоход», «Афиша») и разукрупненном, специализированном («Театрал», «Про кино»). По диапазону информации исследователи выделяют издания с широким диапазоном информации, с узким диапазоном информации и специализированные издания, которые предназначаются для особых читательских групп [20, с. 81].

Кроме того, в работе «Типология изданий» предлагается схема классификации изданий по функциональному назначению – по общим задачам и конкретным функциям [20, с. 82]. Исследователи выделяют класс изданий так называемого свободного чтения, в который входят литературно-художественные издания и издания для досуга [10, с. 206]. К этой группе можно отнести журналы-приложения к газетам, например, такие, как «Театрал», издаваемый газетой «Новые Известия».

По такому признаку, как целевое назначение издания, выделяют литературные, художественные, художественно-публицистические, культурно-просветительские, учебно-методические и развлекательные издания [19; 20].

На основе доминирующего типа публикаций исследователи выделяют научно-популярные и литературно-художественные издания. Научно-популярные издания содержат публикации об исследованиях в области науки, культуры и прикладной деятельности и служат широкому распространению знаний и самообразованию. Периодические издания включают в основном произведения художественной литературы различных жанров и художественную критику [10, с. 196].

В большинстве работ, посвященных типологии и классификации периодических изданий, предлагается классифицировать специализированные издания в сфере культуры в зависимости от следующих признаков (критериев): по функциональному назначению, по целевому назначению изданий, по характеру публикаций, по характеру и содержанию информации, по тематике публикаций, по характеру аудитории, а также ее по интересам и потребностям, по диапазону информации.

Рассматривая специализированные издания в сфере культуры как коммуникационный канал современного общества необходимо определить масштабы распространения данного сегмента на российском рынке периодических изданий. Объективным источником, актуально отражающим перечень действующих на рынке периодических изданий, на данный момент, как нам представляется, может служить каталог подписных изданий, как, например, объединенный каталог «Пресса России», который предоставляет достоверную информацию на текущий год о

выпускаемых периодических изданиях в России. Каталог включает более 4000 газет и журналов различных тематик, сегментируя подписку на издания по тематикам, объединенный каталог «Пресса России» выделяет направление «Искусство. Культура. Эстетика». Данный раздел включает в себя 145 наименований [11].

Количественная самодостаточность и содержательная идентичность изданий, составляющих направление «Искусство. Культура. Эстетика», позволяет рассматривать специализированные издания в сфере культуры как самостоятельный сегмент прессы. Учитывая ряд показателей, а именно, степень подготовленности целевой аудитории, предмет отображения, характер финансирования и т.п., можно утверждать о неоднородности специализированных изданий в сфере культуры, что обуславливает поиск новых критериев в подходе к классификации периодической печати.

Таким образом, в современной науке существуют разные взгляды на типологию специализированных изданий в сфере культуры. Проблема осмысления особенностей данного типа изданий – не только теоретическая, но и практическая – требует развернутого исследования, учитывающего динамику современного общества, особенности его духовных запросов и используемых им коммуникативных технологий.

Благодаря специализированным изданиям в сфере культуры, освещающим события культурной жизни в столицах, в регионах и за рубежом, поднимающим многообразные вопросы, связанные с культурным опытом человека, создается единое ценностно-смысловое пространство с характерными нормативными ориентирами, необходимыми для эффективного функционирования общества, для выработки «объективных критериев оценки ключевых социальных тенденций и общей духовно-нравственной формулы социального блага» [13, с. 19].

Исследователи единодушно отмечают, что издания в сфере культуры вносят неоценимый вклад в становление мировоззрения человека, в расширение его багажа знаний, в углубление его эмоционального опыта, однако сегодня они, как и все СМИ, оказываются в условиях жесткой конкурентной борьбы за свое выживание, поэтому закономерно их обращение к рекламе.

Бесспорным преимуществом специализированных изданий в сфере культуры является высокий коэффициент доверия к источнику и, как следствие, ко всей информации, размещенной в данном издании. Важным отличительным признаком этого канала является сегментация целевой аудитории, что позволяет создавать контент, максимально учитывающий социально-психологические характеристики потребителя, его запросы в сфере культуры. Данное положение открывает изданиям широкие перспективы привлечения рекламодателей.

Рассмотрим характер рекламного контента, публикуемого сегодня на страницах специализированных изданий в сфере культуры. С этой целью мы проанализировали на предмет наличия и характера рекламных обращений более 60 журналов и газет данного сегмента периодики (журналы «Искусство кино», «Наше наследие», «Балет», «Кинобизнес сегодня», «Музыкальная жизнь», «Юность», «Театрал», «Театральная жизнь» «Культура и время», газеты «Литературная газета» и «Культура» и некоторые другие издания).

Как показывает анализ, рекламных обращений в специализированных изданиях в сфере культуры не так много, что свидетельствует об их особом отношении к рекламе. В целом, рекламная информация в специализированных изданиях в сфере культуры составляет чуть более 5,1% от общего объема информации.

Тематика рекламных обращений в изданиях, специализирующихся в сфере культуры, выглядит следующим образом: 1) *самореклама*; 2) *культурные мероприятия* (фестивали, выставки, конкурсы); 3) *учреждения культуры* (музеи, выставочные залы, галереи и т.п.); 4) *издательские дома*; 5) *СМК*; 6) *книжные издания*; 7) *торговые организации* (салон-магазины, антикварные салоны, мебельные магазины, магазины для дизайнеров, магазины фототехники и др.); 8) *техническая продукция* (видео- и фототехника) и 9) *прочее* (чай, кофе, фарфор и др.).

В качестве рекламируемого объекта в специализированных изданиях, как видим, могут выступать разные объекты, однако они так или иначе отражают достаточно высокий уровень потребительских запросов и предъявляемых требований к рекламируемому продукту. Так, например, в качестве рекламируемых объектов в журнале «Театрал. Театральные известия» выступает «Цирк Юрия Никулина на Цветном Бульваре, «Московский театр «Ленком», «Театр «МОСТ», «МХАТ», «Московский театр «Современник», «Театр им. «Е. Вахтангова». Однако в количественном отношении доминируют рекламные обращения, имеющие коммерческий характер (44,5%) – реклама чая «Greenfield», кофе «Jardin», эксклюзивного фарфора «Rudolf Kampf», фототехники и др.

Расположение рекламных материалов в специализированных изданиях в сфере культуры зависит от верстки самого издания и не имеет четких границ, так как в изданиях отсутствует рекламная рубрика. Однако рекламные материалы преимущественно размещаются на страницах обложки: второй (внутренняя передняя), третьей (внутренняя задняя), четвертой (внешняя задняя). Последняя страница («back cover», то есть «задняя обложка») с точки зрения размещения рекламы имеет наилучшие коммуникационные показатели, так как имеет высокий уровень

контакта с читателем. Такие издания, например, как «Художественный совет», «Театрал. Театральные известия», «Сценарии и репертуар», «Собрание», «Искусство кино» полностью отводят рекламным материалам третью и четвертую страницы обложки. Каждый «back cover» журнала «Сценарии и репертуар» посвящен организованному самим изданием конкурсу «Лучший сценарий праздника среди читателей».

В специализированных изданиях используются различные жанровые формы рекламы: анонс, афиша, рекламная статья, каталожная реклама, рекламный макет. Журнал «Театрал. Театральные известия» чаще всего использует такую жанровую форму рекламы, как афиша. Рекламные статьи широко представлены, например, в журнале «Художественный совет». Ярким примером использования каталожной рекламы является журнал «Собрание», который отводит всю третью страницу обложки под информацию о возможностях приобретения предыдущих выпусков журнала. Однако доминирующим является, как нам представляется, все же рекламный макет, поскольку он присутствует во многих изданиях.

Подводя итог, заметим, что специализированные издания, востребованные обществом с целью удовлетворения специализированных информационных потребностей разных социальных аудиторий и духовного производства, вынуждены сегодня обращаться к рекламе с целью поддержки собственной деятельности. На их страницах осуществляется «непростой диалог журналистики и рекламы, ...в сфере непосредственной заинтересованности которых оказывается один и тот же ресурс – аудитория, ее живой, интеллектуальный и эмоциональный отклик» [14, с. 59].

Изучение проблематики специализированных изданий в сфере культуры в аспекте осмысления их типологических признаков и особенностей их контента, безусловно, имеет дальнейшую исследовательскую перспективу.

Литература

- Акопов А.И. Некоторые вопросы журналистики: история, теория, проблемы, Ростов-на-Дону: Изд-во «Терра», 2002. 274 с.
- Акопов А.И. Периодические издания. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1995.
- Богачева О.С. Продажа рекламной площади в газете. М.: Аспект Пресс, 2002. 140 с.
- Вартанова Е.Л. О современном понимании СМИ и журналистики // Медиаскоп. 2010. № 1. <http://www.mediascope.ru/node/521>
- Геруля М. Массмедиа как инструмент создания окружающей действительности // Межкультурные коммуникации в современном мире: роль СМИ: Материалы Междунар. науч.(практ. конф. (Екатеринбург, 17–18 апреля 2014 г.) / Сост. и науч. ред. Д.Л. Стровский, О.В. Ильина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2014. – С. 35 – 38.
- Иваницкий В.Л. Бизнес-концепция масс-медиа: природа, содержание, стратегии реализации // Медиаскоп. 2009. – Вып. № 4. <http://www.mediascope.ru/?q=node/449>
- Корконосенко С.Г. Основы журналистики: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. – 287 с.
- Короченский А.П. «Пятая власть?» Феномен медиакритики в контексте информационного рынка. – Р-н/Д: Международный институт журналистики и филологии, 2002. – 272 с.
- Луман, Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Антоновского. М.: Праксис, 2005. – 256 с.
- Миличик А.Э., Гольцева Э.В. Типология изданий. М.: Изд-во «Книжная палата», 1990. 231 с.
- Объединенный каталог «Пресса России» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pressa-rf.ru/cat/1/subject/22/> (дата обращения: 20.12.2015).
- Поликарпова Е. Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе. Ростов-на-Дону: ИППК при РГУ, 2002. – 178 с. // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Polikarp/01.php
- Поликарпова Е. Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе. Ростов-на-Дону: ИППК при РГУ, 2002. – 178 с. // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Polikarp/01.php
- Полонский А.В. Сущность и язык публицистики. – Белгород: Политерра, 2009. – 238 с.
- Полонский А.В. Текстовые и дискурсивные парадигмы современности. – Рукопись. – 2012. – 186 с.
- Полонский А.В. Стилистические уроки современных масс-медиа и православное слово // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. С. 191–205.
- Полонский А.В. Реклама как одна из форм современной коммуникативной практики // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 235–241.
- Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. – М.: РИП-холдинг, 2002.
- Реснянская Л.Л. Общероссийские газетные издания // Вестник МГУ. Сер. Журналистика. 2000. № 4. С. 3 – 14.
- Система средств массовой информации России / Под ред. Я.Н. Засурского. М., – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 391 с.
- Типология периодической печати / Под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. – М.: Аспект Пресс, 2009. 236 с.
- Чуков П.И. Специализированные газеты как тип издания. Диссертация к.филол. н. Ростов-на-Дону, 2004. 201 с. // Режим доступа: Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/spetsializirovannye-gazety-kak-tip-izdaniya#ixzz4DbXRHnEQ>. Дата обращения: 13 июня 2016 г.
- Flew T. Media globalne. Krakow, 2010.

УДК 070

**ОСВЕЩЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И УКРАИНОЙ
В РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТЕ «ИЗВЕСТИЯ» И УКРАИНСКОЙ ГАЗЕТЕ
«ЗЕРКАЛО НЕДЕЛИ»**

**THE COVERAGE OF THE ECONOMIC WAR BETWEEN RUSSIA AND UKRAINE
IN THE RUSSIAN NEWSPAPER «IZVESTIA» AND THE UKRAINIAN NEWSPAPER
«ZERKALO NEDELI»**

Т.И. Максимова, Д.В. Световой
T.I. Maksimova, D.V. Svetovoy

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University,
85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: Maksimova_T@bsu.edu.ru; sd1992@list.ru

Аннотация. В статье приводится подробный анализ публикаций российской газеты «Известия» и украинской «Зеркало недели» в контексте освещения экономической войны между Россией и Украиной в период от заключения межгосударственных соглашений в «минском» формате «Минск-2» до настоящего времени. Авторы детально анализируют различные аспекты освещения средствами массовой информации основных событий, касающихся двусторонних отношений между странами, выявляя принципиальные отличия подходов к освещению событий.

Abstract. The article provides a detailed analysis of the publications of the Russian newspaper «Izvestia» and Ukrainian «Zerkalo nedeli» in the context of the media coverage of the economic war between Russia and Ukraine in the period from the conclusion of international agreements in the «Minsk» format «Minsk- 2» to the present. The authors analyze in detail the various aspects of media coverage of major events related to the bilateral relations between the two countries, identifying the fundamental differences of approaches to media coverage of events.

Ключевые слова: Россия, Украина, «Известия», «Зеркало недели», экономическая война, США, Европейский союз, ЕС, Таможенный союз, ТС.

Keywords: Russia, Ukraine, «Izvestia», «Zerkalo nedeli», economic war, USA, European Union, EU, Custom Union, CU.

На современном этапе развития межгосударственных отношений политические методы межгосударственного взаимодействия значительно отличаются от тех, что применялись еще полвека назад. Все меньшее значение приобретают такие факторы, как военная мощь, агрессивность и размеры территорий. На авансцену все чаще выходят другие методы «экспансии» – культурная и, главная, экономическая. Характеризуя данные «рычаги управления» международной обстановкой, следует отметить, что культурная экспансия чаще проявляется в виде «мягкой силы».

В то же время экономические отношения более ощутимы, ведь национальные экономики сегодня включены и в мировую финансовую систему, и товарные поставки, и технологии. Вследствие такого всеобъемлющего характера современной экономики, она становится по-настоящему действенным инструментом внешней политики. Многие страны используют санкции, финансовые ограничения, таможенные и технологические блокады как формы современной экономической войны. Главная цель подобных конфликтов – резко снизить валютные доходы неприятельской стороны, затормозить развитие промышленности, ввести запреты на иностранное кредитование деятельности крупного и среднего бизнеса, ограничить доступ государства к новейшим технологиям, подорвать выполнение важных государственных программ и проектов, вызвать массовые оппозиционные протесты в надежде на последующую смену власти и др. [Бобылов, 2015, 105]. Главный принцип экономической войны – это принуждение к определенным условиям экономических отношений, а в случае сопротивления – использование

физических форм воздействия, таких как государственное давление, включая военное вмешательство [Абдуллаев, Багузова, 2014, 72].

Стоит отметить, что само понятие экономической войны не может существовать в условиях изолированности национальных экономик. Главной предпосылкой подобных конфликтов является глобализация как экономического, политического, так и информационного пространства. С распространением интернета средства массовой информации стали межнациональными. Степень их влияния теперь не ограничивается рамками одной страны или региона. Сегодня каждая, даже самая закрытая страна, так или иначе, связана с мировыми рынками товаров, финансов, информации. Происходит интенсивное размывание границ между внутренней и внешней политикой государств, стратегическое значение приобретают успехи в разработке и внедрении информационно-коммуникативных технологий, операции в имиджевом пространстве и формирование нематериальных капиталов. В информационном пространстве, конструируемом современными массмедиа, межгосударственные конфликты попадают в зону внимания миллионных аудиторий, становятся объектами, по поводу которых формируются общественное мнение и мнение элит национальных государств. Это объясняет внимание исследователей к изучению потенциала влияния и особенностей функционирования массмедиа в условиях межгосударственного конфликтного противоборства [Савицкая, 2009, 3].

В сложившейся непростой ситуации межгосударственных отношений России и Украины актуальным представляется проанализировать отражение основных вопросов, касающихся экономических связей между двумя странами в качественной прессе двух государств.

Для мониторинга нами были выбраны ведущие информационно-аналитические издания России и Украины: российская ежедневная газета «Известия» и украинский информационно-аналитический еженедельник «Зеркало недели».

Газета «Известия» является общенациональным информационно-аналитическим изданием, позиционирующим себя источником качественной аналитики и объективной информации на российском рынке. Газета занимает третье место по размеру аудитории среди российских ежедневных газет [Готовятся к выборам? 2015], что свидетельствует о большом информационном влиянии на население страны.

Еженедельник «Зеркало недели» является одним из наиболее влиятельных аналитических изданий Украины. С 2011 года газета выходит на трех языках: русском, украинском и английском. Западные СМИ рассматривают газету как политически независимое, предоставляющее качественную аналитику издание, которое руководствуется в своей работе высокими стандартами журналистики и критически оценивает украинский истеблишмент [ThepressinUkraine].

Темы, рассматриваемые газетами в контексте освещения экономической войны между Россией и Украиной обнаруживают в себе точки пересечения в наиболее важных вопросах отношений государств. Так, например, в освещении проблем поставок и транзита газа, как российское, так и украинское издание акцентируют внимание на позициях Украины среди игроков газового рынка Европы.

Волнение украинских журналистов вызывает тот факт, что газовый потенциал страны остается нереализованным потому, что стратегические партнеры не видят в Украине перспектив: *«На энергетических картах стран ЕС, в частности ближайших наших соседей, газотранспортная система Украины почти отсутствует. При большом желании, ее можно угадать — пунктиром в "серой зоне"»* (Зеркало недели. Еременко А. 13.03.2015). А также потому, что Европа считает, что *«Украина, лишенная роли газового хаба в Восточной Европе и не осуществляющая транзит российского газа в Европу, получит значительно лучшие перспективы мирного будущего»* (Зеркало недели. Униговский Л. 20.03.2015). Однако журналисты уверены, что газотранспортная система Украины существует. И *«что бы ни рассказывали «газпромовцы», уже не один десяток лет европейский энергобаланс в значительной степени зависит от профессионализма и ответственности украинских газотранспортников. И пока транспортировщиков газа в Украине, как и саму нашу страну, в Европе будут считать только исполнителем воли поставщика российского газа, все будут очень уязвимы»* (Зеркало недели. Еременко А. 13.03.2015).

Одним из главных препятствий на пути становления Украины как полноценного и уважаемого партнера на газовой арене являются, по мнению журналистов «Зеркала недели», политические цели российского руководства. Россия, путем обходящих Украину трубопроводов, проекты которых стали не самой главной «игрушкой Кремля», пытается снизить влияние Украинской стороны в энергосистеме Европы: *«Газ для России никогда не был коммерческим товаром, пусть даже и стратегическим. Газ для РФ — это символ мощи, влияния, тоски по империи, жажды реванша. <...> Частью ее (России) усилий является максимальное снижение транзитной роли газотранспортной системы (ГТС) Украины»* (там же).

Украина, как считает «Зеркало недели», на конец 2015 года достигла больших успехов в вопросах обеспечения потребностей государства в энергоресурсах: *«реверс из государств — членов Европейского Союза»*, состоявшийся вопреки протестам «Газпрома», освободил Украину

от газовых рычагов Российской Федерации (Зеркало недели. Униговский Л. 28.12.2015). Победой над «российскими амбициями» журналисты считают и то, что Украина подняла «Газпрому» ставку транзита по своей территории. *И «таким образом, многолетним усилиям «Газпрома» по обходу Украины дан достойный ответ»* (Зеркало недели. Еременко А. 29.02.2016).

В рамках данной темы российская газета «Известия» представляет мнения и комментарии обеих сторон конфликта в относительно равном объеме. В заметках, посвященных действиям и заявлениям украинской стороны прослеживается использование лексем с неоднозначной эмоционально-смысловой окраской, которые придают публикациям общую скептическую тональность.

Усиленное контрастное сопоставление сторон достигается за счет представления российской стороны надежным партнером в противовес не всегда предсказуемой украинской стороне: *«Собственно, в чем именно заключаются претензии Украины к «Газпрому», также ясно не до конца»* (Известия. Палеха К. 22.01.2016). В то время как Москва заботится о благосостоянии и покое Европы, Киев обрекает европейцев на неудобства: *«Киев может подать иск в Международный арбитражный суд на «Газпром», если в российской компании откажутся оплачивать транзит газа в Европу по новым тарифам <...> Представители российского концерна не только не желают платить по новой ставке, но и планирует снизить цену на газ для Европы сразу на \$100<...> Газпром» же, вместо того чтобы вступать в конфронтацию с украинскими коллегами, объявил, что планирует снизить цену за газ для Европы»* (Известия. Шаповалова А. 20.01.2016).

Особенно ярко контрастное сопоставление России и Украины как неравнозначных игроков на газовом рынке Европы представлено в публикациях руководителя аналитического управления Фонда национальной энергетической безопасности Александра Пасечника. В них Украина представлена как перманентно зависимая страна, которая лишь меняет сюзеренов – от России до Евросоюза: *«Украине все равно придется покупать российский газ <...> Не исключено, что Киев блефует, заявляя о дешевом газе от европейских поставщиков — иначе как объяснить комментарий о разочаровании главы «Нафтогаза» из-за новости об отмене скидок на российский газ?»* (Известия. Пасечник А. 05.04.2016).

В целом в публикациях «Известий» по теме межгосударственных отношений в сферах поставок и транзита газа, Украина и ее население представлено как бесконечно страдающее, едва ли не погружающееся в средневековье от постоянных «метаний» украинских политиков: *«Кроме того, население страны (Украины) в значительной степени переориентировалось на дрова и уголь, понимая риски возможных ограничений газоснабжения»* (там же).

Из чего следует очевидная для газеты «Известия» зависимость украинских политических элит от западных «кураторов». Российская газета за ширмой сотрудничества Украины с Западом видит полную как экономическую, так и политическую несостоятельность украинской элиты, которая на самом деле управляется агентами США. Так, 1 апреля 2016 года, во время визита президента Украины в США, в «Известиях» была опубликована статья корреспондента ТАСС в Вашингтоне «Украина ищет в США новые способы нажима на Россию». В материале актуализируются такие характеристики украинского руководства как зависимость, подчиненность, «поклонение». К этим свойствам добавляются личностные черты негативного плана: жадность, хитрость и склонность к обману, лжи, к клевете по отношению к российскому государству и, соответственно, народу: *«Вот только непонятно: а зачем в Вашингтон-то на поклон ездить? За деньгами на военные цели <...> Разговор происходил на английском языке, поскольку общаться по-русски Порошенко, скорее всего, не стал бы <...> Хвалил и благодарил США, клял Россию. У меня даже появилось опасение, что сгоряча он может «рубнуть плеча» и по дипломатическим отношениям с Москвой, но президент сориентировался мгновенно»* (Известия. Шитов А. 01.04.2016). Кроме того, неоднократно приводятся безответные заявления официального представителя МИД России Марии Захаровой: *«Деньги США идут на сохранение кризиса на Украине. Это оплата того, что происходит на Украине, — коррупции, которая достигла фантастических размеров»* (Известия. Байкова Т. 03.04.2016).

В свою очередь украинская газета «Зеркало недели» рассматривают сотрудничество с международными организациями исключительно с экономической точки зрения как необходимую в данный момент меру по урегулированию тяжелой экономической ситуации в стране. Издание не рассматривает экономическую помощь США и ЕС как инструмент политического давления на Украину, потому что не видит влияния как такового, а если и пишет о «навязанных МВФ» экономических реформах, то не затрагивает аспект отношений с Россией и говорит о них хоть и с критикой, но веря, что «невкусное лекарство» когда-нибудь поможет. Журналисты «Зеркала недели» утверждают, что программу МВФ «выполнить трудно, а иногда и опасно с социальной точки зрения» (Зеркало недели. Максютя А. 14.08.2016), однако «когда зависимость правительства от помощи МВФ перестанет быть критической, стимулы к продолжению жесткой фискальной политики снизятся» (Зеркало недели. Башко В. 28.08.2015),

потому что *«МВФ всю жизнь не будет надзирателем за сбалансированностью нашей казны» (там же).*

Одним из главных фактов, препятствующих получению Украиной финансовой помощи МВФ, газета «Зеркало недели» считает непогашенный перед Россией долг в 3 млрд. долларов. В состав внешнего долга Украины (общей суммой, заявленной для реструктуризации, в 19 млрд. долларов по информации «Зеркала недели» (Зеркало недели. Самаева Ю. 18.09.2015)) входит 3 млрд. долларов ОВГЗ 2013 года, владельцем которых является российский Фонд национального благосостояния. Облигации являются самыми спорными в государственном долге Украины, поскольку основополагающие принципы МВФ, как представителя официальных кредиторов, не предусматривают финансирование стран с просроченной задолженностью перед другими суверенами. Российский Фонд национального благосостояния по организационно-правовой форме рассматривается как орган государственного управления, и, следовательно, по сути является официальным и не должен подпадать под реструктуризацию. Тогда как по форме заем 2013 года был произведен согласно модели частного займа – путем выпуска еврооблигаций. Сама ситуация для Украины получается невыгодная: *«Еще одним негативным последствием может быть отказ МВФ от кредитования Украины из-за неурегулированной с официальными кредиторами задолженности» (Зеркало недели. Башко В. 30.10.2015), «ведь если Украина откажется от уплаты межгосударственного долга, она «вылетит» из программы МВФ, а если не откажется, то должна будет уплатить стране-агрессору 3 миллиарда и так чрезвычайно дефицитных для страны долларов» (там же).*

В целом «Зеркало недели», освещая взаимодействие Украины с западными партнерами, рассматривает его в контексте реальных фактов экономической действительности: *«Общий объем помощи Украине от Фонда и других источников может составить 40 млрд долл» (Зеркало недели. Силина Т. 13.02.2015), «17,5 млрд из вышеназванной суммы в течение четырех следующих лет будут получены непосредственно от МВФ под реализацию «программы серьезных экономических реформ» (Зеркало недели. Сколотяный Ю. 13.02.2015), «борьба за повышение рейтинга Doing Business ничего не стоит, пока в рейтинге конкурентоспособности World Competitiveness мы на 60-м месте из 61» (Зеркало недели. Самаева Ю. 05.06.2015).*

В отличие от международной помощи, соглашения о зоне свободной торговли и таможенном союзе оба издания рассматривают в политическом контексте. Материалы украинской газеты «Зеркало недели» сводятся к абсолютной уверенности, что полная евроинтеграция Украины невозможна без соглашения о Зоне свободной торговли с Евросоюзом. Оно должно решить если не все, то огромную часть экономических проблем: *«Для украинских производителей Соглашение об ассоциации между Украиной и ЕС сделает торговлю на европейском рынке проще и дешевле» (Зеркало недели. Тищук Т. 30.10.2015).* Однако в каждом материале журналисты подчеркивают, что для успешной реализации намеченных Украиной планов нужно приложить много усилий: *«Это наше внутреннее дело – победить засилье монополий и олигархическое влияние, добиться прорыва в сфере государственных закупок и т.п.» (Зеркало недели. Кинах. А. 12.06.2015).*

При обсуждении проблемы евроинтеграции, издание обращает внимание прежде всего на внутренние проблемы Украины: *«Европа не должна быть разочарована отсутствием результатов в борьбе украинцев с коррупцией, теневыми схемами, нечестными судами, бюрократизированной предпринимательской средой, которые блокируют поступление инвестиций, не дают развиваться отечественному бизнесу» (там же).*

За изученный нами период с февраля 2015 по май 2016 г. в газете «Зеркало недели» нам встретилось всего две статьи, пусть и не полностью посвященных отказу от кооперационных связей Украины с Россией, но затрагивающих эту тему. Конечно же, как и в других публикациях, где только лишь упоминается Таможенный союз, основной посыл заключается в том, что Украину не иначе как втягивали обманами, угрозами, используя шпионов в парламенте, пропагандой, в том числе и на международном уровне: *«Втягивание Украины в Таможенный союз сопровождалось соответствующими шагами и на международной арене. <...> Отдельный фронт – мощная работа России по нейтрализации негативного отношения ЕС, США и других партнеров по ВТО к таким своим намерениям в отношении Украины» (Зеркало недели. Ткач В. 13.03.2015).*

Плюсы «отбившейся» от Таможенного союза Украины «Зеркало недели» подробно разбирает в публикации Павла Гайдуцкого «Украина—ЕС: курс верный, ход медленный» от 18 марта 2016 г., в которой акцент делается, прежде всего, на бесперспективность ТС с точки зрения развития экономики посредством сравнения среднегодового прироста внешнеторгового оборота ЕС со странами в рамках ЗСТ и России со странами в рамках ТС, который в среднем на 3% ниже, чем прирост в ЗСТ: *«до сих пор ни одна из стран, заключивших соглашение о свободной торговле с ЕС, не пожалела о своем решении» (Зеркало недели. Гайдуцкий П. 18.03.2015).*

В противовес украинской газете, в публикациях «Известий» рефреном идут суждения об умышленном втягивании Украины в сферу влияния Запада. Так, в экспертном комментарии заведующего кафедрой мировой экономики и политики НИУ ВШЭ Максима Братерского «Россия

не заметит ухода Украины из зоны свободной торговли» говорится, что основным выгодоприобретателем от ассоциации, на самом деле, является не Украина, а Европейский Союз. Европа же умышленно втянула доверчивую Украину для захвата очередного рынка: *«Основной интерес к украинскому рынку – германский. Вообще в истоках продвижения ЕС на Украину стоят германские интересы. Германия – экспортная страна, как только ее рынки прекращают расширяться, ЕС начинает трясти»* (Известия. Братерский М. 23.12.2015). При этом, действия российской стороны представлены как абсолютно правильные и адекватные сложившейся ситуации: *«А вот ответ России об отмене зоны свободной торговли с Украиной справедливый»* (там же). Россия выступает для Украины в качестве страны, обладающей экономическим суверенитетом: *«российский покупатель слегка пострадает - выбор станет чуть меньше, а наценка на существующие товары чуть больше. Но серьезного экономического эффекта не будет. При нашем товарообороте, потеря Украины для нас ничто»* (там же). Кроме того, показана способность и готовность российского государства договариваться, на фоне отсутствия таких стремлений у украинской стороны: *«При этом, Москва до последнего не отказывалась от диалога и на каждом раунде переговоров отмечала риски для режима свободной торговли между Россией и Украиной»* (там же).

В качестве доказательства правоты Российской стороны в отношении ассоциации Украины с ЕС приводятся только те высказывания европейских политиков, которые «закрепляют» позицию российских экспертов. Например, в заметке от 5 апреля 2016 г.: «Украинские продукты не конкурируют в ЕС с местными производителями» приведена точка зрения посла ЕС Яна Томбинского, в котором он говорит о «слабости экономики Украины», о том, что украинские продукты «не смогли составить конкуренцию на европейском рынке местным производителям» (Известия. Блинков В. 05.04.2016).

В большинстве информационных материалов в качестве завершающей части приводятся суждение о том, что потери Украины будут огромны: *«Лидер общественного движения «Украинский выбор» Виктор Медведчук оценивает возможные потери в миллиарды долларов. Эксперты ожидают минимум \$35 млрд убытка»* (Известия. Палеха К. 02.01.2016). При этом какие именно эксперты и почему это принесет такие убытки не уточняется.

С меньшей регулярностью в обеих газетах освещается экономическое состояние Крыма и Донбасса. «Зеркало недели» уверена, что полуостров вернется в состав Украины, в чем им помогут в том числе установленные ЕС и США санкции против России: *«При всех опасениях, что наши западные партнеры "сольют" Крым ради умиротворения агрессора, позиция по Крыму в сухом остатке остается общей и бескомпромиссной <...> непризнанные республики уже на себе ощущают последствия крымской авантюры – денег у России для них больше нет»* (Зеркало недели. Самар В. 06.03.2015).

В целом, материалы, посвященные Крыму и Донбассу, появляются в «Зеркале недели» достаточно часто – практически в каждом номере за изученный нами период можно найти публикацию, так или иначе затрагивающую эти наболевшие темы. Однако, собственно об экономических последствиях международного непризнания Крыма и экономического состояния территорий со спорным юридическим статусом на Донбассе газета информации новой как таковой не дает.

Так, например, только в трех материалах приводится статистика ухудшения экономического положения в Крыму, увеличения безработицы, банкротства и др.: *«Из-за проблем со снабжением на полуостров сырья сократилось производство продуктов питания (-22%), изделий из древесины и полиграфической продукции (-54%), резиновых и пластмассовых изделий (-33%), текстильное производство (-30%), производство электроэнергии (-20%)»* (Зеркало недели. Чикита И. 27.02.2015).

Экономическое состояние Донбасса, газета «Зеркало недели» затрагивает в интервью с тремя генерал-губернаторами Донецкой области. Например, генерал-губернатор Александр Кихтенко в интервью признался, что *«на самом деле разорвать экономические связи между оккупированной и не оккупированной территорией – невозможно <...> Они все равно будут жить, но только в других формах и на других условиях»* (Зеркало недели. Ведерникова И. 10.04.2015). Назначенный после него генерал-губернатор Павел Жебривский в интервью был крайне осторожен и сказал, что законопроект об экономической блокаде оккупированных территорий *«необходимо доработать»* (Зеркало недели. Ведерникова И. 12.06.2016).

В целом концепция освещения «Зеркалом недели» ситуации в Крыму и Донбассе сводится к констатации упадка регионов, освещению военных действий и призывам «что-то делать», однако, не в пример с освещением газовых проблем, конкретных стратегий выхода из положения «Зеркало недели» не предлагает.

В российской газете «Известия» экономическое состояние и проблемы Крыма и Донбасса рассматриваются в контексте других тем – энергоблокады Украиной Крымского полуострова и транзита товаров между Россией и Украиной.

Энергоблокада Крыма была отражена относительно нейтрально. На официальном сайте газеты на время блокады был создан специальный раздел, где в формате «breakingnews» публиковались краткие информационные сообщения на данную тематику.

По теме транзита товаров между двумя странами и блокирования на границе большегрузных автомобилей вышло несколько десятков материалов, большинство из которых имело исключительно информационный характер. По завершению «транзитной войны» в газете «Известия» была опубликована статья «Украина в экспортной ловушке», в которой делался вывод, что *«Без добрососедских отношений с Россией Киев не сможет создать эффективную экспортную модель <...> не имея хороших отношений с Россией, развивать экспортноориентированную модель у Украины просто не выйдет»* (Известия. Кот А. 26.02.2016).

Среди материалов газеты «Известия», затрагивающих тему экономической войны между Россией и Украиной, выделяются аналитические статьи бывшего главы Национального банка и вице-премьера Украины Сергея Арбузова, ныне подозреваемого в коррупционных преступлениях. Публикации посвящены макроэкономической аналитике ситуации на Украине.

Среди названий его публикаций: «Украину спасет дефолт», «Украине не убежать от российского газа», «Украина чувствует Европу (о запоздалом прозрении украинского бизнеса и граждан в вопросе о зоне свободной торговли с ЕС)», «Украина: крах экономики как состоявшийся факт». В них настойчиво проводится сравнение Украины с Грецией, говорится о полном развале экономики страны и ничего не дающей ассоциации с ЕС, а также преимуществах взаимодействия с Россией. Автор не приводит ни одного положительного факта о состоянии экономики Украины. Общую тематику публикаций можно свести к одной его цитате: *«Очевидная невозможность поправить экономическую ситуацию, непрофессионализм и неадекватность представителей власти и стали настоящей причиной очередного витка политического кризиса в стране»* (Известия. Арбузов С. 29.02.2016). Кроме того, эксперт делает акцент на том, что экономическое процветание Украины невозможно без прихода к власти *«политических сил, которые представляют разные регионы»* (там же) путем *«досрочных парламентских выборов с допуском к участию в них оппонентов нынешнего режима и формирование по их итогам правительства национального согласия»* (там же).

Таким образом, российское и украинское издания к освещению экономической войны между двумя странами, при общей схожести затрагиваемых тем, подходят с диаметрально противоположных позиций. Так, например, в вопросах транзита газа Россия в газете «Известия» показана как надежный, последовательный «игрок», который пытается сохранить покой и благосостояние Европы. В противовес ей Украина представлена как нестабильная и ненадежная, зависимая от внешних политэкономических сил страна. В то же время украинское издание «Зеркало недели» пишет о том, что Украина является полноценным и уважаемым партнером на газовом рынке. Одним из сдерживающих факторов для нее остаются «имперские» амбиции России, которая пытается пошатнуть позиции Украины в энергосистеме Европы.

Кроме того, российская газета «Известия» в сотрудничестве Украины с западными организациями видит экономическую и политическую несостоятельность украинского истеблишмента. Политические элиты Украины, по мнению «Известий» не самостоятельны в принимаемых решениях. Издание приводит безапелляционные высказывания политических деятелей, подтверждающих позицию российских властей в украинском вопросе. При этом, эти мнения преподносятся как аксиома, не требующая фактологического подтверждения.

Украинская же газета рассматривает сотрудничество с международными организациями исключительно с экономической точки зрения, как необходимую меру для урегулирования ситуации в стране. При этом, анализируя сложившиеся обстоятельства, рассматривая плюсы и минусы предлагаемых Западом реформ, издание опирается на разнообразные статистические данные. «Зеркало недели» Украине не рассматривает Россию как потенциального «донора» в контексте международной помощи. Также газета, оценивая возможную помощь, не сравнивает предлагаемые западными странами и Российской Федерацией варианты, оставляя на рассмотрение читателю только один из них. Анализируя пути выхода из кризиса, газета не видит в России дружественное государство.

Отражение процесса евроинтеграции Украины в обеих газетах сводится к двум диаметрально противоположным мнениям. В «Известиях» утверждается ее насильственный характер. Авторы издания настаивают на том, что слабая и неподготовленная экономика рухнет под давлением европейского капитала. Кроме того, в контексте российско-украинских отношений, отмечается незначительность потери украинского рынка для российской экономики, однако каких-либо цифр и фактов, подтверждающих это, крайне мало.

«Зеркало недели» видит насильственным процесс присоединения Украины к Таможенному союзу, неоднократно повторяя, что сама идея ТС и формы его воплощения являются политической фикцией, существующей лишь для того, чтобы подчинить Украину. В подтверждение плюсов зоны свободной торговли издание приводит статистику, отражающую преимущества ЗСТ перед

российским интеграционным проектом. Евроинтеграция рассматривается газетой как единственный возможный выход из экономического и политического кризиса. Как доказательство несостоятельности концепции Таможенного союза газета приводит пример «оккупированного» Крыма, прикрепляя в качестве фактологической базы статистические данные, указывающие на бедственное положение на полуострове.

Таким образом, несмотря на то, что это экономическая война проходит между двумя странами – Россией и Украиной – подробному анализу подвергается только Украина как в российском, так и в украинском СМИ. В контексте экономической войны проблемы, встающие перед Российской Федерацией, анализируются крайне редко. Стоит отметить, журналисты украинского издания в большей степени опираются на статистические данные, нежели авторы «Известий», которые рассматривают евроинтеграционные процессы скорее как политическую игру больших стран за сферы влияния в регионе.

Литература

- Абдуллаев Н.В., Багузова Н.А. 2014. Специфика ведения экономической войны. Власть. 2014. № 10. 72-79.
- Бобылов Ю.А. 2015. Экономические войны в свете экономической теории. Вестник ТГЭУ. 2015. № 2 (74). 104-116.
- Готовятся к выборам? 2015. Эксперт. 2015. № 13 (939).
- Савицкая А.С. 2009. Межгосударственный экономический конфликт в отражении российских деловых СМИ: Автореф. дис. ... канд. полит. наук : 10.01.10 [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. Санкт-Петербург. 2009.
- The press in Ukraine. BBC news. Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/4073375.stm> (accessed 4 June 2016).

УДК 070

**СТАТЬЯ «О ЧАЕ» (1732 г.) КАК НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ МЕДИАТЕКСТ
XVIII ВЕКА: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ¹⁹****ARTICLE "ABOUT TEA" (1732) AS A SCIENTIFIC POPULAR MEDIA TEXT OF THE
XVIIIth CENTURY: LINGUOSTYLISTIC FEATURES****А.А. Малышев
A.A. Malyshev***Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7**Saint-Petersburg State University,
7, Universitetskaya embankment, 199034, Saint-Petersburg, Russia**E-mail: malyshev.alexander@mail.ru*

Аннотация. В первой половине XVIII века потребление чая становится важной составной российской пищевой коды. В статье рассматриваются основные лингвостилистические особенности научно-популярной статьи «О чае» (1732 г.), в которой читателю в увлекательной форме изложения сообщались сведения об истории и традициях чаепития в европейском и мировом культурном контексте.

Abstract. In the first half of the XVIIIth century the consumption of tea becomes an important compound of the Russian food code. The article is devoted to the consideration of the main linguostylistic features of the popular scientific article "About the Tea" (1732) where the information about the history and traditions of tea drinking in the European and world cultural context was reported to the reader in a fascinating form of a statement.

Ключевые слова: медиалингвистика, историческая стилистика, культурно-просветительский медиадискурс.

Keywords: media linguistics, historical stylistics, cultural and educational media discourse.

К середине XVIII века в России в целом складывается основа культуры потребления чая (об этом см., например, в исследовании В. В. Похлебкина²⁰). Чай, в XVII веке пройдя путь от дипломатического подарка через полулекарственное достояние придворной жизни до неизменного элемента меню различных слоев общества, все чаще упоминается в XVIII веке в текстах художественных произведений, торговых документах и частных бумагах. Определенную роль в данном случае, конечно, сыграла мода на чаепития, возникшая при дворе и при содействии шумных петровских ассамблей быстро распространившаяся в обществе (на особую роль моды в формировании лингвокультурного облика эпохи указывал В. В. Виноградов²¹). Как отмечает К. А. Богданов, «для XVIII века – как, впрочем, и для любой другой эпохи – инокультурные заимствования, сопутствовавшие идеологическим, административным, экономическим преобразованиям, также были важны не только сами по себе, но и как маркеры символического порядка, результирующего и/или предвосхищающего обновления в коллективном умонастроении и социальном поведении»²².

В этой связи чай как окончательно утвердившийся в России напиток требовал определенного осмысления: как словарь с известной естественной задержкой фиксирует слово в определенном значении, так и культурный феномен с течением времени требует текстового обобщения имеющихся о нем знаний, фиксирующего его место в жизни социума. В 1732 г. в немецко-русском научно-популярном академическом журнале «Примечания к Ведомостям»

¹⁹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-34-01028 «Культурно-просветительский журналистский дискурс: ценности, коммуникативные интенции и речевые жанры».

²⁰ Похлебкин В. В. Чай: Его типы, свойства и употребление. М., 2001.

²¹ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. М., 1982. С. 68.

²² Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006. С. 50.

появилась статья «О чае»²³, в которой была предпринята попытка осмыслить историю чая как напитка и представить его историческое описание.

Статья начинается с типичного для «Примечаний» предуведомления о причинах ее написания: внешним информационным поводом послужило повышение в Лондоне цен на разные сорта чая. Вполне традиционным является и сообщение этимологии слова чай: *Имя Thee, или Чаи, есть Китайское, но оно особливого знака в Китайском языке не имеет<...>У Японцов чаи называется Tsjaa, от чего Русское слово Чаи без сомнения происходит*²⁴. Историческая принадлежность чая к китайской (в первую очередь) и японской культурам подчеркивается автором статьи с помощью модальных частиц и качественных прилагательных: *В сих только обеих землях, в Китае и Японе, прямо чаи родится; Достовернейшия известия получены были, что чаи особливо Китайское и Японское зелье есть*²⁵. Аналогичное мнение встречаем в комментарии к сатире «На зависть и гордость дворян злонаправных» Антиоха Кантемира: *Всем известно же, что лучший чай (пахучий и вкусный листок древа так называемого) приходит из Китая*. В середине века в журнале «Ежемесячные сочинения» (1755 г.) вновь акцентируется китайское происхождение чая: *Питие Китайской травы (чая) услаждается соком из тростки, которая растет в Индии*, о «китайской траве» говорится и в 1789 г. в журнале «Пересмешник» (ср. современное понимание черного чая как преимущественно индийского продукта, связанное с сокращением доли Китая в мировом экспорте чая).

Отметим при этом, что сам автор неоднократно определяет себя как европейца (в *наших Европейских странах; мы Европейцы* от чая еще ни когда так здорового действия как *Китаицы* не познали; в *Европе* такой же силы от него не чувствуют. Но причина того есть сия, первое что к нам только самой последний чай приходит), что неудивительно, поскольку авторами статей в «Примечаниях» были сотрудники Академии наук, прибывшие из Европы. В то же время использование притяжательного местоимения *наших* и личного местоимения *мы* при переводе позволяло европеизировать и русских читателей, тем самым приобщив их к европейской, т.е. обладавшей бóльшим статусом чайной культуре (ср. в журнале «Иппокрена» в 1799 г., когда пищевой код российского общества был уже немыслим без чая²⁶: *Вычислено, что в Великобритании больше пьют чаю, нежели во всей Европе, и на него там такой расход, что считают употребление его столь же нужным, как и самый хлеб*).

Обратим внимание на подробное описание внешнего вида чайного дерева: *Оно футов на шесть вышиною растет, корень имеет черный дереву подобный, разделяется на разные ветви, корку имеет сухую, тонкую и темнокаштанового цвета. Деревцо у онаго есть твердое, листья вишневого подобному, а цвет диким розам. На оном цветку родится великое множество плода, которые от болюи части из трех вместе срастшихся ягод состоит, величину против диких слив, а внутри одно зерно с семенем имеющих*²⁷. По мнению З. М. Петровой, в русской ботанической науке подобная детализация обыкновенно обусловлена желанием автора дать максимально точное описание растения, вызвать в сознании читателя наглядный образ²⁸. В данном случае отметим не только формальные указания на общие признаки (высота, цвет, свойства коры, строение плода), но и сравнения – как прямые (*дереву подобный, листья вишневого подобно, величина против диких слив, цвет<подобен>диким розам*), так и косвенное (*коркатемнокаштанового цвета*). В то же время чай неоднократно определяется автором статьи как *зелье*: в данном случае за этим словом стоит не вредящий жизни отвар, а понимание чая как травянистого растения или его листьев как травы.

Затем читателю предлагается описание ухода за чайными плантациями и технологии обработки собранного чая. С помощью системы словосочетаний с наречиями, качественными и относительными прилагательными, модальных частиц, однородных членов и отрицаний автор обращает особое внимание на тот факт, что в Китае это стало отдельной и трудоемкой профессией: *Употребляются к тому некоторые люди, которые особливо собрание своего ремесла между собою сочиняют. Они должны при сеи их работе зело скоро и проворно поступать, такожде и к тому подлинное искусство требуется, что листики один к другому бережно общипывать<...>Не всяк оное разумеет, или по последней мере не все к тому потребныя орудия имеет <...> Сидит один человек поджавши ноги, котороу сушоныя листочки, лишь только они с печи соидут, лодонью по тихоньку катает<...>листки с большею осторожностью*

²³ Примечания к Ведомостям. СПб., 1732. С. 165-180.

²⁴ Примечания, с. 166. Здесь и далее цитаты приводятся в упрощенной орфографии с сохранением правописания оригинала.

²⁵ Примечания, с. 166, 168.

²⁶ Так, например, в «Словаре языка Пушкина» слово чай встречается 48 раз, тогда как кофе (вместе с вариантом кофи/ей) – всего 18. Схожее соотношение наблюдается в языке Фонвизина, Крылова и др. авторов рубежа веков.

²⁷ Примечания, с. 168.

²⁸ Петрова З. М. Язык русской ботанической науки XVIII века // Очерки по исторической лексикологии русского языка. Памяти Ю. С. Сорокина. СПб., 1999. С. 50.

перемешиваются <...>Деревенские люди делают сие кратчайшим способом без всякаго дальнаго искусства<...>Приготовление чайных листиков очюнь скучно и трудно и т. п.²⁹

Противопоставление профессионального и народного способа обработки чайных листьев органично влечет за собой противопоставление разных родов чая в зависимости от качества листьев, времени года сбора, сортов, способа приготовления собственно чая и т. д. Среди прочего обращает на себя внимание сообщение цены за чай под названием Кеизер-Те (букв. нем. «императорский чай»): *Всякая такая чашка по одному Итзебо продается, что есть Японская четверугольная золотая монета, ценою рубли в полтретья. Сеи род чая, ради его драгоности, употребляется только при дворе*³⁰. Сопоставление японской и русской стоимости позволяло читателю судить об элитности данного чая – для сравнения отметим, что за такую цену (2,5 рубля) в конце века в Москве можно было купить пуд хорошего черного чая («Мос. ведомости», 1795, № 2). Зеленый же чай, считающийся в наше время качественно лучшим по сравнению с черным, *есть без сомнения из последнего и самого худшаго рода, которои в своей земле только от самых подлых людей употребляется*³¹ – здесь обратим внимание на двойное употребление превосходной степени качественных прилагательных, за счет чего зеленый чай низводится до уровня практически непотребного напитка.

Противопоставляются и способы приготовления чая: если обычно чайные листья настаивают на горячей воде, то японские «великие господа» пьют тщательно перемолотый и перемешанный в воде специальной ложечкой чай с пенкой, простолюдины же самым грубым образом варят листья в кипящей воде. Наконец, речь заходит и о выработке в Японии особых правил приличия и манер во время чайной церемонии, обучение которым подобно обучению европейской молодежи танцам и умению правильно есть.

Читателя, конечно, интересовал и производимый чаем физический эффект, т.е. влияние чая на самочувствие. Автор статьи является сторонником чаепитий и неоднократно упоминает о благотворном воздействии чая. Так, выступающий в качестве прецедентной личности легендарный принц Дарма, из ресниц которого выросли первые чайные кусты, попробовал их на вкус и почти сразу *почувствовал в себе особливую бодрость и радость и его душа новую силу получила*³². В то же время автор предостерегает читателей от употребления свежесобранных листьев: *Пока листики еще свежи и зелены, то они имеют в себе наркотическую, сонливую и так крепкую силу, от которой голова тот час закружится*³³. Положительные свойства чая подчеркиваются с помощью введения в текст медицинской терминологии: *Он все запоры в человеческом теле утоляет, кровь чистит, и вредныя материи, от которых камень, колотье, подагра, и сим подобныя раждаться могут, отводит*³⁴. Кроме того, чай входит в состав своеобразной чайно-мясной «диеты», способствующей укреплению организма: *Частое и многое его питье человеческое тело так же изнуряет, как чрезмерное употребление жирнаго кушанья, а особливо свинины, великим питанием много вреда учинить может. А когда обое сие вместе употребляется, тогда одно излишеству другаго препятствует; от чего делается, что Китаицы при многом употреблении свиного мяса и чая не только не немощны, но еще и очюнь здоровы находятся*³⁵. В текстах XVIII века мы обнаружим значительное количество примеров и советов употребления в лечебных целях как собственно чая различной концентрации³⁶, так и отваров на его основе (ромашковый чай, чай с мелиссой, с лимоном и др.) или же приготовляемых по схожему принципу травяных сборов.

Статья заканчивается практически открытым призывом пить чай, основанном на цитатах из сочинений европейских авторов, причем делается это в характерной для «Примечаний» манере утверждения на основании отрицания (декларирование отказа от чего-либо с подробным перечислением, от чего именно отказываются): *Понеже мы при сем случае чаи защищать должности не имеем; того ради мы везде от оных великих титулов воздержались, которые чаю обыкновенно придаются*<...>как Доктор Валдимит в известии о чае онои следующими шарлатанскими похвалами возносит: <...>*Пиште чаи госпожи, чтоб вы прежде времени не состарелись. Пиште чаи вы господа Политики, о отечестве добре советующие. Пиште чаи вы духовные особы, тело проповедями утруждающе. Пиште чаи господа Офицеры, понеже вы не*

²⁹ Примечания, с. 170-172.

³⁰ Примечания, с. 173.

³¹ Примечания, с. 174.

³² Примечания, с. 167.

³³ Примечания, с. 170. Слово *наркотический* 'дурманный, вызывающий сонливость', очевидно, впервые встречается в русском языке именно в этой статье как транслитерация нем. *narcotisch*, употребленного в немецком тексте «Примечаний».

³⁴ Примечания, с. 175.

³⁵ Примечания, 176.

³⁶ Автор рассматриваемой статьи считает, что крепким желудкам северных народов требуется насыщенный чай, тогда как слабому пищеварению азиатских народов вполне достаточно чая легкой и средней заварки. Позже

*знаете в которой час неприятель придет. Пьите чаи господа Докторы и пр. Пьите чаи вы господа Философы и пр. и пр.*³⁷ В данном случае устроенные по принципу синтаксического параллелизма восклицания Вальдшмидта хотя формально и признаются *шарлатанскими*, но все же приводятся. Для соблюдения умеренности при приобщении к потреблению чая приводится рассуждение Розена Лентилиа о чрезмерных тратах немцев на чай и сахар и бездумном следовании моде на китайские чайные сервизы и прочие элементы декора чайной церемонии (принцип противовеса).

В статье «О чае» впервые в отечественной научно-популярной журналистике было дано описание чая как растения и напитка. Общая установка автора статьи на информирование читателя органично сочетается с рассыпанными по тексту статьи более или менее явными рекомендациями стать потребителем чая. Самые общие сведения о чае, его происхождении и приготовлении читатели, конечно, получали из своего обиходного опыта, в статье же, с помощью различных стилистических приемов, им предлагалось увлекательное чтение, повышающее общий культурный уровень и привносящее нечто новое в уже сформированное отношение к чаю.

Кроме того, нельзя не отметить произошедшую лингвокультурологическую трансформацию отдельных аспектов восприятия чая в России: как его происхождения (от сугубо китайской традиции выращивания, позже объединенной с японской, к преимущественно индийской в советское и постсоветское время), так и самой традиции чаепития как приятного времяпрепровождения (зеленый чай, прежде считавшийся атрибутом бедняков, к XXI в. переосмысливается в качестве изысканного и полезного напитка, свидетельствующего об утонченности вкуса пьющего).

³⁷ Примечания, с. 178-179.

УДК 316.77; 070

**МЕДИАКРИТИКА И КИНОКРИТИКА: АСПЕКТЫ МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ
И КОММУНИКАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ****MEDIA CRITICISM AND CINEMA CRITICISM: THE BRINKS OF MEDIA
EDUCATION AND MODERN COMMUNICATION CULTURE****Ю.В. Маркина
Y.V. Markina***Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС)**E-mail: yulia_markina@list.ru*

Аннотация. В статье рассматривается феномен медиа- и кинокритики как образовательно-ориентирующей сферы журналистики, оценивающей современный медиаконтент и осмысливающей социальное функционирование средств массовой коммуникации. Благодаря медиакритике значительные и актуальные вопросы социального функционирования средств массовой коммуникации обсуждаются не только в узком кругу специалистов. В связи с этим в последнее время усиливается интерес медиаисследователей к комплексному изучению экранной культуры.

Abstract. The article deals with the phenomenon of media and film critics as the educational and orienting field of journalism, that evaluates media content and interprets modern social functioning of the mass media. Due to the critical elements the substantial and important issues of the social functioning of mass media have been discussing not only in the narrow circle of experts of the communications. In this regard, recently has been growing interest of researchers to a comprehensive media screen culture study.

Ключевые слова: медиаобразование, медийная грамотность, медиакритика, кинокритика, коммуникационная культура.

Keywords: media education, media literacy, media criticism, cinema criticism, communication culture.

Культура, как известно, существует, развивается, передается и постигается посредством коммуникации. Коммуникация является не только культурным и социальным атрибутом человеческой жизни, но и основным механизмом как внешнего, так и внутреннего существования личности. С появлением новых средств коммуникации меняются формы создания, хранения и распространения информации. Центральное место в каждой культуре занимает текст особого рода: устный, письменный, печатный или электронный. Именно текст выполняет в культуре смыслообразующую роль, формируя, по МакЛюэну, характер общества. Идеи о влиянии средств коммуникации на культуру получили дальнейшее развитие в трудах Г.М. Маклюэна Л.П. Вирилио, Т. Адорно, Г. Маркузе, Ж. Делеза, Р.К. Мертон, А. Моля, Э. Фромма и других, которые предприняли попытку критической оценки современной эпохи и писали о разрушительном воздействии средств массовой информации на личность и общество.

«Осмысление коммуникационных процессов, происходящих в постиндустриальном обществе, неразрывно связано с позитивным и негативным контекстом современной культуры. Развитие личности и общества в целом находится в современном мире под возрастающим влиянием средств массовой коммуникации, что, в свою очередь, диктует необходимость поиска социокультурных механизмов, способствующих гармонизации данного процесса» [1].

В жизни людей всего мира роль и значение информации постоянно растет. Происходит трансформация межгосударственных отношений, способов производства, мировоззрения людей. В научной среде все чаще используются такие понятия, как «информационные технологии», «информация», «информатизация», «информационная инфраструктура», «информационный рынок», «информационные ресурсы», «информационные корпорации» (или медиакорпорации), «информационные процессы» и т.п. Все больше времени современные молодые люди проводят в Интернете, в социальных сетях, смотрят развлекательные телепрограммы, сайты с видеоиграми. Возникают интегрированные коммуникативные системы, налицо переплетение различных носителей информации – печатных, аудиальных, визуальных. Таким образом, возрастает объем коммуникативных процессов, вытесняющих традиционные информационно-пропагандистские способы влияния на массы.

Сегодня можно наблюдать, как происходит информационное воздействие мировых СМИ на отдельные общества государств и регионов мира. Они оказывают сильное информационно-идеологическое воздействие на общественное сознание, на самоидентификацию наций, что в свою очередь, может повлиять на безопасность государств в целом. Мировые новостные телесети, крупные зарубежные печатные и интернет-издания формируют международное общественное мнение, создавая информационные повестки дня и формируя приоритеты происходящих в мире событий. Многие как отечественные, так и зарубежные исследователи убеждены, что фактически в формировании мирового общественного мнения значительную роль играют монополисты информационного пространства, владельцы финансово-информационных конгломератов, влиятельные участники международных отношений. Поэтому зачастую международное общественное мнение - это скорее искусственно сконструированный инструмент наиболее заинтересованных экономически развитых держав [2, с. 110].

Действительно, средства массовой коммуникации могут способствовать позитивному развитию человека, но в то же время и опустошению - духовному, нравственному, эстетическому кризису личности. Засилье низкопробной в содержательном отношении продукции кино- и видеорынка, постоянно присутствующие сцены насилия требуют усилить внимание воспитанию медийными средствами, развивать познавательные интересы, художественное восприятие и творческие способности аудитории. Вместе с тем массмедиа в целом воспринимаются как естественные и создают вокруг каждого из нас особое информационное поле, под воздействием которого непрерывно формируются социальные, моральные, художественные, интеллектуальные ценности и интересы.

В связи с этим, как справедливо отмечает А.В. Федоров, тема медиаобразования и медиакомпетентности граждан становится все более актуальной, так как развитие медиаграмотного населения — это действенное эффективное средство против манипуляций с помощью средств массовой коммуникации и информационных войн [3, с. 136].

В последнее время наметилась положительная тенденция - синтез медиаобразования и медиакритики (анализирующей конкретные медиатексты и актуальные проблемы функционирования средств массовой информации в социуме). Именно медиакритика (в прессе и Интернете), обращенная не только к медиапрофессионалам, но и к широкой аудитории, призвана осуществить медиапросвещение самых широких слоев общества. К сожалению, «огромное значение средств массовой информации в жизни нынешнего российского общества парадоксальным образом сочетается с относительной неразвитостью отечественной медиакритики, тогда как она (рассматриваемая как особая область журналистики) призвана анализировать актуальные творческие, профессионально-этические, правовые, экономические и технологические аспекты информационного производства в СМИ» [4, с.87].

Медиакритика способна оказывать существенное влияние на процессы создания медийного контента и его потребления. Так, положительные отзывы кинокритиков в зарубежных авторитетных изданиях реально повышают интерес аудитории к фильмам, выходящим в прокат, и, в свою очередь, нелестные рецензии отзывы в средствах массовой информации неблагоприятное влияние на кассовый успех кинофильмов» [5, p.852].

Медиакритика объектом изучения отечественной журналистской науки стала совсем недавно, в начале 2000-х годов, когда в Санкт-Петербургском университете А.П. Короченский защитил докторскую диссертацию, в которой медиакритика в журналистских текстах рассматривалась как «оперативное оценочное познание социального функционирования средств массовой информации» [6, с.12]. Актуальность изучения данного феномена обусловлена необходимостью научного осмысления медийной критики как одной из составляющих медиаобразования общества. Однако предмет медиакритики внутри самой системы медиаобразования трактуется широко и включает в себя не только сферу деятельности СМИ, но и область кинематографа. Критика способствует осмыслению этических, идейных профессиональных и других социально-нормативных систем, регулирующих социальную деятельность, включая такую творческую область, как кино, представляющее собой средство.

Итак, медийная критика - это сфера творчества, которая оценивает и анализирует медийный продукт. Предметом медиакритики может быть форма, содержание информационного продукта, а также его значение, влияние на аудиторию, взаимодействие с ней. Медиакритика коррелирует с социальной публицистикой, эссеистикой, с критикой различных родов искусства.

Традиционно выделяют три разновидности медиакритики: академическую (научно-экспертную), профессиональную и массовую. Академическая медиакритика - это оценочное исследование массмедийных процессов, опирающееся на использование научных методов и приемов и адресованное как ученым, так и журналистам. Профессиональная медиакритика - это своего рода профессиональная рефлексия, журналистская самокритика, способствующая совершенствованию мастерства медийщиков, осмыслению профессиональных норм и ценностей. Массовая медиакритика адресована широкой аудитории и может рассматриваться в рамках медиаобразования общества. Такого рода журналистские критические тексты должны просвещать

читателя, зрителя, слушателя, должны помогать человеку самостоятельно интерпретировать медиатексты, «выбирать наиболее подходящие каналы и форматы коммуникации, осуществляя тем самым на практике право на свободу самовыражения и информацию [7, с. 60].

Задачи медиакритиков – развивать у аудитории способность мыслить, оценивать, интерпретировать медиатексты, фильтровать и систематизировать информацию, содействовать культурно-ценностной ориентации общества в лавине информации, обрушивающуюся на современного медиапользователя.

Информационный бум, ставший реальностью российского общества, привел, с одной стороны, к включению России в глобальное информационное пространство, являющееся одним из важнейших компонентов современной цивилизации, а с другой – стал одним из важнейших факторов в формировании личностных характеристик молодого человека, среди которых немалую роль играют эстетические представления и ценности. С первых лет своей жизни индивид попадает в информационное поле, создаваемое сетью массовых коммуникаций. В этой связи усиливается роль медийной грамотности, которая включает в себя не только умение пользоваться поисковыми системами и находить нужную и полезную информацию, но и способность отличить добросовестные и вызывающие доверие источники информации от недобросовестных.

В современных условиях взаимовлияния и взаимозависимости разнородных СМИ, в условиях появления технических возможностей свободных публикаций в интернет-ресурсах, позволивших свободно размещать контент любому пользователю, усиливается объективная необходимость изучения критико-журналистских специализаций – теле-радио критики, критики периодической печати, критики интернет-коммуникаций.

По мнению А.В. Федорова, профессиональные журналисты-медиакритики долгое время имели влияние «на выражение (а порой и навязывание) своих (или транслируемых через них) мнений. Однако с появлением интернета многие независимые блогеры, как новые медиакритики, стали чаще обращать внимание на структурные и системные проблемы традиционной журналистики, отмечая:

- зависимость от политической и экономической системы;
- неточность, а порой и недостоверность информации;
- умалчивание, ложь в подаче информации, искажение или исключение из основных медийных сообщений некоторых социальных движений и групп» [8, с.75].

Отечественный исследователь Р.П.Баканов, называя подобные непрофессиональные выступления «гражданской медиакритикой» считает, что в них отсутствует убедительность, эффективность и публицистичность, присущие качественной медиакритике [9, с.50]. На наш взгляд, некорректно относить непрофессиональные публикации в интернете к явлению медиакритики. Однако, подобная «гражданская медиакритика», по мнению исследователей, «обладая просветительским и образовательным потенциалом может вполне служить «тренировочной площадкой» для обретения навыков осознанного наблюдения, аргументированной оценки, выражения самостоятельной позиции любым зрителем или читателем СМИ» [10, с.418].

Одной из важных задач медиакритики является формирование у аудитории культуры общения со средствами массовой информации, а следовательно – мониторинг их редакционной политики. К сожалению, сейчас профессиональная аналитическая медиакритика, точнее телекритика, представлена в основном в качественных изданиях, например в «Российской газете» (в лице Юрия Богомолова), в профессионально-специализированном издании «Журналист» (рубрику ведет Анри Варганов), в «Новой газете» (Ирина Петровская, Светлана Тарощина), - где всесторонне анализируются передачи и выявляются тенденции современного телевидения и имеющиеся проблемы.

Медийная критика, как считает А.П.Короченский, предполагает «конструктивное сомнение, критическое суждение, проверку на истинность через соотнесение с критериями рациональности и с практикой, осуществляемой определением ценности накопленных человечеством и приобретаемых им новых знаний. Благодаря критике обеспечивается испытание текущей ценности исторического культурного опыта через его проверку на адекватность развивающейся общественной практике, на соответствие определенным социальным и культурным идеалам и нормативам, сложившимся на данном этапе развития общества» [11, с.205].

Влияние телевидения на многие аспекты повседневности, в частности на формирование эстетических вкусов и представлений, определяется во многом тем, что в отличие от других видов видеокультуры оно представляет собой часть домашней обстановки; (в этом оно гораздо ближе к радио, чем кино). Наиболее сильный эффект телевидения – это сам факт его существования, его всегда доступное, главенствующее, ставшее привычным присутствие в каждом доме, его способность свести сотни миллионов граждан до уровня пассивных зрителей в течение большей части их жизни. Через видеокультуру внедряются ценности и модели поведения, взаимное влияние структур видеокультуры и доминирующих ценностей молодежной среды.

Современное отечественное телевидение является объектом жесткой медиакритики. Анализируя влияние телевидения на культурные ценности, на духовную жизнь, на эстетический мир современной российской молодежи, медиаэксперты выделяют следующее: резко снизилось количество образовательных программ, происходит перенасыщение развлекательной продукцией, все большее значение приобретают ценности благосостояния и потребления. Следовательно, уровень духовности низок у значительной части молодых людей, в то время как преобладает ориентация на материальные ценности. На многих молодежных каналах (МузТВ, MTV, ТНТ) интервьюеры нередко демонстрируют разнузданность, намеренное употребление жаргонной лексики, фамильярность ради популярности у аудитории.

Современный кинематограф можно отнести не только к сфере искусства, но и области СМК и рассматривать его как одно из средств информационно-психологического воздействия на человека или «мягкой силы». Кино, оказывая мощное воздействие на умы и сердца людей, формирует закономерности культурно-исторического и социально-психологического плана. В кинематографе, по словам Зигфрида Кракауэра, отражаются «глубокие пласты коллективной души» [12]. Произведения киноискусства оказываются тесно связанными с широким социокультурным контекстом, который его порождает. Соответственно в области аудиовизуального контента кинокритика, анализируя и оценивая различного рода аспекты функционирования кинематографа в социуме, берет на себя функции медиакритики.

В XXI веке «от осмысленного повествования кино уходит к истокам, в сторону «веселых картинок», которые призваны оторвать зрителя от реальности» [13, с.112]. Современному социальному большинству, по мнению многих исследователей, присущи безыдейность и безнравственность, культ материальных ценностей, и в данном случае кинематограф может стать репрезентацией самопознания и самосовершенствования.

Задача отечественной медийной и кинокритики заставить средства массовой информации выполнять свои первостепенные функции – в том числе, просвещение и образование молодой аудитории и тем самым остановить падение нравственного уровня молодежи. Молодые (20-25-летние) люди сегодняшнего дня – это именно то поколение трудных 1990-х годов, которое выросло в условиях, когда в стране усилилась духовная деградация общества. Это поколение выросло на низкопробной американской видеопродукции. Однако сегодня совершенствование личности вовсе не является для кино приоритетной задачей. Средства массовых телекоммуникаций обязаны вносить гораздо больше в духовное воспитание нации.

Ярким примером глобального распространения американской экранной культуры можно назвать киноиндустрию Голливуда, которая, на наш взгляд, также представляет собой социально-культурный институт, отражающий показательные тенденции в обществе и оказывающий влияние на состояние умов. Кинокомпании США «Warner Brothers», «Twentieth Century Fox», «Paramount Pictures», «Walt Disney», «Columbia Pictures», принадлежащие транснациональным медиакорпорациям «News Corporation», «Time Warner», «Walt Disney Company», «Viacom International» соответственно «тратят на производство фильмов до 10 млрд. долларов, выпуская в массовый прокат около 700 картин ежегодно. Столько же кинокартин при более скромных затратах снимают все европейские страны. Доля американских фильмов в кинопрокате на данный момент составляют 85%, а, например, в Бразилии, Великобритании, Аргентине, Египте – 100%.

Кинематограф остается важной составляющей американской публичной дипломатии. «В разные исторические периоды ряд внешнеполитических ведомств США (Государственный департамент, в частности, Бюро по вопросам образования и культуры, Информационное Агентство США, Бюро военной информации) проводили программы по использованию кино с целью создания за рубежом позитивного образа США» [14, с.52]. Практически для всех американских кинофильмов в определенной степени характерно формирование образа Соединенных Штатов как носителя исключительной миссии по спасению всего человечества, как страны-освободительницы.

Тем не менее, следует отметить, что сохранность своей культурной идентичности в глобализирующемся мире зависит от желания и способности конкретного государства. В качестве положительного примера можно привести Францию – страна, которая усиленно охраняет свои культурные традиции. Французское правительство предпринимает определенные меры противодействия американизации своей национальной культурной сферы. Например, иностранные фильмы, демонстрируемые в кинотеатрах и на телевидении, составляют не более 50% от общего кинопроката в стране [15, с.10].

В современных условиях усиления экономических подходов к развитию массмедиа в российской медиакритике не стихает дискуссия о плюсах и минусах экономического развития медиасферы. Речь идет о «практике редакционно-издательского маркетинга, о его результатах и последствиях, включая влияние на содержание и способы презентации информации, на представления о нормативности профессиональной деятельности журналистов и на квалификационные требования к ним» [16, с.7].

По замечанию В.В. Тулузова, российская теория и практика журналистики еще только «должна пережить стадию выявления специфики редакционно-издательского маркетинга

(менеджмента), описания и обобщения удачных опытов применения его методов, позволяющих создавать эффективные методики» [17, с.8]. Между тем востребованность маркетинговых технологий в условиях новейших изменений на информационном рынке продолжает расти. Но их разработка и внедрение сопряжены с рядом трудностей: нестабильность социально-экономической и политической ситуации, незавершенность процессов реформирования общества (в том числе, идеологических), отсутствие опыта работы в условиях рыночной экономики, кадровая проблема. Современные технологические и сущностные процессы, происходящие в мире, видоизменяют многие традиционно сложившиеся формы существования журналистики и ставят перед журналистами новые требования. И сегодня профессиональное сообщество российских журналистов находится в состоянии поиска, уточнения своего предназначения, выработки новых форм и методов работы. И одной из серьезных задач современного журналистского образования является развитие навыков профессионального критического мышления своих и чужих текстов, поиск новой актуальной информации и вписывания этой информации в известный социальный порядок с помощью речевых приемов и средств, осмысливание своего социального и профессионального опыта - что и входит в поле зрения медиакритики.

Резюмируя вышесказанное отметим, что отличительное свойство медиа- и кинокритики является обращение к современной медийной практике, реагирование на аспекты контента средств массовой коммуникации. Медиа и кинокритика призваны оказывать ориентирующее воздействие на общественное мнение. Критическому анализу подвергается и формальный аспект воплощения медийного содержания, который является продуктом деятельности журналистов и других творческих работников, а также репродуктивного воспроизведения в средствах массовой информации творческих работ (музыкальных произведений, кинофильмов и т.д.), созданных вне медийных организаций. Медийная критика представляет собой единый комплексный, системный феномен. В современных условиях усиливается взаимовлияние и взаимозависимость разнородных средств массовой информации, которые действуют в системе, образуют единый социальный институт. В силу этого существуют объективная основа и необходимость изучения в рамках единого явления медиакритики деятельность критиков СМИ, представляющих различные критико-журналистские специализации, включая кинокритиков, реагирующих на медийное воспроизведение кинофильмов на экране кинотеатров, ТВ и через компьютерные сети.

Литература

- Тормошева В.С. Коммуникативный аспект современной культуры. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/135>
- Крикунова В.В. Мировые СМИ – инструмент политического влияния // Обозреватель. – 2012. – № 4. – С. 101 – 108.
- Федоров А.В. Медиаобразование, медиаграмотность, медиакритика и медиакультура // Высшее образование в России. – 2006. – № 5. – С. 134-138.
- Федоров А.В. Медиаобразование: вчера и сегодня. М.: Изд-во МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех». – 2009. – 234 с.
- Vos, T.P, Craft, S. and Ashley, S. (2012). New media, old criticism: Bloggers' press criticism and the journalistic field. Journalism. - N 13. - pp. 850-868.
- Короченский А.П. Медиакритика в теории и практике журналистики: автореферат дисс. ...на д. филол.н. – СПб., 2003.
- Короченский А.П. Медиакритика и система медиаобразования // Медиаобразование и медиакомпетентность: слово экспертам. Таганрог. – 2009. –С. 58-69.
- Федоров А.В. Медиаобразование и медиакритика: новый поворот? // Дистанционное и виртуальное обучение. – 2015. – № 4. – С.73-80.
- Баканов Р.П. Российская медиакритика: учителя есть, школы нет // Журналистский ежегодник. – № 2 (1). – 2013. – С. 49-52.
- Бейненсон В.А. Современная медиакритика: проблема взаимосвязи теории и практики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – № 2 (2). – 2014. – С. 418 – 421.
- Короченский А.П. Медиакритика как оценочное познание социального функционирования СМИ // Научные ведомости Белгородского государственного университета. -№ 18. том 7. – 2010. – С. 204 – 208.
- Кракауэр Э. Природа фильма: Реабилитация физической реальности. Theory of Film. The Redemption of Physical Reality / Сокращенный перевод с английского Д. Ф. Соколовой. – М.: Искусство, 1974.
- Запрудин А.Г. Кино: искусство или техника? // Вестник тюменского государственного университета. - № 10. – 2012. – С. 110-114.
- Антонова И.А. Российско-американские отношения в сфере кино в первые послевоенные годы // Клио. Научный журнал. – СПб. – № 4 (64). – 2012. – С. 52-60.
- Кулаков А.В. Политическая и культурная глобализация: два измерения многомерного процесса. Часть 2. Социокультурное пространство глобализации // Пространство и Время. – 2011. – № 2(4). – С. 8-18.
- Фатымина В.Д. Усиление экономических аспектов функционирования ежедневных газет ФРГ как дискуссионная проблема германской журналистской науки и медиакритики: 1990-2005 гг.: автореферат диссертации... канд. филол. н.: 10.01.10. – Воронеж, 2005. – 26 с.
- Тулупов В.В. Дизайн и реклама в системе маркетинга российской газеты. Воронеж, 2000. – С. 8.

УДК 791.63-051(477)"192"

**ТВОРЧЕСКИЕ РАБОТНИКИ РСФСР В УКРАИНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ
1920-х ГОДОВ****CREATIVE WORKERS OF THE RSFSR IN THE UKRAINIAN CINEMA OF THE
1920S****В.Н. Миславский
V.N. Mislavskij***Харьковская государственная академия культуры,
Украина, г. Харьков, 61000, Бурсацкий спуск, 4**Kharkov State Academy of Culture,
Ukraine, Kharkov, 61000, Bursatsky descent, 4**E-mail: cinema2@mail.ru*

Аннотация. В статье на материале широкой базы малоизвестных публикаций в украинской и российской прессе 1922–1930-х гг. впервые освещается политика Всеукраинского кино-фото управления (ВУФКУ) в формировании штата творческих киноработников на этапе становления украинского кино в указанный период. Анализируются различные формы деятельности киноведства, направленные на максимально эффективное развертывание кинопроизводства в реалиях новой экономической политики. Также в статье рассмотрены негативные и позитивные последствия развития украинского кино, связанные с привлечением ВУФКУ в кинопроцесс кинематографистов РСФСР.

Abstract. The article on the material of a broad base of little-known publications in Ukrainian and Russian media in 1922–1930 for the first time highlights the policy of All-Ukrainian Photo and Cinema Administration (VUFKU), the formation of the state of creative film workers in a developing Ukrainian cinema in the abovementioned. The various forms of activity cinema departments aimed at the most efficient deployment of filmmaking in the realities of the new economic policy. The article also addresses the positive and negative consequences of the development of Ukrainian cinema, associated with the involvement of the VUFKU in filmmaking RSFSR filmmakers.

Ключевые слова: история кино, СССР, РСФСР, ВУФКУ, кинопромышленность.

Keywords: film history, the USSR, the RSFSR, VUFKU, motion picture industry.

Введение

Малоизученной страницей в истории украинского кино по-прежнему остается процесс формирования штата творческих киноработников и его влияние на развитие украинского киноискусства. Особенно ощутимы «белые пятна» в отношении 1920–1930-х гг., хотя об украинском кинематографе этого периода написано немало.

Анализ научной литературы показал, что кадровая политика на Украине осталась за рамками научных интересов историков кино. В украинском киноведении советского периода сложилась традиция исследовать и трактовать историю отечественного кино исключительно как историю киноискусства. Такой подход хотя и правомерен, но в значительной степени односторонний. Также в советском киноведении кинематограф рассматривался как элемент партийной пропаганды, то есть исследовалась пропагандистско-тематическая основа фильмов.

Современные историки украинского кино получили возможность работать с архивными документами в закрытых ранее фондах. Но и авторы современных исследований по истории кино, в разных аспектах рассматривавшие кинематограф, специфику кадрового вопроса в украинском кинематографе в 1920-е гг. в своих работах практически не затронули. Поэтому внимание к проблеме формирования кадров киноработников в указанный период является актуальным и направлено прежде всего на заполнение очевидных лакунов в истории украинского кино.

Цель данной статьи – исследовать некоторые аспекты формирования Всеукраинским фотокино управлением (ВУФКУ) штата кинематографистов как отдельного направления государственной политики Украины в 1920 гг. в области кинематографа, а также факторы, повлиявшие на этот процесс.

Основная часть

Когда на Украине окончательно утвердилась советская власть, свою работу Всеукраинское фото-кино управление (ВУФКУ) начало с «собираения» всего кинодела Украины под единое руководство, налаживания работы кинопроката, кинотеатров и кинофабрик. Но, как выяснилось, для организации собственного кинопроизводства отсутствовало необходимое сырье (киноплёнка, химикалии), кинооборудование. Состояние бывших павильонов Д. Харитонов в Одессе, а также И. Ермольева и А. Ханжонкова в Ялте оказалось удручающим – разграбленное оборудование, полуразрушенные помещения. Но, главное, на Украине не было творческих сил, способных наладить процесс кинопроизводства (подавляющая часть киноработников покинула Украину в годы гражданской войны); выяснилось, что новой власти, по едкому замечанию театрального критика И. Туркельтауба, достались «одни художественные огрызки» [37].

В сложившейся ситуации руководство ВУФКУ приняло решение приглашать на работу киноспециалистов с дореволюционным стажем из Москвы, а в некоторых случаях – и из Берлина и Парижа. Таким образом, большинство режиссеров, операторов, художников и актеров, работавших в тот период на Украине, были россияне, по тем или иным причинам не сумевшие найти свое место в московских киноорганизациях. Поэтому 1922–1923 годы можно охарактеризовать как период производства российских фильмов на Украине.

«Мы не остановимся перед затратами средств и примем все меры к тому, чтобы лучших артистов киноэкрана, находящихся за границей, вернуть в Ялту, – отмечал председатель правления ВУФКУ В. Прокофьев. – Тем более что предложения от них мы уже получили» [41].

Переговоры о сотрудничестве с ВУФКУ велись также с самыми яркими представителями русского дореволюционного кино – режиссерами В. Гардиным, П. Чардыниным, Я. Протазановым.

К первым съемкам игровых фильмов ВУФКУ приступило в Крыму в бывшем павильоне И. Ермольева. Возглавил съемки В. Гардин. В них приняли участие оператор Б. Завелев, художник В. Егоров, актеры З. Баранцевич, И. Таланов и О. Фрелих [14; 4]. Позже для работы был приглашен и оператор Л. Форестье [3]. По сообщениям прессы, ВУФКУ планировало осуществить постановки «Ста процентов американской крови», в сериях по еще не переведенному роману Э. Синклера, «Железной пяты» по Д. Лондону и «Красной маски» по Э. По. «Таким образом, то о чем до сих пор могли лишь мечтать даже в среде русской кинематографии – в Москве, выведено из области проектов и вскоре получают жизнь первые художественные картины советского производства», – отмечал обозреватель «Театральной Москвы» [14].

Параллельно разворачивались работы и на Одесской кинофабрике ВУФКУ. В это время в штат кинофабрики входили художник И. Суворов, актер Н. Салтыков, кинооператоры Е. Славинский, Л. Форестье и ряд других [32].

К концу 1922 года костяк московской киногруппы дополнили актриса Московского Академического театра В. Валецкая и В. Максимов. Также продолжались переговоры с русскими киноработниками за рубежом – И. Мозжухиным, Н. Лисенко, В. Гайдаровым, О. Гзовской и режиссером Я. Протазановым [42; 19].

Таким образом, в российскую киногруппу входили В. Гардин, В. Егоров, Б. Завелев, З. Баранцевич, О. Фрелих, И. Таланов, а также группа вспомогательных актеров, среди которых были В. Колпашников, Абрамова, Л. Негри и др. [21]. Что касается электротехников, машинистов, реквизиторов-бутафоров, плотников и т.д., то это были опытные специалисты, техники и рабочие, которые раньше долгое время работали на фабриках И. Ермольева и А. Ханжонкова.

За два года работы в ВУФКУ (1922–1924) В. Гардин поставил восемь фильмов. Многие из них не поднялись до уровня значительных художественных явлений. И все же деятельность Гардина оказала, безусловно, положительное влияние на развитие украинской советской кинематографии. Он принес на производство свой богатый художественный и технологический опыт, умение организовывать съемки четко и продуктивно.

В середине января 1923 г. представители ВУФКУ приехали в Москву. Одной из целей поездки являлся подбор сценариев и приглашение киноработников на Украину. Для дальнейшей киноработы из москвичей были вновь приглашены З. Баранцевич, В. Гардин, В. Егоров, Б. Завелев, О. Фрелих, В. Валецкая, А. Ребикова, И. Худолеев [22; 23], операторы Е. Славинский и Л. Форестье. Параллельно велись переговоры с режиссером И. Перестиани, актерами В. Максимовым и К. Хохловым [18; 15]. Сценарии в Москве были заказаны В. Маяковскому, С. Глаголю, Е. Зозуле, В. Туркину и П. Новикову [13].

Также ВУФКУ вело переговоры с московской еврейской художественной студией о приезде коллектива в Одессу для съемки картины по пьесе «Гадибук» [45]. Весной 1923 года в Украину приехали для работы на Одесской кинофабрике опытный профессионал – режиссер П. Чардынин, операторы Е. Славинский и Б. Завелев, художник В. Егоров [2], актеры: А. Ребикова, В. Валецкая, Н. Панов, И. Худолеев, С. Кузнецов [39; 38; 43; 44]. О приезде П. Чардынина неоднократно сообщалось в прессе с начала декабря 1922 г. в связи с предполагаемой работой режиссера в

компании «Елин, Задорожный и К°». Весной П. Чардынин приехал в Крым, но фирма к этому времени уже свернула свою кинопроизводственную деятельность, и режиссер был приглашен ВУФКУ на Одесскую кинофабрику, где поставил 17 картин.

В 1923 г. было принято и новое правление ВУФКУ [11]. Смена руководства была продиктована неудовлетворительной работой прежнего правления, его открытым курсом на коммерциализацию кинопроизводства и недостаточную идейную и пропагандистскую составляющую кинокартин. Об этом было заявлено на Всеукраинском совещании завгубполитпросвета, проходившем с 7 по 12 мая 1923 года. На совещании «в целях выпрямления идеологической линии ВУФКУ» была принята резолюция, согласно которой решено было ходатайствовать перед ЦК КП(б)У о пополнении ВУФКУ и его отделов партработниками [33, с. 310]. Как вспоминал П. Нечес, «новому управлению ВУФКУ во главе с З. Хелмно достались от старого управления долги, обшарпанные кинотеатры и пустота на полках проката» [29]. В своем докладе З. Хелмно отмечал, что в связи с плохой работой в области операционной деятельности к 1 ноября 1923 года ВУФКУ оказалось тяжелейшем финансовом положении. Также чиновник подчеркивал, что в деле производства советских фильмов предыдущее правление не использовала все имеющиеся возможности для налаживания работы по созданию сценариев и привлечению к работе квалифицированных творческих работников [10]. Но прошло некоторое время, и «от хаоса, который увидел здесь Хелмно в начале своей деятельности главы управления ВУФКУ, не осталось и следа» [29]. Хелмно начал выстраивать четкую структуру ВУФКУ, лично занимаясь хозяйственными и административными делами.

К концу 1923 года основной состав российской киногоруппы ВУФКУ оставался практически неизменным. Режиссеры – В. Гардин и П. Чардынин. Операторы – Б. Завелев, Л. Форестье, Е. Славинский, Г. Дробин. Художники – И. Суворов и В. Егоров. Актеры: З. Баранцевич, И. Таланов, В. Максимов, Н. Салтыков, Н. Панов, И. Худолеев, О. Фрелих и др. [16].

В 1924 году практически все кинопроизводство концентрируется на Одесской кинофабрике. Благодаря Хелмно на Одесской кинофабрике с целью улучшения качества репертуара был создан штат сценаристов и редакторов, среди которых были украинские писатели из влиятельных литературных группировок «Гарт» и «Плут» – Ю. Яновский, М. Бажан, М. Семенко. По инициативе З. Хелмно в Одессу были приглашены известные театральные режиссеры – Л. Курбас и М. Терещенко.

Хелмно полагал, что именно не имеющие опыта работы в кино, но творчески интересные театральные режиссеры обеспечат хорошее качество украинских фильмов: «Чтобы добиться этого, надо, прежде всего, разрешить вопрос о подборе соответствующего кадра работников, главным образом режиссеров и опытных операторов (помощников). Что касается режиссеров, то нам кажется, что мы должны привлекать к работе молодых, уже проявивших себя в театральной деятельности режиссеров, хотя бы и неопытных еще в области производства кинофильм. Мы считаем, что совместная творческая работа молодого, но способного кинорежиссера с опытным оператором, в крайнем случае, угрожает выпуском слабой в техническом отношении картины, но зато даст надежду ставить хорошие картины в дальнейшем, благодаря притоку свежих режиссерских сил. Работа старых режиссеров гарантирует нам хорошее техническое выполнение картины, но не дает никакой уверенности, что эти картины будут нас удовлетворять своим внутренним содержанием. Объясняется это, главным образом, тем, что старые работники кино прошли длительный путь в старых промышленных кинофирмах и всосали кровь и плоть несерьезного, иногда даже презрительного отношения к художественным требованиям, которые мы теперь предъявляем к картине» [42].

С ноября 1925 г. директором Одесской кинофабрики назначается бывший кадровый военный, с 1922 г. работавший заместителем директора Ялтинской и Одесской кинофабрик П. Нечес. Из Москвы приглашается художник с дореволюционным стажем А. Уткин. Теперь в меньшей степени руководство ориентируется на привлечение киноспецов из Москвы. Приглашение на работу получили лишь режиссер П. Сазонов – в прошлом следователь, театральный режиссер Б. Глаголин [47; 1], режиссер В. Висковский [47], который так и не приступил к работе, оператор Д. Сода [12].

В 1926 году ВУФКУ резко наращивает темпы кинопроизводства, количество выпущенных игровых картин увеличилось втрое и составило 23. Соответственно, увеличился и штат творческих киноработников. И поскольку, по мнению руководства ВУФКУ, на Украине не было своих достойных киноспециалистов, их пригласили из-за границы. Приступают к работе приехавшие из Германии в ноябре 1925 года немецкие киноспециалисты. Наряду с иностранцами приглашаются и российские специалисты. Из Москвы приезжают режиссер и художник В. Баллюзек, художник Н. Альтман, режиссер и сценарист Г. Гричер-Чериковер [20], режиссер и актер В. Вильнер, режиссеры А. Анощенко и В. Тюрин, операторы А. Рыло, Н. Козловский и А. Станке [17]. Из Ленинграда приезжают операторы Ф. Вериго-Даровский и В. Лемке.

В прессе также сообщалось о переходе в ВУФКУ московского режиссера С. Митрича [24]. Митрич до этого работал в Совкино, где поставил 4 картины. На Украине он должен был поставить

картину «Барчук из Старостина» (сцен. Слисаренко, опер. Г. Дробин) [30; 35]. Однако съемки так и не были завершены. Также к работе не приступил театральный режиссер А. Грановский, который должен был в апреле начать постановку по сценарию, специально для него написанному И. Бабелем [8; 7]. Также в апреле должен был приступить к работе режиссер Лапицкий, давший принципиально согласие работать в ВУФКУ [25], но, очевидно, не поставивший на Украине ни одного фильма. В это же время пресса неоднократно сообщала о переходе в ВУФКУ режиссера Госкинпрома Грузии И. Перестиани [34] и о том, что он приступил к постановке фильмов «Кровавый царь» («Николай II») и «Джимми Хиггинс» по роману Э. Синклера в обработке И. Бабеля [26]. Но свой первый фильм на Украине Перестиани поставил лишь спустя два года.

Отметим, что П. Нечес считал ошибочным при любых обстоятельствах приглашать именитых актеров из Москвы или Ленинграда. Все это он называл «хроническим недостатком и болезнью фабрик» [28].

Тысяча девятьсот двадцать шестой год стал переломным для украинской кинематографии в качественном и количественном отношении. Прежде всего следует отметить большой наплыв в кинематограф украинских литературных сил. Их приход был инициирован с целью преодоления имеющегося дефицита сценариев и обеспечения специального сценарного фонда идеологически безупречным и одобренным властями материалом. Для написания сценариев приглашаются самые яркие представители украинских литературных кругов: поэт М. Бажан, писатели Г. Шкурупий, Г. Эпик, М. Панченко, Ю. Яновский, прозаик и драматург В. Радыш. В режиссуру приходят А. Довженко, А. Кордюм и Ф. Лопатинский. Также 1926-й стал стартовым годом для украинских операторов, среди которых в первую очередь следует отметить Д. Демуцкого, А. Калюжного, М. Бельского, И. Гудиму. Кратковременный период массового прихода в кинематограф украинских писателей в качестве сценаристов, редакторов, журналистов можно определить как процесс украинизации киноискусства.

Назначенный в 1927 году новый председатель правления ВУФКУ А. Шуб вместе со своими единомышленниками критиковал методы руководства Хелмно. В августе 1927 года на совещании, посвященном организации в Киеве Общества друзей советского кино (ОДСК), были заслушаны доклады представителей правления ВУФКУ А. Шуба о курсе ведомства на тесное сотрудничество с кинообщественностью и Л. Могилевского о развитии кинообщественности в Союзе и ненормальных взаимоотношениях прежнего правления ВУФКУ с украинской общественностью [5]. Совещание приняло резолюцию по докладу Шуба «Украинская кинематография и кинообщественность», приветствующую перелом в политике ВУФКУ и приветствующую организацию Всеукраинского ОДСК [27].

В ноябре 1927 года Шуб обозначил свою позицию по отношению к принципам украинизации кино. На страницах журнала «Кіно» чиновник отмечал: «С одной стороны, предпринимались попытки трактовать задачи национальной кинематографии в узко-национальном, даже националистическом смысле этого слова, также предпринимались попытки требовать от нас ограничения поля деятельности нашего кино исключительно украинскими темами, проводить нашу работу исключительно силами украинских работников, изгнать из нашей кинематографии все неукраинское, все то, что “пахнет” Москвой. Это уклон ультра националистического, шовинистического порядка, построенный на непонимании того, что не одни украинские темы и не одни украинские работники определяют национальное лицо нашей кинематографии. Это значит не понимать того, что великие творцы украинской культуры – Т. Шевченко, И. Франко, М. Коцюбинский, М. Драгоманов и другие – в свое время подняли украинскую культуру на соответствующую высоту не самоизоляцией в рамках своей украинской хаты, а, собственно, как певцы интернационализма, как певцы объединения борьбы угнетенных всего мира за освобождение всех трудящихся. Это свидетельствует о непонимании того, что создавать украинскую культуру – это вовсе не значит создавать ее исключительно украинскими темами, это свидетельствует о непонимании того, что линия развития национальной культуры должна идти через национальное к интернациональному, что вся суть роста и развития национальной культуры под руководством нашей партии и пролетариата состоит в сближении национальной культуры и интернациональной» [48].

Все меры по украинизации кинематографа, принятые Хелмно, по мнению его преемника, сводились главным образом к тому, чтобы украинская кинематография становилась все более и более украинской – как по содержанию, так и по количеству работников ВУФКУ. В своем докладе «Перспективы украинской кинематографии» А. Шуб приводил следующие цифры: 85% сценаристов – украинцы. Из 15 картин, произведенных ВУФКУ в 1926 году, шесть были на украинские темы, а 9 – на общие украинские темы. В 1927 году из 31 картины – 15 были на украинские темы. Тематический план на 1928 год предполагал уже 60% украинских тем. Из 18 режиссеров, работающих на Одесской кинофабрике, половина была украинцами [31]. Среди перегибов кадровой политики того времени отмечалось и притеснение кинематографистов – неукраинцев, работавших на кинофабриках ВУФКУ [36].

Шестого декабря 1927 года на Киевской киноконференции Шуб критиковал тех, кто призывал не принимать русских режиссеров на работу и запрещал рассматривать сценарии русских писателей. «Кто думал в области кино вспомнить песенку о московских “задрипанках”, – отмечал в своем докладе Шуб, – то на такой путь ВУФКУ не стало, и статья не может, потому что руководствуется в своей работе твердыми, ясными директивами, данными недавно нашей партией» [31].

Новая кадровая политика Шуба привела к тому, что в 1927 году из 17 авторов, чьи сценарии находились в работе, пятеро были приглашены из РСФСР: Е. Валерская, Д. Марьян, В. Маяковский, Н. Эрдман, В. Юрезанский. Украинских литераторов представляли писатели О. Досвитный, М. Йогансен, К. Полонник, М. Яловой. Из восьми режиссеров, пришедших в ВУФКУ в 1927 году, трое были из РСФСР – Б. Глаголин, Н. Охлопков, М. Большинцов.

В январе 1927 года в прессе сообщалось об увольнении Дзиги Вертова из Совкино за большой перерасход средств на производство фильма «Шестая часть мира» [9]. А в августе он уже приступил к работе над задуманным фильмом «Человек с киноаппаратом» в штате ВУФКУ [6].

Выводы

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что украинский кинематограф не мог стабильно развиваться без привлечения киноспециалистов «со стороны», в большей степени из РСФСР. Практически все киноспециалисты, работавшие в Украине в период становления национальной кинематографии (1922-1924 гг.), были москвичами. Именно они сыграли немалую роль в становлении украинского кинопроизводства. Приступив к работе на украинских кинофабриках, они включились в кинематографию Украины. Им приходилось работать на украинском материале, который они совершенно не знали. Естественно, это негативно отразилось на качестве картин украинской тематики. Но в начале 1920-х годов критерием оценки качества фильмов являлась их пропагандистская составляющая.

В середине 1920-х годов, когда украинское кустарное кинопроизводство перерождается в одну из самых оснащенных киноотраслей в СССР, возникает острая потребность в украинских киноспециалистах. Отчасти эту потребность смог удовлетворить открывшийся Одесский кинотехникум. Но по-прежнему руководство украинской кинематографии укрепляет кадровый состав, хотя и в меньшей степени, приглашенными из РСФСР кинематографистами Дзигой Вертовым, М. Кауфманом, И. Перестиани, работавшими вместе с самодеятельными украинскими режиссерами, снискавшими славу украинскому кинематографу – А. Довженко, И. Кавалеридзе, Г. Стабовым и др. Публикация не претендует на полноту. В ней лишь заявлена проблематика, касающаяся процесса формирования кадров на начальном этапе развития украинского кинематографа.

Литература

- А. Б. Б.С. Глаголин в кино // Театр – музыка – кино. – 1926. – № 15(57). – С. 5.
 В фото-кино управлении: [Ред. ст.] // Силуэты. – 1923. – № 8/9. Март. – С. 29.
 Всеукр. фото-кино-управление: [Ред. ст.] // Кино. – 1922. – № 1. – 20 октября. – С. 36.
 Всеукрфотокино: [Ред. ст.] // Фото-кино. – 1922. – № 1. – Октябрь. – С. 22.
 ВУФКУ и кинообщественность: [Ред. ст.] // Театр, клуб, кино. – 1927. – № 13(114). – 1 сентября. – С. 12.
 Голос про ВУФКУ: [Ред. ст.] // Зоря. – 1927. – Ч 8(32). – Серпень. – С. 29.
 Грановский в ВУФКУ: [Ред. ст.] // Нове мистецтво. – 1926. – № 8(17). – 23 лютого. – С. 12.
 Грановский и Альтман в ВУФКУ [Ред. ст.] // Театр – музыка – кино. – 1926. – № 11. – 2-9 февраля. – С. 6.
 Дзигу Вертов звільнено: [Ред. ст.] // Нове мистецтво. – 1927. – № 4(45). – 25 січня. – С. 18.
 Доповідь ВУФКУ про операційну діяльність за 24/25 рік та кошторис на 25/26 рік: Витяг з протоколу засідання Колегії НКО УСРР від 27 квітня 1926 р. // Бюлетень Наркомосвіти. – Х., 1926. – № 5(10). – Травень-червень. – Арт. 15.
 Из доклада зав. ВУФКУ т. Хелмно // Кино-неделя. – 1925. – № 1(48). – 2 января. – С. 25.
 І.А. Кожний крок експедиції – зафіксує кіно око // Комсомолец України. – 1929. – № 87(887). – 27 квітня. – С. 4.
 Кино: [Ред. ст.] // Календарь искусств. – 1923. – № 6. – 20 февраля. – С. 15.
 Кино: [Ред. ст.] // Татр, литература, музыка, балет, графика, живопись, кино. – 1922. – № 1. – 9 сентября. – С. 15.
 Кинопроизводство: [Ред. ст.] // Силуэты. – 1922/23. – № 3. – Январь. – С. 15.
 Киносезон в Одессе: [Ред. ст.] // Силуэты. – 1923/24. – № 5(19). – Ноябрь 1923. – С. 12.
 Кинофабрика ВУФКУ: [Ред. ст.] // Театральный тиждень. – 1926. – № 2. – С. 7.
 Кинохроника: [Ред. ст.] // Кино. – 1923. – № 1(5). – Январь. – С. 38.
 Кинохроника: [Ред. ст.] // Театр. – 1923. – № 5/6. – 10-20 февраля. – С. 12-13.
 Кинохроника: [Ред. ст.] // Театр – музыка – кино. – 1926. – № 8. – 12-18 января. – С. 10.

- Кинохроника: [Ред. ст.] // Театр и музыка. – 1923. – № 1/2(11/12). – 5 января. – С. 436.
Кинохроника: [Ред. ст.] // Театр. – 1923. – № 1/2. – 13-21 января. – С. 7.
Кинохроника: [Ред. ст.] // Театр. – 1923. – № 12. – 18-25 апреля. – С. 11.
Кінохроніка: [Ред. ст.] // Нове мистецтво. – 1926. – № 2(11). – 12-19 січня. – С. 11.
Лапицкий в ВУФКУ: [Ред. ст.] // Театр – музыка – кино. – 1926. – № 13. – С. 11.
Мик. М. Производство ВУФКУ // Искусство и физкультура. – 1926. – № 10. – 1 декабря. – С. 14-15.
На Украине: [Ред. ст.] // Бюлетень секретариата Центрального совета Общества друзей советского кино. – 1927. – № 2. – Сентябрь. – С. 22.
Нечес П. Загроза / П. Нечес // Кино. – 1926. – № 6/7. – Травень. – С. 14.
Нечеса П. А радянське кіно все-таки буде... / П. Нечеса // Крізь кінооб'єктив часу: Спогади ветеранів українського кіно. – К.: Мистецтво, 1970. – С. 182.
Нові режисери ВУФКУ: [Ред. ст.] // Кино. – 1926. – № 2/3. – Січень. – С. 23.
О. Ш [уб]. Перспективи української кінематографії // Культура і побут. – 1927. – № 48. – 17 грудня. – С. 5.
Одесса: [Ред. ст.] // Кино. – 1922. – № 2. – 15 ноября. – С. 33.
Основные резолюции Всеукраинского совещания завгубполитпросветами 7-12 мая 1923 г. (Утверждено коллегией Глав ПП и НКП): [Ред. ст.] // Путь к коммунизму. – 1923. – № 3/4. – Март-апрель. – С. 299-321.
Перестиани переходит в ВУФКУ: [Ред. ст.] // Театр – музыка – кино. – 1926. – № 12(54). – С. 8.
Режиссер Митрич в ВУФКУ: [Ред. ст.] // Нове мистецтво. – 1926. – № 8(17). – 23 лютого. – С. 12.
Тасін Г. Пройдений шлях / Г. Тасін // Радянське кіно. – 1937. – № 7. – С. 37.
Туркельтауб И. Искусство на Украине / И. Туркельтауб // Просвещение и искусство. – 1922. – № 1. – Январь. – С. 50.
У экрана: [Ред. ст.] // Силуэты. – 1923. – № 13. – С. 14.
Украина и Крым: // Кино. – 1923. – № 3(7). – Апрель-май. – С. 40.
Украинская кинопромышленность в Ялте: [Ред. ст.] // Фото-кино. – 1922. – № 1. – Октябрь. – С. 22.
Хелмно З. Производство кинофильм / З. Хелмно // Коммунист. – 1924. – № 170(1361). – 26 июля. – С. 2.
Хроника кино: [Ред. ст.] // Календарь искусств. – 1923. – № 4. – 31 января. – С. 15.
Хроника: [Ред. ст.] // Театр и музыка. – 1923. – № 25. – 5 июня. – С. 859.
Хроника: [Ред. ст.] // Театр и музыка. – 1923. – № 26. – 12 июня. – С. 891.
Хроника: [Ред. ст.] // Театр и музыка. – 1923. – № 9(22). – 1 мая. – С. 760.
Хроника: [Ред. ст.] // Театральная неделя. – 1925. – № 12. – 31 мая. – С. 11.
Хроника: [Ред. ст.] // Театральная неделя. – 1925. – № 18. – 27 ноября. – С. 11.
Шуб О. Справи кіно: (до Всесоюз. парт-кіно-наради) / О. Шуб // Кино. – 1927. – № 21/22(33/34). – Листопад. – С. 1.

УДК 070

МЕДИЙНОЕ И (КВАЗИ)РЕЛИГИОЗНОЕ: ДУХОВНЫЙ ПОИСК ИЛИ #ПАСХАОНЛАЙН?

MEDIA AND (QUASI)RELIGIOUSITY: MORAL SERCH OR #EASTERONLINE?

В.М. Насртдинова
V.M. Nasrtdinova

*Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
Казань, 420008, ул. Кремлевская, 18*

*Kazan Federal University,
420008, 18, Kremlyovskaya Str., Kazan, Russia*

E-mail: vmnasrtdinova@mail.ru

Аннотация. В данной работе автор рассуждает о глобально медийном характере бытийствования современного человека в свете тотальной интеграции Интернет-пространства в жизнь современного общества, а также о месте религии и религиозности и их репрезентации в социальных сетях, являющихся своеобразными площадками медийно-имиджевого эксперимента.

Abstract. The way the religiosity of a modern person is being reflected and represented within the confines of social networks is analyzed in the present paper. Having chosen the theme of the Orthodox Easter celebration, the author examines a great number of posts, devoted to the said theme, and describes some significant regularities of the Russian social consciousness in general and religious consciousness – in particular.

Ключевые слова: медийное бытие, общественное сознание, религиозное сознание, я-перформанс
Keywords: media person, social networks, social consciousness, religiosity, self-performance.

Человек современной эпохи, в социально-философской теории называемой эпохой автопостмодерна, в значительной степени является человеком медийным. Происходит это в силу ряда причин. Во-первых, потому, что на сегодняшнем этапе развития и функционирования общества потребления, характеризующемся, с одной стороны – кризисом перепроизводства, а с другой – стремлением к гиперэстетизации бытия и культом красоты, социально востребованы оказываются представители творческих профессий – фотографы, стилисты, визажисты, фэшн-блогеры, т.н. персональные шопперы и байеры, которые, путем перекрестного сотрудничества (или, как сегодня принято говорить – коллабораций) создают альтернативное арт-пространство в реальной жизни, и дублирующую его систему – в сети Интернет, расширяя, тем самым, сферу медийного далеко за рамки профессиональной деятельности в средствах массовой информации. Во-вторых, проникновение Интернет-технологий в жизнь современного человека столь масштабно, сколь и необратимо, а влияние их столь велико, что уже и «обыкновенный», среднестатистический человек бытийствует медийно, ощущая себя причастным глобальному миру, ему адресуя свои притязания; логос его существования оказывается направлен вовне. В.Н. Горелова еще в 1995 г., анализируя специфику современного ей общественного сознания россиян, указывает, что мировосприятие наших соотечественников имело, в определенной степени, карнавальный характер; в качестве «инвариант карнавальности» выделяя, например, «абerrации восприятия, не различение «рампы» театра и жизни»³⁸. Однако, если на протяжении десятилетия т.н. «девяностых» такие тенденции общественного сознания были, главным образом, обусловлены уникальным и неоднозначным контекстом российских социально-исторических реалий, то на сегодняшний день данная дескрипция оказывается не теряющей актуальности как органически коррелирующая с глобальным мировоззренческим вектором.

Исследовательский холдинг Ромир приводит данные о том, что девять из десяти российских Интернет-пользователей являются также пользователями социальных сетей³⁹. Но если на заре своего появления, будучи, во многом инспирированными теориями «тесного мира» и «шести рукопожатий»⁴⁰ (авторы – С. Милгрэм и Дж. Трэверс) социальные сети позиционировались как

³⁸ Горелова В.Н. Принцип карнавальности в философии и эстетике М.М. Бахтина/ В.Н. Горелова// «Экватор» 90-х. Гуманитарные проблемы России. – Пермь, 1995. – С.222-225.

³⁹ Социально-сетевая жизнь // [Электронный ресурс] <http://romir.ru/> Исследовательский холдинг Ромир 21. 05. 2015 http://romir.ru/studies/670_1432155600/ (дата обращения 30.06.2015).

⁴⁰ Таковы, к примеру, были сервисы everyoneisconnected.com, friendsters.com (США, Великобритания).

предназначенные для удобного, не ограниченного во времени и пространстве коммуницирования в дистанционном формате, то сегодня этос функционирования наиболее популярных из них (Instagram, Twitter, Forsquare и др.) на аспектах общения оказывается сфокусирован в меньшей степени: основным их акцентом является автопрезентация – визуальная (яркие, запоминающиеся фото), интеллектуальная (остроумные «твиты») и т.д. Таким образом, человек современной эпохи перманентно пребывает в пространстве перформативной практики, театрализация присуща его действиям, а регистрация в различных социальных сетях становится для него бессрочной арендой сценической площадки.

Дискуссионными остаются роль и место религии и религиозности в жизни «медийной личности». Как соотносятся практика непрекращающегося имиджевого эксперимента и духовный поиск? В рамках настоящего материала мы ставим целью рассмотреть сюжет репрезентации индивидуальной религиозности в социальных сетях на примере публикаций, посвященный празднованию православной Пасхи в 2014 и 2015 гг., представленных в социальной сети Инстаграм (Instagram).

Прежде всего, мы считаем необходимым прояснить некоторые терминологические аспекты:

- Instagram (Инстаграм) – социальная сеть, представленная доступным для бесплатного скачивания приложением обмена фотографиями и видеозаписями, позволяющим пользователям снимать фотографии и видео, применять к ним фильтры, а также распространять их через свой сервис и ряд других социальных сетей;

- хэштег или хештег – слово или фраза, которым предшествует символ # (решетка), позволяющие пользователям различных социальных сетей группировать публикации по тематике и задавать поиск определенных публикаций. Например, при подборе материала, который позволил бы сделать выводы об отношении россиян-пользователей Инстаграм к празднованию Пасхи, автор обнаружил следующие хэштеги и работал с ними: #пасха2014, #пасха2015, #хв, #христосвоскрес, #праздникпасха, #кулич, #easter (англ. – Пасха), и др.;

- аккаунт – учетная запись пользователя в некоторой компьютерной системе; принято различать открытые (предназначенные для всеобщей демонстрации) и закрытые (личные) аккаунты, предназначенные для индивидуального/ограниченного просмотра;

- селфи (англ. selfie от англ. self – сам, само) – фотоавтопортрет, разновидность автопортрета, заключающаяся в запечатлении самого себя на фотокамеру;

- лайк (англ. tolike – нравится) – выражение одобрения в социальных сетях, имеющее специальный символ; наглядное и графически отображающееся.

В две тысячи четырнадцатом и две тысячи пятнадцатом годах православные христиане России отмечали Пасху двадцатого и двенадцатого апреля соответственно. Наша задача заключалась во-первых, в том, чтобы выяснить, отражен ли каким-либо образом факт празднования Пасхи в социальных сетях вообще (на примере сообщества Инстаграм), а во-вторых, проанализировать содержание и настроение публикаций, если таковые имеются. При работе с публикациями, их анализе и интерпретации были получены следующие данные:

- во-первых, в данной социальной сети представлено значительное количество (десятки тысяч) публикаций, непосредственно посвященных празднованию православного праздника Пасхи или связанных с ним (по результатам поиска);

- во-вторых, на основании отсмотренных снимков можно выделить несколько популярных сюжетов таких публикаций:

- а) праздничная атрибутика, (на фото запечатлены пасхальный кулич/окрашенные яйца/традиционная творожная масса – пасха; и т.д.), (Рис.1);

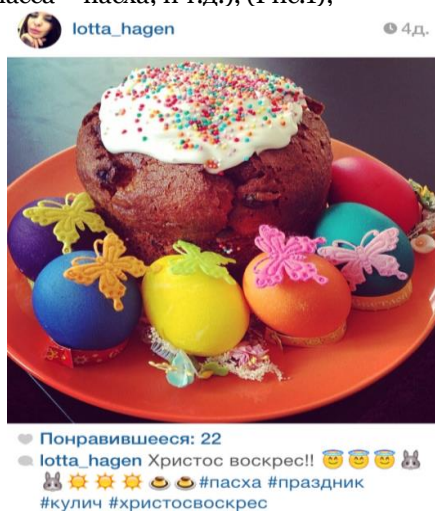

Рис. 1

б) храмовое фото (снимки как внешнего, так и внутреннего убранства храма; а также – снимки богослужений, таинств, прихожан), (Рис. 2);

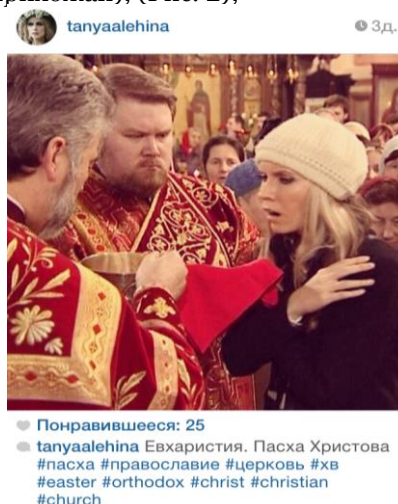

Рис. 2

в) сюжет «я-в-празднике» – снимки, призванные демонстрировать приверженность автора религиозным ценностям и традициям – в домашней обстановке, за праздничным столом, по дороге в храм, внутри храма (около иконы, со свечой, и. т.д.), в том числе – храмовое селфи (т.е. находясь в церкви/соборе автор фотографирует себя сам), (Рис.3);

Рис. 3

– в-третьих, нами была замечена еще одна показательная тенденция – хэштеги «#пасха2014, #пасха2015, #хв, #христосвоскрес, #праздникпасха» и иные, им подобные, могут присваиваться снимкам, никаким образом не связанным с праздником – к примеру, поход автора в ночной клуб с компанией друзей, посещение кинотеатра; или использование хэштега коммерческим аккаунтом – Инстаграм-магазином по реализации различных товаров и т.д. Делается это из прагматических, даже конъюнктурных соображений – для набора большего количества «лайков», из-за желания услышать комплименты в свой адрес; а также в рекламных целях – для привлечения большего числа подписчиков, продвижения товара или услуги.

Данный эмпирический материал, на наш взгляд, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, автору видится, что сегодня озвучивание своей конфессиональной принадлежности становится существенным слагаемым персонального имиджмейкинга – демонстрация проявлений религиозности, оказываясь в одном ряду с демонстрацией материальных благ цивилизации, доступных автору «поста» (автомобиль, недвижимость, заграничные поездки и т.д.) становится частью «я-перформанса», способствующей мифологизации религиозного бытия, тем самым превращая последнее в инструмент репутационных технологий. Точка зрения, во многом коррелирующая с данной, была высказана С.А. Таракановым: «Религия как социальный институт, несмотря на всю ее сакральность и претензии на роль высшего духовного ориентира, в современном обществе, основанном на потреблении, информации и виртуализации, играет роль средства удовлетворения определенных потребностей: потребности прикоснуться к священному, отдать дань моде, сбежать от гнетущей обыденности, попробовать новые типы мировоззрения»⁴¹.

⁴¹Тараканов С.А. Влияние виртуализации и компьютерной виртуальной реальности на социальный институт религии [Электронный ресурс] //sisr.nkras.ru: Современные исследования социальных проблем. Научный

Во-вторых, стремление запечатлеть как можно большее количество аспектов жизни на фотографии вообще, в том числе – и религиозной ее составляющей, на наш взгляд, свидетельствует о том, что фотография в современном обществе становится средством собирания идентичности индивида и, главное – удержания таковой в стремительно меняющемся мире; это своеобразная памятка о понравившейся или подходящей социальной роли, «засечка» на знакомом дереве в тайге информационного общества. Кинорежиссер Вильгельм Вендерс так отозвался о данном явлении: «[Сегодня] ежесекундно снимков делается больше, чем за десятки лет до того. Все кругом фотографируют, потому что все боятся потерять свою личность, цель в жизни. <...> Туристы делают бесконечные снимки из опасения, что на самом деле их здесь нет. Они боятся, что в действительности никуда не уезжали, потому что большинство и правда застряли в своих домах. Такое плацебо, никакой реальной помощи, только ощущение, что сработало»⁴².

В-третьих, имеет место быть десакрализация пространства религиозного в сознании обывателей – ничего крамольного не видится людям в том, чтобы фотографировать божественную литургию, таинства, запечатлеть братьев и сестер по вере в молении и глубоких размышлениях, себя самого в – находящегося в храме, (очевидно – как пример подобающего благочестия), а пасхальное приветствие «Христос Воскресе», имеющее для православных верующих серьезную смысловую нагрузку, использовать в качестве хэштега для повышения собственной популярности.

В-четвертых, происходит очевидная примитивизация религиозного чувства, выражающаяся в редукции праздника к атрибутике и формальной ритуалистике, в некоторых случаях приобретающая даже масштабы обособления декоративно-прикладной, вещной символики, когда предметы и/или действия, являвшиеся знаками-символами в традиционном контексте дискурса, утрачивают свои эйдетические связи с символизируемым, оставаясь лишь атмосферным реквизитом, а сам праздник представляется уже как часть массовой культуры.

В две тысячи пятнадцатом году православная Пасха совпала с днем космонавтики, и отмечалась двенадцатого апреля, что вызвало живой резонанс среди пользователей Рунета, послужив поводом для появления на просторах соцсетей таких публикаций и мемов, как «Гагарин побывал – воистину побывал!», «Гагарин вознесся – воистину вознесся!» (а также – «полетел», «летал», и другие глагольные формы), «Гагарин воскрес!», «Со светлым днем космонавтики!», и даже – «С днем Пасхонавтики!», выраженных как в малых текстовых (хэштеги, твиты), так и иллюстративных формах (картинки, рисунки, фотографии (Рис. 4). Такие шутки и высказывания, на наш взгляд, становятся возможными и востребованными не только в силу сингулярности факта совпадения двух праздников, – но, прежде всего, потому, что неоднократная смена парадигм общественного сознания (от государственного православия российской империи – к программному атеизму советского государства, от перестроечной свободы совести – к «православному ренессансу» 2000-х гг.) привела к дискретности социокультурного контекста современности и нивелированию и условности различий в понимании категорий мирского, церковного, религиозного, секулярного, светского.

Рис. 4

В-пятых, происходит также деинтимизация религиозного чувства, религиозная тематика выходит из пространства глубоко и сугубо личного, «мысль изреченная» не только перестает быть ложью, но более того – фото опубликованное становится квинтэссенцией правды, подтверждением получения того религиозного опыта, за которым, казалось бы, и идут люди в

журнал, электронная версия. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/8/tarakanov.pdf> (Дата обращения 13.05.2014).

⁴² Вендерс Вим: «Все кругом фотографируют, потому что боятся потерять свою личность». [Электронный ресурс] // www.interviewrussia.ru: Интервью Россия. URL: <http://www.interviewrussia.ru/art/vim-venders-vse-krugom-fotografiruyut-potomu-chto-boyatsya-poteryat-svoyu-lichnost> (Дата обращения: 13.05.2014).

храм. Сфера религиозного, таким образом, становится составляющим элементом светской, а порой и – божественной жизни общества – посещение храма превращается в такой же информационный повод, как, например, автограф-сессия модного писателя, открытие бутика молодого дизайнера или вечеринка в арт-галерее, и запечатлевается в одном ряду с ними, оказывается вписанной в один фотонарратив. Таковы, очевидно, секуляризационные инструменты глобализации: будучи вводимым в сферу светского, религиозное оказывается развенчанным, «разоблаченным», и все более поглощается обыденным сознанием общества. Фотография, в таком случае, становится способом присвоения-без-усилия, суррогатом личного религиозного опыта – характерны сниженная серьезность, сниженная торжественность, повсеместный light-формат, выраженный в хрестоматийном желании «не усложнять», типичный, впрочем, для массового сознания современности вообще.

В статье «Бездущность Веб 2.0» Н.Карр пишет, что «с момента своего появления Веб стал вмещателем квалирелигиозных устремлений»⁴³, в большей степени связывая такое видение с переоценкой роли сети Интернет в жизни индивида: «для тех, кто искал трансцендентального пробы за пределы вещественного мира, Сеть представляет собой чуть ли не землю обетованную»⁴⁴. Но вернемся к феномену религиозности медийного пространства, которая, как следует из приведенных выше аргументов, становится цифровым симуляком самой себя. Как думается автору, Интернет потому является пространством, в определенной степени предзадающим выпадение субъекта из религиозной парадигмы и определенной же – профанизации религиозного, что в качестве главной религии предлагает культ самооценной красоты, ставшей «религиозным императивом»⁴⁵ «тела без свойств», гиперэстетизацию, влекущую «синдром Мюнхгаузена» в его социально-психологическом (не соматическом) смысле – стремление приукрашивать, выдавать желаемое за действительное. Стремление это последовательно обслуживается современными технологиями – например, высокой популярностью пользуются приложения и программы-фоторедакторы, позволяющие накладывать на оригинальное фото т.н. «фильтры» с целью сделать его зрительно более привлекательным. Кроме того, основными мировоззренческими детерминантами Интернет пространства мы считаем клиповое мышление и карнавальное мироощущение, каждое из которых находится в принципиальной оппозиции к сфере религиозного: первое – в силу минимализации вербального, тогда как религия по определению дискурсивна, а второе – в силу принадлежности к иному контексту; как писал М.М. Бахтин, «все карнавальные формы последовательно внецерковны и внерелигиозны. Они принадлежат к совершенно иной сфере бытия»⁴⁶.

Значение метафизики Интернет-коммуницирования для понимания трансформативных процессов современного общественного, и, в том числе, религиозного сознания огромно: во-первых, сегодня присутствие виртуальной реальности в жизни современного человека столь велико и неизбежно, что не только виртуальное является отражением реального, но, в определенной мере, и наоборот; характерна конвергенция установок и трендов. Интерес для исследователя могут представлять как мощная отражательная и фиксирующая способности электронных ресурсов, так и обратный процесс – влияние виртуализации на качественные характеристики общественного сознания.

⁴³ Карр Н. Бездущность. Веб 2.0 Электронный ресурс: <http://old.computerra.ru/think/239597/> [Дата обращения: 15.07.2013].

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Бодрийяр, Жан. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – С.172.

⁴⁶ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990. – С.7.

УДК 81'42

**К ВОПРОСУ О ПОВТОРЯЕМОСТИ, ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ И АНАЛИЗЕ
МЕДИЙНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО СОБЫТИЯ****ON THE REPEATABILITY, REPRODUCIBILITY AND EVALUATION
OF COMMUNICATIVE SITUATIONS IN MEDIA****А.Г. Пастухов****A.G. Pastukhov***Орловский государственный институт культуры,
302020, Россия, г. Орел, ул. Лескова, 15**Oryol State Institute of Culture,
15, Leskov Str., 302020, Oryol, Russia**E-mail: pastukhov_alexander@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируются основные параметры и обусловленность ситуаций массмедийной коммуникации, ее способности отражать действия «встроенных» инструментов, определяющих процесс информирования в современных медиаполитических системах. В данном динамическом процессе медиа выносят на всеобщее обсуждение вопросы, вызывающие споры и обнаруживающие различия во мнениях и трактовках позиций. Основной акцент в работе сделан на изучении повторяемости, воспроизводимости и качественном анализе медийного набора тем (топиков), определяющих характер их продвижения, а также всего процесса политического взаимодействия, формулирования мнений, стремления к политическому доминированию в условиях, когда политическая повестка дня «перемальвает» медийную.

Abstract. The paper explores the situations of mass-mediated communication in its function to be "fitted" and "built-in" tools that accomplish the information policy within the contemporary political systems. In the process the media bring to the public debate issues that can cause disputes, occur differences of opinions and interpretations. The focus of the paper lies on the study of repeatability, reproducibility and analysis of media sources in which the updated set of topics determines the actual importance and promotion of the political framework, when the offered opinions grind the political and media agenda for global goals of political domination.

Ключевые слова: медиадискурс, медийная повторяемость, динамизация, медиаэффекты, медийная повестка дня, акторы.

Keywords: media discourse, media repeatability, media effects, media agenda, actors.

Введение

В современных медиаполитических процессах задействовано множество самых разнообразных сил. В условиях демократии, предполагающей господство широких слоев общества, интерес к политическим решениям связывается, прежде всего, с информированием и плюрализмом мнений. Массовая коммуникация в этой ситуации, по понятным причинам, не всегда способна обеспечить идеальную обратную связь с реципиентами, хотя современные медиа и пытаются реализовать последнюю. Анализ медиа показывает, что вся система медиапредложений во многом складывается под влиянием процессов медийного воздействия и медийной рецепции [Пастухов, 2008, с.273].

Темпорально массовая коммуникация индифферентна, т.к. она апеллирует к широкой публике и принципиально доступна для всех реципиентов [Janich, 2000, S. 326]. Палитра мнений, продуцируемая массмедиа, активно подпитывает интерес и стабилизирует спрос на самый «ходовой» товар – мнения и аргументацию. Как же протекают эти процессы и каковы приемы деятельности современных медиа, определяющие ныне скорость передачи информации, которая, похоже, начинает цениться даже больше, чем ее содержание? По вполне понятным причинам, в центр исследовательского интереса попадают именно те формулы и конструкты, посредством которых рождаются, регулируются, транспонируются и транспортируются темы, отражающие суть контroversных заявлений политиков и общественных деятелей. В результате этого возникает весьма эклектическая картина восприятия событий окружающего мира, потребность в упорядочении которой регулируется через медийную повестку дня [Пастухов, 2010, с.180]. В системе средств политической коммуникации это означает выработку и регулировку особого набора инструментов, использование

которого поддерживает и обеспечивает устойчивый интерес медиа (и в медиа) к восприятию событий, формированию мнений в самых различных контекстах речевого поведения.

Как известно, политические темы традиционно отличаются высоким градусом общественного звучания. И если раньше власть держалась на тайне, то ныне политика предоставляет широкие возможности выражения открытого отношения к ней. Медиа, в свою очередь, дозируют видимые и невидимые связи, выводят политические события в ранг спектакулярных и фасцинативных [Пастухов, 2013, с. 162], превращают политиков в актеров и медиаидолов. Их живая, непосредственная активность (уже не актеров, но акторов) проявляется на партийных съездах, в интервью и ток-шоу, публичных выступлениях, демонстрациях и т.п. Медийный имидж дополняет политические действия и тем самым медиатизирует субъекта. Успешный политик – это не просто политический функционер, а звезда в том смысле, как она понимается в индустрии развлечений, т.е., по сути, в политейменте, в котором политика представляет собой неразрывное единство новости, рекламы и развлечения [Больш, 2011, с. 56].

Актуальность обсуждаемой проблематики определяется, таким образом, необходимостью осмыслить все эти закономерности, дать их качественный анализ и рассмотреть в условиях дискурсивной фиксации информационного потока. Это предпо-лагает специальное и, по возможности, детальное изучение того, как в дискурсе происходит порождение информации, как она репрезентируется, как членится и как воспринимается реципиентами и носителями языков и культур.

Решая коммуникативные и когнитивные задачи, участники общения (в первую очередь политики), «встроенные» в систему медийного соревнования, сами оказываются субъектами процесса производства медиа. При этом формирование стиля медиа (не в смысле функционального) и установление оценок в нем, борьба за целевые аудитории и ценностные ориентиры предопределяет стремление общества к самым решительным действиям. Иначе говоря, характер производства информации определяется в первую очередь господствующим положением медиа. Благодаря ему достигается установление современной медиадемократии, что требует понимания активных (видимых и невидимых) повторяемостей в медиа.

Таким образом, в фокусе нашего исследовательского интереса оказывается та интуитивно ощущаемая «неопределенность», существующая на перекрестке мнений, которые регулярно тиражируются в новых формах и форматах, отражающих истинные и/или мнимые ценности. Повторяемость медийных процессов и реакций на них как раз и свидетельствуют о неподдельном интересе и, возможно, искусственном приобщении к сути социальных явлений, экстраполяции тем общественного интереса и вытекающего из этого (пере)-форматирования политической и медийной повестки. Другими словами, в борьбе за нахождение в (эпи)центре политического и медийного (взаимо)действия следует учитывать не только градус риторики различий, но и освоить «понимание» общего сценария в разыгрывании спектакля, подобно тому, как это происходит в упомянутой нами индустрии развлечений.

Политическая коммуникация как сфера воспроизводства медийной активности

Тезис о том, что политэлиты и «их» медиа превращают политику в своего рода товарную марку (политический бренд), а политическое действие в шоу, отчасти объясняет причины успеха/неуспеха медийной политики, а также общие параметры медийной коммуникации. С точки зрения ее участников, а также формального уровня представления информации аудиториям, влияния ее на формирование мнения и т.п., мы получаем необходимость уточнения общей методики изучения подобных практик. Эти методы, как известно, развивались в ходе исторического развития и каждодневного взаимодействия внутри различных социальных групп. В их числе оказываются практически те же методы, что и при продаже любого другого товара, когда покупатель хочет знать, не становится ли он жертвой искусного обмана [Müller, 2009, S. 129].

Каковы же главные из них? Рассмотрим их на основе тех дискурсивных стратегий и частных приемов, реализуемых в медиатексте. Какие из них можно считать типичными – если не сущностными – в процессе фокусировки внимания на установлении и интерпретации причин, осмыслении условий порождения текста, способов и средств, влияющих на реализацию динамических дискурсивных стратегий в медиасреде? Ведь известно, что «трансформирование информирования в манипуляцию связано с анализом целого ряда возможностей верифицирования предлагаемых объяснений, а также разработкой соответствующих приемов» [Гришаева, 2014, с. 188].

Для политической коммуникации это означает еще и учет определенного настроения, т.н. политической партиципации, политического интереса, политического знания, политической компетенции [Gabriel, 2005, S. 457; Niedermayer, 2005, S. 20]. Контекстные переменные (макроуровень) определяют пред-программированную демократическую vs. тоталитарную культуру, в которой доминируют легальные конвенциональные и неконвенциональные, а также нелегальные и недемократические политические коммуникативные действия. Последние играют роль посредника в коммуникации и, возможно, претендуют на особое место – события – в политической (властной) коммуникации граждан и общественных институтов [Пастухов, 2015, с. 162].

Дискурсивные технологии при этом выступают как инструмент перехода от объективистского подхода к социальному миру, к дискурсивному взаимодействию в нем. Дискурсивное взаимодействие

– это не саморазвивающийся процесс, а процесс, сконструированный технологами для повышения эффективности коммуникации [Плотникова, 2008, 138-140; Плотникова, 2015, 72-73]. Можно предположить отсюда, что «главная сила дискурса будут заключаться в производстве способов означивания, интерпретаций объектов действительности, в принуждении к определенным схемам мысли и чувствованиям [Якоба, 2015, с. 189]. Очевидно, что и язык в этом случае реагирует не только на необходимость выражения и передачи мысли, но и на возможные их искажения и сокрытия. Политики, журналисты, коммерсанты и т.д. строят свои высказывания, «камуфлируя» истинный смысл [Там же].

В изучаемом контексте невозможно обойтись без обращения в качестве эмпирического материала к медиатекстам. Они, как пишет Л.И. Гришаева, отражают характерные закономерности, имманентные именно медиатекстам и/или медиадискурсу, т.е. анализ медиатекста оказывается в качестве одной из приоритетных задач. Кроме того, «медиатекст и/или медиадискурс становятся источником примеров, иллюстрирующих те или иные особенности более общих феноменов, например, политического дискурса. Особенности организации текста, процессы категоризации и концептуализации сведений о мире представляют собой результаты наблюдений, которые способствуют формулированию более общих закономерностей, в то время как выявление особенностей медиатекста и/или медиадискурса становится своего рода бонусом, получаемым дополнительно к основному результату [Гришаева, 2014, с.15-16].

Вполне понятен поэтому интерес относительно того, как в медиа представлены информационные запросы общества. При этом происходит «формирование идеологического поля текста, в котором функционирует тот или иной ключевой концепт. ... Медиадискурс непрерывно поступающей к адресату массой текстов создает образ явления, выпячивая, подчеркивая, или, может быть, навязывая общественному сознанию ту или иную его сторону [Майданова, Чепкина, 2011, с. 245].

Как известно, медиатексты адресуются, прежде всего, коллективному субъекту, т.е. принимают во внимание знание, разделяемое всеми носителями конкретной языковой культуры. Они являются полиадресатными, поскольку их синхронно воспринимают разные носители языка и культуры, обладающие разной личностной, но одной коллективной идентичностью. Именно поэтому медиатекст обладает таким мощным потенциалом воздействия, что зачастую реципиент воспринимает сконструированную медиаресурсами дискурсивную реальность как более реальную по сравнению с действительностью, существующей в его сознании параллельно с медийной фиктивной, сконструированной, реальностью [Гришаева, 2013, с. 31].

По верному замечанию В.И. Карасика, при моделировании медиадискурса необходимо также учитывать разнообразные типы общения, разновидности статусно-ориентированной коммуникации, участники которой действуют в рамках относительно жестко запрограммированных установок, обусловленных нормами и правилами социальных институтов, что предполагает выделение и описание компонентов коммуникативной ситуации (цель, участники, хронотоп, ценности, стратегии, жанры и формульные выражения того или иного дискурса) [Карасик, 2014, с. 10].

Коммуникативное vs. социально значимое событие

Центральным моментом в представлении событий действительности является фактуальная информация, которая носит не только «отражательный», но и интерпретативно-оценочный характер [Негрышев, 2014, с. 78]. Что же влияет на представление события в качестве «социально значимого»? Под социально значимыми событиями мы предлагаем, вслед за Т.Р. Красиковой, считать факты реальности, несущие в себе информацию, представляющую важность для широких социальных групп (целевой аудитории) [Красикова, 2014, с. 98]. В своих исследованиях Т.Р. Красикова выделяет семь типов событий, главным критерием дифференциации которых становится информационный повод, т.е. акцентированность на сообщении, произошедшем в реальности и реальном времени. Приводимая ниже классификация отражает, в принципе, традицию, сложившуюся в исследовании коммуникативного события, прежде всего, как новостного нарратива. Последний обнаруживает целый ряд приемов конструирования не только на языковом уровне (морфологии, лексики, синтагматики), но и в плане новостного сюжета, как нарративного. См. также: [Баранов, Паршин, 1986, с. 111-112]. Они актуально «событийны» и отражают различную степень регулярности (повторяемости):

1) События-происшествия (криминал, чрезвычайные ситуации); 2. События-конфликт (противоречия между интересами разных социальных групп, отдельных личностей, институтов; нарушения привычного течения общественной или частной жизни); 3) События, в центре которых необычное явление, неординарный поступок (уникальные люди или беспрецедентные действия); 4) События, которые касаются изменений жизни общества; 5) События из жизни известных людей (повышение общественного интереса); 6) События, иллюстрирующие и объясняющие действия власти; 7) Событие-«созидание» (положительный сдвиг или итог в развитии общественной системы, прогресса или явления) [Красикова, 2014, с. 99-100].

В.Д. Шевченко пишет в продолжение мысли, что место событий, как компонент, передаваемой в дискурсе коммуникативной ситуации, становится доминантой, поскольку обращает внимание на связанную с этим же местом другую ситуацию. При этом возникает локальный фон, состоящий из тесно связанных между собой языковых и когнитивных элементов, отражающий общий

пространственный компонент ситуации. Привлекая внимание к нему, автор как бы соединяет ситуации друг с другом и определяет связи между разными ситуациями, становясь своего рода доминантой, что обеспечивает полное и широкое представление когнитивной модели события, в т.ч. его доминантный компонент – локус [Шевченко, 2015, с. 46].

Попытка упорядочения массива коммуникативных событий (КС) вполне может быть сопоставлена с другой системой координат – матрицей рекуррентного воспроизведения событий в медиа. Понятно, что все они являются отражением манипулятивных приемов, заключающих КС в жесткие рамки «новостного» нарратива. Т.к. именно «новости», по мнению Бодрийяра, не только информируют о том, что происходит в мире, но и предлагают свою версию событий. Их содержание в большей степени зависит от настроения и политической позиции журналистов, их связей с ньюсмейкерами, чем от того, что реально произошло в мире. Критерии отбора новостей [Пастухов, 2009, с. 257] показывают, что журналисты по преимуществу симулируют реальность. Часто за пределами выпуска остаются «другие» новости, отчего картина мира оказывается неполной [Пастухов, 2015, с. 163].

Медиасобытие показывает, что в современном мире нельзя полагаться на четкое различие между «реальным» событием и его медийной репрезентацией ... мы не можем работать с идеей о том, что «реальное» более важно, значительно или даже «истинно», в сравнении с его репрезентацией. Медиасобытие – это не просто репрезентация того, что произошло; оно имеет свою собственную реальность, вбирающую внутрь себя реальность события, которое может ему предшествовать или не предшествовать [Fiske, 1994, p. 2].

По большей части медиасобытие создается истеблишментом и служит его легитимации, одновременно выполняя функцию интеграции общества. Митинги, протестные движения и т.п. часто не вписываются в ритуальную модель медиасобытий, но способствуют миссии поддержания элит и консолидации социума. И хотя протесты не всегда находятся в фокусе внимания мейнстрим-медиа, все же они конструируются как тревожащий общественный феномен [Ним, 2016, с. 57], реализуются в виде допустимого, разрешенного, ритуального хаоса, являющегося частью социального порядка и требующего одобрения истеблишмента. Поэтому, структурно будучи разрушающими, функционально протесты могут быть интегрирующими – как ни парадоксально это звучит [Ним, 2016, с. 58].

Говоря о языковом репертуаре современного медиаполитического ландшафта России в целом, следует сказать, что во многом на Западе он воспринимается еще как язык постсоветского периода («постновояз»). Существующий в рамках нынешнего российского общества, отбросившего в 1991 г. определение тоталитарного и принявшего разумом и сердцем демократические постулаты, по сути, в языке российских медиа отмечается серьезное переосмысление позиций. Язык приобрел свой новый статус, пока еще в недостаточной мере определенный. Фиксация новаций сложна еще и в силу динамики современных медиапроцессов, для которых характерны интернационализация и глобализация, открытость иноязычным влияниям (англицизмы), прежде всего, на лексическом уровне. Интернационализация – это не просто проникновение большого массива интернациональных слов, но и проявление различных квазиуниверсальных хронических тенденций. На уровне синтаксиса отметим аналитизм структуры предложения в печатном медиатексте. Сюда же следует отнести и другие приемы, отражающие широкий диапазон средств медийного воздействия: от решительности, настойчивости в отстаивании своего мнения до безапелляционности и отсутствия сомнений, «вбросы» компромата, распространение слухов или прямой обман и т.п.

Рассмотрим действие этих приемов на актуальных примерах медийного речеупотребления.

1.1. Повторы

Наиболее распространенным приемом являются повторы. Если представители политики, бизнеса, научных кругов и медиа хотят вывести в центр общественного интереса какое-либо новое событие или явление, то их главная задача и одновременно самая большая проблема – заставить реципиента поверить в нее. Финансовый кризис, разразившийся в 2014 г., перекинулся и на Россию с ее солидной «подушкой безопасности». В этой ситуации настойчиво заявляется о целях экономии для всех: банков, пользователей услуг, каждого гражданина. Этому можно найти множество подтверждений в сообщениях медиа:

(1) Работодатели начали экономить на добровольном медстраховании сотрудников. Правда, пока это выражается не столько в уменьшении количества заключенных договоров, сколько в сокращении бюджетов. Пересмотру подвергаются и другие статьи расходов на персонал, но штаты в большинстве компаний пока остаются неприкосновенными.

Большое количество медиасообщений призывают к патриотичности в данной ситуации. Нужно экономить (а сделать это предлагается, прежде всего, простым гражданам), в то время как банки государственного сектора, а также ряд частных банков стремятся попасть под защитный зонтик государства. Повтор, как прием информационного доминирования, является едва ли не единственным способом прочно «поместить» сообщение в сознание реципиента. Одно из непопулярных решений в

период кризиса, связанное с сокращением расходной части бюджета, то и дело, в разных вариантах подается на страницах печати:

(2) «По мнению Кудрина, раздутый бюджет тормозит экономический рост, и приступить к болезненному секвестру рано или поздно придется. Первым шагом мог бы стать отказ от субсидий убыточным предприятиям и ускорение приватизации».

Та же мысль, но несколько в другом ракурсе звучит в следующем контексте:

(3) «Стагнация в российской экономике началась с 2012 г., а в первом квартале 2013-го темпы роста ВВП по отношению к аналогичному периоду предыдущего года сократились с 5,3 до 0,6%, что даже больше, чем падение ВВП в первом квартале 2015-го. ... Сложившаяся ситуация «не была своевременно замечена», и планирование бюджетных обязательств ... было продолжено без учета произошедшего падения темпов роста ВВП».

Еще одной темой, рекуррентно отображающей события последнего времени, является проблематика экономических санкций. В статье «Экономические санкции против России: взгляд из Европы» указывается, что среди ключевых проблем сегодняшней Европы мало кто из европейцев в состоянии думать о возможном горячем сценарии конфликта, что связывается в т.ч. с боязнью и невозможностью западного общества защитить себя от «недемократических сил» в России.

(4) Бывший премьер-министр Польши Д. Туск недоволен отсутствием антироссийского единства среди европейских политиков. «Некоторые политики в Европе готовы поверить, что есть шанс доброй воли <Путина>», – но сам он относится к подобным настроениям скептически. «Мы должны начать жить без иллюзий». Евросоюз должен противостоять постоянному стремлению России разделить европейских политиков.

Определенный диссонанс во внешне единодушное мнение европейцев вносит заявление другого восточноевропейского политика:

(5) Министр иностранных дел Чехии Л. Заоралеk заявил о неразумности разговоров о новых санкциях в отношении России в условиях, когда реализуются минские соглашения. «Если мы видим что-то, что было [в Минске] положено на бумагу, действительно ныне на востоке Украины выполняется – достигнуто перемирие между воюющими сторонами, идет отвод тяжелой техники и обмен пленными, то мы не можем на это реагировать дополнительными санкциями». Ранее чешское руководство не раз высказывалось против антироссийских санкций и политики давления на Россию в целом. В начале февраля глава чешского государства призвал отменить санкции как можно скорее.

Время от времени подобные мнения звучат из уст авторитетных политиков Запада, коих вряд ли можно заподозрить в особых симпатиях к России. Сравн. высказывания министра иностранных дел Германии Франка-Вальтера Штайнмайера:

(6) Вашингтон и Брюссель разошлись в санкционном вопросе. Запад больше не может находиться в состоянии постоянного конфликта с РФ. Верховный представитель ЕС Федерика Могерини заявила, что санкции нельзя впредь считать мягкой мерой. Одновременно глава МИД Германии Франк-Вальтер Штайнмайер предположил, что поиск политического решения на юго-востоке Украины займет десятилетия, но Запад не обязан все это время конфликтовать с Россией. Таким образом, в вопросе давления на Москву Европа все сильнее расходится с США.

Кроме того, немецкому министру иностранных дел принадлежит следующее суждение:

(7) «Чего нам сейчас не следует делать, так это продолжать обострять ситуацию бряцанием оружия и боевыми кличами». ... Те, кто считает, что «передвижения танков обеспечат больше безопасности на восточных границах НАТО», заблуждаются. ... Попытки использования военной силы и политики устрашения были бы «роковой ошибкой», поскольку, помимо стремления к укреплению безопасности, нужно всегда быть готовым к диалогу.

Следует напомнить, что в начале 2016 г. западные политики и А. Меркель, в частности, со всей настойчивостью заявляли о необходимости продолжения санкций против России, связывая их с невыполнением минских соглашений:

(8) Ангела Меркель: Ключевой игрок ЕС – Германия – не отрицает санкции как инструмент влияния на Россию, но полагает, что это крайний вариант, к которому можно будет прибегнуть только в случае, если возможности дипломатического формата окажутся полностью исчерпаны. Евросоюз введет новые санкции, только если Минские соглашения будут грубо нарушены. «Пока мы констатируем хрупкий режим прекращения огня, который нам бы хотелось сделать стабильным».

Чуть позже А. Меркель озвучила свою позицию в отношении того, что:

(9) Евросоюз не намерен снимать санкции с России. «Так как Минские соглашения не были выполнены до конца, нам придется продолжать санкции в отношении России». Санкции в отношении РФ могут быть сняты только при условии выполнения всех положений соглашения "Минск-2"

В целом, события последнего времени (май-июнь 2016 г.) свидетельствуют о том, что антироссийская риторика не снижает своего накала, поэтому очевидно, что санкции против России будут продолжены. "Группа семи" в Японии выступила за продление санкций в отношении России, предупредив: если действия Москвы "того потребуют", ограничительные меры могут быть даже

усилены. Власти РФ, в свою очередь, заверяют: новость о сохранении санкций не стала сюрпризом, и их продление не принесет пользы глобальной экономике.

(10) Упомянув в примирительной тональности важность диалога с Россией как по украинскому, так и по другим кризисам, политики, тем не менее, подробнее остановились на действующих в отношении России санкциях. ... Срок действия санкций напрямую связан с полным выполнением Россией минских соглашений и соблюдением суверенитета Украины. ... Санкции могут быть отозваны, когда Россия выполнит эти обязательства. Однако мы готовы принять дальнейшие ограничительные меры, чтобы повысить издержки России, если ее действия потребуют этого"

Еще одним из примеров активного вокабуляра последнего времени является термин «импортозамещение», сформировавшего целый концепт. Он возник в результате курса на импорто-замещение, взятый Россией в связи с введенными против нее в 2014 г. западными санкциями. Импортозамещение – это процесс замещения импортных товаров и услуг продукцией отечественного производства. Важным аргументом в этой экономической и, как следствие, информационной войне стали ответные меры России по созданию аналогов и контрсанкции, введенные российскими властями. Эти вопросы в течение последнего времени активно обсуждаются в деловых кругах и простыми гражданами, и имеют поэтому массу полярных точек зрения. С одной стороны,

(11) ... последствия (импортозамещения) оказались неоднозначными: потребители были вынуждены отказаться от привычных продуктов, производители порадовались открывшимся перед российским бизнесом возможностям ... Некоторые плоды импортозамещения мы уже видим, какие-то еще только должны увидеть. Сходить с дороги импортозамещения правительство не собирается, а промышленники стараются как можно крепче закрепиться в тех нишах, которые прежде были недоступны.

Импортозамещение квалифицируется как положительное явление, дающее новый импульс российской экономике, с которой

(12) ... должен быть снят груз чрезмерных издержек в виде коррупции и произвола монополий; должна быть модернизирована инфраструктура, потому что сейчас имеются избыточные издержки из-за нехватки инфраструктуры в широком смысле этого слова; в-третьих, необходим разумный протекционизм, потому что импортозамещение невозможно, когда страна открыта настежь; в-четвертых, должна быть грамотная промышленная политика, т.е. предприятия должны получить на время окупаемости инвестиций льготный режим, хотя бы в приоритетных областях; ну и в-пятых, должно быть разумное управление валютным курсом, т.е. рубль должен быть не переоценен, а скорее недооценен.

В оппозиционных медиа можно встретить и другие, подчас весьма резкие комментарии:

(13) Не вопрос, выживем. Куда нам деваться. Перейдем с «Макфы» на «Доширак». Вопрос в другом. Не то худо, что худо сейчас, а то худо, что нет предпосылок для того, чтобы становилось лучше. Понадеяться бы на частную инициативу, бизнес, творчество освобожденных масс — как в 90-х, но пространство и дух, витающий над ними, выглядят строгими, зачищенными; ждать нечего. Все выровнено по нитке, люди в значительной части своей воли, энергии, порывов отменены ... Так вот, знать бы, для чего их отменили? Для чего деньги идут не населению, а на борьбу с ним — всевозможным контролирующим органам и силовикам? Сколько дерут с бабок за их 6 соток? Да им доплачивать должны, что они горбатятся над вашим «импортозамещением»!

1.2. Использование различных источников сообщения

Успех продвижения мнения и принятие какого-либо решения связаны с обеспечением максимального коммуникативного эффекта, когда сообщение приходит из разных источников. Это особенно важно в ситуациях, связанных с необходимостью достижения того уровня эффективности информирования и пропаганды, существующего в условиях переизбытка медиапредложений. Для медиаполитической повестки дня последнего времени и интеллектуальных лидеров, формирующих общественное мнение, важно добиться успеха в этой информационной войне. Так, в «украинском» вопросе в российском обществе к настоящему моменту достигнуто определенное равновесие, прежде всего, за счет сбалансированного представления различных источников информации с разных идеологических флангов. Сравн. изложение информационной версии, связанной с ситуацией в Донбассе:

(14) Глава Донецкой народной республики (ДНР) Александр Захарченко выступил резко против выдвигаемой официальным Киевом идеи направить на Донбасс вооруженную миссию ОБСЕ. Впрочем, это не мешает украинской стороне настаивать на своем предложении, которое имеет одну прикладную цель — дальнейший отказ от выполнения Минских соглашений.

(15) Захарченко заявил, что его самопровозглашенная республика не будет проводить местные выборы по украинским законам. По его словам, Донецк не будет «плясать под дудку» Киева и не прогнется под санкциями Евросоюза. «Выборы будут по нашему сценарию», — заключил лидер

ополченцев. В подтверждение своих намерений этой осенью ДНР проведет праймериз, в которых не смогут принять участие украинские партии. При этом Захарченко подчеркивает, что после непосредственного избрания местных властей Донецк завершит формирование независимого государства (по словам полпреда ДНР в Минске Дениса Пушилина, выборов может не быть ни в этом, ни в следующем году). Захарченко считает, что Киев все еще может удержать ДНР в составе единой Украины. Для этого он должен наделить Донецк правом самостоятельно обеспечивать собственную оборону, в том числе контроль над границей, решать вопросы внешней и внутренней политики, образования, а также экономики, включая сбор налогов. «Дело за малым — заставить Киев согласиться на все это и увести свои войска со всей территории Донецкой области».

В середине мая – начале июня 2016 г. ситуация в Донбассе резко обострилась:

(16) ... Огонь ведется практически по всей линии разграничения. Это происходит на фоне обнародованных президентами РФ и Украины условий мирного урегулирования конфликта. У президентов РФ и Украины Владимира Путина и Петра Порошенко разное видение путей к миру в Донбассе. Своеобразный заочный диалог начал российский президент. Он считает, что бои не прекратятся, пока Украина не завершит конституционную реформу в части децентрализации власти, не согласует вопрос проведения местных выборов в ДНР и ЛНР, а также не объявит амнистию защитникам республик. «И нельзя откладывать эти решения под предлогом того, что в зоне безопасности, в зоне разграничения кто-то в кого-то стреляет.

Подобное разнообразие мнений и «мозаичная» риторика обусловлены тем, что, по крайней мере, среди лидеров наблюдается стремление заполучить на свою сторону общественное мнение, в т.ч. в отношении элиты, выражающей характерный (пусть не высокий) уровень поддержки. Не случайно поэтому, что любое достижение информационного доминирования связано с распространением стереотипных мнений, суждений, оценок и т.п.

1.3. Продвижение информации с помощью клишированных суждений и эмоциональных оценок

Нередко язык «используется» так, что употребление ключевых единиц медиаполитического репертуара (напр.: концепт "реформа" и его рецепция) делает их предметом идеологических дебатов у представителей «левого» и «правого» флангов:

(17) ... авторы пенсионной реформы в России задумали иной механизм накопительной части пенсии - взять государственные средства из государственного пенсионного фонда и отдать частным пенсионным фондам. ... Население России не приучено направлять собственные средства на свои пенсии, а добровольно-принудительный механизм должен был обеспечить действие пенсионной реформы. И как это было «обеспечено», стало понятно через 10 лет даже нашему правительству.

(18) попытка Правительства снять с себя ответственность за надвигающийся развал ВАКовской системы заставляет вспомнить закон о реформе РАН; повторяется уже опробованная схема аргументации: старая система недееспособна, давайте что-то новое создадим. ... Встает вопрос: кто эта «пятая колонна», которая ведет российскую науку к развалу? Здесь два крыла есть. Одно либеральное, прозападное, и Ливанов, конечно, душой с ним. Его соавторы уже некоторые съехали. А второе – это те, кто близок к власти и пытается «приватизировать», и научную сферу, и бюджет. В данном случае оба этих крыла удовлетворены и Ливановым, и Министерством и помогают проталкивать такие законы.

(19) Дмитрий Медведев уже озвучил необходимость структурных преобразований экономики, которые позволили бы преодолеть сегодняшние кризисные явления; ... никаких реформ за счет людей правительство проводить не собирается. «Исполнительная власть демонстрирует в хорошем смысле консервативный подход, проявляет высокую степень социальной ответственности».

(20) «Нет необходимости ничего кардинально менять в российской пенсионной системе вплоть до момента окончания реализации Стратегии развития пенсионной системы, – заявил Валерий Рязанский: «В России начинается новая пенсионная реформа. Кому это нужно?»

(21) По словам замсекретаря Генсовета «Единой России», никакие реформы в нашей стране не будут проводиться за счет граждан.

Под языковой репрезентацией и в сути способов интерпретации подобного рода «социальных конфликтов» активно используется метафорический аспект их представления / интерпретации. В различных текстах и дискурсах язык выступает средством повествования о конфликте; объектами метафорического моделирования становятся участники конф-ликта, их действия, конфликтная ситуация. Что касается динамики конфликта, то метафорическому моделированию нередко подвергается предконфликтная (латентная) и конфликтная (открытая) стадии конфликта [Антонова, 2013, с. 7-8]. В зависимости от того, какие цели преследует повествующий, у аудитории складываются определенные образы объекта и его участников, формируются разные оценки ситуации. Один и тот же «конфликт» может интерпретироваться и представляться по-разному в зависимости от целеполагания

повествователя, его ценностных установок, которые определяются, в том числе, и условиями самого дискурса [Антонова, 2013, с. 6].

Для большей адекватности описания функциональных реалий на макроструктурном уровне медиатекста и заложенной в его содержательной части коммуникативной ситуации, основным репрезентантом выступает композиция с ее широко распространенной клишированностью, в т.ч. в отношении структуры новостей [Негрышев, 2014, с. 79]. Не касаясь механизмов интерпретативности, реализующихся в медиатексте, в качестве примера возьмем медийное освещение событий, связанных с борьбой с терроризмом и противодействием ИГИЛ:

(22) Тезис 1. Вашингтон пытается вести борьбу с ИГИЛ или скорее лишь обозначать ее в рамках сложившихся в годы холодной войны стереотипов и политики двойных стандартов.

Тезис 2. Пока не просматривается желание Вашингтона инициировать миротворческую операцию (гуманитарную интервенцию) в рамках мандата ООН с широким привлечением в коалицию России, Китая, Индии и одной из ключевых региональных держав – Ирана. Затрудняет борьбу с ИГИЛ и «двойная игра» монархий Персидского залива.

Тезис 3. ... не развенчав модель и идеологию радикального ислама, не прекратив приток новых тысяч джихадистов со всего мира, не лишив поддержки ИГИЛ со стороны местного суннитского населения, не блокировав военную, финансовую, материальную и другую помощь извне, добиться решающего перелома в борьбе с этим террористическим монстром в обозримом будущем вряд ли удастся. ... Победить ИГИЛ можно лишь общими усилиями всех заинтересованных государств и предпочтительно под эгидой ООН.

1.4. Партийный жаргон

Среди активно используемых приемов информационного доминирования можно выделить формирование и «задействование» особого стиля языка, своего рода «партийного жаргона» (от нем. *Parteijargon*) [Пастухов, 1998, с. 126-127] и др. Конечно, понятие «партийного жаргона» давно ушло от однозначного ассоциирования его с языком идеологии и пропаганды. Но, по сути, это тот же язык групп и организаций, который на практике представляет собой весьма эклектичное образование. Групповые мнения в свете их партийной принадлежности могут быть охарактеризованы как фиксация границ и сфер ответственности государства и социума. С их помощью бюрократическая система активно оперирует такими понятиями как «свобода», «конкуренция», «правда» и т.д. В этом случае, правда, можно ожидать определенных отклонений в их читательском (пользовательском) понимании. Часто оказывается, что «разумное» и «правильное» использование терминов свидетельствует лишь о том, что в условиях идеологической конкуренции их понятийная основа сводится к их преимущественному использованию не как средства номинации, а как инструмента продвижения политической власти. Многие политики давно поняли, что концептуальная конкуренция и «война концептов» просто необходимы власти. Что касается самой терминологии, то использование слов «широкой семантики» значительно повышает степень воздействия на общественное мнение.

Политический жаргон определенной группы, табуированные в политическом отношении слова («социализация», «холодная война», «самоотчуждение», «идентичность», «реформы 90-х», «олигархический капитализм», «план Путина», «восточный вектор», «майские указы», «страны-изгои», «модернизация», «генеральная линия партии», «преобразования в жизни общества», «кремлевский режим», «народ Украины», «письмо счастья», «возвращение в родную гавань» и т.п.) являются показательными примерами. Этот «жаргон» становится реальной основой в формировании общественного мнения, когда возможно ожидать самых неожиданных «перекрещиваний» и констелляции «проблемных» коммуникативных ситуаций:

(23) Удержать от «великих потрясений» может трансформация нынешнего госкапитализма «друзей» в конкурентную олигархическую экономику в рамках авторитарного режима.

Или:

(24) Мы не собираемся сдавать экзамен на «демократическую пригодность». Нам нередко высказывают претензии по поводу «управляемой демократии» (а есть иная? до недавнего времени мы были единственным государством в мире с неуправляемой демократией, что для России по последствиям было равнозначно неуправляемой ядерной реакции)... озабоченность «доброхотов» вызывает более всего то, что демократия управляема изнутри, а не извне, как того желалось бы кому-то. Модель внешнего управления, к которой сегодня уверенно дрейфуют некоторые страны СНГ под аплодисменты по поводу их «порыва к свободе», для России неприемлема.

А также:

(25) Партия находится в постоянном диалоге с гражданами

Медведев: Работа по обобщению предложений однопартийцев и сторонников Партии носит постоянный характер ... на Съезде Партии мы приняли новую редакцию Программы, с которой мы идем на выборы, работа по обобщению предложений наших однопартийцев и всех сторонников Партии носит постоянный характер и никак не связана с избирательной кампанией.

Или:

(26) ЛДПР сегодня – единственная настоящая партия России!

Но первыми были МЫ. Другое столь популярное в наши дни явление – патриотизм. Его также в конце 80-х гг. первой в повестку дня поставила ЛДПР. С мая 1991-го г. как кандидат в президенты, Жириновский заявил о патриотизме как основе идеологии ЛДПР. Любить Россию, главный народ – русский, чтобы в национальном вопросе устранить дискриминацию как наследие пролетарского интернационализма КПСС. В любом здании, какими бы ни были красивыми окна, плафоны, главное – фундамент. Убираем фундамент и здание рухнет. Так и национальный состав. Русский народ должен скреплять всю страну. Он – везде. И он все создал.

Легитимация узкогрупповых интересов, артикулируемая с помощью идеологических клише, обеспечивает объяснение и оправдание институционального порядка, придает ему ценностно-нормативный характер (т.н. «знаниевая» форма ценностных представлений). Отсюда, в частности, стремление к наукообразности, наблюдаемое у любого «изма» [Михайлов, 2005].

(27) Пятая колонна внутри страны продолжает гнать русофобию и антисоветизм. Ибо мы выстояли перед всеми набегами, но национализм, русофобия и антисоветизм оказались самым грозным оружием, которое разорвало границы Советского Союза, уничтожило десятки тысяч предприятий, вынудило разбежаться в разные стороны народы, жившие в единой стране. И это стало настоящей трагедией для всех нас.

Б.В. Бирюков в своем труде «Социальная мифология, мыслительный дискурс и русская культура» совершенно справедливо определяет сферы значимости, связанные с легитимацией идеологических клише, в которых мир конструируется как ирреальный, как эрзацмир. Это мир воображаемых сущностей и неосуществимых идеалов. Для его внедрения разрабатываются искусственные мотивационные структуры, неадекватные реалиям ценностные стандарты [Бирюков, 2006, с. 18-44].

Идеологемы обесмысливания текста и их «социальное обеспечение» сводятся, в принципе, к означиванию:

1) смысловой пустоты (идеология включает в себя ряд положений, суждений, принципов, которые являются «пустыми формулами» и не несут в себе какого-либо отчетливого содержания);

2) всеобщей значимости (универсальная применимость для любого неосмысленного предложения, коль скоро оно сформулировано в тексте; идеологические клише этому условию удовлетворяют, т.к. обеспечивают ситуативный контекст, в котором это предложение приобретает смысл);

3) элитарного генезиса («пустые формулы» принимаются и получают распространение в социальном коллективе; в силу своего иллюзорного характера они внедряются в коллектив, социальную группу, элиту и т.п., заинтересованные в данной идеологии);

4) легитимации (возникновение, генезис идеологии в социальном коллективе, в котором в противовес идеологии господствующего социального слоя, находятся люди, сомневающиеся в предлагаемых идеологией формулах и интерпретациях).

1.5. Решительное отстаивание мнения через систему аргументов, отсутствие сомнений в правильности собственных действий, суждений и оценок

Весьма распространенным правилом медийной репрезентации и продвижения коммуникативного события становится решительность в отстаивании аргументов, отсутствие сомнений в правильности собственных действий и т.д. Это своеобразная программа, делающая, по мнению ее представителей, медийную политику особенно результативной. По этой причине реальность окружающего мира часто не подтверждается фактами, а выставляется за счет ... грубых действий, укладывающихся в сценарий гибридной войны. Последний предполагает усиление роли медиа в ней: «Мы ни в чем не участвуем, но для вашего же блага вам следует в это поверить». Готовность поверить – и есть условие возможной сделки, гарантирующей, что вы сами не станете предметом гибридного интереса». В качестве примера можно привести ситуацию с увольнением ряда сотрудников и обыски в медиахолдинге РБК:

(28) Отказ РБК от прежних амбиций, изъятие этого издания из той схемы, которая сложилась сегодня на российском медиарынке, грозит окончательно превратить этот рынок в музей.

а также:

(29) Другие издания должны будут сделать выводы из показательной гибридной порки, устроенной РБК. Если, несмотря на ресурсы Прохорова, с его медиа могли обойтись, таким образом, то более мелким игрокам нечего надеяться на внезапную либерализацию и оттепель. Нужно старательно практиковать самоцензуру и публиковать отчетные документы о съездах правящей партии.

Существуют также примеры позитивных, одобрительных утверждений, связанные с продвижением положительного образа власти, выражением заботы о национальных интересах,

работы на благо общества и т.п. В статье «Медведев договорился с «настоящим сословием» сообщается о поддержке и отстаивании прав предпринимателей России:

(30) «Предпринимательство у нас уже стало настоящим сословием, и от его самочувствия зависит все в нашей экономике». Он порадовал представителей агробизнеса продлением антисанкций еще на год. По словам Д.А. Медведева, при подготовке ведомственных инструкций чиновники слишком мало советуются с предпринимателями, а законодатели мало слушают работодателей.

Приведенные примеры отражают стратегию заявлений, которые во многом противоречат реальностям сегодняшнего дня. При этом представители правительственной идеологии не предлагают обсуждения, дискуссии. Известный коммуникативный лозунг "TINA" = ThereIsNoAlternative ("альтернативы не существует") отмечен и в современной медийной практике. Но он не может быть господствующим, т.к. нео-либеральные реформаторы, чья идеология пострадала в ходе финансового и экономического кризиса, требуют продолжения реформ и во время кризиса (сравн.: «Мы выйдем сильными из кризиса»):

(31) ... в стране сохраняется общая макроэкономическая и бюджетная стабильность. ... «Ситуация на мировых рынках, на рынках международных финансов остается для нас неблагоприятной. Основные показатели нашей экономики, хоть и замедлили падение, но все-таки еще находятся в отрицательной зоне. Тем не менее, общая макроэкономическая и бюджетная стабильность сохраняется».

Однако этот тезис не всегда подтверждается реальными фактами:

(32) Ранее считалось, что уменьшение ВВП, падение розничной торговли, сокращение доходов населения и бюджета несовместимы с понятием «стабильность». Но в России своя терминология. Поэтому у нас чиновники называют стабильностью уже хотя бы замедление скорости падения. Впрочем, даже это замедление видно далеко не везде. Социологи фиксируют новое сокращение текущих расходов россиян, которые теперь стали реже заходить в магазины. ... Пятимесячный тренд низкого среднего чека говорит о продолжающемся режиме экономии. Но раньше потребители в целях экономии чаще ходили по магазинам, посещая большее количество торговых точек в поисках лучших ценовых предложений. Теперь же поведение граждан изменилось – они избегают частых посещений магазинов.

Любая форма противодействия и критики в медиа является отраженным свойством контактности. Если брать систематические процессы существующей медиа-системы, то можно заметить сознательные примеры разрушения, наступления и даже агрессии в изображении процессов окружающей (медийной) действительности. В этом случае, опираясь на доверие к медиасистеме, можно найти не только экспертные, но и пользовательские оценки распространяемой информации. В плоскости практической политики это означает такую дистрибуцию новостей, в которой оценка политики звучит только из уст т.н. «экспертов». В наиболее болезненных вопросах – политики и экономики – это обеспечивает ее положительное восприятие, которое при вдумчивом и внимательном подходе или в процессе принятия решений выглядит как ревизия позиций общественности. В этой ситуации учреждения, фонды и инициативы действуют не в интересах граждан, а скорее в угоду интересам правительства или коалиционного большинства. Часто медиа приглашают профессоров и специалистов; эти аналитики работают в интересах банков и крупных корпораций. В их экспертных заключениях содержится большая часть их повседневной работы. Но одновременно это и специальный формат презентации сообщения, т.к. позиции экспертов опосредуют самые различные формы коммуникативного обмена.

1.6. Обман и распространение слухов

Но прежде всего, коммуникативно значимое событие служит выражению активного действия, приковывающего внимание читателя. Эту характерную черту очень часто используют как своего рода информационный «крючок», на который подвешивают сведения второстепенного плана. Другие важные события, которые невозможно подвесить на такой «крючок», как правило, интересуют журналистов гораздо меньше и о них будет сказано лишь вскользь [Пастухов, 2015, с. 165].

Медиа занимают заинтересованную позицию в отношении лжи и обмана. Для них нередко не существует выбора, как представить читателю (зрителю) информацию о политиках и бизнесменах. Им предстоит решить вопрос, как «через газеты и телевидение внедрить в сознание людей заранее сфабрикованную ложь» [Щербатых, 2007, с. 578-579]. Внешняя цензура, партийная ориентированность издания, конкретные исторические условия (война, выборная кампания), учет ожиданий аудитории, требования рекламодателя и еще масса причин определяют степень, в которой издание готово исказить реальные пропорции по отношению к той картине действительности, которую медиа рисует для своего адресата. Журналист может участвовать в этом искажении осознанно или неосознанно, с готовностью или против своей воли. Переплетение всех этих обстоятельств и создает разные ситуации, толкающие журналиста на отклонение от истины [Майданова, Чепкина, 2011, с. 202-203].

Современные медиакommunikативные практики дают многочисленные примеры искаженной информации и даже мистификаций: от игры, шутки до преднамеренного обмана. Такое новое явление в медиа, как фейк, требует своего самого разностороннего анализа. В связи с этим вполне закономерно стремление ученых в выявлении основных типов медиафейков, описании приемов их создания и функций. О.С. Иссерс дает следующие определения термину фейковый: 1) мифический, искусственный, «невсамделишный»; 2) манипулятивный; 3) слабый, неэффективный; 4) демонстративно-показательный, ненастоящий [Иссерс, 2015, с. 19]. Частью современного медиапространства стали т.н. фейковые новости. От сегодняшнего потребителя новостного контента требуется не только умение читать новости, но и анализировать их. Очень часто сообщения, опубликованные в Сети, даже на сайтах серьезных медиа, являются неправдой:

(33) Крымские татары призвали Турцию пересмотреть свою позицию по Крыму.

Об этом сообщает РИА "Новости" со ссылкой на руководителя движения "Къырым" Ремзи Ильясова. По мнению представителей крымско-татарского объединения, признание полуострова частью России будет способствовать укреплению безопасности в Черноморском регионе и значительно ускорит преодоление политического кризиса между Москвой и Анкарой, сообщает LIFE.

В электронных медиа можно найти множество примеров информации, достоверность которой не всегда подтверждается. Интернет подсказывает «информационные поводы» и помогает найти нужные факты, однако, нередко под видом сенсаций предлагает явную ложь:

(34) Федор Конюхов пропал с радаров

Российский путешественник Федор Конюхов 12 июля (2016 г.) отправился в кругосветный полет на воздушном шаре «Мортон» и пропал с FlightRadar. Однако, по данным его собственного сайта, полет продолжается.

Мистификация, построенная на введении в заблуждение, может окружать даже вполне обыденные события. В сети мистификаторов рискуют попасть и вполне «добросовестные» издания, профессионально работающие с информационными ресурсами» [Иссерс, 2015, с. 21]:

(35) «17-летний космонавт из КНДР побывал на Солнце»

Соответствующий сюжет был показан в выпуске северокорейских новостей. Якобы 17-летний космонавт под именем Хунг Ил Хонг совершил минувшей ночью высадку на Солнце. Согласно легенде, старт космического корабля был произведен в 3 часа утра по местному времени — космонавт полетел в темное время суток, чтобы спастись от жары. По прилету Хонг высадился на поверхность светила, взял пробу грунта, после чего благополучно полетел обратно в КНДР, где его уже ждал лидер нации товарищ Ким Чен Ын.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что производство и воспроизводимость тем медийного интереса в своей главной интенции представляет собой пиар политики и самих медиа. Это прием политического маркетинга, в котором граждане, не обладающие медиакомпетенцией, не всегда способны распознать намерения конкурирующих политиков: им уготованы лишь внешние, поверхностно-созерцательные, отчасти дилетантские суждения. В последнее время политические партии активно используют эти правила для концентрирования усилий именно не на программах, а на медиаполитическом дизайне. Медиаинсценирование политики имеет далеко идущие последствия: зрители ток-шоу и телевизионных дуэлей ждут вовсе не содержательного и правдивого освещения реальной политики, а исполнительства. Отсюда все более важными и статусными становятся политологи, советники по связям с прессой, эксперты по политическому маркетингу, руководители политических исследований и т.д.

Параллельно происходит процесс своего рода эстетизации политики. Развлекательные медиа и политические агентства используют хорошо известные ходы: то, что говорится, никоим образом не определяет качества и правдивости сказанного. Важно как сказано: политика формируется без идеи, а ведение неудобных споров и дискуссий неплохо вписывается в рамки ритуализации, в которой заранее известно, кто участвует, что говорит и какой ответ на вопрос будет дан респондентом.

Очевидно, что дизайн политических медиа испытывает потребность в обновлении форматов, расширении сфер и подходов в транслировании информации. Последние по большей части стабильны, но здесь очень легко можно стать жертвой сторонних воздействий. И интервью, ток-шоу, теледебаты с участием представителей партий, сопровождающиеся ритуальным «выводом слонов» (тот, кто в них выступает, тот и «звезда»), представляют собой не что иное, как парад знаменитостей. Более того, публикуемые институтами общественного мнения или самими медиа рейтинги политиков практически не отражают симпатии простых граждан, которым как раз интересны сами персоналии, их «личная» история, а не политическая система или последствия политических решений в ней.

Таким образом, медиа характерно оформляют ситуации политической коммуникации, прежде всего, как единство новостей, рекламы и развлечения. В политейменте зрители и читатели удовлетворяются «минимой» близостью к сильным мира сего, подпитываются иллюзией видения

будущего. Другая часть общества, которая претендует на звание «элиты», не может считаться таковой, если она не отвечает медийным требованиям. Для нее любая замкнутость и необновляемость, независимость как безответственность, национальная безыдейность, идеология несоблюдения национальных интересов – все это признаки уже не «элиты» в строгом смысле слова, а «лжеэлиты», или «квазиэлиты» [Анненкова, 2014, с 73].

В немецком медиавакабуляре существует такой термин – Meinungsmache (ср.: сила мнения): [См.: Krüger, 2013; Sieber, 2014; Bergmann, Pörksen, 2007; Müller, 2010]. В условиях освещения политических проблем эта сила мнения, борьба за мнения приобретает ярко выраженный персонализированный характер. В медиадемократии действует некое число акторов, для которых персонализация как раз и означает задействование всех участников политического процесса. И медиатизация политики, и ее персонализация признаются при этом как неизбежные. Можно даже вывести некую формулу: в той степени, в какой мы редуцируем сложность информирования посредством доверия, в той же мере политика должна быть персонализирована. Персонализация политики и мнений о политиках часто заменяют суждения о существе дела [Пастухов, 2015, с. 103-104]. Возможно, это отчасти объясняет существующие различия в медиаоценках (допуская их неодинаковый или противоположный характер), но одновременно это показательно характеризует особенности медийной репрезентации события в плане повторяемости и воспроизводимости. Нет сомнения, что в череде изучения разнообразных граней современного коммуникативного процесса все эти явления требуют к себе особого отношения и признания их в качестве новых, динамичных объектов исследования.

Литература

- Анненкова И.В. «Элита» и «лжеэлита» как системные понятия медиацентричной культуры // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2014. – № 26 (197). – Вып. 24. – С. 71-74.
- Антонова Т.Г. Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе: ключевые дискурсивные метафоры // Язык и культура. Приложение. – 2013. – № 2. – С. 5-18.
- Баранов А.Н., Паршин П.Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. – М., 1986. – С. 100-143.
- Бирюков Б.В. Социальная мифология, мыслительный дискурс и русская культура // Homologens 3: сб. статей. – М.: Школьная библиотека, 2006. – С. 18-44.
- Больш Н. Азбука медиа. – М.: Европа, 2011. – 136 с.
- Гришаева Л.И. Фазы развития события «выборы президента России» в зеркале заголовков немецких медиатекстов // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Мат-лы докл. V Межд. Интернет-конф. «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации» (26-28 февраля 2013 г.) – Саратов: ИЦ «Наука», 2013. – С. 29-31.
- Гришаева Л.И. Парадоксы медиалингвистики. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. – 296 с.
- Иссерс О.С. Феномен медиафейка: от пародии до обмана // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Мат-лы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13-20 сент. 2015 г.) / Ред. кол.: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др. – В 15 т. – Т. 13. – СПб.: МАПРЯЛ, 2015. – С. 18-24.
- Карасик В.И. Медиадискурс в социалингвистическом аспекте // Лингво-страноведение: методы анализа, технология обучения. Одиннадцатый межвузовский семинар по лингвострановедению (Москва, 10-11 июня 2013). Сб. статей в 2 ч. – ч. I. Языки в аспекте лингвострановедения / Моск. гос. ин-т межд. отн. (Университет) МИД России. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – С. 10-19.
- Красикова Т.Р. Особенности конструирования социально значимого события в медиатекстах новостных выпусков телеканала «Дождь» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – Т. 24. – № 26(197). – 2014. – С. 98-109.
- Майданова Л.М., Чепкина Э.В. Медиатекст в идеологическом контексте : монография. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2011. – 304 с.
- Михайлов В.А. Социология общественного мнения: Уч. пос. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – 384 с.
- Негрышев А.А. Интерпретация в новостях СМИ: потенциал синтагматической структуры текста // Меди@льманах. – 2014. – № 1. – С.78-83.
- Ним Е. «Игрушко митингуэ»: в поисках теории медиатизации гражданского протеста // Журнал исследований социальной политики. – 2016. – Том 14. – № 1. – С. 55-70.
- Пастухов А.Г. «Unser» как идеологическое клише // Язык и социум: Мат-лы II Междунар. науч. конф. – Минск, 1998. – ч.1. – С. 126-127.
- Пастухов А.Г. Какой текст становится медиатекстом: к проблеме отбора новостей // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе / отв. ред. А.Г. Пастухов. – Вып.6. – Орел: ОГИИК, ПФ «Оперативная полиграфия», 2008. – С. 272-281.
- Пастухов А.Г. Ресурсы информационного доминирования: анализ 'формата' новостных сообщений // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – вып. 7 / отв. ред. А.Г. Пастухов. – Орел: ОГИИК, ООО ПФ "Оперативная полиграфия", 2009. – С. 248-263.
- Пастухов А.Г. Agendasetting или установление повестки дня в медиатексте // Медиатекст: стратегии – функции – стиль : коллективная монография / Л.И. Гришаева, А.Г. Пастухов, Т.В. Чернышова (отв. ред.) – Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры, ООО «Горизонт», 2010. – С.171-185.

Пастухов А.Г. Документация, оценка и классификация фасциативных реакций в медиа // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – вып. 11 / отв. ред. А.Г. Пастухов. – Орел: ОГИИК, ООО «Горизонт», 2013. – С.159-174.

Пастухов А.Г. Медийные персонажи в фокусе: о ком пишут журналисты? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2015. – № 12 (209). – Вып. 26. – С. 102-112.

Пастухов А.Г. Возможные рефлексии дискурса власти в анализе коммуникативного события // Дискурсы власти: коллективная монография / Н.А. Меркурьева, А.В. Овсянников, А.Г. Пастухов (отв. ред.). – Орел: Орловский гос. институт культуры, ООО «Горизонт», 2015. – С. 147-207.

Пищева Т.Н. Барьеры восприятия публичного образа политика // Полис. – 2000. – № 4. – С. 132-134.

Плотникова С.Н. Технологизация дискурса: процесс и результат // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2008. – № 4. – С. 138-146.

Плотникова С.Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. – 2015. – № 3 (714). – С. 72-83.

Шевченко В.Д. Пространственная и хронологическая доминанты в дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2015. – № 3. – С.44-53.

Щербатых Ю.В. Искусство обмана: популярная энциклопедия. – М., 2007.

Якоба И.А. Деконструкция дискурсивной технологии власти // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2015. – № 5 (29). – С. 194-196.

Arlt, Hans-Jürgen, Storz, Wolfgang: „Bild“ und Wulff – Ziemlich beste Partner. Fallstudie über eine einseitig aufgelöste Geschäftsbeziehung. Eine Studie der Otto-Brenner-Stiftung. – Frankfurt/Main, 2012. – 88 S.

Bergmann, Jens; Pörksen Bernhard (Hrsg.): Medienmenschen. Wie man Wirklichkeit inszeniert. – Münster: Solibro-Verlag, 2007. – 344 S.

Fiske J. Media matters: Everyday Culture and Political Change. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.

Gabriel Oscar W.: Politische Einstellungen und politische Kultur, In: Gabriel, Oscar W./Holtmann, Everhard (Hrsg.): Handbuch Politisches System der Bundesrepublik Deutschland. 3., völlig überarbeitete und erweiterte Auflage. München/Wien: Oldenbourg, 2005. – S. 457-522.

Janich, Nina: Massenmedien // Metzler Lexikon Kultur der Gegenwart. Hrsg. von R. Schnell. – Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler, 2000.

Krüger, Uwe: Meinungsmacht. Der Einfluss von Eliten auf Leitmedien und Alpha-Journalisten – eine kritische Netzwerkanalyse. – Köln: Herbert von Halem Verlag, 2013. – 375 S. (Reihe des Instituts für praktische Journalismus und Kommunikationsforschung 09);

Müller, Albrecht: Meinungsmache: Wie Wirtschaft, Politik und Medien uns das Denken abgewöhnen wollen. München: Knaur Taschenbuch Verlag, 2010. – 493 S. – S. 129.

Niedermayer, Oskar: Bürger und Politik. – 2. akt. u. erw. Aufl. – Wiesbaden: VS Verlag, 2005.

Sieber, Samuel: Macht und Medien: Zur Diskursanalyse des Politischen. – Bielefeld: Transkript Verlag, 2014. – 288 S.

Список источников иллюстративного материала

Кривошапко Ю. А вас я попрошу остаться. Работодатели сокращают расходы на персонал, но штаты не трогают // Российская газета. – № 6971 (103). – 6.05.2016. – Режим доступа: <http://rg.ru/2016/05/16/rabotodateli-sokrashchaut-rashody-na-personal-no-shtaty-ne-trogaiut.html>

Егорова Е. «Мозговой штурм» экономики. Путин засекретил заседание Экономического совета: слишком много разногласий // Московский комсомолец. – 26.05.2016. – Эл. версия: <http://www.mk.ru/economics/2016/05/25/putin-zasekretil-zasedanie-ekonomicheskogo-soveta-slishkom-mnogo-raznoglasiy.html>

Башкатова А. Из кризиса – в новую стабильность. Руководство страны подготовит красивые обещания на 2025 год // Независимая газета. – 26.05.2016. – Эл. версия: http://www.ng.ru/economics/2016-05-26/1_crisis.html

Туск: ЕС не готов к новым санкциям, несмотря на «провокации» Путина. – Эл. ресурс. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/1903145.html#ixzz3U41x9Lu9> (09.03.2015)

МИД Чехии считает неразумными разговоры о новых санкциях. – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://vseruss.com/index.php?p=4&catId=3&newsId=23491> (03.03.2015)

Вашингтон и Брюссель разошлись в санкционном вопросе. – Эл. ресурс. – Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2015-03-06/1_sanktsii.html (06-03-2015)

Штайнмайер раскритиковал бряцание оружием у границ России. – 18.06.2016. – Эл. версия: <https://lenta.ru/news/2016/06/18/steinmeier> (21.06.2016)

Вашингтон и Брюссель разошлись в санкционном вопросе. – Эл. ресурс. – Режим доступа: www.ng.ru/world/2015-03-06/1_sanktsii.html (06.03.2015)

Меркель: санкции против России будут продолжены. – Эл. ресурс. – Режим доступа: www.vesti.ru/doc.html?id=2715102 (01.02.2016)

"Группа семи" была по-японски сдержанна. Лидеры G7 пока не готовы снять санкции против России // Коммерсант. – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2999398> (28.05.2016)

Десягин М.: Импортзамещение в России // Завтра. – 15.09.2014. – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/importozameschenie-v-rossii-kak-izbezhat-perekosov-i-realizovat-potentsial> (15.09.2014)

Десягин М. Импортзамещение в России. Пять конкретных шагов. – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://delyagin.ru/articles/81213.html>

- Не жили богато, а стали жить бедно // Новая газета. 13.05.2016. – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/society/73059.html>
- Дульман П. Война чужими руками // Российская газета. – 30.05.2016. – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://rg.ru/2016/05/30/doneck-vystupil-protiv-policejskoj-missii-obse.html>
- Аваков А. Захарченко потребовал от Порошенко передать ДНР всю Донецкую область // Московский комсомолец. – 29.05.2016 – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2016/05/29/zakharchenko-potreboval-ot-poroshenko-peredat-dnr-vsyu-doneckuyu-oblast.html>
- Ивженко Т. В Киеве не будут менять Конституцию // Независимая газета. – 30.05.2016. – http://www.ng.ru/cis/2016-05-30/1_ukraina.html
- Куликов Н.И., Лутовинова В.В. Пенсионная реформа в России: вчера, сегодня, завтра. – Эл. ресурс. – Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/opinion/149129.html> (30.11.2015)
- Кашин Б.С. Реформа аттестации научных кадров: зачем? – Эл. ресурс. – Режим доступа: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/149804.html> (26.12.2015)
- Исаев А. У правительства есть четкая программа действий. – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://er.ru/news/141412/> (19.04.2016)
- Рязанский В. Российская пенсионная система не нуждается в кардинальных изменениях. – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://er.ru/news/141990/> (12.05.2016)
- Железняк С. Главная цель усилий государства – сохранение человеческого капитала. – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://er.ru/news/141409> (19.04.2016)
- Иванов С. Террористический монстр не сдаётся: ИГИЛ продолжает оставаться одной из основных угроз региональной и международной безопасности // Независимое военное обозрение. Приложение к «Независимая газета». – Эл. ресурс. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/realty/2015-03-06/15_terror.html (06.03.2015)
- Микиртумов И. Шкала ценностей: Конкурентная олигархия // Ведомости. № 4028. – 04.03.2016. – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/03/04/632499-oligarhicheskiy-kapitalizm>
- «Федеральный справочник» – ведущее общественно-политическое издание России, в котором широко представлены мнения и позиции руководителей ведущих министерств и ведомств России. Содержит основные направления развития страны, а также аналитические и справочные материалы в области экономики, финансов и права, социальной сферы и международного сотрудничества. См.: Косачев К. Место России в мире XXI века. – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-21/XII/Kosachev.pdf>
- Д. Медведев: Работа по обобщению предложений однопартийцев и сторонников партии носит постоянный характер / Официальный сайт партии «Единая Россия». – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://er.ru/news/144039> (11.07.2016).
- Партия / Официальный сайт Либерально-демократической партии России. – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://ldpr.ru/party> (16.06.2016)
- Г.А. Зюганов: Увековечение памяти тех, кто укреплял нашу государственность, – историческая обязанность патриотов / Официальный сайт Коммунистической партии Российской Федерации. – Эл. ресурс. – Режим доступа: www.kprf.ru/party-live/cknews/157037.html (18.07.2016)
- Мартынов К. Конец РБК: гибридная война против медиа // Новая газета. – № 51. – 16.05.2016. 13.05.2016 <http://www.novayagazeta.ru/columns/73075.html>
- Там же.
- Зубов М. Медведев договорился с «настоящим сословием» // Московский комсомолец. – 28.05.2016. – Эл. ресурс: <http://www.mk.ru/economics/2016/05/27/prodliv-prodovolstvennoe-embargo-medvedev-vyslushal-zhaloby-oligarkhov.html>
- Медведев констатировал макроэкономическую стабильность в стране / Gazeta.ru. – 12.07.2016. – Эл. ресурс. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/business/news/2016/07/12/n_8871641.shtml
- Сергеев М. Магазины уже обходят стороной. Потенциал сокращения расходов населения практически бесконечен // Независимая газета. – 13.07.2016. – Эл. ресурс. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2016-07-13/1_shops.html
- Крымские татары призвали Турцию пересмотреть свою позицию по Крыму. . – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://politikus.ru/v-rossii/79740-krymskie-tatary-prizvali-turciyu-priznat-poluostrov-rossijskim.html> (Politikus.ru) (01.07.2016)
- Федор Конюхов пропал с радаров. – Эл. ресурс. – Режим доступа: http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201607122042-jc4p.htm (12.07.2016)
- «17-летний космонавт из КНДР побывал на Солнце». – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://rustoria.ru/post/novosti-kotoryh-ne-bylo-glavnye-fejki-proshedshej-nedeli/> (09.11.2014).

УДК - 070.1:316.62

НОМИНАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СЕГМЕНТИРОВАНИЯ АУДИТОРИИ NOMINATION AS A MARKET SEGMENTATION TOOL

Н.С. Самойленко
N.S. Samoilenko

*Воронежский государственный университет,
Россия, 394068, г. Воронеж, ул. Хользунова, 40а*

*Voronezh State University,
40a, Kholzunova Str., Voronezh, 394068, Russia*

E-mail: samoilenkons@gmail.com

Аннотация. Данная работа посвящена феномену использования номинации как инструмента сегментирования аудитории. В статье номинация как инструмент сегментирования рассматривается на примере автомобильных брендов разных ценовых категорий. Рассматриваются примеры использования номинативных средств, позволяющих осуществлять воздействие на аудиторию и сегментировать ее по определенным принципам.

Abstract. The work is devoted to the problem of the nomination as a market segmentation tool. The article deals with the nominations-characteristics used by automotive manufacturers. The author analyses the ways the nomination can be used as a tool of segmentation and positioning.

Ключевые слова: номинация, сегментирование аудитории, позиционирование, СМИ, манипулирование.

Keywords: nomination, segmentation, positioning, mass media, manipulation.

Введение

Процесс номинации представляет собой образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, это «называние, именование, присвоение имени, процесс наименования» [1], «обозначение» [2].

Тот или иной вариант номинации позволяет по-разному позиционировать один и тот же объект (например, бандформирования - повстанцы, спекулянт – предприниматель, главарь – лидер и т.п.).

Номинацию можно рассмотреть как инструмент сегментирования аудитории. Сегментирование аудитории – разбивка аудитории на четкие группы покупателей, для каждой из которых могут потребоваться отдельные товары и/или комплексы маркетинга [3].

Данное исследование призвано определить способы номинации в процессе позиционирования тех или иных товаров, относящихся к разным сегментам рынка и разным ценовым категориям.

Очевидным образом, сегментация целевой аудитории по покупательской способности в значительной степени детерминирует способ позиционирования продукта, способный в полной мере отразить его особенности и привлекательность для потенциальных покупателей. Такие номинации призваны подчеркнуть определенный стиль жизни, ценностные ориентиры, характерные для конкретной целевой аудитории.

Результаты и их обсуждение

В данной работе номинация как инструмент сегментирования рассматривается на примере автомобильных брендов разных ценовых категорий: эконом-класса, бизнес-класса (суб-премиум), класса премиум, класса люкс. В каждой категории нами были выбраны по два бренда: эконом класс - Hyundai Solaris (Хендай Солярис) и Renault Logan (Рено Логан), бизнес-класс – Nissan Teana (Ниссан Теана) и Toyota Camry (Тойота Камри), премиум – Mercedes E (Мерседес Е) и BMW

5 (БМВ 5), люкс - Rolls Royce Phantom (Ролс-ройс Фантом) и Maserati Quattroporte (Мазератти Квадрапорте).

На следующем этапе нами были выявлены по 15 наиболее частотных номинаций-характеристик товара. Материалом для данной работы послужила информация, размещенная на официальных сайтах автопроизводителей. Результат приведен ниже в таблице.

Таблица

Выявленные номинации-характеристики

Эконом-класс	Бизнес-класс	Премиум-класс	Люкс
Стильный	Стильный	Стильный	
Безопасный			
Технологичный	Высокотехнологичный	Инновационный	
Очаровывает			
Непринужденная эlegантность	Элегантный	Элегантный	Элегантный
Экономичность			
Экологичный			
Комфорт	Истинный комфорт	Абсолютный комфорт	
Уверенность			
Выразительный	Выразительный	Выразительный	
Надежный			
Современный	Современный	Современный	Современный
Практичный			
Качественный	Высококачественный	Высококачественный	
Эргономичный	Эргономичный	Эргономичный	Эргономичный
	Спортивный	Спортивный	Спортивный
	Оригинальный	Индивидуальный	Уникальный
	Эффектный	Эффектный	
	Изящный		
	Престижный		
	Изысканный	Изысканный	
	Заметный		
		Завораживающий	
		Гармоничный	
		Благородный	
			Наследник
			Роскошный
			Уютный
			Классический
			Традиционный
			Бескомпромиссный
			Подлинный авторитет
			Значимость
			Подлинный шедевр
			Бессмертная классика

Таким образом, был определен ряд номинаций-характеристик, характерных исключительно для определенной ценовой категории:

- эконом - безопасный, очаровывает, экологичный, экономичный, уверенность, надежность, практичность;
- бизнес - заметный, престижный, изящный;
- премиум - благородный, изысканный, завораживающий, гармоничный;
- люкс - наследник, роскошный, уютный, классический, традиционный, бескомпромиссный, подлинный авторитет, значимость, подлинный шедевр, бессмертная классика.

Приведенный перечень номинаций-характеристик позволяет нам сделать вывод о представлениях автопроизводителей о ценностных ориентирах потребителей разных ценовых категорий, выраженных в данных номинациях и характерных исключительно для определенных групп потенциальных покупателей. Так, в эконом-классе, они продиктованы утилитарными потребностями (экономичный, практичный, безопасный), в бизнес-классе – желанием показать свой статус (заметный, престижный), в товарах класса люкс – желанием подчеркнуть преимущество и "подлинность" (традиционный, наследник, бессмертная классика). Премиум-класс, в свою очередь, компилирует большое количество номинаций-характеристик, присущих бизнес-классу и классу люкс.

Это доказывается еще и тем, что премиум-класс и бизнес-класс имеют наибольшее количество пересечений в используемых номинациях: 80% выявленных нами номинаций не являются уникальными. В свою очередь, эконом-класс имеет 53% пересечений с другими сегментами рынка. Класс Люкс имеет лишь 33% общих номинаций и в большей степени оперирует уникальными номинациями, призванными отразить исключительность и обособленность аудитории данных товаров. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что именно товары бизнес-класса и премиум-класса зачастую мимикрируют за люксовыми брендами, но, в отличие от последних, нацелены на самую широкую аудиторию, являясь, по сути, товарами так называемого "масс-маркет" (т.е. категориями товаров, охватывающих наиболее широкий слой населения). Таким образом, как показывает данное исследование, позиционирование премиум-брендов и брендов бизнес-класса посредством номинации представляет собой "игру в элитарность", призванную, с одной стороны, подчеркнуть премиальность товаров и оправдать его высокую стоимость, с другой - не потерять массовую аудиторию. Данная тенденция имеет и экономическое основание – широкое распространение кредитов. Заемные средства позволяют покупателю «перепрыгивать» из одного ценного диапазона в другой и рассматривать вариант покупки, несоответствующий его покупательной способности и изначальной интенции потребителя. В свою очередь, производители товаров эконом-класса и товаров класса люкс в большей степени производят отстройку от конкурентов, и значительное внимание уделяют поиску своих потенциальных покупателей, удовлетворению их потребностей.

Помимо прочего, было выделено несколько номинаций, универсально используемых во всех приведенных ценовых категориях товаров. К таким универсальным номинациям были отнесены: *современный, эргономичный, элегантный*. Можно сказать, что эти номинации, по мнению производителя, выражают наиболее значимые ценности для потребителя, вне зависимости от его покупательной способности.

Также необходимо отметить ряд выявленных номинаций-характеристик, позволяющих «обосновать» переход товара в другую ценовую категорию:

- технологичный (эконом) → высокотехнологичный (бизнес) → инновационный (премиум);
- комфорт (эконом) → истинный комфорт (бизнес) → абсолютный комфорт (премиум);
- качественный (эконом) → высококачественный (бизнес, премиум);
- оригинальный (бизнес) → индивидуальный (премиум) → уникальный (люкс).

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что ценовая категория товара и отнесенность его к определенному сегменту рынка (в данном случае эконом, бизнес, премиум, люкс) обуславливает способ позиционирования товара, что находит свое отражение в номинациях-характеристиках, используемых производителем. Установив корреляцию между отмеченными выше ценовыми категориями, отнесенностью к определенному рыночному сегменту и используемыми номинациями, мы можем сделать вывод, что названные характеристики являются факторами, детерминирующими номинацию в процессе позиционирования товара и сегментирования аудитории. Таким образом, номинация выступает инструментом сегментирования аудитории.

Литература

- Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. - М.: Наука, 1978. – 198 с.
- Торопцев И.С. Словопроизводственная модель / И.С. Торопцев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1980. - 148 с.
- Котлер Ф. Основы маркетинга / Ф. Котлер. – М.: Изд-во Прогресс, 1991. – 657 с.

УДК 070

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗОВ РОССИЙСКИХ СПОРТСМЕНОВ В ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫМИ И ФЕДЕРАЛЬНЫМИ СМИ

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF IMAGES OF RUSSIAN SPORTSMEN IN THEIR REPRESENTATION BY REGIONAL AND FEDERAL MEDIA

**Д.С. Срыбный
D.S. Srybnyy**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University,
85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: 519205@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию различий образов российских спортсменов в их репрезентации региональными и федеральными СМИ. Исследуются особенности подачи журналистских материалов белгородской и федеральной прессы, посвященных таким спортсменам, как Александр Кокорин, Федор Емельяненко, Сергей Тетюхин. Наблюдается тенденция, при которой журналисты местных изданий склонны мифологизировать образ спортсмена, представляющего регион. Материалы авторов общероссийских изданий отличаются большей объективностью: их взгляд остается объективно критическим

Abstract. The article investigates the differences in the images of Russian athletes in their representation of the regional and national media. The author describes the features of journalistic texts of Belgorod and federal press dedicated to such athletes as Alexander Kokorin, Fedor Emelianenko, Sergei Tetyuhin. There is a tendency according to which the journalists of local media tend to mythologize the image of an athlete representing the region. Federal authors are more objective: their view is objectively critical.

Ключевые слова: Спортивная журналистика, аксиология спорта, региональные спортивные СМИ, федеральные спортивные СМИ, образ спортсмена в СМИ.

Keywords: Sports Journalism, axiology of sports, regional sports media, the federal sports media, the image of the athlete in the media.

На сегодняшний день аксиология журналистики переживает этап становления и утверждения. По утверждению одного из ее основоположников В. А. Сидорова, аксиологию журналистики «можно рассматривать: во-первых, как метод ценностного исследования масс-медиа; во-вторых, как способ рассмотрения журналистики в качестве источника и ретранслятора ценностей общества; в-третьих, как новую социальную теорию журналистики, соответствующую информационной эпохе начала XXI века, – теорию, которая органично интегрирует в себе «надбытийность» и «онтологичность» ценностей, пронизывающих бытие журналистики»⁴⁷. Подобные трактовки отнюдь не отрицают друг друга и не вносят разногласия в понимание аксиологии журналистики, а представляют, на наш взгляд, попытку целостного, интегративного, максимально возможного ее осмысления, высвечивающего все грани ее возможного приложения как в журналистской науке, так и в социально-гуманитарных науках в целом, которое систематизирует и объединяет написанные в разное время работы под эгидой ценностного анализа журналистики. Обзор научных сочинений показал, что высокий градус аксиологического напряжения имеют работы, отражающие ценностный конфликт медийного пространства. В них, как правило, анализируются этико-профессиональные качества журналистов и коммуникативные стратегии современных СМИ. Так, в контексте деонтологической культуры рассматриваются ценности «свобода», «ответственность», «нравственная позиция», «самоограничение», «толерантность», «призвание» и их антиподы, ассоциирующиеся у исследователей соответственно

⁴⁷ Журналистика в 2009 году: трансформация систем СМИ в современном мире : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. М. : Фак-т журналистики МГУ, 2010. 576 с.

с «качественной» («новой», «гражданской», «социальной», «человечной») журналистикой и «рыночной» («ангажированной», «легковесной») имеем в виду исследования И.В. Зиновьева, А.П. Короченского, И.А. Павлихина, О.М. Рыбалко, М.В. Симкачевой, И.В. Филатовой и других. Изучение отдельных аспектов коммуникативных стратегий СМИ позволяет делать выводы о ценностных ориентациях СМИ и, соответственно, о приоритетных для них функциях (работы А.И. Верховской, А.В. Дрожжина, И.В. Ерофеевой, Г.В. Жиркова, С.С. Ильченко, А.Н. Кудиновой, Л.Г. Лисицкой, М.А. Найдена, К.Р. Нигматуллиной, С.Б. Стебловской, С.П. Суворовой, В.В. Тулупова, О.В. Устимовой, О.В. Федотовой, М.Л. Халтуриной); при этом под коммуникативными стратегиями в медиалогии обычно понимают «определенную концепцию СМИ, обосновывающую и оправдывающую его существование, дающую конкретные установки, типы реагирования, фильтрации событий, отбора материала, его подачи и трактовки⁴⁸».

В современном мире спорт является неотъемлемой частью культурной жизни общества, образуя целую систему символов и знаков, которые отражают специфику ценностных установок и идеологических ориентаций, типичных не только для спортивной деятельности, но и для общества в каждую социально-историческую эпоху развития⁴⁹. Спортсмен как непосредственный участник подобного рода деятельности является важным репрезентантом аксиологической компоненты, транслируемой средствами массовой информации. Можно говорить об универсальных методах и средствах, используемых авторами журналистских материалов при описании того или иного спортсмена, но в то же время наблюдается существенная разница в подаче материалов, репрезентирующих личность спортсмена, в материалах региональной и общероссийской прессы. В данной статье мы рассмотрим типичные примеры, характеризующие специфику как региональных, так общероссийских журналистских материалов, посвященных спортсменам.

Деятельность СМИ сегодня рассматривается как одна из важнейших сфер формирования нормативно-поведенческих установок и стереотипов, а также системы ценностей. СМИ обладают широким диапазоном педагогического и психологического воздействия на людей - от простого ознакомления и обучения до убеждения. От направления, содержания, объема и качества продукции средств массовой информации во многом зависят структура и содержание общественного мнения о спорте, характер и степень ценностного отношения к нему. Общий подход средств массовой информации к освещению спортивных соревнований, акцентирование тех или иных моментов, соответствующие комментарии, разъяснения и т.д. формируют ценностные ориентации в обществе, стереотипы поведения спортсменов, тренеров, организаторов международных спортивных соревнований, а также влияют на жизненный выбор отдельного человека.

На сегодняшний день методология исследований медийных образов находится на стадии начального становления ввиду того, что работы, посвященные этой проблеме, крайне немногочисленны, а система методов исследования медиаобраза еще находится в стадии формирования. Такое положение дел актуализирует исследование понятия медиаобраза и методов его конструирования в СМИ. Анализ научных публикаций последних лет, посвященных данной проблеме, позволил нам выделить три основных тенденции в реконструкции медийного образа в их зависимости от анализируемого фактического языкового материала.

Во-первых, медийный образ публичных персон, таких как политики, звезды шоу-бизнеса, общественные деятели, а также репрезентация актуальных социальных, экономических и политических проблем создается на основе медиатекстов, созданных профессиональными журналистами. Так, например, изучается медийный образ России на основе лингвостилистического анализа журналистских текстов [Белоусов, 2010, 27], [Глухов, 2009, 234], [Соколов, 2010, 32], [Чернышева, 2010, 31]. Такие исследования позволяют получить модели медиаобразов определенных фрагментов действительности, основанных на личном мнении профессиональных журналистов, что обуславливает высокий уровень субъективности полученных результатов.

Во-вторых, медиаобраз социально значимого явления или субъекта может формироваться на основе речевых продуктов, полученных в ходе работы фокус-групп. В качестве примера можно привести исследования [Hughes, 2008, 21] британских ученых, касающихся актуальной в последнее время темы лечения человека с использованием стволовых клеток и отношения к данному явлению общественности. Целью сформированных по данному вопросу фокус-групп было выявление уровня знаний опрашиваемых по изучаемой проблеме, источника информации по данной тематике и личного мнения о преимуществах и недостатках подобного вида лечения. В результате проведенного исследования ученые сформировали собирательный образ-представление о стволовых клетках, который превалирует в медиасознании аудитории.

⁴⁸ Журналистика в 2005 году: трансформация моделей СМИ в постсоветском информационном пространстве : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. М. : Фак-т журналистики МГУ, 2006. 600 с.

⁴⁹ Люлевич А.А. Образ спорта в отечественных СМИ: социокультурный анализ: дисс. ... канд.культурологии. – М.:2006. – 168 с.

В-третьих, реконструкция медиаобразов представляется возможной в результате систематизации спонтанных речевых произведений пользователей сети Интернет, обсуждающих то или иное явление на различных онлайн-платформах. Подтверждением этому является конструирование медиаобраза И.В. Сталина [Зелянская, 2009, 77], основой для которого стали интернет-комментарии различных пользователей, обсуждавших образ советского вождя, выражавших свое отношение к его личности и деятельности.

Анализ эмпирических данных в нашей работе базируется на первом из представленных типов реконструкции медиаобраза в СМИ, идентифицирующем российских спортсменов на основе репрезентации их личностных качеств и спортивных достижений журналистами федеральных и региональных изданий.

К числу представляющих Белгородскую область спортсменов, чьи достижения активно освещаются не только в региональной, но и общероссийской прессе, мы можем отнести футболиста Александра Кокорина, бойца смешанных единоборств Федора Емельяненко и волейболиста Сергея Тетюхина.

Уроженец города Валуйки Белгородской области, Александр Кокорин, является одним из наиболее известных молодых российских футболистов. На сегодняшний день спортсмен выступает за футбольный клуб Зенит (г. Санкт-Петербург), а также входит в состав национальной сборной России. Согласно базе данных специализированного интернет-портала «Transfermarkt» (Германия), Александр Кокорин занимает третье место в списке самых «дорогих» российских футболистов, чья трансферная стоимость составляет 7 млн. фунтов стерлингов⁵⁰.

Будучи героем публикаций региональной прессы, Александр Кокорин предстает перед читателями достойным представителем Белгородской области. Спортивные успехи футболиста преподносятся журналистами не как его личные достижения, а в качестве успеха всего региона. Так, в публикации «Наш земляк вошел в историю» журналист Е. Николаев, комментируя забитый А. Кокориным гол в ворота сборной команды Алжира, отмечает, что футболист «забил первый «белгородский» гол на чемпионатах мира по футболу⁵¹». При этом, несмотря на, в целом, неудачное выступление российской сборной, автор публикации подчеркивает значимость успеха спортсмена: «27 июня в первом часу ночи уроженец Валук Александр Кокорин вошел в футбольную историю⁵²».

Журналист белгородского молодежного издания «ОнОнас» А. Севриков также особое внимание уделил «родовой принадлежности» автора забитого гола: «Белгородчина ликовала особо, ведь ворота поразил валуйчанин Александр Кокорин! ...сложно представить, что творилось в самих Валуйках, но у меня сложилось впечатление, будто этот небольшой город на время стал центром вселенной⁵³».

Мы отмечаем, что представители региональных СМИ весьма эмоционально подходят к описанию спортивных достижений своего земляка и ассоциируют его успех с «родной» белгородской областью.

Более сдержанно оценили достижение валуйчанина журналисты центральных изданий. Колумнист «Комсомольской правды» Евгений Несын отмечает лишь профессиональные качества спортсмена: «Александр Кокорин после подачи с фланга мощно пробил головой под штангу и открыл счет в матче⁵⁴». В подобном ключе прокомментировал гол россиянина и корреспондент Русской службы ВВС Р.Сааков: «Кокорин примерно с 11 метров нанес точный удар в левый верхний угол ворот - голкипер африканцев Раис М'Боли даже не прыгнул за мячом⁵⁵».

Общий тон публикаций региональной прессы об Александре Кокорине – исключительно позитивный. Практически во всех публикациях, посвященных спортсмену, журналисты отмечают его высокий профессионализм и уровень технической подготовки, соответствующий самым высоким мировым стандартам. Характеризуя спортсмена, белгородские журналисты, также акцентируют внимание и на его положительных личностных качествах. Так, автор публикации «Наши люди в Бразилии» Е.Ромашов описал свою поездку в родной город Александра Кокорина – Валуйки, где пообщался с первым тренером футболиста и его первой учительницей. Описывая

⁵⁰ Специализированный интернет-портал «Transfermarkt». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.transfermarkt.co.uk/russia/startseite/verein/3448>

⁵¹ Николаев Е. Наш земляк вошел в историю // Портал издательского дома «Мир Белогорья». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belpressa.ru/news/news/nash-zemlyak-voshyol-v-istoriyu/>

⁵² Там же

⁵³ Севриков А. Между эйфорией и отчаянием // Портал издательского дома «Мир Белогорья». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belpressa.ru/news/news/mezhdu-eyforiej-i-otchayaniem/>

⁵⁴ Несын Е. Сборная России покидает чемпионат мира по футболу // Интернет-сайт газеты «Комсомольская правда». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/26248.4/3128575/>

⁵⁵ Сааков Р. Россия не смогла обыграть Алжир и вылетела с ЧМ-2014 // Интернет-сайт Русской службы новостей ВВС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/sport/2014/06/140626_wc2014_football_russia_algeria

личные качества спортсмена, оба педагога отмечают, что еще в детстве Александр был трудолюбивым, целеустремленным и «суперответственным»⁵⁶.

В отличие от своих региональных коллег журналисты общероссийских изданий не склонны идеализировать образ спортсмена. Так, колумнист газеты «Спорт-экспресс» Е.Зырянкин констатирует серьезный спад в карьере футболиста, отмечая его невыразительную и посредственную игру в последнее время: «самый талантливый российский форвард и главная надежда национальной сборной в нынешнем сезоне переживает очевидный кризис. Что случилось с Кокориным? Отчего так поблекла его игра»⁵⁷.

Помимо возникших у Кокорина проблем спортивного характера, журналисты центральных изданий отмечают и проблемы дисциплинарные: участие в скандальных историях и вызывающее поведение на публике. Примечательно, что данные темы никак не освещались в региональной прессе Белгородчины.

Боец смешанных единоборств Федор Емельяненко, хотя и не является коренным жителем Белгородской области, но позиционируется местными СМИ в качестве спортсмена, представляющего именно этот регион. Спортивные успехи атлета преподносятся как результат жизни в регионе. В публикациях региональной прессы мы также отмечаем преобладающий акцент на несобственно спортивных аспектах личности Федора Емельяненко, таких как показательная нравственность, отсутствие вредных привычек и православная активность. Именно Федор Емельяненко стал первым белгородским спортсменом, принявшим эстафету Олимпийского огня в преддверии XXII зимних игр в Сочи. Журналисты спортивного издания Белгородской области «Смена» отмечали, что спортсмену было «приятно пронести огонь по родному святому Белогорью»⁵⁸.

В июле 2015 года спортсмен спустя 3 года после объявления о завершении своей карьеры заявил о том, что намерен вернуться на ринг. Новость об этом событии была оперативно опубликована в крупнейших белгородских и общероссийских спортивных СМИ. Примечательно, что уроженец украинской ССР и проживающий с 2012-го года в Москве спортсмен продолжает позиционироваться региональными изданиями Белгородской области как «староосколец»: «легендарный боец смешанного стиля из Старого Оскола сообщил, что сейчас ведутся переговоры с компаниями, которые проводят бои»⁵⁹.

Подобную нелогичную «привязку» к региону мы наблюдаем и в отношении известного волейболиста Сергея Тетюхина. Многократный чемпион страны, европейских и мировых первенств, Олимпийский чемпион 2012 года родился на территории Узбекской ССР и сменил несколько клубов, прежде чем стать белгородским спортсменом, начав выступать за местный «Локомотив-Белогорье» (с 2011 года – «Белогорье»). Именно с белгородским этапом карьеры связаны основные спортивные достижения Сергея Тетюхина. Примечательно, что внушительный вклад атлета в развитие и популяризацию спорта в регионе, а также выдающиеся профессиональные успехи волейболиста нашли свое признание на самом высоком уровне, когда в 2012 году спортсмен стал Почетным гражданином Белгородской области.

Популярность Сергея Тетюхина зачастую делает его героем объемных журналистских публикаций. В качестве примера мы можем привести материал «Два дня в декабрых», опубликованный в первом выпуске областной спортивной газеты «Смена» за 2014 год и занимавший целую полосу формата А3. Автор публикации Е. Ромашов характеризует спортсмена как воплощение «чуда национального характера», говоря о «золотом» матче сборной России в Олимпийском финале 2012-го года⁶⁰. Журналист называет волейболиста «нашим земляком», с гордостью подчеркивая тот факт, что Сергей Тетюхин представляет Белгородскую область на клубном уровне. Помимо этого, в публикации идет речь о личных качествах спортсмена: журналист «Смены» характеризует волейболиста как примерного семьянина и заботливого отца, сопровождая текст своей статьи фотографией Сергея Тетюхина с младшим сыном. Оценивая значимость Белгородской области в жизни Сергея Тетюхина, автор текста описывает регион как «большую волейбольную семью».

⁵⁶ Ромашов Е. Наши люди в Бразилии // Портал издательского дома «Мир Белогорья». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belpressa.ru/news/news/nashi-lyudi-v-brazilii/>

⁵⁷ Зырянкин Е. Александровский спад // Электронная версия газеты «Спорт-экспресс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sport-express.ru/football/rfpl/reviews/855496/>

⁵⁸ Брысин В., Черноусов П. Огонь, приносящий радость и... снег // Портал издательского дома «Мир Белогорья». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belpressa.ru/news/news/ogon-prinosyashij-radost-i-sneg/>

⁵⁹ Белых С. Федор Емельяненко объявил о возвращении на ринг // Портал издательского дома «Мир Белогорья». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belpressa.ru/news/news/fyodor-emelyanenko-obyavil-o-vozvraschenii-na-ring09167/>

⁶⁰ Ромашов Е. Два дня в декабрых // Электронная версия областной спортивной газеты «Смена» (№ 1, 2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belpressa.ru/media/news_backbone_media/2013/12/31/1_2.pdf

В качестве «главного российского волейболиста» позиционирует спортсмена популярный общественно-политический журнал федерального масштаба «Русский репортер». В выпуске № 48 за 2013 год Сергею Тетюхину посвящена публикация Александры Владимировой под названием «Сила веры Сергея Тетюхина⁶¹». В своей публикации автор называет известного спортсмена «легендарным волейболистом с уникальной репутацией», отмечая, что «Тетюхин – человек, которого в волейбольном мире уважают все». Характерно, что журналист не позиционирует Сергея Тетюхина в качестве белгородского спортсмена: первым по значимости для автора публикации является национальная принадлежность волейболиста и его вклад в спортивные достижения страны. При этом выступление спортсмена за белгородский клуб расценивается как один из этапов карьеры героя публикации.

Таким образом, мы отмечаем разницу в репрезентации образов известных российских спортсменов региональными и федеральными СМИ. Как показал анализ публикаций, посвященных футболисту Александру Кокорину, журналисты местных изданий склонны даже не столько идеализировать образ спортсмена, сколько уже мифологизировать. Скандальные ситуации, в которых оказывался замешан футболист, журналистами белгородских изданий не освещались, общий тон публикаций всегда оставался положительным и преисполненным гордостью за успехи «земляка». Материалы авторов общероссийских изданий отличаются большей объективностью: успехи Александра Кокорина признаются и высоко оцениваются специалистами, но вместе с тем, их взгляд остается объективно критическим – журналисты отмечают качественный спад в игре футболиста.

Анализ публикаций, посвященных Федору Емельяненко и Сергею Тетюхину позволил выявить другую особенность репрезентации спортсменов региональными СМИ. Журналисты местных изданий, как правило, связывают успехи атлетов с их территориальной принадлежностью: именно на белгородской земле известные сегодня спортсмены смогли в полной мере реализовать свой потенциал и добиться внушительных успехов в своей карьере. Публикации подобного рода, на наш взгляд, призваны формировать патриотические чувства у читателей, чувство гордости за достижения своих «земляков». Так, в отличие от элементов национальной самоидентичности, фигурирующих в патриотических публикациях о победах российских спортсменов на мировой арене, в этом случае имеет место самоидентичность «региональная», целью которой является обозначить исключительность достижений атлетов, представляющих конкретный регион России, и соответственно высокий человеческий потенциал самого региона.

В публикациях общероссийских изданий данный компонент нивелируется. Журналисты федеральных СМИ не акцентируют внимание на региональной принадлежности спортсменов (которая может быть и вовсе неправильно определена, как в случае с Федором Емельяненко). Достижения того или иного спортсмена на мировой арене описываются как успех страны в целом, а не отдельного ее региона.

Региональные СМИ проявляют заинтересованность в раскрытии данной темы наравне с федеральной. По сравнению с федеральными массмедиа, местные СМИ способны достичь большего успеха в популяризации образа того или иного спортсмена благодаря близости к своему читателю. Им под силу осуществить комплексный подход к данной проблеме с учетом социокультурных особенностей отдельно взятого региона. Ведь информация, содержащаяся в СМИ, не только направлена на привлечение к борьбе за здоровый образ жизни реальных и потенциальных любителей спорта, но и способна серьезно активизировать деятельность лиц административного круга (руководителей спорткомитетов, представителей местных (федеральных) властей др.), от полномочий которых зависит решение тех или иных проблем, связанных с развитием массового спорта на конкретной территории.

Список литературы

- Богдан, Е.Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики [Текст]: Е.Н. Богдан, Вестник Московского ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2007. № 4. 321с.
- Блейн, Н. Бойл Р. Спорт как жизнь: СМИ, спорт и культура [под ред. А. Бригтза, П. Кобли; пер. с англ. ЮВ Никуличева//Медиа. Введение. [Текст]: Учебник для студентов вузов –2-е изд. 2005. 572с.
- Бугров, Н.Н. Новое мышление, олимпизм и гуманистические ценности // Новое мышление и олимпийское движение [Текст]: Н.Н. Бугров. М.: Знание, 1990. 218с
- Власкин, А.П. Журналистика и аксиология: белые пятна в понимании [Электронные ресурс]: Материалы VI научно-практической конференции «СМИ и общество». Режим доступа: <http://journalist.masu.ru/index.php/about-us/2011-04-05-10-19-40/-q-q/109--vi----/776-2012-03-14-08-58-36>
- Галинская, Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике [Текст]: Вестник ОГУ 2013. – № 11.

⁶¹ Владимирова А. Сила веры Сергея Тетюхина // Электронная версия журнала «Русский репортер» (№ 48, 2013) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusrep.ru/article/2013/03/27/tetyuhin/>

Дубин, Б.В. Спорт, культ и культура тела в современном обществе. Заметки к исследованию / Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры [Текст]: Б.В. Дубин. М.: Новое издательство, 2004. 341с.

Журналистика в 2009 году: трансформация систем СМИ в современном мире : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. М. : Фак-т журналистики МГУ, 2010. 576 с.

Журналистика в 2005 году: трансформация моделей СМИ в постсоветском информационном пространстве : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. М. : Фак-т журналистики МГУ, 2006. 600 с.

Зубанова, Л.Б. Современное медиапространство: подходы к исследованию и принципы интерпретации [Текст]: Вести. Челябинск. гос. академии культуры и искусств 2008. – № 2.

Зильберт, А.Б. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи [Текст]: А. Б. Зильберт. 2001. 56с.

Кудрин, С.А. Базовые метафоры спортивного дискурса, как текстоподражающие модели [Текст]: автореф. дис.... С.А. Кудрин. М.: изд-во МГУ, 2005.

Красников, А.А. Проблемы общей теории спортивных соревнований [Текст]: А.А. Красников. - М.: СпортАкадемпресс, 2003, 46 с.

Кожевникова, И.Г. Концепт «спорт» в русской концептосфере [Текст]: И.Г. Кожевникова. Воронеж: Истоки, 2002. № 9.

Лубышева, Л.И. Социология физической культуры и спорта [Текст]: Л.И. Лубышева. М., 2001. 240с.

Люлевич А.А. Образ спорта в отечественных СМИ: социокультурный анализ: дисс. ... канд.культурологии. – М.:2006. – 168 с.

Мангутова, В.Р. Спортивный дискурс и его участники [Электронный ресурс] / режим доступа: <http://www.acis.vis.ru>

Позднышев, Е. Имидж спортсмена: Паблик рилейшнз в спорте. Научно-методическое издание. Часть 1. К.: “ЧПП” 2003. - 106 с.

Сидоров, В.А. Аксиология журналистики: возможности прочтения проблематики // Теория журналистики: в поисках смысла, структуры и назначения: [Текст]: сб. науч. тр./ под ред. М. Н. Кима. СПб., 2007. 289с.

Столяров, В.И., Роль спорта и спартианской модели игрового соперничества в формировании и развитии культуры мира // Спорт. Спартианское движение. Культура мира [Текст]: сборник / сост. и ред. В.И. Столяров, Е.В. Стопникова // Библиотека Спартианского Гуманистического Центра. – М.: Физическая культура. 2007. 389с.

Сулейманов, И.И. Предмет теории и социальные функции физической культуры и спорта [Текст]: И. И. Сулейманов. Омск, 1981. 240с.

Суник, А.Б. Некоторые актуальные проблемы исследований в области истории физической культуры и спорта [Текст]: А.Б. Суник. 1999. 84с.

Толковый словарь спортивных терминов / Сост. Ф.П. Суслов, Д.А. Тышлер. - М.: СпортАкадемПресс, 2001. – 480 с.

Фомин, Ю.А. Актуальные социальные проблемы большого спорта [Текст]: Ю.А. Фомин. Омск, 1989. 310с.

Фомин, Ю.А. Идеологическое наследие спорта XX века [Текст]: Ю.А. Фомин. Омск, 1996. 261с.

Царик, А.В. Физическая культура и спорт для всех в XXI веке [Текст]: А.В. Царик. Краснодар, 1996. 206с.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.944.4:356.131

УСТАНОВОЧНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ СОСТОЯНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ ПОЖАРНЫХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ МЧС РОССИИ

REGULATION OF THE MENTAL BURNOUT CONDITION OF FIREFIGHTERS OF THE STATE FIRE SERVICE OF RUSSIA EMERCOM THROUGH ATTITUDES

Л.Н. Молчанова¹, А.И. Редькин¹, В.Н. Ткачев²
L.I. Molchanova, A.I. Redkin, V.N. Tkachev

¹⁾Курский государственный медицинский университет Минздрава России,
Россия, г. Курск, 305000, ул. К. Маркса, 3 А;

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород, 308015, ул. Победы, 85

E-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru, alex-reds@list.ru, tkachev@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования установочной регуляции состояния психического выгорания у пожарных государственной противопожарной службы МЧС России. Специфическая форма альтруистической активности пожарных государственной противопожарной службы МЧС России по изменению ситуации в соответствии с целью деятельности и ее ожидаемым результатом, их ориентированность на достижение результата вопреки возможным помехам и неудачам, стремление оказывать влияние на ситуацию, пусть даже это влияние не гарантирует успех является установочным механизмом в регуляции состояния психического выгорания.

Abstract. The results of the research installation regulation of mental burnout of firefighters of the state fire service of Russia EMERCOM are presented in the article. A specific form of altruistic activity of firefighters of the state fire service of Russia EMERCOM in changing the situation in accordance with the purpose of the activity and its expected result, their focus on achieving results in spite of possible disturbances and failures, the desire to influence the situation, even if that influence does not guarantee success is a attitudes mechanism in the mental burnout regulation.

Ключевые слова: установочный механизм регуляции, жизнестойкость, социально-психологические установки, состояние психического выгорания, пожарные государственной противопожарной службы МЧС России.

Keywords: attitudes mechanism of regulation, resilience, social-psychological attitudes, state of mental burnout, firefighters of the state fire service of Russia EMERCOM.

Введение

Профессиональная деятельность пожарных государственной противопожарной службы МЧС России связана с риском для жизни, повышенной ответственностью и длительным и интенсивным воздействием экстремальных факторов: угрозы неудач, неопределенности, утраты природных, социальных и техногенных катастроф и др., что зачастую сопровождается негативными эмоциональными состояниями, физическим и психическим перенапряжением в виде состояния психического выгорания [Кошкарров В.С. , 2014; Молчанова Л.Н., Редькин А.И., 2014; Павлова Е.В. , 2014].

В настоящее время исследовательский интерес к проблеме состояния психического выгорания пожарных государственной противопожарной службы МЧС России в основном сосредоточен на его взаимосвязях с ценностями [Каширский Д.В. и др., 2013], защитно-совладающим поведением [Матыцина Е.Н., 2012], посттравматическим стрессовым расстройством, социальной фрустрированностью [Павлова Е.В., 2014] и др. Вне рамок рассмотрения по-прежнему остаются психологические механизмы его регуляции.

Способность личности «держат удар», способность формировать и поддерживать в себе позитивные, оптимистичные установки и ценности, совладать со стрессогенным воздействием экстремальных ситуаций определяется отечественными и зарубежными психологами как жизнестойкость [Мадди С., 2002; Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И., 2006] и исследуется как детерминанта состояния психического выгорания, как ресурс устойчивости [Молчанова Л.Н., Редькин А.И., 2014]. Согласно А.Д. Леонтьеву и др. [2006], структура жизнестойкости представлена установками вовлеченности, контроля и вызова. Вовлеченность рассматривается как позиция сотрудничества во взаимодействии с окружающими, контроль подразумевает стремление оказывать влияние на жизненные события, пусть даже это влияние не гарантирует успех, а вызов – идти на риск даже в ситуации неопределенности ее исхода, имея своей целью активное усвоение знаний из опыта и последующее их использование [Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И., 2006]. В этой связи не менее важным в исследовательском и практическом плане является вопрос о жизнестойкости как установочном механизме регуляции состояния психического выгорания пожарных государственной противопожарной службы МЧС России.

Объекты и методы исследования

Цель исследования состоит в выявлении установочной регуляции состояния психического выгорания пожарных государственной противопожарной службы МЧС России.

Психическое выгорание пожарных государственной противопожарной службы МЧС России выступает в качестве объекта исследования.

Жизнестойкость как установочный механизм регуляции состояния психического выгорания пожарных государственной противопожарной службы МЧС России является предметом исследования.

Эмпирическое исследование проводилось на базах подразделений МЧС г. Курска. В нем приняли участие пожарные государственной противопожарной службы МЧС России в количестве 50 человек мужского пола в возрасте от 20 до 50 лет. Стаж профессиональной деятельности составил 0,5-25 лет. Реализация исследования осуществлялась с использованием следующих тестовых методик: опросник на выгорание MBI (С. Maslach, S.E. Jackson, в адаптации Н.Е. Водопьяновой) [Никишина В.Б., Дроздов А.Г., Запесоцкая И.В., Молчанова Л.Н. 2010.], опросник жизнестойкости (С. Мадди) в адаптации Д.А. Леонтьева и др. [2006], методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О.Ф. Потемкина) [<http://brunner.kgu.edu.ua/index.php/cv/2010-05-28-14-04-32/234-attitude>].

В группу методов количественной и качественной оценки данных вошли методы описательной и сравнительной статистики, факторного анализа. Статистическая обработка результатов осуществлялась с использованием программного обеспечения ("Statistica 6.0").

Методологическим основанием исследования жизнестойкости как установочного механизма регуляции состояния психического выгорания пожарных государственной противопожарной службы МЧС России выступила теория смысловой регуляции психических состояний А.О. Прохорова [2009].

В современном научном понимании психическое выгорание представляет собой состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющееся в профессиях социальной сферы и включающее в себя три составляющих: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию личных достижений [Никишина В.Б. и др., 2007; Молчанова Л.Н., 2009; Никишина В.Б., Молчанова Л.Н., 2011; Молчанова Л.Н., Старкова Е.Е., 2013].

В соответствии с точкой зрения М. Буриша [Burisch, 1994] на развитие психического выгорания установка на жизненные и профессиональные перспективы выступает его и социально-психологическим фактором, и симптомом. Так сильная зависимость от работы, чрезмерно высокая положительная установка на выполнение профессиональной деятельности, сопровождающаяся значительными энергетическими затратами, приводит к появлению защитных установок (обвинению других, игнорированию собственных неудач), и в итоге – к разочарованию и отрицательной жизненной установке. Вместе с тем, как известно, способность личности формировать и поддерживать в себе позитивные, оптимистичные установки и ценности, как в отношении к себе, так и других людей и жизни в целом является ресурсом устойчивости к психическому выгоранию [Кошкарров В.С., 2014].

В нашем исследовании придерживаемся научной точки зрения А.Н. Фоминой [2012] на жизнестойкость как на интегральную характеристику индивидуальности человека, содержащую в своем составе, в том числе и элементы социально-психологического уровня [Фомина А.Н., 2012]. В этой связи в ее структуре рассматриваем и социально-психологические установки (диспозиции) как состояние психологической готовности личности к определенному поведению в конкретной ситуации, которое складывается на основе опыта и оказывает влияние на реакции человека

относительно тех объектов и ситуаций, с которыми он связан и которые социально для него значимы [Сухов А.Н., Деркач А.А. 2001].

В итоге - опираясь на позицию А.С. Шарова [2000] о «психологическом механизме», жизнестойкость как установочный механизм регуляции состояния психического выгорания понимаем как диспозиционно-установочную систему внутренних регуляторных факторов, которая обеспечивает как высокую, так и низкую его выраженность.

Результаты и их обсуждение

Изучение выраженности показателей структурных элементов состояния психического выгорания пожарных Государственной противопожарной службы МЧС России (г. Курск) осуществлялось с использованием опросника на выгорание МВІ (С. Maslach, S.E. Jackson, в адаптации Н.Е. Водопьяновой) [Профессионально-личностные деформации врачей: феноменология, детерминация, измерение. Никишина В.Б., Дроздов А.Г., Запесоцкая И.В., Молчанова Л.Н. 2010. Монография. Москва] и засвидетельствовало низкий ее уровень с тенденцией к среднему у элемента «эмоциональное истощение» ($X_{cp}=17.06\pm 3.34$), средний уровень выраженности элементов «деперсонализация» ($X_{cp}=18.10\pm 1.49$) и «редукция личных достижений» ($X_{cp}=27.16\pm 3.07$). Таким образом, пожарные государственной противопожарной службы МЧС России (г. Курск) подвержены психическому выгоранию: испытывают эмоциональную усталость и опустошенность, демонстрируют циничное отношение к условиям и содержанию своей профессиональной деятельности, редуцируют собственную профессиональную успешность, о чем также свидетельствует высокое значение индекса психического выгорания: $X_{cp}=61.60\pm 6.68$.

Анализ выраженности показателей жизнестойкости и ее элементов, полученных с помощью опросника жизнестойкости (С. Мадди) в адаптации Д.А. Леонтьева и др. [2006], указала на высокий уровень жизнестойкости: $X_{cp}=95.58\pm 14.92$ и ее элементов: «вовлеченность»: $X_{cp}=42.48\pm 6.95$; «контроль»: $X_{cp}=34.78\pm 5.98$; «принятие риска»: $X_{cp}=18.34\pm 3.96$.

Уровень выраженности показателей социально-психологических установок пожарных государственной противопожарной службы МЧС России, полученных с помощью методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О.Ф. Потемкина), преимущественно соответствует среднему уровню (за исключением низких значений показателей «ориентация на процесс»: $X_{cp}=2.56\pm 1.30$; «ориентация на эгоизм»: $X_{cp}=2.14\pm 1.62$; «ориентация на власть»: $X_{cp}=2.28\pm 1.36$ и «ориентация на деньги»: $X_{cp}=2.40\pm 1.69$): «ориентация на результат»: $X_{cp}=3.84\pm 2.33$; «ориентация на альтруизм»: $X_{cp}=3.54\pm 2.08$; «ориентация на труд»: $X_{cp}=3.74\pm 2.96$; «ориентация на свободу»: $X_{cp}=3.84\pm 2.15$. Таким образом, индивидуальный профиль социально-психологических установок пожарных Государственной противопожарной службы МЧС России (г. Курск) является дисгармоничным.

Высоко значимые корреляционные взаимосвязи отрицательной направленности средней и сильной степени выраженности выявлены между всеми показателями жизнестойкости и состояния психического выгорания, что позволяет прогнозировать высокую выраженность состояния психического выгорания при низкой жизнестойкости пожарных государственной противопожарной службы МЧС России в условиях экстремальной деятельности и наоборот (табл 1).

Таблица 1

Значимые корреляции жизнестойкости и ее элементов и показателей состояния психического выгорания пожарных государственной противопожарной службы МЧС России Significant correlation of resilience and its elements and indicators of mental burnout fire State Fire Service of EMERCOM of Russia

Наименование показателя	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска	Жизнестойкость
Эмоциональное истощение	-0.72**	-0.72**	-0.71**	-0.81**
Деперсонализация	-0.68**	-0.65**	-0.58**	-0.73**
Редукция личных достижений	-0.72**	-0.64**	-0.60**	-0.75**
Индекс психического выгорания	-0.72**	-0.67**	-0.60**	-0.76**

* – статистическая значимость при $p\leq 0.05$

** – статистическая значимость при $p\leq 0.001$

Проведенный корреляционный анализ взаимосвязей между показателями жизнестойкости и ее элементов с показателями социально-психологических установок у пожарных государственной противопожарной службы МЧС России, подверженных психическому выгоранию, указал на следующие результаты:

во-первых, высоко значимые корреляционные взаимосвязи средней и сильной степени выраженности выявлены между показателями социально-психологической установки, как «ориентация на процесс» и такими элементами жизнестойкости спасателей МЧС, как «вовлеченность» ($r=0.49^{**}$), «контроль» ($r=0.72^{**}$), «принятие риска» ($r=0.66^{**}$), «жизнестойкость» ($r=0.69^{**}$);

во-вторых, корреляционные взаимосвязи между показателями «ориентация на результат» и «контроль» ($r=0.35^{*}$), «принятие риска» ($r=0.28^{*}$), «жизнестойкость» ($r=0.33^{*}$); между показателями «ориентация на альтруизм» и «контроль» ($r=0.31^{*}$), «принятие риска» ($r=0.39^{*}$), «жизнестойкость» ($r=0.32^{*}$), между показателями «ориентация на свободу» и «вовлеченность» ($r=0.36^{*}$), «принятие риска» ($r=0.38^{*}$), «жизнестойкость» ($r=0.35^{*}$) характеризуются умеренной степенью выраженности. Таким образом, способность достигать результат вопреки суете, помехам и неудачам и альтруистическая направленность обеспечивают убежденность пожарных Государственной противопожарной службы МЧС России (г. Курск) в возможности контролировать происходящие события и их результат, готовность действовать в отсутствии надежных гарантий успеха. А ориентация на свободу поддерживает активность, уверенность в возможности повлиять на нестандартную ситуацию профессиональной деятельности, которая воспринимается как угрожающая, готовность идти на риск, действовать даже в ситуации отсутствия явного успеха;

в-третьих, все выявленные корреляционные взаимосвязи характеризуются положительной направленностью, что позволяет проинтерпретировать их среднюю и сильную степень выраженности как усиление уверенности в возможности повлиять на экстремальную ситуацию профессиональной деятельности, готовность идти на риск в условиях неопределенности ее исхода и возможных неблагоприятных последствий в случае неуспеха. В целом усиление процессуальной направленности в структуре жизнестойкости пожарных Государственной противопожарной службы МЧС России (г. Курск) способствует повышению ее уровня и наоборот. Следует отметить, что процессуальную направленность пожарных государственной противопожарной службы МЧС России рассматриваем не как приспособление к ситуации, а как специфическую активность, ориентированную на изменение ситуации, которая проявляется в ориентировке и принятии решений, в выполнении действий по обеспечению безопасности, готовности к риску. Понимание риска пожарных государственной противопожарной службы МЧС России раскрывается с позиций активного предпочтения ими опасного действия безопасному варианту, причем более высокий уровень выраженности риска в ситуациях, связанных не с шансом, а с навыком, который оценивается пожарными как оптимальный для достижения желаемого результата [Кошкарров В.С., 2014].

Проведенный корреляционный анализ взаимосвязей между показателями психического выгорания и его элементов с показателями социально-психологических установок у пожарных государственной противопожарной службы МЧС России указал на следующие результаты:

во-первых, между показателями «ориентация на процесс» и «эмоциональное истощение» выявлена высоко значимая корреляционная взаимосвязь ($r=-0.52^{**}$) средней степени выраженности, что позволяет прогнозировать снижение эмоциональной усталости и опустошенности посредством усиления процессуальной направленности в структуре жизнестойкости;

во-вторых, корреляционные взаимосвязи между показателями «ориентация на процесс» и «деперсонализация» ($r=-0.28^{*}$), «редукция личных достижений» ($r=-0.34^{*}$), «индекс психического выгорания» ($r=-0.36^{*}$); между показателями «ориентация на результат» и «эмоциональное истощение» ($r=-0.39^{**}$); «ориентация на альтруизм» и «эмоциональное истощение» ($r=-0.35^{*}$), «индекс психического выгорания» ($r=-0.30^{*}$), между показателями «ориентация на свободу» и «эмоциональное истощение» ($r=-0.37^{**}$) характеризуются умеренной степенью выраженности и отрицательной направленностью. Таким образом, направленность на результат и его достижение вопреки помехам и неудачам, а также ценности свободы и альтруистической направленности редуцируют эмоциональное истощение. Процессуальная направленность пожарных как готовность их к риску, связанному с опасностью для жизни, угрозой поражения и неудачи, как специфическая форма активности усиливают значимость ситуации и отношения к ней, а также мотивацию по достижению определенной цели – спасению людей и обеспечению их безопасности.

Исследование жизнестойкости как установочного механизма в регуляции состояния психического выгорания осуществлялось с помощью факторного (метод Варимакс-вращение) анализа для разных групп пожарных государственной противопожарной службы МЧС России (г. Курск), характеризующихся значимо различающимся его уровнем (низким/высоким) и сформированных на основе метода полярных (контрастных) групп (Д. Фланаган).

Процедура факторизации структуры, включающей показатели социально-психологических установок и жизнестойкости пожарных Государственной противопожарной службы МЧС России, имеющих высокую выраженность состояния психического выгорания, засвидетельствовала наличие следующих четырех факторов:

Фактор 1. «Целеустремленность, трудоголизм, самоотдача и автономия», имеющий наибольшую факторную нагрузку (32.5%), представлен такими переменными, как «ориентация на результат» (0.787), «ориентация на альтруизм» (0.889), «ориентация на эгоизм» (0.871), «ориентация на труд» (0.809), «ориентация на свободу» (0.703). Данный фактор является системообразующим, включающим диспозиционные установки «ориентация на альтруизм-ориентация на эгоизм». Содержание этого фактора характеризует специфическую форму неадаптивной активности пожарных Государственной противопожарной службы МЧС России, проявляющуюся в альтруистической направленности и сверхвключенности в работу, которая приносит удовольствие и радость, в ущерб выходным и отпуску, в готовности к достижению результата любой ценой, в том числе проявлением осторожности в принятии решений.

Фактор 2. «Сотрудничество и контроль» (27.4%), включающий показатели «вовлеченность» (0.799), «контроль» (0.857), «жизнестойкость» (0.965) может быть проинтерпретирован как позиция сотрудничества во взаимодействии с окружающими, стремление оказывать влияние на ситуацию, пусть даже это влияние не гарантирует успех.

Фактор 3. «Благосостояние» (16.6%) содержит всего лишь единственный показатель «ориентация на деньги» (0.801) и свидетельствует о стремлении к увеличению благосостояния.

Факторная структура из показателей социально-психологических установок и жизнестойкости пожарных Государственной противопожарной службы МЧС России (г. Курск), имеющих низкую выраженность состояния психического выгорания, является более интегрированной, содержащей в своем составе следующие три фактора:

Фактор 1. «Процессуальная направленность и целеустремленность, трудоголизм и альтруистическая направленность», имеющий наибольшую факторную нагрузку (30.3%), представлен такими переменными, как «ориентация на процесс» (0.804), «ориентация на результат» (0.746), «ориентация на альтруизм» (0.972), «ориентация на труд» (0.828). Данный фактор является системообразующим, включающим диспозиционные установки «ориентация на процесс-ориентация на результат». В этой связи его содержание подразумевает специфическую форму активности пожарных Государственной противопожарной службы МЧС России, проявляющуюся в заинтересованности как самим процессом ситуативно сложного профессионального взаимодействия, так и его результатом, его достижением вопреки помехам и неудачам, в самоотдаче и сверхвключенности в работу, которая приносит удовольствие и радость, в ущерб выходным и отпуску.

Фактор 2. «Контроль» (22.8%), включающий показатели «контроль» (0.765) и «жизнестойкость» (0.953) характеризует стремление оказывать влияние на ситуацию, пусть даже это влияние не гарантирует успех.

Фактор 3. «Осторожность, доминирование и благосостояние» (22.4%) содержит в своем составе показатели «ориентация на эгоизм» (0.748), «ориентация на власть» (0.793), «ориентация на деньги» (0.763), интерпретация которых свидетельствует о «разумном» эгоизме в принятии решений, о стремлении к доминированию и увеличению благосостояния.

Заключение

Таким образом, жизнестойкость как установочный механизм регуляции состояния психического выгорания пожарных государственной противопожарной службы МЧС России в определяют четырехфакторную структуру взаимосвязей показателей социально-психологических установок, жизнестойкости и ее структурных элементов при высокой его выраженности и трехфакторную – при низкой. При высокой выраженности состояния психического выгорания пусковым механизмом в диспозиционно-установочной системе регуляторных факторов выступает системообразующий фактор «Целеустремленность, трудоголизм, самоотдача и автономия», при низкой – фактор «Процессуальная направленность и целеустремленность, трудоголизм и альтруистическая направленность». Общее в их психологическом содержании следует понимать как особенную форму альтруистической активности пожарных государственной противопожарной службы МЧС России по изменению ситуации в соответствии с целью деятельности и ее ожидаемым результатом, их ориентированность на достижение результата вопреки возможным помехам и неудачам, стремление оказывать влияние на ситуацию, пусть даже это влияние не гарантирует успех, как установочный механизм в регуляции состояния психического выгорания.

Литература

- Каширский Д.В., Сабельникова Н.В., Овчинникова А.Н. 2013. Ценности спасателей с различной степенью эмоционального выгорания. Психологическая наука и образование, 2: 14-24.
- Кошкарров В.С. 2014. Факторы риска и модель формирования эмоционального выгорания сотрудников пожарных частей МЧС России. Дис... канд.психол.наук. СПб., 149 с.
- Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. 2006. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 33 с.
- Мадди С. 2002. Теории личности: сравнительный анализ. Пер. с англ. И. Авидона, А. Батустина, П. Румянцевой. СПб.: Издательство «Речь», 539. (Maddi S.R. 2002. The story of hadiness: twenty years of theorizing, research and practice. Consultingpsychologyjournal, 54: 173-185).
- Матыцина Е.Н. 2012. Психологические особенности защитно-совладающего поведения и профессиональное выгорание инспекторов Государственного пожарного надзора и сотрудников пожарных частей МЧС России. Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях, 1: 81-84.
- Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере. URL: <http://brunner.kgu.edu.ua/index.php/cv/2010-05-28-14-04-32/234-attitude>. (дата обращения: 15.10.2014).
- Молчанова Л.Н. 2009. Внутрипрофессиональная дифференциация состояния выгорания в педагогической деятельности. Казанский педагогический журнал, 9-10: 124-133.
- Молчанова Л.Н., Редькин А.И. 2014. Жизнестойкость как детерминанта состояния психического выгорания у спасателей МЧС. Перспективы науки и образования, 1: 216-223.
- Молчанова Л.Н., Старкова Е.Е. 2013. Трансформация состояния психического выгорания в личностные свойства как проявление профессиональной деформации представителей профессий помогающего типа. Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика, 19, 3: 40-44.
- Никишина В.Б., Молчанова Л.Н. 2011. Состояния выгорания медицинских работников в контексте внутрипрофессиональной дифференциации. Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского, 24: 986-993.
- Никишина В.Б., Молчанова Л.Н., Недурева Т.В. 2007. Состояние «выгорания»: детерминация, феноменология, генезис, измерение: монография. Курск, 381.
- Павлова Е.В. 2014. Исследование взаимосвязи эмоционального выгорания, посттравматического стрессового расстройства и социальной фрустрированности пожарных-спасателей. Теория и практика общественного развития, 2: 126-129.
- Профессионально-личностные деформации врачей: феноменология, детерминация, измерение. Никишина В.Б., Дроздов А.Г., Запесоцкая И.В., Молчанова Л.Н. 2010. Монография. Москва.
- Прохоров А.О. 2009. Смысловая регуляция психических состояний. М.: Институт психологии РАН, 352.
- Социальная психология / Под ред. А.Н. Сухова, А.А. Деркача. 2001. М., 256.
- Фоминова А.Н. 2012. Феномен жизнестойкости с точки зрения уровневого подхода к психике человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.lomonosovmsu.ru/archive/Lomonosov_2011/1453/27960_607b.pdf (дата обращения: 10.11.2015).
- Шаров А.С. 2000. Система ценностных ориентаций как психологический механизм регуляции жизнедеятельности человека. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 27 с.

УДК:159.9.091

ПРОЕКЦИЯ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ А.Р. ЛУРИЯ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ СССР

THE PROJECTION OF A.R. LURIA'S ETHNO-PSYCHOLOGICAL RESEARCH ON THE NATIONAL POLICY OF THE USSR

В.Б. Никишина¹, Т.Н. Разуваева², О.И. Самосват¹
V.B. Nikishina, T.N. Razuvaeva, O.I. Samosvat

¹⁾ Курский Государственный Медицинский Университет,
Россия, 305041, г. Курск, ул. Карла Маркса, д. 3

²⁾ Белгородский Государственный Национальный Исследовательский Университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д.85

E-mail: e-mail: vbnikishina@mail.ru, razuvaeva_07@mail.ru, olgasamosvat1112@gmail.com

Аннотация: В данной статье представлен исторический анализ результатов научных экспедиций Лурия А.Р. и их влияния на национальную политику СССР. В частности, рассмотрены экспедиции 1931 г., Узбекистан, июнь – июль 1932 г., Самарканд, Восточный Узбекистан. Выводы по работе были спроецированы в политические действия. Тезис о том, что формы конкретного мышления являются исключительно продуктами отсталых производственных отношений и быстро исчезают с их изменением; вместе с социалистической реконструкцией окраины происходит необычайно быстрое развитие новых и высших форм мышления, стал идеологическим посылом реконструкции социальных отношений на территории Средней Азии. Результаты исследований Лурия А.Р. нашли отражение в государственной политике СССР. Локально в Узбекистане на основе декрета, подписанного Лениным В.И., началась ликвидация безграмотности, были построены школы, установлено обязательное образование, с одной стороны, с другой стороны на ключевые посты власти назначались представители не коренного населения.

Abstract: This article presents a historical analysis of the results of scientific expeditions Luria and their impact on the national policy of the USSR. In particular, we consider the expedition of 1931, Uzbekistan, June - July 1932 Samarkand, East Uzbekistan. Conclusions of the work have been designed into political action. The thesis that the particular forms of thought are only the products of the backward relations of production, and quickly disappear with their change; together with the socialist reconstruction of the margin going extremely rapid development of new and higher forms of thinking, it became the ideological message of reconstruction of social relations in Central Asia. The results of Luria's research is reflected in the state policy of the USSR. Locally in Uzbekistan on the basis of the decree signed by VI Lenin, the liquidation of illiteracy, the school was built, established compulsory education, on the one hand, on the other hand in the key positions of power have not appointed representatives of the indigenous population.

Ключевые слова: этнопсихология, национальная политика, СССР, А.Р. Лурия, история психологии, научные экспедиции Лурия.

Keywords: ethnic psychology, national policy, the Soviet Union, Luria, history of psychology, scientific expeditions Luria.

Введение

Интенсивность геополитических изменений на фоне обострения национальных вопросов делает обращение к научному достоянию советской психологии особенно актуально. В настоящее время остро стоит проблема необходимости изучения этнопсихологических особенностей на национальную политику государств. События последних лет, связанные с изменением политических режимов и непосредственным активным участием граждан в формировании новых национальных взглядов в ряде стран, таких как Украина, Турция, Греция, Египет, Ливия, Сирии и т.д., свидетельствуют об актуальности названной темы. Особенно важно развитие политической психологии, которая даст нам представление не только о современном обществе, но и об обществе будущего. Тезис о том, что психологические исследования не адекватны задачам политической истории, является не достоверным. Научное наследие важно, в первую очередь, с точки зрения его соотносимости процессам современного периода развития человеческой цивилизации. И, в этом смысле, научное достояние Лурия А.Р. трудно переоценить. Психолог, имя которого можно найти во

всех мировых учебниках по истории психологии, в его макросоциальном значении представлен недостаточно или не представлен вообще.

Объекты и методы исследования

Изучение истории психологии и, в частности, ранних этнопсихологических исследований, дает представление о методах работы и его возможных результатах. Опираясь на опыт выдающихся психологов прошлого, возможно более качественно выполнить исследовательскую работу, затрачивая на это меньше ресурсов.

Цель настоящей работы: проследить влияние этнопсихологических экспедиций Лурия А.Р. на политику СССР в XXв.

Результаты и их обсуждение

В начале 1930-х. Лурия А.Р. путешествовал с психологическими экспедициями в Среднюю Азию. Целью исследования было изучение интеллекта узбеков из дальних горных кишлаков. Ученый хотел выявить там рудименты примитивного мышления. Собственно, негласной задачей исследования было укрепление марксистских взглядов о прогрессивном влиянии нового порядка на мыслительные процессы людей, и о скудности мышления у людей, не придерживающихся данных взглядов.

Время проведения экспедиций совпало с грандиозными государственными и социальными перестройками, что существенно повлияло на течение исследования и представление его результатов. Научное сообщество, а психология особенно, подвергалось жесткому прессингу со стороны партийного руководства. Исследования, не удовлетворяющие партийным целям, пресекались; ученых, отважившихся на проведение подобных работ, репрессировали.

Заявленные цели экспедиций А.Р. Лурия удовлетворяли целям партийного руководства и должны были послужить укреплению выдвигаемых положений.

Исследование проводилось на группе, состоящей из жителей отдаленных деревень, неграмотные крестьяне, не вовлеченные в общественный труд и социальные преобразования традиционного общества, а также социально-активные слои населения: слушатели краткосрочных курсов для воспитателей детских садов, преимущественно минимально образованные бригадиры и руководители колхозов и активисты колхозного движения в Средней Азии, студентки учительского техникума после двух-трех лет школьного обучения.

«Мы с Выготским хотели доказать прямо и в лоб, что все психологические процессы имеют исторический характер, не по догадке, а в конкретном эксперименте, — рассказывает Александр Романович о психологических экспедициях в Среднюю Азию. — И мы с Федором Николаевичем Шемякиным провели два лета, тридцать первого и тридцать второго года, в горных кишлаках Узбекистана» [Лурия Е.А., 1994].

Результаты экспедиций, по мнению Лурии А.Р. и Выготского Л.С., оказались сенсационными. Они подтверждали гипотезу о социальном происхождении психологических процессов и их зависимости от культуры и человеческой общественно-полезной деятельности. В частности, в целом ряде опытов было показано, что более образованные испытуемые более часто демонстрировали способность абстрактного мышления, основанного на логическом и категориальном обобщении, в то время как мышление необразованных испытуемых было в большей степени завязано на конкретные ситуации и личный опыт предметной практической деятельности. «Мы получили удивительную картину, из которой наглядно было видно, что все категории, которые мы привыкли считать естественными, на самом деле являются общественными» [Лурия Е.А., 1994].

Помимо основных открытий в области мышления, экспедиция Лурии А.Р. провела также исследования восприятия, результаты которых вызвали подлинный фурор. Так, в опытах на изучение оптических иллюзий, которыми в то время была особенно сильна немецко-американская школа гештальт-психологии, Лурия А.Р. получил результаты, согласно которым у необразованных испытуемых — в отличие от социально-активных испытуемых, — оптические иллюзии не наблюдались, что должно было подтверждать положение о социальной обусловленности процессов не только мышления, но и восприятия.

Основная суть полученных результатов отражается в неподтвержденной переписке Лурия А.Р. и Выготского Л.С., в которой Лурия А.Р. писал: «У узбеков иллюзий нет», на что Выготский Л.С. дал ответ: «Мозгов у тебя нет». Это предание опирается на слова самого Лурии А.Р., озвученные им в его докладе на заседании Московского отделения общества психологов в Институте психологии АПН СССР в Москве [Ясницкий А., 2013].

Отсутствие у группы исследования отклонений в мышлении и восприятии, доказывало, что принципиальной разницы в высших психических функциях жителя горной деревни и политического деятеля нет, и что их психические механизмы абсолютно одинаковые. Подобные результаты были не выгодны партийным руководителям, и Л.С. Выготский это прекрасно понимал. Ведь послание А.Р. Лурия могло быть прочитано спецслужбами и трактовано двояко, в том числе и как антиполитические взгляды узбеков, принимаемые самим А.Р. Лурия.

В конце двадцатых — начале тридцатых годов в разных областях науки были развернуты, так называемые «открытые дискуссии», которые имели мало общего с настоящей научной полемикой и были далеко не безобидными [Кубарев В.С., 2013]. Каждая из таких дискуссий могла закончиться «приговором» тому или иному направлению науки. Суть этих дискуссий была политического и идеологического толка. В ходе дискуссий выдвигался ряд обвинений, которые переходили из одной дискуссии в другую: в идеализме, в преклонении перед Западом и буржуазной наукой, в извращении марксистско-ленинской философии. Такие дискуссии прошли и в рамках психологии. Дискуссия по культурно-исторической теории долго готовилась и оттягивалась по непонятным обстоятельствам и Л.С. Выготского и его соратников это изматывала.

В тридцать втором году в Институте психологии начала работать Комиссия МКК РКИ. Решение комиссии поставило под удар Александра Романовича и судьбу его дальнейшей работы в психологии [Коул М., 2013]. Точка зрения комиссии нашла подробное отражение в разгромной статье П. Размыслова «О «культурно-исторической теории психологии» Выготского Л.С. и Лурия А.Р.», опубликованной в журнале «Книга и пролетарская революция» в 1934 году.

В статье говорилось: «Широкому кругу советской общественности «культурно-историческая теория психологии» известна мало, «культурно-историческая теория» только создается, но она уже успела много навредить психологическому участку теоретического фронта... Вместо того чтобы показать процесс развития и культурный рост трудящегося Узбекистана, они ищут обоснования своей «культурно-психологической теории» и «находят» одинаковые формы мышления у взрослой узбечки и пятилетнего ребенка, под флагом науки протаскивая идеи, вредные для дела национально-культурного строительства Узбекистана...

Никакого научного эксперимента и научной работы в экспедиции Лурия А.Р., конечно, не было. И как бы Лурия А.Р. и его соратники ни клялись в том, что они изучают проблемы мышления колхозников национальных районов в историческом развитии, это им не поможет скрыть и завуалировать свою реакционную и враждебную марксизму теорию. Эта лженаучная реакционная, антимарксистская и классово враждебная теория приводит к антисоветскому выводу о том, что политику в Советском Союзе осуществляют люди и классы, примитивно мыслящие, неспособные к какому бы то ни было абстрактному мышлению...» [Лурия Е.А., 1994].

Александр Романович пытался объяснить, что он считает недоразумением те выводы, к которым пришла комиссия. «Результаты этой работы, проведенные на узбекских крестьянах, в различной степени втянутых в социалистическое строительство с убедительностью показали: 1. что наблюдавшиеся нами формы конкретного мышления являются исключительно продуктами отсталых производственных отношений и быстро исчезают с их изменением; 2. что вместе с социалистической реконструкцией окраины происходит необычайно быстрое развитие новых и высших форм мышления, резко отличающихся от прежних; 3. что законы этих перестраивающихся форм мышления совершенно необходимо учесть при построении педагогического процесса в этих условиях, чтобы поднять его эффективность» [Лурия Е.А., 1994].

По мнению А.Р. Лурия, эти психологические открытия, сделанные в результате названных экспедиций, служили подтверждением марксистского принципа, согласно которому бытие определяет сознание, а не наоборот. Однако для наиболее радикальных из числа советских критиков, занявших господствующее положение в начале 30-х годов, открытия А.Р. Лурия и его коллег представлялись как основанные на элитарном этноцентрическом подходе, характеризующемся пренебрежительным отношением к представителям более низких классов и этнических групп. Если мусульманское население районов Центральной Азии было безграмотным и отсталым не только в плане знаний, но также и в плане самого образа их мышления, то нельзя ли то же самое было сказать и о русских крестьянах и рабочих, многие миллионы которых оставались в то время по-прежнему неграмотными?

Никакие объяснения и доводы А.Р. Лурия помочь не могли. На повестке дня стоял разгром психологии школы Л.С. Выготского, и он успешно состоялся, как и последовавшие в 40-х и 50-х годах разгромы генетики и физиологии, которые так же затронули работы А.Р. Лурия и сильно повлияли на его научную судьбу [Лурия А.Р., 1982]. А на этом этапе были прекращены исследования по культурно-историческому развитию познавательных процессов. Лурии А.Р. было не суждено продолжать свои среднеазиатские исследования. «Меня обвинили во всех смертных грехах, вплоть до расизма, и мне пришлось уйти из Института психологии» [Лурия Е.А., 1994].

Заключение

Исследования А.Р. Лурия были названы псевдонаучными, а сам ученый стал изгоем официальной науки и продолжил работу на ее периферии. Среднеазиатское исследование так и не было опубликовано вплоть до начала 1970-х. Одна из вероятных причин этого: холодная война и чрезмерное внимание предположительно негативному влиянию социальных процессов в СССР того времени, в частности коллективизации и раскулачиванию. В то же время, совершенно игнорируются широкий международный и политический контекст эпохи и выпускают из внимания стремительный рост популярности ультра-националистических движений и политических партий в Европе. В Германии в начале 1933 г. приходит к власти гитлеровская партия национал-социалистов. Эти процессы вызвали к жизни — в качестве реакции на подъем европейского национализма — кампании по борьбе с «националистическими перегибами» во внутренней политике Советского Союза и, таким образом, послужили причиной критики исследований Лурии А.Р., которые — вопреки убеждениям и открытым декларациям этого исследователя и его сотрудников — позволяли тем не менее сделать вывод о существовании интеллектуального и психологического превосходства одних национальностей перед другими в многонациональном Советском государстве [Петровский А.В., 2007].

Более того, можно проследить, что выводы, сделанные А.Р. Лурия по результатам своих экспедиций, нашли отражение в государственной политике СССР. Локально в Узбекистане на основе декрета, подписанного В.И. Лениным, начинается ликвидация безграмотности, строятся школы, устанавливается обязательно образование. И данный процесс длится с 1918г. Однако лишь с 1930-х годов в Узбекистане начинается «культурная революция», а именно ликвидация старых и новометодных школ, путем администрирования был осуществлен переход с арабской письменности на латинскую, уничтожались книги, написанные арабской графикой, закрывались мечети, медресе, подвергались гонению представители духовенства.

Также отмечены значительные изменения в образовательной сфере государства. В начале 30-х гг. изданы постановления, укрепившие организационные и научно-педагогические основы советской школьной системы: «О начальной и средней школе» (постановление ЦК ВКП (б), сентябрь 1931), «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (постановление ЦК ВКП(б), август 1932), «Об учебниках для начальной и средней школы» (постановление ЦК ВКП(б), февраль 1933), «О структуре начальной и средней школы в СССР» (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), май 1934), «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе» (постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б), сентябрь 1935).

Литература

- Коул М. 2013. Александр Романович Лурия и культурная психология // Культурно-историческая психология, № 2, 88–98.
- Кубарев В.С. 2013. Проблема развития в культурно-исторической психологии: от деятельности к сознанию // Культурно-историческая психология. № 2. 2–9.
- Лурия А.Р. 1982. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 184.
- Лурия Е.А. 1994. Мой отец А.Р. Лурия. - М.: Гнозис. 222.
- Петровский А.В. 2007. Психология и время. – СПб.: Питер, 448.
- Ясницкий А. 2013. Курт Коффка: «У узбеков ЕСТЬ иллюзии!» Заочная полемика между Лурией и Коффкой // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», N 3, 1–25.

ПЕДАГОГИКА

УДК 372.853

О ПРИМЕНЕНИИ ВИРТУАЛЬНОГО ДЕМОНСТРАЦИОННОГО И ЛАБОРАТОРНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ФИЗИКЕ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

ON THE APPLICATION OF VIRTUAL DEMONSTRATION AND LABORATORY EXPERIMENT IN PHYSICS IN HIGH SCHOOL

Ю.В. Бобылев, А.И. Грибков, Р.В. Романов
Yu.V. Bobylev, A.I. Gribkov, R.V. Romanov

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125*

*Tula State Pedagogical University named after Leo Tolstoy,
Russia, 300026, Tula, Lenin Avenue, 125*

E-mail: physics@tspu.tula.ru

Аннотация: В настоящее время организация на современном уровне натурального демонстрационного эксперимента, а также лабораторного практикума по физике, как в средней, так и в высшей школе, требует серьезных финансовых затрат, что становится зачастую непреодолимыми трудностями. В связи с этим актуализируется значимость применения в учебном процессе виртуального демонстрационного эксперимента и лабораторного практикума. Конкретный пример такого эксперимента рассматривается в данной статье. Описаны программы по компьютерному моделированию стационарного скин-эффекта, разработанные авторами с использованием различных сред программирования: Mathcad и Delphi 7. Излагается методика использования данных программ в учебном процессе со студентами факультета математики, физики и информатики педагогического вуза.

Abstract: At present the organization of a full-scale demonstration experiment and a laboratory workshop in physics in the secondary and high school at a modern level requires serious financial cost that often becomes insurmountable difficulties. In this connection, the importance of the application of a virtual demonstration experiment and a laboratory workshop in the learning process is updated. A concrete example of such an experiment is considered in this article. It describes the programs on computer modeling of stationary skin effect, developed by the authors using different programming environment: Mathcad and Delphi 7. The method of the use of these programs in the educational process with the students of the Faculty of Mathematics, Physics and Informatics of the pedagogical university is outlined.

Ключевые слова: информатизация образования, виртуальный демонстрационный эксперимент по физике, скин-эффект.

Keywords: Informatization of education, virtual demonstration experiment in physics, skin effect.

Введение

Демонстрационный эксперимент является одним из важнейших методов обучения физике, как в средней, так и в высшей школе. Являясь, согласно педагогической науке, средством наглядности, он способствует организации восприятия учащимися и студентами учебного материала, его пониманию и запоминанию, способствует повышению интереса к изучению физики, созданию мотивации учения. Однако, останавливаясь далее на проблемах высшей школы, а более конкретно, преподавания физики в педагогических вузах, нужно отметить, что организация натурального демонстрационного эксперимента и лабораторного практикума в настоящее время сопряжена со значительными трудностями. Обусловлено это тем, что имеющийся парк демонстрационного и лабораторного оборудования серьезно устарел и уже не отвечает современному состоянию развития физической науки и техники. Обновление же этого парка требует немалых финансовых затрат, и если и происходит, то, как правило, далеко не в полном объеме и сильно растянуто во времени. В связи с этим возрастает роль виртуального эксперимента, когда смоделированный на экране монитора физический процесс, становится хорошей методической поддержкой при проведении лекционных и практических занятий (с использованием соответствующего мультимедийного оборудования), а также лабораторного практикума. При этом особенно эффективными для освоения материала оказываются именно виртуальные лабораторные работы, когда у обучающихся имеется возможность, изменяя

соответствующие параметры, получить более подробную, детальную информацию о рассматриваемом явлении, что, в свою очередь, позволяет изучить его более основательно. Нужно отметить, что причины актуализации применения виртуального лабораторного эксперимента в средней школе были подробно проанализированы в [2]. Эти же причины имеют место и при изучении курса общей физики в педагогическом вузе. При изучении же дисциплин курса теоретической физики применение компьютерного моделирования позволяет получить наглядные представления о поведении физических величин, определяемых сложными математическими формулами с многопараметрическими зависимостями, то есть может эффективно использоваться для визуализации получаемых решений. В данной статье рассмотрим использование методов виртуального эксперимента в учебном процессе на примере изучения одного конкретного явления – скин-эффекта.

Основная часть

Как известно, скин-эффект – явление, заключающееся в уменьшении напряженностей электрического и магнитного полей, а также плотности переменного электрического тока в направлении от поверхности внутрь проводника [4, с.11; 5, С.291]. Явление скин-эффекта рассматривается практически во всех учебниках по электродинамике, используемых в высшей школе, степень подробности изложения материала в которых варьируется от качественного подхода, характерного для курсов общей физики [3, С.304], до математически строго подхода теоретической физики [5, С.291; 6, С.159]. Причем, независимо от подхода, для описания явления скин-эффекта обычно используются граничные задачи в следующих двух формулировках. Прежде всего, это задачи, связанные с поведением проводников, помещенных во внешнее магнитное поле, изменяющееся с заданной частотой. В другой формулировке на границе проводника задается переменное электрическое поле.

Уравнения, описывающие скин-эффект, следуют из уравнений Максвелла, записываемых в квазистационарном приближении внутри проводника и дополненных соответствующими материальными уравнениями. В результате для векторов напряженности электрического \vec{E} и магнитного \vec{H} полей получаются уравнения [6, С.160]

$$\Delta \vec{E} = \mu \mu_0 \sigma \frac{\partial \vec{E}}{\partial t}, \quad \Delta \vec{H} = \mu \mu_0 \sigma \frac{\partial \vec{H}}{\partial t}, \quad (1)$$

что соответствует двум, упоминаемым выше подходам к описанию скин-эффекта. Здесь σ – удельная электропроводность, μ – магнитная проницаемость, μ_0 – магнитная постоянная. Будем исходить из первого уравнения в (1), рассматривая задачу о скин-эффекте для проводников двух видов: 1) проводник представляет собой очень длинную и широкую проводящую ленту, расположенную в плоскости Oyz , толщиной $2R$ (рис. 1); и 2) очень длинный прямолинейный однородный проводящий цилиндр радиуса R , ось которого совпадает с осью z . Считаем, что проводники находятся в однородном, гармонически изменяющемся во времени с частотой ω электрическом поле, напряженность которого параллельна оси z и имеет на поверхности проводника амплитуду E_0 . Нужно найти электрическое поле внутри проводника.

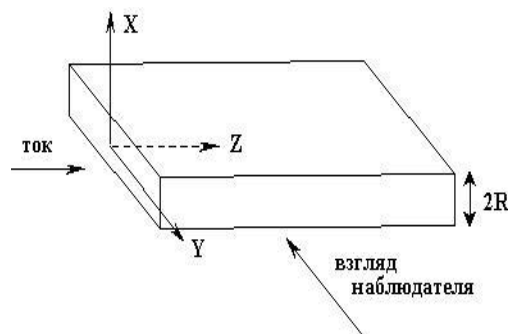

Рис. 1

Опуская стандартную процедуру решения первого уравнения в (1) в декартовой и цилиндрической системах координат, сразу запишем окончательный результат. В случае проводящей ленты [4, С.21]

$$E_z(x, t) = E_0 \frac{\sqrt{sh^2 f + \cos^2 f}}{\sqrt{sh^2 f_R + \cos^2 f_R}} \cos(\omega t + \varphi - \varphi_R), \quad (2)$$

где shf , shf_R – гиперболические синусы,

$$f = \frac{x}{\delta}, \quad f_R = \frac{R}{\delta}, \quad \delta = \sqrt{\frac{2}{\mu \mu_0 \omega \sigma}}, \quad \varphi = \arctg(thf \cdot tgf), \quad \varphi_R = \arctg(thf_R \cdot tgf_R). \quad (3)$$

Определенная в (3) величина δ называется глубиной проникновения поля или глубиной скин-слоя и имеет физический смысл расстояния от границы проводника, на котором амплитуда электрического поля спадает в e раз.

В случае цилиндрического проводника решение обычно выражается через функции Бесселя комплексного аргумента [4, С.25; 5, С.292]. Однако расчет таких функций, представляет собой достаточно сложную вычислительную задачу, поэтому на наш взгляд в данном случае удобней воспользоваться представлением решения через функции Кельвина нулевого порядка $ber_0(x)$, и $bei_0(x)$ [1, С. 200], что позволяет выразить получаемое решение формулой, аналогичной формуле (2), записанной для плоской геометрии

$$E_z(r, t) = E_0 \frac{\sqrt{ber_0^2(f) + bei_0^2(f)}}{\sqrt{ber_0^2(f_R) + bei_0^2(f_R)}} \cos(\omega t + \varphi - \varphi_R), \quad (4)$$

где

$$f = \frac{\sqrt{2}r}{\delta}, \quad f_R = \frac{\sqrt{2}R}{\delta}, \quad \delta = \sqrt{\frac{2}{\mu\mu_0\omega\sigma}}, \quad \varphi = \arctg \frac{bei_0(f)}{ber_0(f)}, \quad \varphi_R = \arctg \frac{bei_0(f_R)}{ber_0(f_R)}. \quad (5)$$

Из формул (2), (3) и (4), (5) видно, что решения определяются весьма сложными формулами и наглядно представить зависимость напряженности электрического поля от глубины проникновения в проводник, т.е. от координат x или r , соответственно, практически невозможно. Данным обстоятельством и обусловлена необходимость использования методов компьютерного моделирования, когда аналитические решения сопровождаются виртуальными компьютерными экспериментами. Авторы в течение продолжительного времени работают над созданием различных компьютерных приложений, которые используются при обучении физике в качестве лабораторных работ и демонстрационных экспериментов на лекциях. При этом все приложения реализуются в достаточно распространенных и доступных средах, таких, например, как MathCad, или представляют авторские программы и могут работать в операционной системе WINDOWS практически любой версии. Описанию подобных WINDOWS - приложений, имеющих основой компьютерное моделирование стационарного скин-эффекта, и посвящена настоящая работа.

Рассмотрим вначале компьютерное моделирование в PTC MathCad. Данное приложение очень хорошо приспособлено для подобных задач. Изучаемые функции записываются практически в общепринятой нотации, все параметры легко изменяются, имеются возможности для анимации, что позволяет продемонстрировать процесс в динамике. Подготовленный рабочий лист с включенной анимацией можно видеть на рис. 2.

Имеется возможность рассмотреть отдельно решения в плоской и цилиндрической геометриях, провести их сравнение между собой, а также с приближенными решениями при больших и малых частотах.

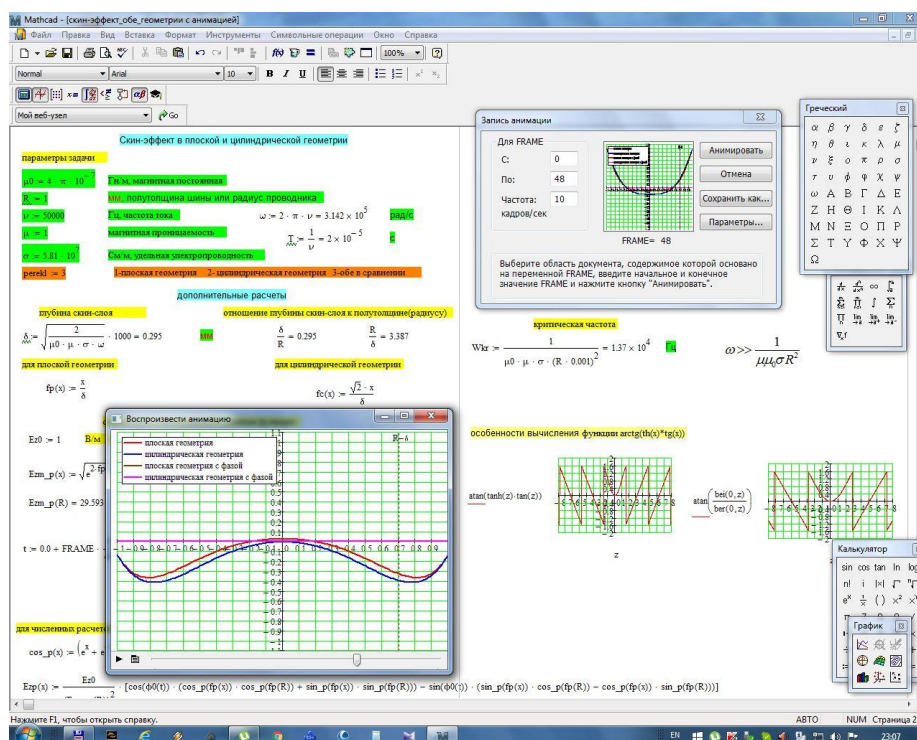

Рис. 2

Отметим, что к достаточно серьезным недостаткам такого моделирования следует отнести возможность работы только при установке на компьютер этого программного продукта. Вместе с

тем запись результата в avi-файл исправляет ситуацию, но лишает при этом возможности изменять параметры установки. Фактически получаем полную имитацию реального процесса, где временная фаза, а следовательно распределение поля по сечению проводника меняется положением ползунка любого установленного на компьютере видеоплеера.

Также нужно отметить, что, несмотря на то, что решения (2), (3) и (4), (5) записаны в компактном и симметричном виде, компьютерное моделирование с их помощью сопряжено с определенными трудностями, которые связаны с особенностями вычисления обратных тригонометрических функций от периодических и цилиндрических функций. В этом смысле видимая простота выражений (2) и (4) является обманчивой и определение фазового сдвига на \square в каждом случае представляет нетривиальную задачу, что видно из графиков в правой части рис. 2.

Помимо описанной программы, авторами также подготовлено в среде программирования Delphi 7 приложение «Моделирование скин-эффекта», результаты работы которого приведены на рисунке ниже. Последняя версия, состоящая из исполняемого файла и набора вспомогательных материалов, работает под WINDOWS XP, 7, 8, 10. На остальных платформах приложение не тестировалась. Установка программы не требуется, требования к ресурсам весьма скромные.

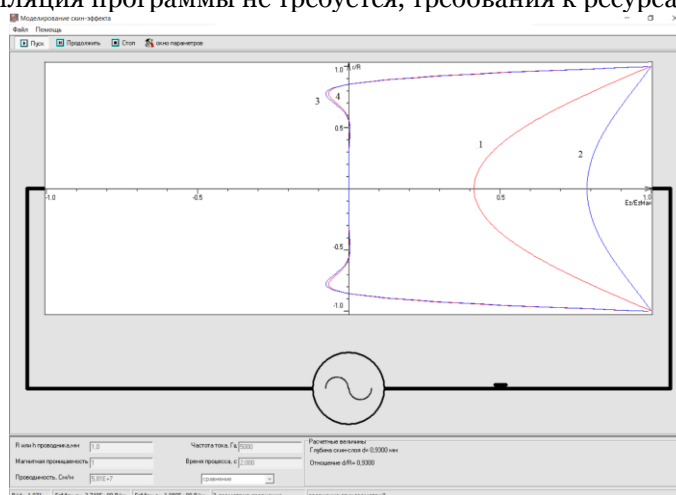

Рис. 3

Приложение имеет простой и интуитивно понятный интерфейс, который позволяет варьировать все параметры задачи: толщину ленты (диаметр проводника), магнитную проницаемость, электропроводность и частоту переменного тока. Программа работает в трех режимах. В первом и втором режимах, называемых по виду геометрии проводника «плоская» и «цилиндрическая», на графиках в декартовых осях выдаются результаты расчетов - временная динамика напряженности электрического поля (зависимость безразмерной на амплитуду граничного значения напряженности электрического поля E_z/E_0 от безразмерной координаты x/R). Кроме того, помимо изменяющегося во времени графика, в программе вычисляется глубина скин-слоя \square , а также отношение \square/R . В третьем режиме, условно названном «сравнение», на одном и том же графике строятся зависимости (2) и (4), посчитанные для одних и тех же параметров задачи. Именно этот режим представлен на рис.3 для медного проводника для частот $\square=5000$ Гц ($\square/R=0,93$) (линии 1 и 2) и $\square=500000$ Гц ($\square/R=0,093$) (линии 3 и 4), соответственно. При этом параметры, приведенные на данном рисунке, относятся к расчету на частоте $\square=5000$ Гц.

Этот рисунок интересен тем, что демонстрирует одни и те же закономерности, присущие скин-эффекту: ослабление электромагнитного поля на оси симметрии проводника в сравнении со значениями его характеристик на поверхности. Это имеет место для любой геометрии, однако, в случае малых частот в центральной плоскости прямоугольного проводника данное уменьшение более значительно (линия 1), чем в случае цилиндрического проводника и уменьшения значений напряженности электрического поля на его оси (линия 2). С увеличением же частоты отмеченные различия в динамике скин-эффекта, практически пропадают – линия 3 и линия 4.

Данный факт обычно используется для упрощения задачи при рассмотрении скин-эффекта в цилиндрическом проводнике. А именно, вначале высказывается вполне естественное утверждение о том, что если толщина скин-слоя мала по сравнению с радиусом цилиндра, то расчеты, выполненные для цилиндрического провода, будут незначительно отличаться от расчетов скин-эффекта в проводящем полупространстве. После этого формулируется и решается данная более простая традиционная (базовая) задача о скин-эффекте (например, [6, С.159]). Заметим, также, что такой подход оправдан и целесообразен во многих случаях, поскольку малость толщины скин-слоя может быть обеспечена не только за счет высокой частоты электромагнитных процессов, но и за счет высокой проводимости используемых материалов проводов.

Заключение и основные выводы

В заключении опишем кратко методику применения описанных в данной статье программ в учебном процессе. Прежде всего, эти программы используются в качестве лекционных демонстраций при изучении соответствующих тем в курсах общей и теоретической физики. Первое знакомство студентов с основными особенностями скин-эффекта происходит при изучении темы «Переменный ток» в рамках дисциплины «Электричество и магнетизм» общего курса физики, причем оно носит качественный характер с минимальным привлечением математического аппарата.

Дальнейшее знакомство со скин-эффектом происходит на занятиях по электродинамике в курсе теоретической физики при изучении квазистационарных токов и полей. Здесь, в отличие от предыдущего случая, когда компьютерное моделирование скин-эффекта служило просто его красивой иллюстрацией, в курсе теоретической физики разработанные программы используются уже для визуализации получаемых на лекциях формул, описывающих рассматриваемые явления. Правда при таком «количественном» анализе приходится ограничиваться только декартовой геометрией, поскольку в случае цилиндрической геометрии оно выражается через специальные функции (функции Бесселя комплексного аргумента), знакомство с которыми студентов педвузов в соответствии с ныне действующими программами по математике и физике, не предполагается.

Завершается изучение скин-эффекта на лабораторных занятиях в рамках курса «Практикум по компьютерному моделированию физических задач». При этом подробно анализируется как случай декартовой, так и цилиндрической геометрии, с привлечением для этого необходимых сведений из теории специальных функций. Нужно отметить, что кроме программ по скин-эффекту, в данном курсе используется много других подобных приложений, и студенты, помимо систематизации и углубления своих знаний непосредственно по физике, приобретают определенный опыт по разработке таких программ. Особенно полезным такой опыт оказывается для студентов, обучающихся по специальностям, связанным с информационными технологиями.

Подводя окончательный итог, перечислим кратко основные результаты работы, на которые хотелось бы обратить внимание. Прежде всего, это запись аналитических решений в случае декартовой и цилиндрической геометрий в симметричной форме, даваемая функциями (2) и (4). Такая запись оказалась удобной как для программирования, так и для аналитического анализа различных частных предельных случаев. Далее, в работе описаны программы по компьютерному моделированию стационарного скин-эффекта, разработанные авторами с использованием различных сред программирования: Mathcad (подготовлен соответствующий рабочий лист) и Delphi 7 (подготовлено Windows-приложение). Примеры работы этих программ, обсуждение достоинств и недостатков реализации их в данных двух версиях содержатся в материале статьи.

Подробную информацию о работах авторов можно получить по адресу physics@tspu.tula.ru.

Литература

- Абрамовиц М., Стиган И. Справочник по специальным функциям с формулами, графиками и таблицами. М.: Наука, 1979. - 832с.
- Богатырева Ю.И., Шахаева Д.В. О применении виртуального эксперимента по физике в основной школе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2016. - № 7 (228). Выпуск 29. - С. 191-197
- Калашников С.Г. Электричество. М.: Физматлит, 2003. - 624с.
- Котельников И.А., Черкасский В.С. Скин-эффект в задачах. Электронный учебник. Новосибирск, 2013.
- Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. Теоретическая физика: учебное пособие в 10т. - 2-е перераб и доп. изд. - М. Наука, 1982. - Т. VIII. Электродинамика сплошных сред. - 484с.
- Терлецкий Я.П., Рыбаков Ю.П. Электродинамика: Учеб. пособие для студентов физ. спец. университетов. - 2-е изд., перераб. - М.: Высш. Шк., 1990. - 352с.

УДК 371

**ТВОРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ШКОЛЬНИКОВ
В ДЕТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ****CREATIVE ACTIVITY OF SCHOOL STUDENTS
IN THE CHILDREN'S PUBLIC ORGANIZATION****М.А. Бондарь
M.A. Bondar***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University,
85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: 12bondare@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются различные научные подходы, определяющие сущность понятия «творческая активность», обосновывается актуальность творческой активности школьников в детской общественной организации, предлагается авторское определение «творческой активности школьников». В статье раскрыты и охарактеризованы основополагающие компоненты творческой активности школьников в детской общественной организации, включая потребностно-ценностный, содержательно-смысловой и созидательно-творческий.

Abstract. In the article various scientific approaches defining essence of the concept "creative activity" are analyzed, relevance of creative activity of school students is proved in the children's public organization, the author's definition of "creative activity of school students" is offered. In the article fundamental components of creative activity of school students in children's public organization, including meaningful semantic and creativity-creative are revealed and characterized.

Ключевые слова: творчество, активность, творческая активность личности, творческая активность школьников, детская общественная организация.

Keywords: creativity, activity, creativity of personality, the creative activity of students, children's public organization.

Введение

Одной из актуальных задач времени является повышение эффективности современного школьного образования, которое характеризуется совершенной системой поддержки детского творчества и юношеской творческой активности.

Время действенных перемен требует от общеобразовательных учреждений активной личности, школьников, умеющих творчески мыслить, способных самостоятельно приобретать информацию и ее оценивать, делать осмысленный правильный выбор и принимать самостоятельные, взвешенные и правильные решения, что делает проблему развития творческой активности школьников особенно актуальной.

Творческая активность школьников представлена одним из факторов, описанных и играющих основную роль в подготовке выпускников школ, в образовательной инициативе «Наша новая школа» [18]. Школьник значительную часть времени проводит в школе, где приобретает знания, умения и навыки, поэтому именно в общеобразовательном учреждении нужно создавать условия и возможности к развитию творческой активности школьников.

Теоретический анализ проблемы

Для понимания сущности творческой активности школьников важную роль играют понятия «творчество» и «активность».

В философии «творчество» рассматривается как активность, как вид или форма деятельности. В толковом словаре оно определяется как создание новых материальных или культурных ценностей [20]. В научной литературе творчество представлено формой деятельности человека, направленной на формирование качественно новых для него ценностей, необходимых для развития личности как общественного субъекта [21, с.286], как «фактор и условие свободы человека» [8, с.142], как «мышление в его высшей форме, проявляющееся как воображение и выходящее за пределы знакомых способов решения возникшей задачи» [23, с.142].

Очевидно, что развитие школьников невозможно без репродуктивной деятельности и определенной среды. Однако, анализ научных работ, позволяет сделать вывод, что *под творчеством следует понимать деятельность по созданию нового уникального своеобразного и полезного продукта.*

Понятие «творчество» непосредственно связано с понятием «активность» (от латинского *activus* – энергичный, деятельный), которая в качестве всеобщей характеристики присуща индивиду как живому существу.

Активность по К.А. Абульхановой-Славской – специальное высшее личностное образование, связанное с целостной и ценностной временной организацией, что проявляется в формировании смысла жизни и жизненной позиции [1, с. 279-297].

Г.И. Щукина активность определяет как основную черту личности, содержащаяся в способности трансформировать реальный мир в соответствии с собственными взглядами, потребностями, целями и обнаруживающая в насыщенной деятельности в учении, творчестве, труде и т.п., при этом синонимизируя деятельность и активность, считая, что активность выражает характер и уровень деятельности [27].

По мнению И.Д. Демаковой [9] активность ребенка, с позиции гуманистической концепции воспитания, определяется как средство достижения успеха и неперемное условие развития способностей и дарований ребенка. С другой стороны, активность есть показатель достижений и потребность ребенка, проявление его мыслительной деятельности.

Активность школьника, которая сопровождает процесс развития личности, выражается в творческой деятельности и развивается, проходя различные уровни [26, с.146-148]:

а. Репродуктивно-подражательная активность. Овладение школьниками более сложной формой развития реализуется посредством сотрудничества, посредством которого происходит приобретение стандартных предметных действий, речевых форм и опыта других, а затем уже ими самостоятельно, т.е. происходит накопление опыта деятельности через опыт другого.

б. Поисково-исполнительская активность. На этом уровне школьникам необходимо принять поставленную творческую учебную задачу и самим найти средства для ее выполнения.

с. Творческая активность выступает высшим уровнем активности, ибо школьники могут ставить задачи и находить оригинальные разные пути решения.

Активность, по мнению Г.М. Коджаспировой формируется под воздействием воспитания и среды и проявляется в общении и творческой деятельности [15]. Как личностное образование школьника, она выражает его состояние, проявляющееся в виде любопытства, внимания, интереса к совершаемой деятельности и личностной инициативе, причем включение школьников в самую разнообразную творческую деятельность повышает их активность.

Мы приходим к выводу, что творчество, с одной стороны, есть высшая форма активности личности, создаваемая в процессе взаимодействия с общечеловеческими ценностями, с другой стороны, оно выступает основным фактором самостоятельной деятельности, которая присуща человеку.

Многие исследователи (В.С. Безрукова, В.Г. Иванова, А. И. Карманчиков, Л. Н. Шульпина и др.), раскрывая сущность творческой активности, представляли ее как высший уровень активности, предлагали использование новых педагогических технологий через включение школьников в поисковую деятельность, предполагающее погружение их в рефлексию и совместную творческую деятельность с педагогами.

Творческая активность школьников выявляет предпосылку и условие творческого преобразования усвоенных знаний, саморазвития подростка, его личностного роста и проявляется в самых различных видах деятельности [17, с.12-15]. Важным условием в формировании творческой активности является создание в образовательном учреждении инновационно-исследовательской среды, которая стимулирует школьников к творческому поиску и обеспечивает творческую самореализацию [12, С.141].

По мнению В.Г. Ивановой сущность творческой активности определяется как интегральное качество личности, которое выражается в целенаправленном единстве мотивов, потребностей, действий, интересов и проявляется в виде высокого уровня ее индивидуальной преобразовательной деятельности [11].

В.С. Безрукова под **творческой активностью** понимает свойство личности, проявляющееся как оригинальность, созидательность, и новизна в деятельности и общении [4].

Творческая активность Н.Н. Нефедьевой определяется как способ собственного самовыражения, форма познания окружающего мира, когда личность изучает творческий опыт, становящийся потом основой саморазвития [19, с.401].

В исследованиях Л.Н. Шульпиной под творческой активностью понимается устойчивое интегральное качество личности, проявляющееся в целенаправленной цельности потребностей, мотивов, интересов и действий, характеризующееся осмысленным поиском творческих ситуаций [25, с.44].

По мнению А.И. Карманчикова, творческая активность как совокупность свойств личности, есть оригинальный концентрированный реализуемый потенциал инициативной эффективной деятельности личности, обеспечивающий результативное взаимодействие внутренних и внешних факторов в процессе создания нового знания [13, с.47].

Творческую активность личности Филимонова В.Б. в своих исследованиях определяет как качество личности, которое выражает интенсивность ее деятельности по образованию новых или совершенствованию уже существующих продуктов, содержание и устойчивость которой определяются совокупностью готовности (внутренней и внешней) и направленности к осуществлению такой деятельности [24].

На основе анализа различных подходов к определению «творческая активность», делаем вывод о том, что у исследователей нет единого подхода в ее определении.

По мнению Ш.А. Амонашвили для развития творческой активности необходимо «соответствующая воспитательная и обучающая атмосфера, способная осуществлять комплексное воздействие на личность и максимально использовать потенциальные возможности развития творческой активности в данном возрасте» [3, с.36-41].

Поэтому средством мотивации развития школьников к творчеству через многообразие видов деятельности может выступать внеурочная деятельность, в частности детская общественная организация [7]. Процесс развития творческой активности школьников в детской общественной организации имеет ряд особенностей, которые в силу характерных признаков, позволяют полнее проникнуть в его сущность. Развитие творческой активности школьников в детской общественной организации подкрепляется свободой смены вида деятельности и созданием ситуаций успеха, обилием информации и разносторонностью знаний.

Создание школьником некоего продукта, для изготовления которого самостоятельно применяются усвоенные ранее знания, умения и навыки, при этом осуществляется перенос и комбинирование представляет собой творчество школьника [22].

Установлено, что к 14-15 годам завершается формирование предпосылок к профессиональному уровню художественной деятельности [28], что способствует развитию творческой активности в юношеском возрасте в детской общественной организации.

По мнению Л.Б. Ермолаевой-Томиной происхождение творческой активности связано с привлечением детей и подростков к доступным для них организационным видам творческой деятельности [10, с.66-76].

В нашем понимании *творческая активность школьников в детской общественной организации представляет собой устойчивое интегративное качество, одновременно присущее и самой личности, и ее деятельности в детской общественной организации, обнаруживающееся в целенаправленном мотивированном единстве потребностей, интересов и действий, направленных на готовность к творчеству и поиск творческих ситуаций.*

Компоненты творческой активности школьников в детской общественной организации

Творческая активность школьников в детской общественной организации предполагает самостоятельный поиск решения проблемы, теоретическое осмысление знаний, развитие самостоятельности школьников, их умение не только ставить и решать творческие учебные задачи, но и умение находить наиболее рациональный путь решения нестандартных задач.

Процесс развития творческой активности школьников в детской общественной организации – систематическое непрерывное взаимодействие педагога и творчески активных школьников, сопровождаемое нарастанием мотивации, самостоятельности, интеллектуальных, волевых усилий и эмоциональных переживаний.

Согласно Л.П. Бугевой, творческая активность сочетает в себе интеллектуальные (направленность, устойчивость познавательных интересов), эмоциональные (стремление к результативному овладению способами деятельности) и волевые (мобилизация воли на достижение цели) компоненты [5].

В.И. Андреев, А.А. Кирсанов, Н.А. Козлова в своих исследованиях в качестве компонентов творческой активности выделяют мотивационный, операционный, эмоциональный и креативный компоненты [2; 14; 16].

Определяя творческую активность как интегративную черту личности, Н.Е. Воробьев в ее структуре выделяет два компонента: мотивационный (стремление к творческой деятельности) и операционный (умение осуществлять творческую деятельность самостоятельно) [6].

В ходе исследования нами выявлено, что структура творческой активности школьников в детской общественной организации включает следующие основополагающие компоненты: потребностно-ценностный, содержательно-смысловой и созидательно-творческий.

Потребностно-ценностный компонент содержательно представлен потребностью к общению в различных группах школьников, в понимании особенностей социального общения, постижением общечеловеческих ценностей, стремлением к творческой деятельности, устойчивостью познавательных интересов и их согласование с личными ценностями.

Содержательно-смысловой компонент характеризуется практическим стремлением к результативному овладению определенных видов деятельности, опредмеченных в работе детской общественной организации; интеграцией разных видов деятельности (познавательной, творческой, коммуникативной); возможностью вхождения в реально социально-значимые отношения; интеграцией деятельности педагогов и вожатого.

Активность личности и освоение ею творческой деятельности осуществляются и в коллективной и в индивидуальной формах. Школьник в детской общественной организации чувствует себя активной личностью, которая желает быть самостоятельной, непохожей на другие и стремящейся к признанию другими.

Созидательно-творческий компонент включает в себя поиск путей реализации своих намерений, стремлений и потенциалов; проявление инициативы, учет собственного мнения; мобилизацию воли на достижение цели, с последующим повышением самооценки, осмысление важности овладения социальным опытом и стремление к творческому самовыражению в деятельности.

Выявленные компоненты творческой активности школьников в детской общественной организации органически взаимосвязаны, данная взаимосвязь выражается в том, что любой малоразвитый компонент рассматриваемой нами творческой активности воздействует на характеристику остальных компонентов, что в свою очередь понижает общий уровень проявления творческой активности школьников.

Заключение

Школьники, находясь в детской общественной организации, развивают свои творческие способности, которые дают возможность к самовыражению и самореализации. Всякий вид творчества проявляется в творческой активности школьников, в личностной позиции, которая определяет собственную линию способов жизнедеятельности, форм поведения школьников, при этом творческая активность включена в различные виды деятельности школьников.

Отметим, что состояние структуры творческой активности школьников в детской общественной организации зависит от взаимодействия всех компонентов, которые определяют перестройку потребностно-мотивационной сферы школьников, приводящей к изменениям в самосознании, характеризующему переоценкой ценностей, появлением новых потребностей и личностных качеств.

Литература

- Абульханова-Славская К.А. Личностная регуляция времени / К.А. Абульханова-Славская // Психология личности в трудах отечественных психологов/ сост. и общ.ред. Л.В. Куликова. - СПб.: ПИТЕР, 2001. - С. 279-297.
- Андреев В.И. Диалектика воспитания и самовоспитания творческой личности / В.И. Андреев - Казань: Издательство Казанского университета, 1988. - 228с.
- Амонашвили Ш.А. Развитие познавательной активности учащихся в начальной школе / Ш.А. Амонашвили // Вопросы психологии - 1984 - № 5. - С.36-41.
- Безрукова В.С. Педагогика: учебник / В. С. Безрукова. - Екатеринбург: СИПИ, 1994. - 340с.
- Буева Л.П. Человек: деятельность и общение / Л.П. Буева. - Москва: Мысль, 1978. - 216с.
- Воробьев Н.Е. Развитие творческой активности студентов при изучении дисциплин гуманитарного цикла: монография / Н.Е. Воробьев, Э.Ю. Мизюрова. - Волгоград: Перемена, 2001. - 184с.
- Внеурочная деятельность школьников. Методический конструктор: пособие для учителя / Д.В. Григорьев, П.В. Степанов. - М.: Просвещение, 2011. - 223с. - (Стандарты второго поколения).
- Гагин Ю.А. Концептуальный словарь-справочник по педагогической акмеологии / Учебное пособие. Изд. 2-е. / Ю. А. Гагин. - СПб., СПбГУПМ, Балт. пед. академия, 2000. - 222 с..
- Демакова И.Д. Воспитательная деятельность педагога в современных условиях / И.Д. Демакова. - М.: Каро, 2007. - 159с.

Ермолаева-Томина Л.Б. Проблема развития творческих способностей детей (по материалам зарубежных исследований) / Л.Б. Ермолаева-Томина // Вопросы психологии, 1975, № 5. - С.66-76.

Иванов А.В. Педагогическая защита / А.В. Иванов // Гуманизация воспитания в современных условиях: Сборник статей. / РАО, ИПИ. - М, 1995. - 115с.

Исаев И.Ф., Алиева О.В. Формирование учебно-исследовательской культуры учащихся на этапе предпрофильной подготовки в образовательной организации // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. - 2015. - № 24 (221). Выпуск 28. 200 с..

Карманчиков А.И. Педагогические условия развития творческой активности учащихся в системе дополнительного образования: дис....канд. пед. наук: 13.00.01. – М., 2005. – 175с.

Кирсанов А.А. Развитие творческой активности учащихся в педагогическом процессе. / А.А. Кирсанов, Ж.А. Зайцева - Казань, 1995. - 103с.

Коджаспирова Г.М., Коджаспиров, А.Ю. Словарь по педагогике. М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов на Дону: Издат. центр «МарТ», 2005. 448с.

Козлова Н.А. Развитие творческих способностей подростков в условиях деятельности детского общественного объединения: Автореф. дисс. к.п.н. / Н.А. Козлова - М., 1991. - 33с.

Манеева О.Г. О развитии творческой активности учащихся на уроках// Одаренный ребенок. - 1994. - № 4. - С.12-15.

Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» [Электронный ресурс]. – URL: <http://mon.gov.ru/dok/akt/>.

Нефедьева Н.В. Философские и психолого-педагогические основы развития творческой активности личности школьника // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 54. – С. 399–419.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1994. – 928 с.

Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад; Редкол.: М. М. Безруких, П24 В. А. Болотов, Л. С. Глебова и др. - М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. - 528с: ил.

Попов В.В. Креативная педагогика. Методология, теория, практика / В.В. Попов, Ю.Г. Круглов - М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2011. - 319с.

Словарь-справочник по педагогике / Авт.-сост. В.А. Межериков; Под общ.ред. П.И. Пидкасистого. - М.: ТЦ Сфера, 2009. - 448 с., С.142.

Филимонова В.Б. Проблема определения творческой активности личности в педагогических исследованиях / В.Б. Филимонова // Концепт. – 2014. – Спецвыпуск № 10 [Электронный ресурс]. URL:<http://e-koncept.ru/2014/14626.htm>.

Шульпина Л.Н. Развитие творческой активности детей в процессе дополнительного образования: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – М., 2003. – 142с.

Щукина Г.И. Педагогические проблемы формирования познавательных интересов учащихся [Текст] / Г.И. Щукина. - М.: Педагогика, 1988. - 208с., С.146-148.

Щукина Г.И. Развитие познавательной активности школьников. / Г.И. Щукина. - М., 1989. - 142с.

Юсов Б.П. Взаимосвязь культурных факторов в формировании современного художественно мышления учителя образовательной области «Искусство». - М., 2004. - С90.

УДК 373.3.013

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ШКОЛЬНИКА ПЕДАГОГОМ НАЧАЛЬНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

PROBLEMS OF FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF YOUNGER SCHOOLBOYS WITH THE TEACHER OF PRIMARY EDUCATION

Н.М. Ильенко

N.M. Ilyenko

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University,
85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail:ilenko@bsu.edu.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются теоретические основы построения технологии формирования коммуникативной компетенции младшего школьника и готовности педагога начального общего образования к решению проблем, связанных с созданием подобной технологии. Автором вскрыты противоречия, существующие в определении понятия «компетенция/компетентность», предложено авторское понимание структуры коммуникативной компетенции и обоснованы критерии и показатели диагностики готовности педагога к руководству развитием коммуникативной компетенции младшего школьника. Одну из проблем автор видит в недостаточной сформированности ритмико-интонационной выразительности речи педагога.

Abstract. This article examines the theoretical foundations of technology of formation of communicative competence of younger schoolboys and readiness of the teacher of primary education to the solution of problems related to the creation of such technology. The author revealed the contradictions inherent in the definition of "competence/competence", the author's understanding of the structure of communicative competence and the criteria and indicators of diagnostics of readiness of the teacher to leadership the development of communicative competence of younger schoolboys. One of the problems the author sees in the lack of development of rhythmical-intonational expressiveness of speech teacher.

Ключевые слова: младший школьник, педагог начального общего образования, коммуникативная компетенция/компетентность, педагогическая технология, диагностика, критерии и показатели.

Keywords: Junior high school student, teacher elementary General education, communicative competence, pedagogical technology, diagnostics, criteria and indicators.

Введение

Новые цели образования привели к выбору новой парадигмы образования, в основе своей антропоцентрической, – к компетентностной парадигме, теоретические основы которой широко разрабатываются педагогами (В.А. Болотов, В.В. Гузеев, А.Н. Дахин, И.А. Зимняя, Л.Ф. Иванова, М.С. Каган, А.Г. Каспржак, В.В. Краевский, Н.В. Кузьмина, О.Е. Лебедев, В.С. Леднев, И.Я. Лернер, А.К. Маркова, Л.А. Петровская, А.Ф. Присяжная, Г.К. Селевко, И.С. Сергеев, В.В. Сериков, А.В. Хуторской и др.).

Компетентностный подход, как утверждают исследователи, успешно используется не только как инструмент оценки эффективности процесса обучения в начальной школе [4], но и как инструмент определения качества работы всей системы образования, в том числе образования вузовского [12]. Однако даже сами понятия компетенция и компетентность до сих пор окончательно не установились, часто упоминаются как синонимы, смешиваются, не дифференцируются [8].

Мы понимаем компетенцию как сумму знаний, умений и действий, позволяющую осуществлять деятельность в определенной ситуации и приобретаемую в процессе обучения и воспитания, а компетентность как обладание необходимым набором компетентностей для осуществления профессиональной деятельности. Для педагога начального общего образования

компетентность – это готовность к формированию необходимых компетенций у учащихся начальных классов.

В ФГОСе последнего поколения определены компетенции, которыми должен овладеть за годы обучения младший школьник, и те ключевые, общепрофессиональные и узкопрофессиональные компетенции, которыми должен владеть квалифицированный, профессионально подготовленный, учитель начальных классов, компетенции, которые составляют его профессиональную компетентность [5].

Следует отметить особую важность формирования в современной школе коммуникативной компетенции как одной из основных «ключевых» компетенций. В "Концепции модернизации российского образования на период до 2020 года" Правительства Российской Федерации в качестве одного из факторов, приобретающих особую важность, названа коммуникативность, способность к сотрудничеству. Нет сомнения, что одной из характеристик личности становится коммуникабельность, предполагающая владение культурой слова, устной и письменной речью в различных общественных сферах применения языка.

Процесс формирования коммуникативной компетенции/компетентности начинается в начальной школе, поэтому особенно важно пересмотреть многие вопросы, связанные с модернизацией начального общего образования в этом отношении. Отметим также, что к формированию коммуникативно активной личности должен быть готов, прежде всего, сам педагог начального общего образования.

Однако формирование готовности педагога начального общего образования к развитию коммуникативной компетентности младшего школьника на этапе вузовской подготовки наталкиваются на ряд проблем. Мы видим их в следующем.

Основная часть

1. Отсутствие четкого определения понятия «коммуникативная компетенция/компетентность» применительно к младшему школьнику и педагогу начального общего образования, отражающего его педагогическую сущность и многоаспектность.

Существует множество подходов к определению понятия коммуникативная компетентность, ее структуры, критериев, показателей. Очевидно, что компетентность – интегративное межличностное образование [9, с. 157]., имеющее сложную структуру. Анализируя подходы, можно сделать вывод, что структурно компетентность определяется тремя компонентами: когнитивным, эмоционально-оценочным и действенным (знания, оценка, применение на практике). Кроме того, она представляет собой междисциплинарную область знания, компонентный состав которой – «набор составляющих от языковой, лингвистической, организационной, прагматической, социолингвистической, дискурсивной, стратегической, учебной, тематической, речевой, компенсаторной до социокультурной и социальной» [2, с. 89]. Другие ученые в структуру коммуникативной компетентности включают умения и навыки: межличностного восприятия и оценки ситуации общения (перцептивный компонент), самоанализа и самооценки своего поведения в процессе общения (рефлексивный компонент), выбора адекватных средств межличностной коммуникации, управления процессом общения и регуляции собственного поведения (поведенческий компонент). С. Козак включает в состав коммуникативной компетентности четыре компетенции: лингвистическую, социокультурную, стратегическую и профессиональную. Е.В. Руденский подчеркивает прогностический компонент, умение программировать процесс общения, Ю.Н. Емельянов – ценностные ориентации. Подробный обзор и анализ точек зрения на структуру коммуникативной компетенции предлагает Е.В. Тармаева [13].

Такое многообразие точек зрения представляет определенную трудность при планировании процесса формирования коммуникативной компетенции/компетентности как педагога, так и младшего школьника.

2. Формирование коммуникативной компетенции (о компетентности говорить мы считаем преждевременным в силу возрастных особенностей контингента) младшего школьника в соответствии с требованиями ФГОС последнего поколения требует особого подхода, которым должен овладеть каждый учитель.

Коммуникативная компетенция – это ключ к успешной деятельности и ресурс эффективности и благополучия будущей жизни младшего школьника. Коммуникативная компетентность – качество личности, необходимое для достижения жизненного успеха. Как и любая другая компетентность, она не может быть сформирована вне деятельности. Педагог формирует данный вид компетентности, задавая своим собственным общением эталоны коммуникативных умений и организовывая взаимодействие учеников друг с другом.

Дети 6–7 лет не всегда способны адекватно выражать вербально то, что чувствуют, думают, ощущают. Это является препятствием для установления полноценного контакта со взрослым. В то

же время именно дошкольный и младший школьный возраст чрезвычайно благоприятен для овладения коммуникативными навыками в силу особой чуткости к языковым явлениям, интереса к осмыслению речевого опыта, общению. Следовательно, формирование коммуникативной компетенции младшего школьника – одна из актуальнейших задач всего образовательного и воспитательного процесса начальной школы.

Коммуникативная компетенция проявляется в свободном выражении ребенком своих желаний, намерений с помощью речевых и других средств.

Коммуникативная компетенция определяет успешность в учебной деятельности, влияет на адаптацию ребенка к школе, в частности его эмоциональное благополучие в классном коллективе, обуславливает эффективность и благополучие его будущей взрослой жизни. Как основу формирования коммуникативной компетенции ученые рассматривают коммуникативные универсальные учебные действия (УУД), которые в соответствии с ФГОС НОО разработаны группой ученых под руководством А.Г. Асмолова (Г.В. Бурменская, И.В. Володарская, О.А. Кабанова, Н.Г. Салмина, С.В. Молчанов). Они определяются тремя основными аспектами коммуникативной деятельности:

- коммуникация как взаимодействие;
- коммуникация как сотрудничество;
- коммуникация как условие интериоризации [1].

Коммуникативное развитие есть формирование компетентности в общении, которая предполагает наличие сознательной ориентации младшего школьника на позицию, занимаемую другим человеком – партнером в общении и совместной деятельности. Общение требует умения выслушать собеседника, принять участие в диалоге, согласуя речь с целью и задачами процесса коммуникации, требует участия в коллективном обсуждении проблемы и в принятии соответствующего решения, в построении продуктивного сотрудничества с ровесниками и людьми старшего поколения, основа которого – овладение набором вербальных и невербальных средств коммуникации, позволяющих гарантировать свободу общения на родном и/или иностранном языке.

Коммуникативные универсальные действия призваны обеспечить социокультурную компетентность и умение учитывать позицию другого человека, партнера по общению или деятельности, умение выслушать и принять участие в диалоге, в коллективном обсуждении проблем, интегрироваться в группу сверстников и продуктивно взаимодействовать и сотрудничать со сверстниками и взрослыми. Соответственно в состав коммуникативных действий входят: 1) умение планировать учебное сотрудничество с учителем и сверстниками – определять цель, функцию каждого участника, способы взаимодействия; 2) умение поставить вопрос – проявлять инициативу в сотрудничестве по поиску и сбору информации; 3) умение разрешить конфликт – выявить, идентифицировать проблему, найти и оценить альтернативный способ разрешения конфликта, принять решение и его реализовать; 4) умение управлять поведением собеседника – контролировать, осуществлять коррекцию, оценку деятельности партнера; 5) умение полно и точно выражать свои мысли, соотнося способ выражения с целью, задачами и условиями акта общения; 6) владение монологом и диалогом как видами речи, руководствуясь нормами родного языка, прежде всего стилистическими.

Соответственно предметом обсуждения и целью создания формирующих программ должны стать: 1) коммуникативные действия, направленные на осуществление межличностного общения (ориентация в личностных особенностях партнера, его позиции в общении и взаимодействии, учет разных мнений, овладение средствами решения коммуникативных задач, воздействие, аргументация и пр.); 2) действия, направленные на кооперацию – совместную деятельность (организация и планирование работы в группе, в том числе умение договариваться, находить общее решение, брать инициативу, разрешать конфликты); 3) действия, обеспечивающие формирование личностной и познавательной рефлексии.

В соответствии с требованиями ФГОС НОО, коммуникативные УУД обеспечивают возможность сотрудничества: понимание партнера, умение слушать и слышать, планировать и согласовывать совместную деятельность, контролировать друг друга, договариваться, четко выражать свои мысли и сотрудничать с учителем.

Важнейшими критериями оценивания сформированности коммуникативных универсальных учебных действий по ФГОС НОО являются: 1) планирование своих действий в соответствии с поставленной задачей и условиями реализации; 2) допущение возможности наличия у людей иной точки зрения, которая не совпадает со своей собственной; 3) умение детей договориться, прийти к общему решению, умение убеждать, аргументировать и т. д.; 4) умение понятно задавать вопросы, чтобы с их помощью получить необходимые сведения от партнера по деятельности.

Таковы основные теоретические положения, касающиеся формирования коммуникативной компетенции младшего школьника, и это требует соответствующей готовности учителя к организации коммуникативной деятельности.

3. Учитель новой школы должен обладать целым рядом профессиональных компетентностей, чтобы грамотно управлять качеством образовательного процесса. Коммуникативный процесс в педагогической деятельности представляет собой цепочку взаимосвязанных и взаимообусловленных контактов – определенную систему взаимоотношений с учениками, родителями, коллегами. Владение высоким уровнем коммуникативной компетентности позволит будущему учителю не только «продуктивно выстраивать дискурс в сфере учебной деятельности», но и окажет влияние на эффективность дальнейшей педагогической деятельности [3]. В процессе педагогической деятельности учитель стремится добиться эффекта в установлении коммуникативных контактов во всех трех направлениях взаимодействия (Рис. 1):

Рис. 1. Схема коммуникативных контактов педагога

Педагогическое общение требует от учителя проявления коммуникативной компетентности, поэтому в настоящее время наиболее значимой представляется проблема формирования коммуникативной компетентности как показателя профессиональной культуры современного педагога.

Учитель, как никто другой, в самой высокой степени должен обладать общительностью, умением разрешить любой возникающий конфликт, способностью создавать благоприятную атмосферу в коллективе. Учитывая это, мы опираемся в определении сущности коммуникативной компетентности будущего учителя на толкования понятий «компетентность», «коммуникативная компетентность», Дж. Равена [10] и Е.В. Челпанова [14].

А.В. Дубаков, рассуждая о сущности коммуникативной компетентности будущего учителя, выделяет лингвистический, социально-психологический и рефлексивный компоненты, состоящие из знаний, умений, качеств и представленные соответствующими компетентностями [3].

Необходимость включения в состав коммуникативной компетентности лингвистического компонента, по мнению автора, диктуется тем, что педагог начального общего образования должен в совершенстве, профессионально владеть речью, умением строить речевое высказывание в соответствии со всеми языковыми нормами, чтобы доступно и квалифицированно транслировать необходимую учебную информацию. Правильность, логичность, выразительность, образность речи влияет на эмоциональный фон занятия, повышает интерес к изучаемому материалу, облегчает его восприятие.

Лингвистическая компетентность педагога включает: 1) знание механизма коммуникативной деятельности, владение нормами литературного языка (произносительными, синтаксическими, морфологическими, стилистическими), владение культурой общения, коммуникативными стратегиями; знание основ фонетической организации речи (ритмико-мелодической, темпо-ритмической и других характеристик устной речи), кинесики (мимики, жестикуляции, пантомимики) и проксемики; 2) умение логически выстраивать речевое высказывание, вести диалог и монолог, продуктивно передавать информацию, а также актерское мастерство, включающее владение мимикой, жестами и телом; умение использовать невербальные средства для выполнения функции языковых знаков (дополнения, замещения, предвосхищения слова, акцентировать внимание на определенной части высказывания), умение самовыражения; 3) наличие таких качеств, как артистизм, креативность [3].

Автор совершенно справедливо усматривает также необходимость включения в состав коммуникативной компетентности социально-психологического компонента, поскольку социально-психологическая компетентность – это совокупность знаний, умений и качеств, позволяющих преодолевать коммуникативные барьеры, возникающие в педагогической деятельности. Эта компетентность включает: 1) знание возрастной психологии, конфликтологии, закономерностей развития человека как целостной личности, знания форм и методов самоконтроля; 2) умение установить контакт с собеседником, в процессе общения адаптироваться к нему, его индивидуальным качествам; прислушиваться к мнению окружающих, корректировать негативное поведение участников педагогического общения, поддерживать благоприятный психолого-педагогический климат; 3) наличие таких качеств, как эмпатийность, самокритичность.

Большое значение имеет рефлексивный компонент коммуникативной компетентности будущего учителя, который определяет умение учителя дать объективную оценку собственному уровню коммуникативной компетентности, понять, как его воспринимают дети, окружающие люди, те, с кем учитель взаимодействует в процессе педагогического общения. Этот компонент определяет умение учителя объективно оценивать, корректировать и прогнозировать обогащение своего коммуникативного опыта.

Анализ выше сказанного позволяет говорить о том, что коммуникативная компетентность будущего учителя – это интегративное качество личности, имеющее сложную системную организацию и выступающее как совокупность, взаимодействие и взаимопроникновение лингвистического, социально-психологического и рефлексивного компонентов, степень сформированности которых отражает готовность будущего педагога эффективно осуществлять конструктивную передачу и восприятие информации, диалог, монолог и перцепцию с учетом соблюдения основных правил педагогического взаимодействия [3].

В настоящее время описанием структуры и содержания коммуникативной компетентности педагога занимаются многие ученые. Чаще всего коммуникативная компетентность учителя определяется следующими основными составляющими:

- мотивационно-ценностной, аксиологической (готовностью педагога к личностному совершенствованию, потребностью в профессиональном росте, стремлением к саморазвитию и самореализации);

- **когнитивной, знаниевой** (знаниями специалиста по данной проблеме);

- **операциональной, деятельностной** (способом реализации знаний в практической деятельности);

- **позиционно-ценностной, оценочной, рефлексивной** (отношением специалиста к сфере коммуникативной деятельности).

Н.А. Ротова определяет коммуникативную компетенцию педагога начального общего образования как интегративное качество личности, предусматривающее ценностное отношение педагога к процессу общения, знания и навыки, необходимые для осознанного эффективного социального взаимодействия (при сохранении индивидуальности каждого элемента социума) с целью передачи, взаимообмена информацией, установления контактов, управления ситуацией с помощью вербальных и невербальных средств [11].

Е.В. Тармаева рассматривает развитие коммуникативной компетентности у будущих учителей в контексте гуманистической парадигмы образования, ценностными установками которой являются фасилитация, эмпатия, педагогическая поддержка школьника; а учитель призван быть для своих учеников образцом нравственного поведения и высокой культуры общения, способностью сотрудничать с ними с позиции диалога, сотворчества. Она выделяет в структуре коммуникативной компетентности мотивационный, аксиологический, информационно-содержательный, операционально-деятельностный компоненты [13].

Таким образом, в научной литературе встречаем различные подходы к трактовке сущности и структуры коммуникативной компетентности педагога начального общего образования.

4. Обобщив все имеющиеся представления о структуре, компонентах, критериях и показателях коммуникативной компетентности, определим наше видение коммуникативной компетентности, которое используем при планировании работы со студентами – будущими педагогами начального общего образования.

Коммуникативная компетенция педагога – это один из показателей его профессиональной культуры, ключевая компетенция, понимаемая нами как целевая установка по овладению определенным кругом вопросов в области коммуникации, а компетентность – результат этого овладения. Структура компетенции представляется нам следующей.

1. Коммуникативная компетенция педагога начального общего образования имеет в своем составе 3 обязательных компонента, или аспекта: 1) социально-психологический; 2) лингвистический и 3) профессионально-педагогический.

2. Критериями оценки сформированности коммуникативной компетенции, а следовательно – готовности педагога к формированию этой компетенции/компетентности у младших школьников являются: 1) мотивационно-аксиологический; 2) когнитивный (знаниевый); 3) эмоционально-оценочный (рефлексивный); 4) операционально-деятельностный (поведенческий).

3. Для каждого компонента характерны свои показатели, отражающие специфику всех четырех критериев: мотивационного, знаниевого, оценочного и деятельностного.

Определим показатели по каждому критерию.

Социально-психологический компонент (аспект) связан с такими показателями, как сотрудничество с учениками, проявление сопереживания и сочувствия ученику, оказание помощи и поддержки школьникам, осознание ценности создания благоприятных условий во взаимодействии; знание правил эффективного общения, механизмов межгруппового и межличностного общения; представление о перцепции (восприятии), интеракции (воздействии, взаимодействии); знание правил убеждения и выхода из конфликтной ситуации; представление о социальной роли, об осознании самооценки, о самоконтроле коммуникативных действий; знание о психологических барьерах в общении; представление об индивидуальности в общении, о регуляции эмоциональных состояний, об эмоционально-благополучном общении, о конгруэнтности, фасилитации, эмпатии, идентификации; представление о средствах общения (вербальных и невербальных). Также этот аспект характеризуется показателями, связанными с

оценкой и самооценкой перечисленных знаний, и умением их применять в практической деятельности.

Лингвистический компонент (аспект) включает такие показатели, как потребность в совершенствовании культуры речи; потребность в совершенствовании этических норм; осознание ценности литературного языка как средства общения; потребность в общении нормированной речью, знание норм культуры устной и письменной речи (орфоэпической, орфографической, словообразовательной, лексической, морфологической, синтаксической, интонационной, пунктуационной, стилистической); представление о возможностях разнообразия языковых средств, в том числе – богатый словарный запас; представление о лексическом составе языка и межсловных связях (синонимы, антонимы, омонимы, многозначность слова); знание средств художественной выразительности (метафоры, эпитеты, пословицы, поговорки), норм речевого этикета, правил русской интонации. Также этот аспект характеризуется показателями, связанными с оценкой перечисленных знаний, с умением их применять в практической деятельности, а также с самооценкой.

Профессионально-педагогический компонент (аспект) имеет такие показатели, как потребность во вступлении в коммуникативный контакт с учеником; осознание ценности гуманных, партнерских отношений, сотрудничества; представление о педагогической технике, педагогическом такте; представление о гуманно-ценностном отношении к личности в процессе общения; знание способов выражения доверия к собеседнику, способов учения без принуждения и наказания; представление о гуманистически ориентированном взаимодействии; знание технологии педагогической поддержки, сотрудничества с позиции диалога, сотворчества; знание методов ориентации на личность, словесных методов обучения и воспитания (рассказ, беседа, убеждение), и приемов (разъяснение, уточнение, уговаривание и т.п.). А также этот аспект характеризуется показателями, связанными с оценкой и самооценкой перечисленных знаний и с умением их применять в практической деятельности.

Педагог должен создавать речевую, коммуникативную среду, в которой развивается ребенок, а также должен умело управлять коммуникативным процессом, формировать коммуникативные универсальные учебные действия, являющиеся основой коммуникативной компетенции.

5. Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, такой аспект устной речи учителя, как ее ритмико-интонационная выразительность [6]. О.Б. Сиротина, М.А. Кормилицина, Е.П. Захарова, разрабатывая типологию составляющих коммуникативной компетенции, особое значение придают интонационной выразительности. Но, к сожалению, в работах ученых в настоящее время не представлена технология формирования этого компонента коммуникативной компетенции в вузе педагогической направленности. В настоящее время нет также специально разработанных технологий, которые охватывали бы комплексно формирование всех компонентов коммуникативной компетентности педагогов.

Выразительная речь педагога повышает эффективность установления контактов в процессе профессионального общения со всех его сторон: коммуникативной (при передаче информации), интерактивной (при взаимодействии, влиянии) и перцептивной (при взаимовосприятии).

Вступая в коммуникативный контакт, педагог часто прибегает к речевому воздействию – влиянию на человека при помощи речи с целью побудить его сознательно принять точку зрения, решение о каком-либо действии, передаче информации, используя различные способы речевого воздействия: доказывание, убеждение, уговаривание, внушение, принуждение. Вербальное (словесное) речевое воздействие осуществляется при помощи голоса, его громкости, темпа, а также жестов, мимики и т.п.

Особую роль в речевом воздействии играет интонационный рисунок фразы, недаром А.С. Макаренко говорил, что одну фразу *Иди сюда!* можно произнести, выражая с помощью интонационного рисунка фразы все оттенки – от угрозы до полного расположения и одобрения. Технология формирования интонационного рисунка фразы разработана Е.А. Брызгуновой, правда, рассчитана она на обучение русскому языку как иностранному. Предложена технология формирования ритмико-интонационной выразительности речи младшего школьника [7].

Однако все технологии бессильны, если к их осуществлению не готов учитель. Технологии же формирования ритмико-интонационной выразительности речи будущего учителя на сегодняшний день не существует, хотя все предпосылки для ее создания есть.

6. В связи с изложенным особую актуальность приобретает проблема формирования коммуникативной компетентности педагогов на ступени вузовской подготовки.

На основе изложенных выше критериев и показателей нами была осуществлена диагностика, направленная на выявление уровня коммуникативной компетентности будущих учителей. В срезе приняли участие 45 студентов 1-го курса и 49 студентов 3-го курса.

Обобщив данные диагностики по всем критериям и показателям, мы получили следующие результаты:

1 курс: высокий уровень – 11-14 баллов – 8 студентов – 17,8%; средний уровень – 6-10 баллов – 24 студента – 53,3%; низкий уровень 5 баллов и меньше – 13 студентов – 28,9%.

3 курс: высокий уровень – 11-14 баллов – 9 студентов – 18,4%; средний – 6-10 баллов – 28 студентов – 57,1%; низкий уровень – 5-0 баллов – 12 студентов – 24,5%.

Результаты делают очевидным тот факт, что данные у студентов 1-го и 3-го курсов сравнительно одинаковы. Это говорит о том, что систематической, целенаправленной работы по формированию коммуникативной компетентности нет. Противоречие между потребностью школы в новых педагогах, способных управлять коммуникативным процессом, и низким уровнем коммуникативной компетентности будущих учителей требует пересмотра подходов к их профессиональной подготовке в этом отношении, внедрения в образовательный процесс специальной технологии формирования коммуникативной компетентности будущих педагогов начального общего образования.

Заключение

Таким образом, обзор различных подходов к вопросам формирования коммуникативной компетенции младшего школьника и готовности педагога начального общего образования к руководству этим процессом убедил нас в необходимости создания непротиворечивой и релевантной педагогической технологии, которая опиралась бы на социально-психологический, лингвистический и профессионально-педагогический компоненты коммуникативной компетентности и которая помогла бы решить возникшие проблемы.

Литература

Асмолов, А.Г., Бурменская, Г.В., Володарская, И.В., Кабанова, О.А., Салмина, Н.Г., Молчанов, С.В. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Пособие для учителя / Под ред. А.Г.Асмолова. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2011. – 159 с. – (Стандарты второго поколения).

Гейхман, Л.К. Интерактивное обучение общению (общепедагогический подход): дис. ... д-ра пед. наук / Л.К. Гейхман. – Екатеринбург, 2003.

Дубаков, А. В. Содержание, структура и сущность коммуникативной компетентности будущего учителя // III Всероссийская научно-практическая Интернет-конференция «Инновационные направления в педагогическом образовании» с международным участием. – [Электронный ресурс] – URL: <http://econf.rae.ru/article/5245> (дата обращения: 27.06.2016).

Ивашенко, Е.В. Формирование у будущих учителей начальных классов педагогической компетентности в оценке учебных достижений школьников // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2011. – № 18 (113). – Выпуск 11. – С. 260-270.

Игнатова, И.Б., Ильенко, Н.М. Место коммуникативной компетенции в профессиональной подготовке педагога // Образование и общество. – 2015. – № 6 (95). Ноябрь-декабрь. – С. 42-46.

Ильенко, Н.М. Значение интонационно-речевого воздействия в педагогической коммуникации // Наука. Культура. Искусство: Актуальные проблемы теории и практики: сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции (Белгород, 25-26 февраля 2016 г.): в 4 т. / Отв. ред. С.Н. Борисов. – Т. 4. – Белгород: ИПК БГИИ, 2016. – С. 212-220.

Ильенко, Н.М. Формирование ритмико-интонационной выразительности речи младших школьников при использовании стихотворного текста и музыки: дис. ... канд. пед. наук. – Белгород, 2006. А также: Ильенко, Н.М. Формирование интонационной выразительности речи младших школьников с использованием стихотворного текста и музыки. – Часть 1. Теоретические вопросы. – Белгород: ПОЛИТЕРРА, 2013. – 132 с.; Она же: Часть 2. Методическая технология. – Белгород: ПОЛИТЕРРА, 2014. – 158 с.

Непочатых, Е.П. Развитие представлений о понятиях «компетенция» и «компетентность» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2013. – № 20 (163). – Выпуск 19. – С. 243-252.

Прозорова, Е.В. Педагогические условия развития коммуникативной компетенции // Мир психологии. – 2000. – № 2. – С. 191-201.

Равен Дж. Компетентность в современном обществе. – М.: КОГИТО – ЦЕНТР, 2002. – 288 с.

Ротова, Н.А. Коммуникативная компетенция педагога начального общего образования в процессе повышения квалификации // Современная педагогика. – 2014. – № 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2014/07/2523> (дата обращения: 13.11.2015).

Ситникова, М.И., Верзунова, Л.В. Модель обеспечения системы гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентностного подхода: критерии и показатели // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2012. – № 18 (137). – Выпуск 15. – С. 180-188.

Тармаева, Е.В. Развитие коммуникативной компетентности у будущих учителей: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Улан-Удэ, 2007. – 174 с.

Челпанов, Е.В. Педагогические средства актуализации коммуникативной компетентности будущих учителей: дис. канд. пед. наук: 13.00.08. – Екатеринбург, 2005.

УДК 378:811

**РОЛЬ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПИСЬМА В ФОРМИРОВАНИИ
ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ МАГИСТРА****THE ROLE OF ACADEMIC WRITING IN DEVELOPING GENERAL PROFESSIONAL
COMPETENCES OF MASTERS OF SCIENCE****Н.С. Колябина
N.S. Kolyabina***Волгоградский государственный университет,
Россия, 400062, Волгоградская область, г. Волгоград, пр. Университетский, 100**«Volgograd State University»,
100, University Avenue, Volgograd 400062, Russia**E-mail: pic_volsu@inbox.ru*

Аннотация. В статье анализируется процесс становления академического письма в России, его статус, содержание и формируемые компетенции, организация этого курса в рамках аудиторной и самостоятельной работы. Обосновывается необходимость формирования иноязычной письменной профильной компетенции магистрантов на основе овладения лингвистическими (композиционными, структурно-семантическими, лексико-грамматическими и стилистическими) и когнитивными особенностями академического письма (сбора, обработки, анализа и систематизации информации; выдвижения гипотезы; генерирования собственного понимания проблемы; осознания специфики основных жанров академического текста (научного, информационного, профессионально ориентированного). Рассматриваются параметры пересечения академического и делового дискурса.

Abstract. The article analyzes the process of formation of academic writing in Russia, its status, content and the developed competences, the organization of this course in classroom and self-study. The article substantiates the necessity of formation of specialized foreign language writing competence of students based on the mastery of linguistic specificity (compositional, structural-semantic, lexico-grammatical, stylistic) and cognitive skills in academic writing (collection, processing, analysis and systematization of information; hypotheses' development; generation of one's own understanding of the problem; awareness of the specificity of the major genres of academic text (scientific, informative, professionally oriented). The parameters of the intersection of academic and business discourse are considered.

Ключевые слова. Академическое письмо, иноязычная письменная профильная компетенция, структурно-семантические и композиционные особенности, когнитивные умения, жанры академического письма, фактуальная точность, вербальная точность, паравербальная точность, деловой дискурс.

Keywords. Academic writing, foreign language specialized writing competence, structural, semantic and compositional features, cognitive skills, genres of academic writing, factual accuracy, verbal and non-verbal accuracy, business discourse.

Введение

Академическое письмо на протяжении многих веков отличалось элитарностью и оторванностью от основного языка государства, являясь признаком образованных людей благородного происхождения, источником научной терминологии для языков Европы и показателем непревзойденных результатов в генерировании новых знаний, идей и достижений в разных сферах жизнедеятельности народа, носителя этого языка. Стремительный научно-технический прогресс, промышленная революция в Англии в 18 в. превратили английский в язык академического письма, который постепенно стал проникать в языки Европы, в том числе русский язык, привнося в него свои конвенции и правила. Бурное научно-техническое развитие Великобритании в конце XIX и начале XX вв. сделали английский языком международного общения, который в качестве доминирующего утвердился в академическом письме других языков мира. Со временем признак элитарности преобразовался в атрибут научного дискурса, т.е. организации, оформления и вербализации знаний академического характера с учетом особенностей научной деятельности и специфики языка.

Основная часть

Обучение академическому письму на английском языке проводится в различных форматах во всем мире. Но в России до начала этого столетия академическое письмо не преподавалось в вузах и не рассматривалось в качестве компонента профессиональной и научной компетентности магистра. В России академическое письмо только начинает завоевывать свои позиции, происходит постепенное понимание важности этого аспекта научной и профессиональной компетентности магистра для успешной интеграции в международную научную и профессиональную среду. Кроме того, усиление научно-исследовательского компонента в образовательной деятельности магистров обуславливают *актуальность* развития умений академической письменной речи.

Особый интерес к проблемам академического письма стал появляться в среде преподавателей иностранного языка высших учебных заведений России исключительно в последнее время:

- в научно-исследовательских университетах стали создаваться Центры академического письма, в которых оказывают лингводидактическую помощь студентам и преподавателям в овладении компетенциями академического письма четырех уровней (базовые умения и навыки; написание небольших академических текстов; публикации в международных журналах; презентация академического текста) [1; 2];

- в учебные планы разных направлений подготовки – от филологических до технических – начали вводиться экспериментальные курсы академического письма на русском и английском языках [3; 4; 5];

- в журнале «Высшее образование в России» с 2011г. не прекращается дискуссия, посвященная разным подходам к преподаванию этой дисциплины, ее статусу, содержанию и формируемым компетенциям, организации этого курса в рамках аудиторной и самостоятельной работы, методам и приемам обучения иноязычному академическому письму.

Это свидетельствует о реальной возможности появления российской высшей школе предмета, ориентированного на развитие базовых умений академической грамотности, формирование универсальных интеллектуальных компетенций, позволяющих магистру адаптироваться к меняющимся социально-экономическим условиям, развивать и применять лидерские качества, принимать ответственные решения профессионального характера.

В настоящее время дисциплина «академическое письмо» подразумевает создание / написание текстов академического дискурса определяет те требования, которые предъявляет мировое сообщество к научному тексту. Обычно академическое письмо является конститутивным компонентом практического курса иностранного языка, но наряду с низким уровнем языковой компетенции, т.е. типичными лексико-грамматическими ошибками, вызванными интерферирующим влиянием родного языка, обучаемые испытывают дополнительные сложности при написании академических текстов из-за недостаточных знаний о базовых категориях текста – связности / когезии, членности / когерентности, информативности, модальности, завершенности. Это проявляется в неадекватном использовании языковых средств для обеспечения логической связанности высказывания; несоответствии организации текста канонам жанра; нарушении функционального стиля некорректным использованием лексико-синтаксических структур [6].

В дополнение к языковым трудностям возникают и психолого-педагогические проблемы в обучении академическому письму. Так, у студентов нередко отсутствует мотивация ознакомиться с инокультурной научной парадигмой, в которой текст отличается более эксплицитно выраженная логическая организация структуры и связность его элементов, оригинальное и доступное понимание содержания текста, не требующее дополнительных выводов читателя [7]. Русскоязычный научный текст отличается, как правило, отсутствием достаточно четкой структуры, эксплицитной связности элементов и завершенного замысла, что предполагает возможность домысливать его читателю [8].

К педагогическим проблемам можно отнести значительное преобладание коммуникативного подхода в обучении иностранным языкам, не ориентированного на развитие письменной речи и отрицающего грамматический подход в преподавании иностранного языка, который существовал в нашей стране на протяжении нескольких веков. Но ведь именно письменная речь является одним из базовых условий возникновения и существования социума и его институтов, будучи важнейшей частью культуры и неотъемлемым компонентом образования, уникальным средством организации мыслей и хранения информации, передачи культурного наследия от поколения к поколению, надежный способ межкультурного взаимодействия людей в разных уголках планеты.

Следует отметить, что появление международных образовательных проектов, грантов, программы академической мобильности (Erasmus Mundus), реализуемой во многих странах, значительно повысили интерес студентов к высшему образованию европейского уровня, поскольку они осознают неизбежность учебной и научной деятельности на иностранном языке, в том числе в процессе обучения академическому письму.

Целью академического письма является обучение студентов основам организации и выражения полученных оригинальных знаний в соответствии с научно-исследовательскими критериями соответствующей области знаний, специфики предмета познавательной деятельности,

особенностями вербализации знаний в изучаемом языке, формой выбранного жанра академического письма. Магистрант должен быть способен и готов точно и корректно сформулировать задачи и результаты исследования, что предполагает не только создание специальных текстов в основных научных жанрах, но также редактирование и грамотное оформление текстов. Формирование письменной иноязычной компетенции магистранта трудоемкая учебная деятельность, обеспечить которую в рамках аудиторных часов курса не представляется возможным. Поэтому необходима интенсивная самостоятельная работа обучаемых за пределами аудиторных занятий в рамках факультатива.

Стремительное развитие технологических процессов в сфере экономики и менеджмента, международная интеграция и глобализация, ведущие к интенсификации обмена профессиональным опытом, обуславливают формирование таких качеств у магистранта, как готовность к диалогу в научной и профессиональной среде, написанию научных статей на иностранном языке, участию в научных форумах, выставках и конференциях. Поэтому в соответствии с ФГОС ВО 38.04.01 «Экономика», 38.04.02 «Менеджмент» от 30.03.15 г. одной из составляющих профессиональной компетентности магистранта указанных направлений подготовки является его иноязычная коммуникативная компетенция, предполагающая в первую очередь готовность к научно-исследовательской деятельности:

- поиску, отбору и обработке необходимой информации из иноязычных источников,
- представлению результатов научных исследований в форме научных публикаций на иностранном языке,

- инсталляции проектов в международной профессиональной среде

Расширение сфер профессиональной деятельности магистранта обусловило возрастающие требования к профильной иноязычной подготовке магистрантов экономических направлений подготовки и необходимость развития его иноязычной *письменной профильной компетенции* как значимого компонента профессиональной компетентности. Анализ современных отечественных и зарубежных источников по формированию умений академического письма [9; 3; 4; 10; 11; 12) показал, что:

- иноязычная письменная профильная компетенция магистранта должна включать сформированные иноязычные умения академического письма, позволяющие активно и эффективно участвовать в международных научных событиях разного уровня;

- содержание обучения иноязычной письменной деятельности магистрантов экономических направлений подготовки должно включать упражнения и задания на формирование иноязычных умений применения основных параметров академического текста в статьях и заявках на гранты;

- иноязычные умения академического письма предполагают знание композиционных, структурно-семантических, лексико-грамматических и стилистических особенностей академического письма и способность применять их в научных статьях на иностранном языке с целью выражения и аргументирования собственного мнения, представления доказательств, логического выстраивания аргументов и преодоления отсутствия логики, содержательного единства и созвучия созданного текста;

- отбор учебного материала для развития иноязычной письменной компетенции магистранта должен осуществляться на основе специальных текстов соответствующего направления подготовки.

Анализ зарубежного университетского опыта показывает, что формирование академической компетенции студентов, т.е. навыков и умений академического письма, рассматривается в качестве одной из основных дидактических задач, поскольку мониторинг знаний и умений студентов осуществляется в письменной форме, преимущественно академического эссе. Эссе традиционно определяется как краткое прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу и заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета.

Жанры эссе могут быть разнообразными: *обоснование* и планирование исследовательского проекта, основанного на результатах эмпирического исследования; *изучение* проблемы в развитие предыдущее исследования; *анализ* и *сравнение* двух или более источников для формулирования и аргументирования собственной позиции в дискуссии; *формулирование* собственного исследовательского вопроса, ответ на который предстоит сделать автору в дальнейших исследованиях; *обозначение* актуальной проблемы в обществе, анализ ее причин и возможных решений, формулирование выводов и выбор наиболее оптимального решения проблемы; *аннотация* и *оценка* печатного издания в качестве рекомендации для тех, кто не знаком с ним и т. д.

Благодаря осознанию значимости развития академической грамотности студентов зарубежные вузы формируют перечисленные выше письменные умения и навыки в рамках специализированного университетского курса академического письма. Обучение академическому письму должно включать комплекс задач, направленных на повышение академической грамотности обучающихся в целом, т.е. связано с развитием умений *когнитивного* (собрать, проанализировать информацию, выдвинуть гипотезу, предложить собственное видение проблемы, переработать композиционно-смысловую структуру текста, организовать и проструктурировать собственные идеи) и *лингвистического* характера (перефразирование, вербализация идеи с помощью языковых средств на

уровне предложения, абзаца, текста). Также важное место занимает знание норм, форматов, шаблонов академического письма, типичных для оформления научного текста той или иной области знаний [4]. Поскольку магистранты, как правило, впервые публикуют в вузе результаты своей научно-исследовательской работы на иностранном языке, они не знакомы с международными стандартами, предъявляемыми к научным публикациям в той или иной области научного знания, у них, как правило, не сформирована компетенция в написании академического текста.

И это объясняется следующими причинами. В современной лингводидактике овладение иностранным языком (на разных уровнях обучения) рассматривается как «приобретение иноязычной коммуникативной компетенции, в рамках которой выделяются:

- энциклопедическая компетенция как способность оперировать энциклопедическими знаниями, отражающими устройство реального мира: его предметных и профессиональных областей;
- лингвистическая компетенция как готовность использования разноуровневых средств языка для достижения прагматических целей;
- интерактивная компетенция как умение устанавливать речевой контакт с партнером, поддерживать или прерывать его, соблюдая правила и конвенции общения, принятые в данном социуме» [13].

В рамках иноязычной профильной компетенции, интегрирующей перечисленные компоненты коммуникативной компетенции, особое значение придавалось овладению иноязычным профильным тезаурусом магистра, который отличается в зависимости от направления его подготовки и включает, преимущественно овладение категориальным аппаратом профессиональной сферы, ее иноязычной терминологической системой и адекватными эквивалентами в родном языке, необходимыми для чтения специальной литературы и обмена информацией.

Содержательной базой профильного обучения магистра экономических направлений подготовки являются специальные тексты, помогающие магистру «овладеть определенной суммой знаний о картине мира другой языковой общности» [14], в том числе профессиональной и научной. Основными целями обращения магистра к специальной иностранной литературе являются: поиск инновационной профессионально информации; изучение зарубежного опыта для применения его в своей научной работе; исследование инновационных подходов к современным проблемам экономики в стране и за рубежом; знакомство с профильными публикациями в иностранных научных периодических изданиях, журналах и газетах; поиск и подбор материала для научной работы; необходимость совершенствования знания особенностей академического письма на иностранном языке для активного участия в международных проектах научного обмена, конференциях, грантах и т.п.

И, конечно, особое место в системе подготовки магистра должны приобрести знания, умения, навыки и способность использовать разноуровневую специфику академического письма в публикациях на иностранном языке. Овладение навыками и умениями иноязычной академической письменной речи для современного магистра актуально также и потому, что он должен уметь делать более прозаические вещи, а именно, писать аннотацию к проекту на иностранном языке для международной конференции или конкурса; вести переписку с зарубежными коллегами. Это предполагает знание особенностей официально-делового стиля в письменных жанрах, умения композиционного построения и оформления речевых произведений в письменном формате, т.е. специфики параметров письменной деловой коммуникации. Как необходимый элемент профессиональной деятельности магистранта, деловая коммуникация реализует основные функции общения (фатическую, информационную, воздейственную), основываясь на категории точности, т.е. по этому параметру пересекается с параметрами академического письма. Поэтому в процессе обучения академическому письму целесообразно опираться на категорию точности на разных уровнях организации академического текста.

Категория точности реализуется на информационном (фактуальная точность), языковом (вербальная точность) и структурном (паравербальная точность) уровнях. Фактуальная точность, связанная с информационной функцией текста, подразумевает точное описание фактов благодаря прецизионной лексике и четкое раскрытие коммуникативного намерения автора. Для достижения фактуальной точности магистранты должны уметь: корректно определять тип текста и базовую интенцию автора; избегать информационных пробелов; владеть прецизионной лексикой и общепринятыми терминами и аббревиатурами научной сферы; уметь декодировать коммуникативную интенцию автора и вербализовать свое сообщение при помощи простых синтаксических конструкций и грамматических структур [13; 15]. Вербальная точность основана на корректном использовании: лексико-грамматических структур, синтаксических конструкций, средств когезии и метакоммуникации, убеждающих стратегий, реализуемых через приемы акцентуации, референции, логической организации текста, а также регистр общения, эмпатию и стилистические приемы. Паравербальная точность, т.е. структура текста, предполагает: знание форматов разножанровых текстов и основных способов расположения информации; умения корректного расположения элементов письменного текста; соблюдение правил пунктуации и капитализации.

В качестве определенной опоры в формировании навыков академического письма могут выступать достаточно активно формируемые у магистрантов и иноязычные презентационные умения,

включающие, наряду с вербальным, метакоммуникационный, композиционный, структурный и лексико-грамматический параметры презентации, ответы на вопросы аудитории, что, в основном, и составляет иноязычную письменную компетенцию магистрантов в настоящее время [16; 17].

Заключение

Новые требования к способности и готовности магистров к написанию научных статей на иностранном языке и диалогу в научной сфере предполагают знания и умения параметров иноязычного академического письма как компонента иноязычной письменной профильной компетенции. При этом следует особенно отметить, что требования к качеству научно-исследовательских текстов за рубежом значительно отличаются от требований российских; нередко неудачные попытки магистров интегрировать в международное научно-профессиональное сообщество связаны не столько с качеством проведенного исследования, сколько с незнанием правил и закономерностей иноязычного академического письма. К сожалению, академическому письму в российских вузах пока не обучают, и большинство исследователей вынуждены либо пользоваться не всегда грамотными переводами лингвистов, не владеющих категориальным аппаратом неродственной профессии, либо следовать не всегда удачно применяемым принципам, образцам, штампам и шаблонам устной презентации.

Таким образом, сформированная иноязычная письменная компетенция магистра предполагает готовность и способность применять не только лингвистические знания, умения и навыки при создании научного, информационного и специального текста на уровне структуры (предложения, абзаца, целого текста), лексики, логических связей, стиля, но и параллельное развитие когнитивных умений сбора, обработки, анализа и систематизации информации; выдвижения гипотезы; генерирования собственного понимания проблемы; осознания специфики основных жанров академического текста (научного, информационного, профессионально ориентированного) с точки зрения международных норм современной письменной коммуникации.

Академическое письмо это особый стиль написания текста, являющегося результатом исследования автора, в котором он дает обоснование своему пониманию проблемы, аргументирует его и предлагает к публичной дискуссии; это способ участия в научном обсуждении, в рамках которого на основе оценки доказательств и аргументов других участников структурируются и вербализуются собственные выводы.

Литература

- Бакин Е.В. Центр академического письма: опыт создания // Высшее образование в России. 2013. № 8–9. С. 112–116.
- Короткина И.Б. От лингвистического центра к центру академического письма // Высшее образование в России. 2013. № 8–9. С. 120–124.
- Демидова О.М., Развитие умений академического письма магистров неязыкового вуза // Молодой ученый. – 2014. – № 1. – С. 510–516.
- Розанова Я.В. Роль академического письма в подготовке бакалавров неязыкового вуза // Молодой ученый. – 2015. – № 6. – С. 674–677.
- Островская Е.С., Вышегородцева О.В. Academic Writing: концепция и практика академического письма на английском языке // Высшее образование в России. 2013. № 7. С. 104–112.
- Боголепова С.В. Обучение академическому письму на английском языке: подходы и продукты // Высшее образование в России. 2016. № 1. С. 87–94.
- Leki I. Understanding ESL Writers: A Guide for Teachers. Portsmouth: Boynton / Cook Publishers, 1992. 151 p.
- Заботкина В.И. Прагмалингвистические основы межкультурной коммуникации // Вестник РГУ им. И. Канта. Филологические науки. 2006. Вып. 2. С. 47–52.
- Короткина И.Б. Академическое письмо: процесс, продукт и практика. Учебное пособие для вузов. Москва: Изд-во Юрайт, 2015. 295 с.
- Folse K., Muchmore-Vokoun J. et al., Great Paragraphs: An Introduction to Writing Paragraphs. Boston: Houghton Mifflin, 2003.
- Forman, R. n.d. Note-making and critical thinking. University of Technology Sydney, 2005.
- Morley-Warner T. Academic Writing and Process. University of Technology Sydney, 2000.
- Астафурова Т.Н. Лингвистические аспекты межкультурной деловой коммуникации. Волгоград, 1997. 117 с.
- Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчика). М.: Высшая школа, 1989. 238 с.
- Николаева Е.А. Формирование умений иноязычной письменной деловой коммуникации у студентов-менеджеров: автореф. дис. канд. пед. н. Пятигорск, 2008. 22 с.
- Попова О.А. «Методика обучения иноязычным презентационным умениям студентов неязыковых вузов (на материале английского языка)»: автореф. дис. канд. пед. н. Пятигорск, 2005. 22 с.
- Корниенко О.П. «Формирование иноязычной проектно-технической компетенции у специалистов (английский язык, архитектурно-строительный вуз)»: автореф. дис. канд. пед. н. Пятигорск, 2009. 23 с.

УДК 378.011.3 – 051:911: 044

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫБОРА АКТИВНЫХ ФОРМ И ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ГЕОГРАФИИ

THEORETICAL ASPECTS OF THE CHOICE OF ACTIVE FORMS AND INTERACTIVE METHODS IN THE CONTEXT OF GEOGRAPHY TEACHERS' PROFESSIONAL TRAINING

Ю.Ю. Чикина
Yu.Yu. Chikina

Луганский университет имени Тараса Шевченко
Lugansk Taras Shevchenko University

E-mail: juliya-julchik@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются методические особенности выбора активных форм организации занятий во время подготовки будущих учителей географии. Автор обосновывает актуальность обогащения формами и методами активизации мыслительной деятельности студентов в процессе преподавания географических дисциплин. Проводится анализ интерактивных методов организации лекционных и практических занятий с использованием информационных технологий для нового качества передачи и усвоения географами системы знаний и умений.

Abstract. The article describes the methodological characteristics of the active forms of organization with the use of information technology in the preparation of the future teachers of geography. The author proves the relevance of geographers enrichment with the forms and methods of mental activity enhancing in the educational process. There is the analysis of interactive methods of lectures and practical organization with the use of information technology for the new transmission quality and acquiring the system of geographical knowledge and skills by students.

Ключевые слова: профессиональная подготовка будущих учителей географии, информационные технологии, активное обучение, интерактивные методы.

Keywords: professional training of future teachers of geography, information technology, active education, interactive methods.

Введение

Сегодня изменения в высшем образовании predetermined направлением в сторону инновационной личностно-развивающей парадигмы, необходимостью использования творческого потенциала будущих учителей для профессиональной деятельности в информационном обществе. При этом на первый план выходит необходимость перехода от традиционных форм и методов обучения к активным, поиск возможностей соединения теоретических знаний географов с их практическими потребностями. Поэтому при подготовке учителей географии стоит организовать преподавание в вузе физико- и экономико-географических дисциплин, с учетом наиболее оптимального взаимодействия преподавателей и студентов, где географы становятся активными участниками учебного процесса. Именно использование активных форм и интерактивных методов обучения позволяет направить внимание студентов не на изучение отдельных географических процессов, объектов и явлений, а на овладение способами работы с различной информацией, формирование аргументированной позиции, развитие познавательной самостоятельности, интереса к изучению географических дисциплин, творческому подходу в обучении и будущей профессиональной деятельности. Это будет способствовать активности специалистов и создаст условия для самостоятельного овладения новыми знаниями [9, с. 141; 10, с. 205].

Необходимо отметить, что в современных условиях информатизации образования учебный процесс требует постоянного совершенствования. Мы считаем, что современный учитель географии должен:

- иметь профессиональную компетентность и мобильность;
- ориентироваться в использовании информационно-коммуникационных технологий;

- быть способным к постоянному поиску и обновлению знаний. Все это гарантировало бы реализацию способностей личности, подготовку специалистов к профессиональной деятельности в информационном обществе. Считаем, что современная ситуация в профессиональной подготовке учителей географии требует преобразования особенностей организации обучения в высшем учебном заведении.

Особенности использования активных форм и методов обучения в подготовке специалистов

Анализ научной литературы показал, что в настоящее время является преобладающей в вузовской практике подготовка будущих учителей по традиционной системе. Необходимо отметить, что такая организация обучения нуждается в переориентировке ее с нацеленности от запоминание готовых знаний к формированию личностных качеств специалиста, умений творчески мыслить, применять знания в профессиональной деятельности в условиях информационного общества.

На наш взгляд, для повышения уровня эффективности, а также качества подготовки географов, необходима организация учебного процесса, когда в процессе приобретения знаний, умений и навыков важна активная позиция студентов. Это создает творческие условия в обучении и способствует самостоятельности в получении знаний по географическим дисциплинам. Необходимо отметить, что успех в достижении этой цели зависит от того, какие знания и как усваиваются будущими учителями географии:

- индивидуально или коллективно;
- опираясь на восприятие, внимание и память или на весь потенциал личности студента;
- при помощи репродуктивных или активных методов обучения [9, с. 144].

Обобщив разнообразные подходы к понятию «активное обучение», можем под ним понимать переход от алгоритмизированных, программных методов и форм организации учебного процесса к развивающим, исследовательским и проблемным.

Активное обучение предполагает такую организацию образовательного процесса, который направлен на разноплановую активизацию учебной деятельности географов с помощью комплексного использования дидактических и организационно-управленческих средств, а также различных методов активизации. Мы считаем, это будут способствовать появлению познавательных мотивов, интереса к будущей профессиональной деятельности, творчеству в обучении. А значит, необходима организация процесса подготовки студентов-географов, при которой обеспечивается вынужденная активность студентов. Ей можно управлять, оценивать и сравнивать с активностью преподавателя [10, с. 206].

В исследовании мы исходили из того, что активные формы проведения занятий по географическим дисциплинам способствуют разнообразному (индивидуальному, групповому, коллективному) изучению и усвоению географических вопросов, активному взаимодействию студентов с преподавателем и обмену мнениями, направленными на поиск верного понимания предложенной проблемы и способов ее реализации. Именно в активной деятельности студенты приобретают профессиональные знания для будущей деятельности [3, с. 72]. Следует обратить внимание, что в основе активных методов лежит диалогическое общение, в процессе которого развиваются коммуникационные способности, умения решать проблемы коллективно.

Методы активизации мышления позволяют решить одновременно несколько учебно-организационных задач: подчинить процесс обучения управляющему воздействию преподавателя; обеспечить активное участие в учебной работе всех без исключения географов; установить непрерывный контроль над процессом усвоения материала. Отметим, что активные формы и методы взаимосвязаны между собой. С их помощью можно создать определенный вид занятий, осуществлять активизацию образовательного процесса, что будет способствовать повышению его эффективности. На наш взгляд, в условиях развития информационного общества, в подготовке будущих учителей географии можно использовать как имитационные (деловая игра, «мозговая атака», «круглый стол», решение конкретных ситуаций, блиц-игры и др.) и неимитационные методы обучения для которых не характерны определенные модели [1, с. 23; 5, с. 265].

Было установлено, что активные формы проведения занятий по географическим дисциплинам имеют целый спектр методологических преимуществ перед традиционным обучением, которые основываются на активном общении всех студентов друг с другом и педагогом:

- полученные на занятии знания, как правило, поискового характера;
- активность географов на протяжении всего занятия с обязательной активизацией мышления;
- взаимодействие участников учебного процесса, который представлен как взаимосвязанные ситуации, происходит посредством прямых и обратных связей;

- при рассмотрении различных учебных ситуаций обязательна совместная творческая выработка решений;

- включение студентов в ситуации, связанные с будущей профессиональной деятельностью.

Таким образом, именно при таком обучении студенты-географы активно участвуют в процессе приобретения знаний, умений и навыков, выполняя проблемные и творческие задания. Среди положительных моментов данного процесса выступает значительная степень самостоятельности и инициативности, развития социальных навыков, сформированность умений получать знания и использовать их на практике.

Применение активных форм и методов обучения в процессе подготовки студентов-географов

Внедрение интерактивных и активных методов – одно из важнейших направлений подготовки географов в современном вузе и обязательное условие реализации компетентностного и деятельностного подходов. В процессе преподавания физико- и экономико-географических дисциплин активные формы и методы, подкрепленные информационными технологиями в подготовке будущего учителя географии необходимо использовать:

- во время изучения и закрепления нового материала, что будет способствовать лучшему усвоению информации и даст возможность разностороннего рассмотрения географических процессов и явлений;

- во время проведения практических работ – как средство для поиска и изучения необходимого материала, отработки навыков и умений самостоятельного решения задания, с помощью использования программ PowerPoint, Corel, AdobePhotoshop и др.;

- во время проведения Интернет конференций для обмена идеями по актуальным темам (общие проекты и др.) [2, с. 70; 6, с. 52; 7, с. 127].

На наш взгляд, учебная деятельность будущих учителей географии будет тогда происходить эффективно, когда она обогащена формами и методами активизации мыслительной деятельности студентов с комплексным, оправданным и систематическим использованием информационных технологий [9, с. 143].

При подготовке будущих учителей географии применение активных форм и методов помогает преподавателям активизировать мышление студентов, тем самым, вынуждая их самостоятельно принимать эмоциональные, творческие и обоснованные решения, а также развивать партнерские отношения между собой. Использование активных форм и методов обучения повышает его результативность не за счет увеличения объема информации, а скорости ее переработки и глубины. Это приводит к активной дискуссии, а также эффективной деятельности будущих специалистов.

Основной акцент при подготовке географов следует делать на систематическом и комплексном использовании информационных технологий, которые соединены с активными формами и методами проведения лекционных занятий. Они необходимы для активизации познавательной деятельности студентов, а также развития творческой личности. Это помогло создать устойчивую схему учебного процесса при использовании традиционных и современных средств обучения, а также различных форм организации лекционных занятий, что способствует новому качеству передачи и усвоению будущими учителями географии системы знаний и умений.

Отметим, что это способствовало активной познавательной деятельности будущих географов, а также повышению мотивации для использования современных средств. Это приводит к развитию у студентов мыслительных и творческих способностей, формированию у них умений к самостоятельной познавательной деятельности, а также активной жизненной позиции в информационной среде. При подготовке будущих учителей географии комплексное использование различных средств информационных технологий позволило методически обогатить, индивидуализировать учебно-воспитательный процесс. Применение информационных технологий повысило результативность обучения, помогло всесторонне раскрыть познавательный потенциал специалистов и ориентировать его на творческую, совместную деятельность преподавателей и студентов.

Необходимо обратить внимание, что изменения следует внести в проведение практических занятий и организацию деятельности студентов. Это поможет развитию творческого мышления будущего учителя, будет способствовать усовершенствованию умения находить необходимую информацию, интерпретировать ее творчески и применять в конкретных условиях. Все это даст возможность формировать коммуникативные умения и обеспечить практическую подготовку географов к активной профессиональной деятельности в изменяющейся информационной среде [9; 10].

Применение активных форм и методов обучения, обогащение ими практических занятий по географическим дисциплинам, которые подкреплены комплексным использованием компьютеров, мультимедийных технологий и сети Интернет: во-первых, позволило

активизировать мышление студентов, во-вторых, помогло им в принятии творческих решений, в-третьих, способствовало активности в овладении материалом, в-четвертых, повысило эффективность деятельности географов. Это дало возможность будущим учителям географии получить практику в формулировании своей точки зрения, осмыслении системы аргументации, что превращает информацию в знания, а знания – в убеждения и взгляды.

Все это способствовало:

- развитию познавательных, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления;
- умению самостоятельно конструировать собственные знания и ориентироваться в информационной среде, работать в команде;
- созданию условий для развития личности каждого специалиста;
- повышению уровня самостоятельности, творческой активности и желания самосовершенствоваться.

Важно подчеркнуть необходимость организации учебного процесса в профессиональной подготовке учителей географии на более высоком качественном уровне с использованием информационных технологий при оптимальном взаимодействии преподавателей и студентов. Будущий географ должен стать активным участником в понимании важности полученных знаний, умений и возможностей эффективного использования различных средств в профессиональной деятельности. К активной мыслительной и практической деятельности в процессе овладения географическим материалом будущих учителей побуждают активные методы обучения. Это дает возможность направить внимание географов на овладение способами работы с географической информацией, а также развитие познавательной самостоятельности, интереса к изучению физико-, экономико-географических дисциплин [9; 10].

Использование интерактивных методов обучения в профессиональной подготовке учителей географии

Суть интерактивных методов обучения, основывается на выполнении будущими учителями географии тех задач, в процессе решения которых они самостоятельно овладевают умениями и навыками необходимыми на занятии. Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах в профессиональной подготовке географов, определялся целями и задачами образовательной программы, особенностями контингента, содержанием географических дисциплин и составлял не менее определенного процента от объема занятий [8, с. 14].

Заметим, что интерактивные методы, в сравнении с другими, направлены на взаимодействие студентов между собой и с педагогом, с преимущественной активностью географов в процессе обучения. Было установлено, что задачей преподавателя становится создание условий для инициативы будущих учителей: регулирование учебного процесса, общая его организация, контроль времени и порядка выполнения задания, консультирование и помощь.

Учебный процесс преподавания физико- и экономико-географических дисциплин был усовершенствован использованием интерактивных методов, с обязательным привлечением в работу всех студентов на занятии. Именно в такой работе идет обмен знаниями, идеями, способами деятельности. В процессе подготовки будущих учителей географии была организована работа с различными источниками информации, использовалась проектная работа. Таким образом, интерактивные методы основаны на принципах взаимодействия, активности студентов в группе и включают обязательную обратную связь. Следует обратить внимание, что была создана открытая среда для общения с полным взаимодействием всех участников учебного процесса, равенством их аргументов, а также с возможностью взаимной оценки.

В современных условиях подготовки учителя географии акцент в проведении географических дисциплин можно сделать на использовании как игровых (деловая учебная игра), так и неигровых (анализ конкретных ситуаций, мозговой штурм, групповые дискуссии) интерактивных методов обучения [4, с. 12; 8, с. 25]. На наш взгляд, в процессе профессиональной подготовки учителей географии следует активно использовать следующие интерактивные методы обучения:

- интерактивная лекция, которая объединяет в себе элементы традиционной лекции и тренинговой игры. Однако такой формат лекции следует использовать в тех случаях, когда носителем информации является педагог (или другой эксперт) и когда время и другие информационные источники ограничены (проблемная лекция, лекция пресс-конференция, лекция вдвоем, лекция-дискуссия, лекция-беседа, лекция-провокация, лекция-визуализация, лекция-исследование и др.);
- ролевая игра применяется для решения комплексных задач в процессе усвоения нового материала и формирования общеучебных умений, закрепления и развития творческих

способностей будущих специалистов, а также дает возможность студентам понять и изучить материал с различных позиций;

- мозговой штурм позволяет найти решения предложенных проблем с помощью специальных правил обсуждения;

- анализ конкретных учебных ситуаций следует использовать для совершенствования навыков и получения опыта в решении различных проблем, а также осмысления основных акцентов, описанных в ситуации, для работы с предположениями и заключениями;

- метод дискуссии, как базовый среди интерактивных методов обучения, предполагает коллективное обсуждение проблемы, сопоставление различных позиций, идей, мнений и предложений и был включен в каждый из них как необходимая составляющая.

Таким образом, использование интерактивных методов обучения в процессе преподавания физико- и экономико-географических дисциплин позволило сделать акцент не только на усвоении будущими учителями знаний, но и на развитии творческих и коммуникативных способностей.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что основным условием качественной и эффективной подготовки будущих учителей географии считаем обогащение географических дисциплин активными формами и интерактивными методами обучения. Более того, на современном этапе развития образования необходимым является комплексное, систематическое использование информационных технологий, подкрепленных активными формами и методами проведения занятий. Все это способствовало активизации мышления географов к принятию творческих решений, активности в овладении материалом, а также повышению эффективной деятельности будущих учителей географии. Использование на занятиях активных форм и интерактивных методов, подкрепленных информационными технологиями, способствовало развитию творческих, познавательных, коммуникативных способностей, критического мышления географов, формированию умений самостоятельно ориентироваться в информационной среде, работать в группе, создало условия для развития личности каждого студента, повысило уровень творческой активности и желания самосовершенствоваться.

Литература

- Вербицкий, А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А.А. Вербицкий. – М. : Высш. Шк., 1991. – 207 с.
- Гузеев, В.В. Методы и организационные формы обучения / В.В. Гузеев. – М.: Народное образование, 2001. – С. 92.
- Зеер, Э.Ф. Инновации в профессиональном образовании / Э.Ф. Зеер, Д.П. Заводчиков. – Екатеринбург: РГППУ, 2007. – 368 с.
- Кларин, М.В. Интерактивное обучение – инструмент освоения нового опыта / М.В. Кларин // Педагогика. – 2000. № 7. – С.32.
- Коленченко, А.К. Энциклопедия педагогических технологий / А.К. Коленченко. – СПб. : КАРО, 2006. – С. 497.
- Панина, Т.С. Современные способы активизации обучения / Т.С. Панина, Л.Н. Вавилова. – М.: Академия, 2007. – 176 с.
- Полат, Е.С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования / Е.С. Полат. – М. : Академия, 2007. – 368 с.
- Реутова, Е.А. Применение активных и интерактивных методов обучения в образовательном процессе вуза / Е. А. Реутова. – Новосибирск : НГАУ, 2012. – 58 с.
- Чикина, Ю.Ю. Особенности использования активных методов обучения с применением компьютерно-информационных технологий в процессе профессиональной подготовки учителей географии / Ю.Ю. Чикина // Научные ведомости Белгородского государственного университета: серия Гуманитарные науки. – 2014. – № 26 (197). – С. 140 – 145.
- Чикина, Ю.Ю. Особенности использования активных форм организации лекционных занятий с внедрением информационных технологий / Ю.Ю. Чикина // Научные ведомости Белгородского государственного университета: серия Гуманитарные науки. – 2013. – № 27 (170). – С. 204 – 210.

УДК 373

**ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ГРАЖДАНИНА:
ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ИДЕЙ****CITIZENSHIP EDUCATION AND CITIZEN:
HISTORICAL AND PEDAGOGICAL ANALYSIS OF FOREIGN IDEAS****Н.Л. Шеховская, А.Г. Косенкова
N.L. Shekhovskaya, A.G. Kosenkova***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University,
85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: shehovskaya@bsu.edu.ru, lisenock@rambler.ru*

Аннотация. В настоящей статье анализируется проблема гражданственности и гражданского воспитания в зарубежной науке. Рассмотрены характерные особенности формирования гражданского воспитания в различные временные периоды на примере таких стран как Англия, США, Канада, Австралия и Япония. Основное содержание статьи составляет анализ взглядов на проблему гражданского воспитания начиная с философии Древней Греции и до настоящего времени. В заключении авторами обосновывается вывод о непрерывном развитии понятия «гражданское воспитание» и актуальном наполнении его содержания.

Abstract. In the article the issue of citizenship and civil education in foreign science is analyzed. The characteristic features of the formation of civil education in different time periods, for example, in countries such as England, the USA, Canada, Australia and Japan are considered. The main content of the article is the review of views on the problem of civil education starting from the philosophy of Ancient Greece to the present time. In conclusion, the authors prove the inference about the continuous development of the concept of "civil education" and the actual filling of its content.

Ключевые слова: гражданское воспитание, гражданственность, гражданин.

Keywords: civil education, citizenship, citizen.

Введение

Проблема гражданского воспитания подрастающих поколений имеет глубокие исторические корни. Воспитание верных, честных, умных, ответственных граждан всегда было актуально. Понятия гражданин и гражданственность имеют общечеловеческое значение, но вместе с тем у каждого народа существует и собственное представление о содержании названных понятий, о методах и средствах гражданского воспитания, основанных на национальном менталитете.

Основная часть

В основе историко-педагогического анализа гражданского воспитания, на наш взгляд, лежит аксиологический подход, т.к. в каждый временной период в каждом из государств был свой набор базовых ценностей, напрямую связанных с господствующим на тот момент мировоззрением.

Началом зарождения народов считается первобытная община. Именно в ней закладываются социально-исторические традиции, появляются зачатки воспитания и первых методов и средств народной педагогики, которые впоследствии станут родоначальниками всего процесса воспитания, в том числе и гражданского.

Основные положения народной педагогики продолжают свое развитие в рабовладельческий период. В это время большое внимание уделяется любви к своей стране и труду, уважительное отношение к родителям, внимание к нравственному и физическому здоровью

воспитанников. Характерной чертой этого времени является зарождение примитивного гражданского общества, а вместе с тем и системы государства и права, что также нашло отражение в требованиях к воспитанию.

Многие философы той эпохи рассматривали аспекты гражданского воспитания. Аристотель, Платон, Демокрит, Цицерон, Плутарх и многие другие мыслители и ораторы в своих трудах пришли к необходимости воспитания для государства воина-патриота, свободного и полезного гражданина, способного достойно осуществлять социальные и политические функции [4, с. 121]. Несмотря на то, что конечная цель была едина – воспитание достойного гражданина своего государства, для ее достижения в разных социальных слоях использовались различные средства. Воспитание носило кастовый характер, поэтому возникли два основных направления: с одной стороны готовили лидеров, способных управлять государством и подчинять себе, а с другой – смиренных и трудолюбивых граждан, любящих свою страну и преданных ей.

Именно в это время появляются первые философские размышления о гражданском воспитании.

Согласно Платону, государство должно уделять пристальное внимание воспитанию законопослушных граждан, более того, это должно стать его первостепенной функцией. В своем философском учении Платон подчеркивает, что проблемы воспитания необходимо решать через установление в государстве справедливого строя, т.к. по его мнению, неправильное воспитание может привести к возникновению уродливых типов. Воспитание по Платону это то, что с детства ведет к добродетели, стимулирует человека «стать совершенным гражданином, умеющим справедливо подчиняться и властвовать». Платон считал, что при правильном воспитательном воздействии на человека, стремление стать совершенным гражданином, преданным интересам своей страны, не уступит «ни обольщению, ни насилию» и не заставит изменить потребностям государства [12, с. 82]. В своих трактатах «Законы», «Государство», «Политика» большое внимание Платон уделял воспитанию граждан и организации идеального государства. Он считал, что всех людей следует разделить на три класса правителей, воинов или ремесленников, в зависимости от преобладания в душе: разума, воли и чувств. Затем, исследовав их задатки и стремления, готовить к отведенной им социальной роли, воспитывать граждан с определенным статусом в государстве и уготовленной им ролевой функцией. Платон убежден, что подлинный гражданин будет воспринимать интересы, победы и поражения государства как свои личные. Гражданская ответственность, как одно из важнейших качеств гражданского воспитания, по мнению Платона выражается в мудрости и благоразумии, мужестве и справедливости, а так же в добросовестном исполнении своих обязанностей, в зависимости от присужденной ему социальной роли. Как и Аристотель, основными средствами гражданского воспитания Платон называл мифы, литературу и игры, где особенно подчеркивал важность четкого выполнения правил, иначе впоследствии это может привести к тому, что подросшие граждане захотят изменить законы рабовладельческого государства. Идеи Платона нашли воплощение в мусических школах, гимназиях и эфебиях, где воспитанников (мальчиков) знакомили с общественным строем государства, а они в свою очередь давали присягу эфебов о верности и преданности своей стране.

Аристотель настаивал на массовом государственном общении и участии всех граждан в нем для всеобщей пользы. Гражданские качества признавались им только за участниками судебного процесса и народного собрания, именно в этом и было их отличие от простых зрителей. В своем трактате «Политика» Аристотель говорил о том, что уже до семи лет необходимо воспитывать будущего гражданина с помощью народных игр, сказок и рассказов, одобренных существующей властью. Аристотелю принадлежит идея создания школ, выполняющих государственный заказ, т. к. «все граждане принадлежат государству, потому что каждый из них является его частицей» [2, с. 43].

Демокрит видел конечный результат гражданского воспитания в нравственном и благонравном человеке, почитающем закон и поступающем в соответствии с общественными требованиями. Он один из первых заявил, что государство является одной из высших ценностей, и что интересы государства необходимо ставить выше всего прочего и заботиться, чтобы оно хорошо управлялось.

В Древнем Риме преобладало семейное воспитание: отец обучал сына ведению домашнего хозяйства или каким-либо ремеслам, большое внимание уделялось обучению владения оружием, а так же выработке таких нравственных качеств, как преданность, послушание, исполнительность и любовь к Риму.

В 30 г. до н.э. в так называемом императорском Риме в системе воспитания происходят некоторые изменения. Преданность императорской власти и навеянные христианской религией идеалы способствуют детальной разработке правовой системы, определившей права и обязанности, возможности и свободы граждан в различном социальном статусе. Формула «Я – римский гражданин» означала, что человек свободен на всей территории Рима. Свобода считается наивысшей ценностью для гражданина, и чем больше прав он получает, тем больше у него было свободы. С разделением прав римлян на частные и публично-общественные, появляются и первые

концепции воспитания, отражающие проблему формирования гражданской ответственности будущих граждан.

Знаменитым римским оратором Цицероном была разработана собственная концепция гражданского воспитания. В ее основе лежит представление о том, что необходимость следовать добродетелям обуславливают обязанности идеального гражданина. Среди них доброжелательное отношение к другим, запрет нарушать границы чужой собственности и совершать несправедливости. В обязанность гражданина так же входит оказание помощи тем, кто потерпел несправедливость. Воспитатели подрастающих поколений, которые, по мнению Цицерона, должны направить все силы на формирование у будущих граждан обязанностей перед государством и защиты своего Отечества [16, с. 21-23].

Таким образом, представления об идеальном гражданине в Древнем мире претерпевали трансформацию. В Афинах воспитание было направлено на всесторонне развитого гражданина, в республиканском Риме это патриот, любящий и поддерживающий во всем свое государство, а в имперском Риме рубежа новой эры – преданный императорской власти, послушный и исполнительный римлянин, живущий строго по христианским канонам.

В средние века, в эпоху феодальных отношений, религия считалась основной идеологической силой. Воспитание детей основывалось преимущественно на религиозных догматах и гражданского воспитания, как такового, не было. Вместе с тем, некоторые представители Средневековья в своих трудах затрагивали проблему гражданского воспитания. Так итальянский историк Павел Диакон (Варнефрид 720-800) основными средствами формирования гражданского воспитания считал изучение истории, которую изложил в виде сказок, героических песен и преданий, сказаний и легенд. Это, по его мнению, придавало рассказам интересную форму и патриотическое содержание, а изучение исторического наследия своего народа способствовало воспитанию любви к родине и преданности королям.

Аль-Фараби (872-951), известный философ и педагог Востока, считал, что для развития личности гражданина очень важно нравственное воспитание, патриотизм, сохранение традиций своего народа и преданности ему. Основными средствами гражданского воспитания он видел в изучении «гражданских наук»: юриспруденции, богословия и т.д.

С зарождением новых экономических и социальных отношений меняется и подход к проблеме гражданского воспитания. Деятельность педагогов и философов в эпоху Возрождения главным образом концентрировалась на гражданской позиции личности и раскрытии понятия «гражданин».

В XVI веке английский философ-материалист Т. Гоббс предложил свою концепцию гражданского общества, раскрытую в его трилогии «О гражданине». Согласно этой концепции, граждане должны быть дисциплинированы и подчиняться власти государства. По мнению Т. Гоббса, гражданином становится целостно развитая активная личность, а гражданским обществом – коллектив, «союз индивидуальностей», где у всех его членов формируются все нравственные качества.

По мнению Я.А. Коменского (1592-1670) гражданское воспитание необходимо рассматривать исключительно с демократической позиции. Он создал «Законы хорошего порядка среди всех граждан нашей школы», в которых оговаривалось, что все ребята, вступающие в школу «в качестве новых граждан» обязаны добросовестно исполнять законы школы, основанные на принципе равенства. В труде «Материнская школа» педагог доказывает, что каждый ребенок в период от рождения до шести лет должен усвоить тринадцать базовых «благочестивых» качеств, характеризующих подлинного гражданина, среди них гуманность, справедливость и т.д.

Основываясь на теории естественного права, в Богословско-политическом трактате нидерландского философа-рационалиста Б. Спиноза (1632-1677) особое внимание уделял естественно-природным причинам создания государства. По его мнению, цель гражданского состояния, обеспеченного верховной властью, представляет собой мир и безопасность его подданных. Восстания, войны, неуважительное отношение к закону происходят не столько по вине «злобности» граждан, сколько по причине несостоятельности верховной власти. Из этого следует, что «гражданами не рождаются, но становятся» [13, с. 29].

В педагогических идеях британского педагога и философа Дж. Локка (1632-1704) четко прослеживается зависимость системы воспитания от экономической, политической и социальной сферы общественной жизни. В идеально устроенном государстве, согласно работам Локка, «естественным состоянием» людей должно стать ощущение свободы во всем: в собственной деятельности, в имущественных отношениях, в отношениях собственной личности. В своем сочинении «Мысли о воспитании» выдающийся английский педагог предложил теорию воспитания «джентльмена», который должен владеть несколькими иностранными языками и общественными науками – «великими учителями благоразумия и гражданственности» [7, с. 112].

Понятия «гражданин» и «гражданская ответственность» получают дополнительное звучание благодаря буржуазным революциям XVIII века, которые заложили основы демократического строя. Впервые в Конституции США и французской Декларации прав человека

и гражданина были подробно представлены права человека. Основной акцент делается на обеспечение естественных прав – право на свободу, безопасность, собственность, противостояние давлению со стороны государства. Таким образом, происходит постепенное формирование понятия «гражданин», правовая основа замещается социально-нравственными нормами. Гражданином все чаще называют не просто человека, преданного государству, а всесторонне развитого человека, проявляющего активную социальную и политическую позицию. Талантливые мыслители XVIII века А. Смит, Ш. Монтескье, К.А. Гельвеций, Д. Дидро, Ж.Ж. Руссо негативно отзывались о деспотизме и произволе государственной власти, о религиозном фанатизме, привилегированности некоторых сословий. Всеобщей педагогической идеей стало возрождение национально-патриотических чувств и традиций через общественное воспитание. Каждый мыслитель по-своему рассматривал эти понятия. Например, Монтескье видел главное качество гражданина в предпочтении интересов государства своим собственным, а Гельвеций видел его в любви к общественному благополучию и т.д. В целом, благодаря французским просветителям, гражданские качества были дополнены социальным подтекстом, нравственным содержанием и этическими нормами.

Выдающийся швейцарский педагог И.Г. Песталоцци (1746-1827) в своих работах утверждал, что развитие будущих граждан должно быть равномерным и гармоничным, в процессе воспитания подрастающего поколения необходимо формировать интеллектуальные, физические и нравственные качества в равном соотношении, и тогда оно будет протекать естественным образом. И.Г. Песталоцци один из первых предложил идею подготовки человека к жизни в социуме, профессиональной деятельности, семейной жизни как элементам гражданского воспитания и образования. Средства формирования личностных гражданских качеств И.Г. Песталоцци видел в использовании опыта народной педагогики [11, с. 154].

Немецкий педагог И.Ф. Герbart (1776-1841) в педагогической теории особое внимание уделял вопросам воспитания. Согласно его исследованиям, в первую очередь в человеке следует воспитать чувство гражданского долга перед своим Отечеством, причем даже в родственных отношениях должны присутствовать «взаимоотношения граждан одной страны». По его мнению, этого можно достичь используя твердую дисциплину, порядок, разумные требования [3, с. 62-64].

А.Д. Дистервег (1790-1866) ставил перед школой важнейшую задачу – воспитывать гуманность и сознательность среди будущих граждан. Конечным результатом такого воспитания Дистервег видел в «самодетельности на служение истине, красоте и добру» [4, с. 132].

Таким образом, в указанный период уже была сформирована идея гражданского воспитания и гражданской ответственности.

К середине XIX в. развитие промышленности Западной Европы достигает своего апогея. В это время развивается теория марксизма. К. Маркс (1818-1883) определил гражданственность через общественно-политический статус личности, а гражданина представил как субъекта, деятельность которого не выходит за рамки гражданского общества. По мнению ученого, индивидуальный интерес отдельного гражданина должен реализовываться через формирование гражданского сознания и исполнение его гражданских функций в социальной сфере [9, с. 74].

Разработчиком теории трудовой школы, главная особенность которой заключается в воспитании в своих подопечных безвозмездного «служения товарищам» и государству стал Г. Кершенштейнер (1854-1932). Будущие граждане должны полностью понимать и разделять интересы государства, защищать его, с благодарностью служить ему и уважительно относиться к законам. Г. Кершенштейнер убежден, что государство обязано постоянно укреплять воспитательную систему, «приучать ребенка во всех серьезных случаях жизни не только свое мышление и чувство, но и поступки свои соотносить со общими интересами». По мнению немецкого педагога, достичь успеха в воспитании гражданских качеств можно, если в субъекте воспитания присутствуют не только «эгоистические побуждения», но и связывающие людей естественные социальные инстинкты. В основе теории гражданского воспитания Г. Кершенштейнера лежат нравственные, общечеловеческие и религиозные ценности, поэтому в процессе воспитания очень важно своевременно подсказать пути и средства становления порядочного гражданина [6, с. 32].

Родоначальник народной школы, американский философ и педагог Д. Дьюи (1859-1952) в своих исследованиях подчеркивал, что важно воспитывать в детях не только сознательность и предприимчивость, но и целеустремленность, желание добиться успеха в жизни [5, с. 92]. Одно из основных направлений гражданского воспитания народной школы Дьюи заключалось в приобщении детей к полезной трудовой деятельности, соответствующей их личным интересам, и, одновременно, потребностям общества.

В основе европейской системы воспитания, кроме ценностей либерального образования, лежат идеи Вильгельма фон Гумбольта (1767-1835), основателя теории воспитания свободного гражданина.

В настоящее время гражданское воспитание в англоязычных странах (Англия, США, Канада и Австралия) базируется на либеральных идеях, сформулированных в трудах

американских ученых: философом Дж. Ролзом, психологами Л. Колбергом и М. Рокичем, социологом и культурологом А. Вилдавски и др.

Л. Колберг по праву считается одним из самых влиятельных ученых в области воспитания, повлиявших на становление системы гражданского воспитания в англоязычных странах, основоположником нравственного воспитания. На нравственное (в том числе и гражданское) воспитание, по мнению Л. Колберга, оказывает в значительной степени уровень образования, характер общения со взрослыми и сверстниками, степень желания получить награду за ожидаемое поведение. Л. Колберг говорит о долге как о необходимости каждым поддерживать общий порядок, а не удовлетворять личные потребности.

Отличительной чертой гражданского воспитания, являющегося составной частью воспитательного процесса, в западных странах является его мультикультурная направленность. Однако, основу концепции гражданского воспитания в англоязычных странах составляют так же результаты научных исследований американского психолога Э. Эриксона, немецкого социолога К. Мангейма, американских педагогов Дж. Вестхеймера и Дж. Кана, американских социологов Х. Макинтоша и Дж. Янисса [14, с. 22]. В Японии, как и в других развитых странах, так же ведутся острые дискуссии по поводу значения гражданского воспитания и образования. В современном образовании Японии гражданское воспитание подразделяется на моральное воспитание, социальное исследование и специальное образование [8].

Стоит отметить, что западное образование использует школьное и общественное воспитание для реализации приоритетов государственного развития. В современном западном обществе воспитание представляет собой важнейшую часть национальной кадрформирующей индустрии. [10, с. 170]. Реализация актуальных направлений воспитания в Англии, США, Канаде и Австралии происходит через модели воспитания в школах, созданных в соответствии с методом проектов (У. Килпатрик) и модель программированного автономного продвижения воспитанника по индивидуальным траекториям (Дж. Ховард), модель «Открытых школ» и сюжетно-ролевые игры, экспедиции и модели интерпретативного, демократического, не «назидющего» воспитания.

Заключение

В начале XXI века западное общество остро переживает негативный опыт «демократических» преобразований, в результате которых был подорван элементарный дух гражданственности. В результате этого значительная часть выросшего поколения считает любовь к родине, патриотизм и чувство гражданского долга необязательными. Эта тенденция не может не влиять на новое поколение, поэтому в сфере образования Западной Европы происходят изменения, призванные предотвратить моральное разложение и падение подрастающего поколения. Основную цель молодежной политики в области образования передовые педагоги видят в развитии гражданского воспитания и формировании гражданственности. В последние десятилетия наблюдается высокая активность государств в области гражданского воспитания будущих поколений. К примеру, в Финальной Декларации Глав государств и Правительств государств членов Совета Европы от 1 октября 1997 г. ярко выражено опасение за состояние демократической культуры и гражданского воспитания. Участники конференции постановили инициировать образование для демократического гражданства для повышения осознания гражданами своих прав и обязанностей в обществе, активизируя существующие сообщества [1]. Практика гражданского воспитания демократического общества к настоящему времени накопила значительный педагогический опыт. В большинстве европейских стран, входящих в Европейский Союз и Совет Европы, разработаны программы по гражданскому воспитанию, которое вводится в содержание школьного образования либо в виде обязательного школьного предмета, либо элективного курса и факультатива. Например, в английских школах это «руководящий курс», в немецких гимназиях – «политика», во французских лицеях – «граждановедение», в японских школах – «особая деятельность» и «граждановедение». В основу этих программ включены знания об обществе и человеке, которые необходимы для подготовки к дальнейшей жизни школьника в современном обществе и становлении гражданственности.

Таким образом, проблема гражданского воспитания не теряет своей актуальности в процессе исторического развития человеческого общества. Предпринятый историко-педагогический анализ показал, что современное состояние проблемы воспитания гражданина и гражданственности имеет глубокие корни, постоянно развивается, ставя перед западным обществом новые задачи.

Литература

- Аксенова, Э.А. Педагогические инновации в гражданском образовании школьников зарубежом. – [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Эйдос». – Режим доступа: http://www.eidos.ru/journal/2007/093_-11.htm (дата обращения 2.06.2016)
- Аристотель. Политика. Афинская политика. – М.: Мысль, 1997. – 458 с.
- Гербарт, И.Ф. Избранные педагогические сочинения Т.1 С. 62-64 – М.: Гос. Учебно-педагогическое издпрсо РСФСР, 1940.
- Дистерверг, А. Избранные педагогические сочинения. – М.: Учпедгиз, 1956. – 239 с.
- Дьюи, Д. Школы будущего. С. 95 – Берлин: Госиздат, 1922
- Кершенштейнер, Г. О воспитании гражданственности. С. 32 / пер. З.Н. Журавской. – Пт.: Школа и жизнь, 1917.
- Локк, Дж. Мысли о воспитании / Дж. Локк; пер. с англ. А. Басистова. – М., 1986. – 241 с.
- Макэллоу, Д. Воспитание гражданского духа: опыт Японии. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page26357.html> (дата обращения 8.06.2016)
- Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология : сборник. – М.: Госполитиздат, 1956
- Новые ценности образования / Neweducationalvalues»: Культурные модели школ. Х. Исигуро «О японском эгалитаризме». Вып. 6. – М.: ИПИ РАО, 1997. – С. 165-176
- Песталотти, И.Г. Избранные педагогические сочинения: В 2 т. / под ред. В.А. Ротенберг, В.М. Кларина. – М., 1982
- Платон. Государство: соч. Т.3, Ч.1 / под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1968 - 380 с.
- Спиноза, Б. Богословно-политический тракт / Б. Спиноза; пер. с лат. М.Лопаткина. – Минск: Лит., 1998. – 527 с.
- Тагунова, И.А., Селиванова, Н.Л., Исаева М.А. Теоретико-методологические ориентиры моделей воспитания в англоязычных странах. // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология 2015. Вып. 3 (38). С. 20-36
- Тонков, Е. В. К проблеме цели воспитания и его сущности. / Е.В. Тонков // Научные ведомости БелГУ. – 2010. – № 6 (77). – Вып. 5. – С. 39-45
- Яруллин, И.Ф. Формирование гражданской ответственности студентов педагогических вузов. Казань: Хэтер, 2011. – 183 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аглей Е.А.** – аспирант Казанского (Приволжского) Федерального университета
- Бобылев Ю.В.** – профессор кафедры общей и теоретической физики Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, доктор физико-математических наук
- Багана Ж.** – профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Бойчук И.В.** – доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Болсуновская Л.М.** – доцент кафедры иностранных языков Томского государственного университета
- Бондарь М.А.** – аспирант кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Видера З.** – профессор Экономического университета в Катовице (Польша), PhD
- Грибков А.И.** – доцент кафедры общей и теоретической физики Тульского государственного педагогического университета, кандидат физико-математических наук
- Данкова Н.С.** – аспирант кафедры «Английский язык» Пензенского государственного университета
- Дрога М.А.** – старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Дубровская Т.В.** – заведующая кафедрой «Английский язык» Пензенского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент
- Ермакова Л.Р.** – заведующая кафедрой иностранных языков и профессиональной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук, доцент
- Зинин Р.В.** – аспирант кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ильенко Н.М.** – доцент кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Колябина Н.С.** – проректор по социальной работе Волжского университета экономики и права
- Косенкова А.Г.** – аспирант кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Крутиков Д.А.** – доцент кафедры теории и истории русской литературы Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, кандидат филологических наук
- Лавриненко А.О.** – магистрант кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ли Бин** – аспирант кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Максимова Т.И.** – магистрант кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Мальшев А.А.** – старший преподаватель кафедры речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета,
- Миславский В.Н.** – доцент кафедры медиакоммуникации Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Украина), кандидат искусствоведения
- Молчанова Л.Н.** – профессор кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии Курского государственного медицинского университета, доктор психологических наук
- Нагорный И.А.** – профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук

-
Насртдинова В.М.	–	аспирант Казанского (Приволжского) Федерального университета
Никишина В.Б.	–	профессор кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии Курского государственного медицинского университета, доктор психологических наук
Пастухов А.Г.	–	заведующий кафедрой иностранных языков Орловского государственного института культуры, кандидат филологических наук, доцент
Разуваева Т.Н.	–	заведующая кафедрой общей и клинической психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор психологических наук
Редькин А.И.	–	аспирант кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии Курского государственного медицинского университета
Романов Р.В.	–	доцент кафедры общей и теоретической физики Тульского государственного педагогического университета, кандидат физико-математических наук
Самойленко Н.С.	–	аспирант кафедры связей с общественностью Воронежского государственного университета
Самосват О.И.	–	аспирант кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии Курского государственного медицинского университета
Сарна П.	–	профессор Силезского университета в Катовице (Польша), PhD
Световой Д.В.	–	магистрант кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
Стручалина Г.В.	–	аспирант кафедры филологии Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
Срыбный Д.С.	–	аспирант кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
Таранов А.О.	–	студент геолого-географического факультета НИУ «БелГУ»
Таранова Е.Н.	–	доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
Тимралиева Ю.Г.	–	доцент кафедры скандинавских языков и перевода Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат филологических наук
Ткачев В.Н.	–	декан факультета психологии Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета кандидат философских наук, профессор
Хапилина Е.В.	–	свободный исследователь
Харченко В.К.	–	заведующая кафедрой филологии Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета доктор филологических наук, профессор
Чумак-Жунь И.И.	–	профессор кафедры филологии Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
Шеховская Н.Л.	–	профессор кафедры педагогики, доктор педагогических наук Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
Юрченко Н.В.	–	старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ».
Яковлева Е.С.	–	аспирант кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета